ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Разные оттенки смерти

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Annotation

Роман «Разные оттенки смерти» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

Только вчера художница Клара Морроу пережила мгновения величайшего триумфа: в престижном монреальском музее с огромным успехом состоялось открытие ее персональной выставки. И вот сегодня все пошло прахом, словно в дурном сне. Возле дома Клары в деревне Три Сосны найдена убитая женщина, причем выясняется, что это старая знакомая Клары, с которой ее когда-то связывали непростые отношения. На художницу падает тень подозрения в убийстве. Казалось бы, все факты против нее. Однако интуиция подсказывает старшему инспектору Арману Гамашу, что в этом деле факты не главное. Чтобы докопаться до истины, ему придется с головой окунуться в мир искусства, в котором так много полутонов и оттенков, а игра света подчас полностью меняет картину…

Впервые на русском языке!

Луиза Пенни
Разные оттенки смерти

Посвящается Шарон, Маргарет, Луизе и всем замечательным женщинам, которые помогли мне найти тихое место под ярким солнцем

Louise Penny
A TRICK OF THE LIGHT

This edition published by arrangement with Teresa Chris Literary Agency Ltd. and The Van Lear Agency

Перевод с английского Григория Крылова

Глава первая

«Ах, нет, нет, нет», – думала Клара Морроу, приближаясь к закрытой двери.

За матовым стеклом мелькали какие-то неясные тени, похожие на привидения. Они исчезали и появлялись вновь. Искаженные, но все же сохранившие человеческие очертания.

«Мертвец все свое неслышно гнул»[1].

Эти слова весь день преследовали ее, то появлялись, то исчезали. Полузабытое стихотворение. Слова то всплывали, то уходили на дно. Клара никак не могла вспомнить стихотворение целиком.

Как там остальное?

Почему-то это представлялось ей важным.

«Ах, нет, нет, нет».

Смутные фигуры в дальнем конце длинного коридора казались чуть ли не жидкими или дымными. Они присутствовали, но оставались бестелесными. Порхали. Колыхались.

Ах, если бы и ей так!

Вот оно. Конец путешествия. Причем речь не о маленьком сегодняшнем путешествии, закончившемся, когда она и ее муж Питер приехали из квебекской деревушки в монреальский Музей современного искусства – место, так хорошо им знакомое. Близко знакомое. Как часто приезжали они сюда, чтобы восхититься какой-нибудь новой выставкой! Чтобы поддержать друга, такого же художника, как они. Или просто тихо посидеть в длинной галерее в будний день, когда остальной город работает.

Искусство было их работой. И даже чем-то бóльшим. Иначе и быть не могло. Иначе к чему все эти долгие годы уединения, неудач, молчания мира искусств, озадаченного и даже ошеломленного?

Они с Питером трудились, работали каждый день в маленьких мастерских в маленькой деревушке, где проживали свои маленькие жизни. Они жили счастливо. Но все же хотели большего.

Клара сделала еще несколько шагов по длинному-длинному, отделанному белым мрамором коридору.

Вот оно и пришло, это «большее». Оно за этими дверями. Наконец-то.

Смысл всех ее трудов. То, к чему она шла всю жизнь.

Ее первая детская мечта, ее последняя мечта сегодня утром, почти пятьдесят лет спустя, – эта мечта находилась в конце коридора, по которому она шла.

Они оба предполагали, что Питер первым пройдет через эти двери. Он был гораздо более успешным художником. Его работы, его изысканные картины, на которых он изображал предметы в многократном увеличении, пользовались успехом. Они были столь детальными, столь проработанными, что естественный мир на них выглядел искаженным и абстрактным. Неузнаваемым. Питер брал естественное и изображал его так, что оно казалось неестественным.

И люди принимали это. Слава богу, принимали. Поэтому на столе у двух художников всегда была пища, а волки, постоянно кружившие вокруг их маленького дома в Трех Соснах, старались держаться подальше от дверей. И все благодаря Питеру и его искусству.

Питер шел немного впереди нее, на его красивом лице блуждала улыбка. Клара знала, что большинство людей при первом знакомстве не воспринимали ее как жену Питера. Они предполагали, что его пара – стройная топ-менеджер с бокалом белого вина в изящной руке. Пример естественного отбора. Или притяжение подобного подобным.

Этот известный художник с седеющими волосами и благородными чертами лица никак не мог выбрать в супруги женщину с руками, для которых самые подходящие перчатки – боксерские. Женщину с кусочком паштета в курчавых волосах. Женщину, мастерская которой наполнена скульптурами из старых деталей трактора и картинами с изображением летающих кабачков.

Нет, Питер Морроу никак не мог выбрать ее. Это было бы неестественно.

И все же он выбрал именно ее.

А она выбрала его.

Клара улыбнулась бы, не будь она уверена, что ее вот-вот вырвет.

«Ах, нет, нет, нет», – снова подумала она, глядя, как уверенно шагает Питер к закрытым дверям и приговору, который вынесут эти привидения от искусства. Приговору ей, Кларе.

Ее руки заледенели и онемели, пока она медленно шла вперед, движимая непреодолимой силой – смесью возбуждения и ужаса. Ей хотелось броситься к дверям, распахнуть их и прокричать: «Ну вот я и пришла!»

Но больше всего ей хотелось убежать и спрятаться.

Проковылять на заплетающихся ногах обратно по длинному-длинному коридору, заполненному светом и произведениями искусства. Признаться, что она совершила ошибку. Дала неправильный ответ, когда у нее спросили, хочет ли она персональную выставку. В этом музее. Когда ее спросили, хочет ли она, чтобы сбылись все ее мечты.

Она дала неправильный ответ. Сказала «да». И вот чем это закончилось.

Кто-то солгал. Или не открыл всей правды. В ее мечтах, единственных мечтах, которые она лелеяла с самого детства, она открывала персональную выставку в Музее современного искусства. Она шла по коридору. Сосредоточенная и спокойная. Красивая и стройная. Остроумная и популярная.

Шла в ожидающие ее объятия восторженного мира.

Не было никакого страха. Никакой тошноты. Никаких существ за матовым стеклом, готовых сожрать ее. Расчленить ее. Унизить ее и ее творения.

Кто-то солгал. Не сказал, что ее может ожидать кое-что другое.

Неудача.

«Ах, нет, нет, нет, – повторила про себя Клара. – Мертвец все свое неслышно гнул».

Как же там дальше? И почему она никак не может вспомнить эти строки?

Теперь, когда до конца путешествия оставалось всего несколько шагов, ей хотелось одного – убежать домой, в Три Сосны. Открыть деревянную калитку. Пронестись по дорожке, обсаженной яблонями в весеннем цвету. Захлопнуть за собой дверь дома. Прислониться к ней. Запереть. Прижаться к ней спиной, чтобы внутрь не ворвался внешний мир.

Но было уже слишком поздно, и Клара знала, кто ей солгал.

Она сама и солгала.

Сердце ее билось о ребра, словно испуганная птица в клетке, отчаянно пытающаяся вырваться на свободу. Клара поняла, что задерживает дыхание, вот только не знала, давно ли. Чтобы компенсировать нехватку кислорода, она принялась усиленно дышать.

Питер что-то говорил, но его голос звучал тихо, словно издалека, заглушаемый криками в голове у Клары и стуком ее сердца.

И шумом, все усиливающимся за дверями, по мере того как они с Питером приближались.

– Это будет забавно, – сказал Питер с обнадеживающей улыбкой.

Клара разжала пальцы и выронила сумочку. Та упала на пол с

негромким хлопком, поскольку была почти пуста – в ней лежали лишь мятные леденцы и крохотная кисточка из детского набора «Раскрашиваем по номерам», подаренного Кларе ее бабушкой.

Клара опустилась на колени, делая вид, будто собирает невидимые рассыпавшиеся предметы. Она опустила голову, пытаясь перевести дыхание, и подумала, что вот-вот потеряет сознание.

– Глубокий вдох, – услышала она. – И полный выдох.

Клара отвела взгляд от сумочки, валяющейся на блестящем мраморном полу, и посмотрела на человека, который присел на корточки возле нее.

Это был не Питер.

Она увидела своего друга и соседа из Трех Сосен – Оливье Брюле. Он опустился рядом с ней на колени и посмотрел своими добрыми глазами – спасательными кругами, брошенными тонущей женщине. Клара ухватилась за эти спасательные круги.

– Глубокий вдох, – прошептал он.

Его голос звучал спокойно. Это было их частное маленькое происшествие. Их частная спасательная операция.

Клара сделала глубокий вдох и сказала:

– Думаю, я этого не выдержу.

Она наклонилась вперед, почувствовав слабость. Ей казалось, что стены смыкаются вокруг нее. Впереди она видела черные полированные туфли Питера. Там, где он наконец остановился. Не хватился ее тотчас же. Не заметил, что его жена отстала.

– Я знаю, – прошептал Оливье. – Но еще я знаю тебя. На коленях ли, во весь ли рост, но ты войдешь в эту дверь. – Он указал головой в конец коридора, не отводя глаз от Клары. – И надеюсь, все-таки во весь рост.

– Но еще не поздно. – Клара обшарила взглядом его лицо, его шелковистые светлые волосы, увидела морщинки, заметные только вблизи. Морщин было больше, чем должно быть у тридцативосьмилетнего человека. – Я еще могу уйти. Уехать домой.

Доброе лицо Оливье исчезло, и она снова увидела свой сад, каким он был сегодня утром, когда еще не сошел туман. Когда тяжелая роса лежала под ее резиновыми сапогами. В саду стоял аромат ранних роз и поздних пионов, напитанных утренней влагой. С чашечкой утреннего кофе Клара села на деревянную скамью во дворе и задумалась о предстоящем дне.

Она не раз представляла себе, как падает на пол. В ужасе. Одержимая желанием бежать. Вернуться в этот сад.

Но Оливье был прав. Она не вернется. Пока.

«Ах, нет, нет, нет». Ей придется пройти через эти двери. Путь домой

лежал через них.

– Выдохни полностью, – прошептал Оливье с улыбкой.

Клара рассмеялась и выдохнула.

– Из тебя вышла бы хорошая акушерка, Оливье.

– Эй, что вы там делаете на полу? – спросил Габри, глядя на Клару и своего партнера. – Я знаю, чем Оливье обычно занимается в этой позиции, и надеюсь, ничего подобного сейчас не происходит. – Он повернулся к Питеру. – Хотя смех как раз этим и может объясняться.

– Готова?

Оливье подал Кларе сумочку, и они поднялись на ноги.

Габри, всегда находившийся поблизости от Оливье, обнял Клару.

– Ну, что ты про себя скажешь? – Он внимательно посмотрел на нее.

Габри был толстый, хотя сам предпочитал называть себя дородным, и его лицо не бороздили морщины, в отличие от лица его партнера.

– Все отлично, – ответила Клара.

– Отвратительно, тошнотворно, лейкозно, истерично, чахоточно, нудно, омерзительно?

– Именно так.

– Прекрасно. То же можно сказать и про меня. Как и про всех остальных. – Габри показал на дверь. – Но про них не скажешь, что они – потрясающие художники, которым предстоит персональная выставка. А вот ты знаменитая, и у тебя все замечательно.

– Ну, идем? – спросил Питер, протягивая Кларе руку и улыбаясь.

Она помедлила, потом взяла протянутую руку и пошла рядом с Питером по коридору. Гулкое эхо их шагов не могло заглушить веселого оживления по ту сторону двери.

«Они смеются, – подумала Клара. – Смеются над моим искусством».

И в этот миг в ее памяти всплыли строки того стихотворения:

Мертвец все свое неслышно гнул.
«Я всю жизнь плыл туда, где не видно дна,
И не махал рукой, а тонул».

Издалека до Армана Гамаша доносились детские голоса. Он знал, где играют дети. В парке за дорогой, хотя он не видел их сквозь густую листву кленов. Ему иногда нравилось сидеть здесь и воображать, что это голоса его внуков – Флоранс и Зоры. Еще он воображал, что в парке гуляют его сын Даниель и невестка Розлин, присматривают за детьми. Что скоро они

появятся – перейдут рука об руку через тихую улицу в самом центре огромного города, спеша на обед. Или Гамаш с Рейн-Мари присоединятся к ним и вместе поиграют в мяч или в «каштаны».

Ему нравилось воображать, что они здесь, а не за тысячу километров в Париже.

Но по большей части он просто слушал крики, визг и смех соседских детей. И улыбался. Отдыхал душой.

Гамаш потянулся за пивом и опустил журнал «Обсерватёр» на колени. Его жена Рейн-Мари сидела напротив него на балконе их квартиры. В этот необычно жаркий июньский день перед ней тоже стоял стакан холодного пива. Но ее экземпляр «Пресс» был сложен на столе, и она смотрела вдаль перед собой.

– О чем ты задумалась? – спросил Гамаш.

– Да так, ни о чем и обо всем.

Он немного помолчал, глядя на нее. Волосы у Рейн-Мари поседели, впрочем, как и у него. Она много лет красила их в каштановый цвет, но недавно перестала это делать, чему Гамаш был рад. Как и ему, ей перевалило за пятьдесят пять. И они выглядели так, как должна выглядеть пара их лет. Если этой паре повезло.

Не как модели с журнальных обложек. Вовсе нет. Арман Гамаш хотя и не был грузным, но отличался плотным телосложением. Если бы кто-то чужой зашел в этот дом, то он мог бы подумать, что месье Гамаш – тихий ученый, возможно, профессор истории или литературы в Монреальском университете.

Но такой вывод стал бы ошибочным.

Повсюду в их большой квартире были книги. Исторические, биографические, художественные, трактаты по памятникам квебекской старины, поэтические сборники. Все это аккуратно стояло в книжных шкафах. Почти на каждом столе лежало по книге, а нередко и по нескольку журналов. А на кофейном столике перед камином в гостиной лежали газеты конца недели. Если гость был наблюдательный и заходил в кабинет Гамаша, то он мог прочитать историю, которую рассказывали собранные там книги.

И такой гость вскоре понял бы, что он попал вовсе не в дом отставного профессора французской литературы. Полки были уставлены папками, книгами по медицине и криминалистике, томами по Наполеоновскому и общему праву, дактилоскопии, генетическим кодам, ранениям и оружию.

Убийство. Кабинет Армана Гамаша был наполнен этим.

Но все же даже среди смерти нашлось место для поэтических

сборников и книг по философии.

Глядя на Рейн-Мари, сидящую напротив него на балконе, Гамаш в очередной раз исполнился уверенности, что он женился не на ровне и что жена выше его. Нет, не в социальном плане. И не в научном. Но он никак не мог отделаться от подозрения, что ему очень-очень повезло.

Арман Гамаш знал, что везение сыграло немалую роль в его жизни, но ни одна из этих удач и в сравнение не могла идти с той, что он уже тридцать пять лет влюблен в одну женщину. Если, конечно, не считать необыкновенным везением тот факт, что она тоже была влюблена в него.

И вот она посмотрела на него своими голубыми глазами:

– Вообще-то, я думала о вернисаже Клары.

– Да?

– Скоро нужно идти.

– И верно. – Гамаш взглянул на часы. Было пять минут шестого. Прием в музее по случаю открытия персональной выставки Клары Морроу начинался в пять и должен был закончиться в семь. – Как только появится Дэвид.

Их зять опаздывал уже на полчаса, и Гамаш посмотрел с балкона в гостиную. Его дочь Анни сидела там с книжкой, а напротив нее расположился заместитель Гамаша Жан Ги Бовуар и трепал Анри за громадные уши. Немецкая овчарка Гамашей обожала такие ласки. Анри разомлел, на его щенячьей морде застыла глупая улыбка.

Жан Ги и Анни игнорировали друг друга. Гамаш усмехнулся. Что ж, по крайней мере, они не швыряли друг в друга оскорбления или что потяжелее.

– Может быть, поедем? – предложил он. – Дэвиду можно позвонить на сотовый, чтобы ехал прямо в музей.

– Подождем еще несколько минут.

Гамаш кивнул и взял журнал, потом медленно опустил его:

– Ты хочешь сказать что-то еще?

Немного поколебавшись, Рейн-Мари улыбнулась:

– Я вот думала, как ты относишься к этому вернисажу. Уж не специально ли ты тянешь время?

Арман удивленно поднял брови.

Жан Ги Бовуар трепал Анри за уши и смотрел на молодую женщину, сидевшую напротив него. Он знал ее вот уже пятнадцать лет, с тех пор как новичком появился в отделе по расследованию убийств, а она была еще девчонкой. Неловкой, застенчивой, упрямой.

Он не любил детей. И уж точно не любил умненьких тинейджеров. Но он заставлял себя полюбить Анни Гамаш, хотя бы по той причине, что она была дочерью его босса.

Заставлял, заставлял, заставлял. И наконец…

Он добился своего.

Теперь ему было под сорок, ей под тридцать. Она была адвокатом. Замужем. По-прежнему оставалась неловкой, застенчивой, упрямой. Но он прилагал столько усилий, чтобы полюбить ее, что перестарался. Он видел, как она смеется с неподдельной искренностью, видел, как она слушает скучнейших людей так, будто они интереснейшие собеседники, которых она искренне рада видеть и которые для нее важны. Он видел, как она танцует, размахивая руками и запрокинув голову. Как светятся ее глаза.

И как-то раз он задержал ее руку в своей. Всего один раз.

В больнице. Он вернулся из далекого далека, продрался сквозь боль и темень к этому незнакомому, но доброму прикосновению. Он знал, что это не его жена Энид – у той была птичья хватка, ради которой не стоило возвращаться.

Эта рука была большая, уверенная, теплая. И она звала его назад.

Он открыл глаза и увидел Анни Гамаш, глядящую на него с такой тревогой. «Почему она здесь?» – удивился он. А потом понял почему.

Потому что нигде больше она не могла быть. Не было другой больничной кровати, у которой она могла бы сидеть.

Потому что ее отец был мертв. Убит в перестрелке на заброшенной фабрике. Бовуар собственными глазами видел, как его убили. Видел, как пуля попала в него. Как он подскочил и свалился на цементный пол.

И остался недвижим.

И вот теперь Анни Гамаш держит его за руку в больнице, за неимением той руки, которую она хотела бы держать.

Жан Ги Бовуар снова открыл глаза и посмотрел на Анни Гамаш, такую печальную. Он почувствовал, как у него разрывается сердце. Потом он увидел что-то еще.

Радость.

Никто никогда не смотрел на него таким взглядом. С нескрываемой и безграничной радостью. Анни посмотрела на него так, когда он открыл глаза.

Он попытался что-то произнести, но не смог. Однако она правильно поняла, что он хотел сказать.

Анни наклонилась над ним, и он ощутил ее аромат. Слабый цитрусовый, чистый и свежий. Не то что навязчивый, терпкий запах духов

Энид. Анни пахла, как лимонная роща летом.

– Папа жив, – прошептала она ему на ухо.

И тут он почувствовал смущение. В этой больнице его ждало множество унижений – от судна и подгузников до обмывания губкой. Но ни одно из них не было таким личным, таким ранящим, таким предательским, как то, что произвело его тело в тот момент.

Он заплакал.

И Анни видела это. И до сего дня ни разу об этом не упомянула.

К неудовольствию Анри, Жан Ги перестал трепать его за уши и привычным жестом положил одну руку на другую.

Так у него возникало ощущение, будто рука Анни лежит на его руке.

Большей близости между ними не было. Между ним и замужней дочерью его босса.

– Твой муж опаздывает, – сказал Жан Ги и услышал в своем голосе обвинительную нотку. Упрек.

Анни очень медленно опустила газету и уставилась на него:

– На что ты намекаешь?

На что он намекает?

– Из-за него мы тоже опоздаем.

– Тогда езжайте. Мне все равно.

Он зарядил пистолет, поднес к своему виску и умолял Анни нажать на спусковой крючок. И теперь он чувствовал, что слова больно бьют. Режут. Проникают вглубь и взрываются.

«Мне все равно».

Он понял, что эта боль почти успокаивает. Возможно, если бы он вынудил Анни сделать ему еще больнее, то вообще бы потерял чувствительность.

– Послушай… – Анни подалась вперед и заговорила мягче. – Мне жаль, что у вас так получилось. Я имею в виду, что ты расстался с Энид.

– Ну что ж, такое случается. Ты как адвокат должна это знать.

Она посмотрела на него пытливым взглядом, таким же, как у ее отца, и кивнула:

– Случается. – Она немного помолчала. – Наверное, в особенности после того, что с тобой произошло. Такое заставляет задуматься о жизни. Хочешь поговорить об этом?

Поговорить об Энид с Анни? Обо всех этих жутких дрязгах, мелочных оскорблениях, шрамах и царапинах? Одна эта мысль вызывала у него отвращение, и Анни, вероятно, увидела это. Она откинулась назад и покраснела, словно он ударил ее по щеке.

– Считай, что я ничего тебе не говорила, – отрезала она и поднесла газету к лицу.

Нужно было срочно найти какие-то слова, чтобы снова перекинуть между ними мостик. Минуты шли, становились все длиннее.

– Вернисаж, – пробормотал наконец Бовуар.

Это было первое, что всплыло в его пустой голове, словно в магическом шаре 8, который, если его потрясти, показывает одно-единственное слово. В данном случае «вернисаж».

Газета опустилась, появилось каменное лицо Анни.

– Там будут люди из Трех Сосен, ты же знаешь.

Ее лицо продолжало оставаться бесстрастным.

– Это та деревня в Восточных кантонах. – Бовуар слабо махнул рукой в сторону окна. – К югу от Монреаля.

– Я знаю, где находятся эти кантоны, – был ответ.

– Это выставка Клары Морроу, и они все наверняка там будут.

Анни снова подняла газету. «Канадский доллар силен как никогда», – прочел Бовуар из другого угла комнаты. «Зимние рытвины еще не отремонтированы», – прочел он. «Расследование коррупции в правительстве», – прочел он.

Ничего нового.

– Один из них ненавидит твоего отца.

Газета медленно опустилась.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Понимаешь… – По выражению ее лица он понял, что зашел слишком далеко. – Совсем не настолько, чтобы повредить ему или что-нибудь в этом роде.

– Папа рассказывал о Трех Соснах и о людях, живущих там. Но ничего такого не говорил.

Она вроде бы расстроилась, и Бовуар пожалел, что начал это. Но по крайней мере, этими словами ему удалось привлечь ее внимание. Она снова с ним говорила. И мостиком стал ее отец.

Анни уронила газету на стол и посмотрела через плечо Бовуара на своих родителей, тихо разговаривающих на балконе.

Она вдруг снова стала похожа на ту девчонку, какую он знал когда-то. Она никогда не будет красавицей, за которой поворачиваются все головы. Это было ясно уже тогда. Анни не отличалась точеными чертами лица или изяществом. Она была скорее спортивной, чем грациозной. Она, конечно, одевалась не кое-как, но и не забывала об удобстве.

Самоуверенная, решительная, сильная физически. Да, в армрестлинге

он был сильнее, – он знал это, потому что несколько раз они состязались, но ему приходилось выкладываться по полной.

С Энид он даже потребности такой не испытывал. Да она и сама бы не предложила.

Анни Гамаш не только предложила, но и была уверена в победе.

А проиграв, смеялась.

Если другие женщины – та же Энид – были красивыми, то Анни Гамаш была полна жизни.

Поздно, слишком поздно понял Жан Ги Бовуар, как это важно, как привлекательно, как редко это встречается – быть по-настоящему полной жизни.

Анни посмотрела на Бовуара:

– С чего это кто-то из них стал бы ненавидеть папу?

Бовуар понизил голос:

– Ну хорошо, слушай. Я тебе расскажу, что случилось.

Анни подалась вперед. Их разделяли фута два, и Бовуар ощутил ее запах. Он крепился изо всех сил, чтобы не взять ее руку в свои.

– В деревне Клары, в Трех Соснах, случилось убийство…

– Да, отец об этом говорил. Кажется, там какое-то кустарное производство.

Бовуар невольно засмеялся:

– «Где ярче свет, там тени гуще»[2].

Удивленный взгляд Анни снова заставил Бовуара рассмеяться.

– Дай-ка сообразить, – сказала она. – Ты не сам это сочинил.

Бовуар улыбнулся и кивнул:

– Это написал один немецкий парень. А потом повторял твой отец.

– Несколько раз?

– Достаточно часто, чтобы я просыпался по ночам, выкрикивая эти слова.

Анни улыбнулась:

– Я знаю. Я была единственным ребенком в школе, кто цитировал Ли Ханта. – Ее голос чуть изменился под воздействием воспоминаний. – «Но более всего любил он счастливое человеческое лицо»[3].

Гамаш улыбнулся, услышав смех из гостиной.

Он наклонил голову в том направлении:

– Неужели они наконец помирились?

– Либо помирились, либо это знак грядущего апокалипсиса, –

ответила Рейн-Мари. – Если из парка появятся четыре всадника, вы уж разбирайтесь сами, месье.

– Я рад, что он смеется, – сказал Гамаш.

После того как Жан Ги расстался с Энид, он стал какой-то замкнутый. Настороженный. Он и всегда-то был довольно скуп на эмоции, а теперь превратился совсем в тихоню, словно стены вокруг него стали выше и толще. А узенький опускной мост был поднят.

Арман Гамаш знал, что воздвижение стен никогда не приводит ни к чему хорошему. То, что люди принимали за безопасность, на самом деле было пленом. А в плену почти ничто не расцветает.

– Время все вылечит, – сказала Рейн-Мари.

– Avec le temps[4], – согласился Арман.

Но самому себе он не переставал задавать вопросы. Он знал, что время исцеляет. Но оно еще могло и наносить новые раны. Лесной пожар со временем способен сожрать весь лес.

Кинув последний взгляд на двоих в гостиной, Гамаш продолжил разговор с Рейн-Мари.

– Ты и в самом деле думаешь, что я не хочу идти на вернисаж? – спросил он.

Она немного помедлила:

– Не уверена. Скажем так: ты особо туда не торопишься.

Гамаш кивнул, взвешивая ее слова:

– Я знаю, там будут все. Может возникнуть неловкая ситуация.

– Ты арестовал одного из них за убийство, которого он не совершал, – сказала Рейн-Мари.

Это не было обвинением. Напротив, слова прозвучали тихо и мягко, чтобы собственные чувства Гамаша не ранили его слишком больно. Те чувства, о существовании которых он сам, может быть, и не подозревал.

– И ты считаешь, что в социальном плане это faux pas?[5] – спросил он с улыбкой.

– Я бы сказала, что в социальном плане это больше чем faux pas, – рассмеялась Рейн-Мари, с облегчением увидев шутливое выражение на его лице.

На лице, которое теперь было выбрито. Не осталось ни усов, ни седеющей бородки. Остался один Арман. Он посмотрел на нее своими умными карими глазами, и, глядя в них, она почти забыла про шрам над его левым виском.

Через миг улыбка сошла с его лица, он снова кивнул и глубоко

вздохнул:

– Посадить невинного человека в тюрьму – что может быть хуже?

– Но ты сделал это не по злому умыслу, Арман.

– Верно, однако время, проведенное им в тюрьме, не стало от этого приятнее.

Гамаш перевел взгляд с милого лица жены на деревья в парке. Естественная обстановка. Ему так не хватало этого, ведь его дни были заполнены поисками неестественного. Поисками убийц. Людей, которые забирали жизнь у других. И делали это жестокими, страшными способами. Арман Гамаш был главой отдела по расследованию убийств знаменитой Квебекской полиции. Он хорошо делал свое дело.

Но и он был не идеален.

Он арестовал Оливье Брюле за убийство, которого тот не совершал.

– Так что же случилось? – спросила Анни.

– Ну, бóльшую часть ты и сама знаешь. Об этом писали во всех газетах.

– Я, конечно, читаю газеты и говорила об этом с отцом. Но он ничего не рассказывал о том, что кто-то из участников тех событий может все еще ненавидеть его.

– Ну, ты знаешь, это случилось почти год назад, – начал Жан Ги. – В бистро Трех Сосен был найден труп. Мы провели расследование и собрали неопровержимые улики. Нашли отпечатки пальцев, орудие убийства, вещи, похищенные из домика убитого в лесу. Все это было спрятано в бистро. Мы арестовали Оливье. Был суд, его признали виновным.

– И вы думали, что убийца – он?

Бовуар кивнул:

– Я тоже был в этом уверен. Не только твой отец.

– Как же случилось, что вы поменяли мнение? Кто-то другой признался в убийстве?

– Нет. Ты помнишь то время через несколько месяцев после операции на заброшенной фабрике, когда твой отец приходил в себя после ранения?

Анни кивнула.

– Вот тогда у него и стали появляться сомнения. Он попросил меня вернуться в Три Сосны и провести новое расследование.

– И ты его провел.

Жан Ги кивнул. Конечно, он поехал в Три Сосны. Он выполнил бы любой приказ старшего инспектора, хотя у него самого сомнений в вине Оливье не было. Он считал, что в тюрьме оказался виновный. Но

повторное расследование выявило нечто такое, что повергло его в шок.

Он обнаружил настоящего убийцу. И узнал истинную причину преступления.

– Но ты ведь бывал в Трех Соснах и после ареста Оливье, – сказала Рейн-Мари. – Ты уже встречался с ними после той истории.

Она тоже ездила в Три Сосны и подружилась с Кларой, Питером и другими, хотя некоторое время не встречалась с ними – после того случая.

– Верно, – кивнул Арман. – Мы с Жаном Ги отвезли Оливье домой, когда его выпустили из тюрьмы.

– Не могу даже вообразить, что он чувствовал.

Гамаш молчал, вспоминая снежные сугробы в лучах солнца. Сквозь заиндевевшее стекло он видел жителей деревни, собравшихся в бистро. В тепле и безопасности. Веселый огонь в камине. Пивные стаканы и кружки кофе с молоком. Смех.

И Оливье, который застыл в двух шагах от двери, не сводя с нее глаз.

Жан Ги пошел было открыть ее, но Гамаш его остановил. Они ждали на жгучем морозе. Ждали, когда Оливье сделает шаг.

Прошла, казалось, целая вечность, а на самом деле всего несколько секунд, и наконец Оливье протянул руку, помедлил еще немного и открыл дверь.

– Жаль, я не видела лица Габри, – заметила Рейн-Мари, представляя себе этого крупного эмоционального человека в момент возвращения его партнера.

Вернувшись тогда домой, Гамаш рассказал жене обо всем этом. Но какие бы восторги ни представляла себе Рейн-Мари, реальность была еще эмоциональнее. По крайней мере, со стороны Габри. Остальные жители тоже были рады видеть Оливье. Однако…

– Так в чем дело? – спросила Рейн-Мари.

– Да, Оливье не убивал этого человека, но, как тебе известно, во время процесса всплыло много некрасивых вещей о нем. Оливье обкрадывал Отшельника, пользуясь их дружбой и тем, что старик впал в слабоумие. К тому же обнаружилось, что на деньги, полученные нечестным путем, Оливье скупил немало недвижимости в Трех Соснах. Даже Габри об этом не знал.

Рейн-Мари обдумала услышанное.

– Интересно, как его друг отнесся к этому, – сказала она наконец.

Этот же вопрос задавал себе и Гамаш.

– Так это Оливье ненавидит моего отца? – спросила Анни. – Но почему? Ведь отец вызволил его из тюрьмы. Привез назад в Три Сосны.

– Да, но Оливье считает, что из тюрьмы его вызволил я. А посадил твой отец.

Анни уставилась на Бовуара, потом отрицательно покачала головой.

А Бовуар продолжил:

– Твой отец извинился перед ним. Перед всеми, кто был тогда в бистро. Он сказал Оливье, что винит себя в случившемся.

– А что ответил Оливье?

– Что не может его простить. Пока не может.

Анни задумалась.

– Как отреагировал отец?

– Его это вроде бы не удивило и не расстроило. Напротив, мне кажется, он удивился бы, если бы Оливье вдруг решил все забыть и простить. Он бы ему просто не поверил.

Бовуар знал, что хуже непрощения может быть только неискреннее прощение.

Жан Ги не мог не отдать должного Оливье: тот не стал притворяться, будто принял извинения, а сказал наконец правду. Что пока он не готов прощать.

– А теперь? – спросила Анни.

– Полагаю, мы это увидим.

Глава вторая

– Замечательно. А вы как считаете?

Арман Гамаш посмотрел на почтенного пожилого человека, стоящего рядом с ним.

– Я согласен с вами, – кивнул старший инспектор.

Они помолчали несколько секунд, разглядывая картину. Прием был в самом разгаре – разговоры, смех, встречи друзей, представление незнакомых.

Но эти двое образовали отдельный мирок, маленький, тихий quartier[6].

Они рассматривали повешенную сюда то ли намеренно, то ли случайно главную картину персональной выставки Клары Морроу. Ее работы, преимущественно портреты, висели на белых стенах главной галереи Музея современного искусства. Некоторые из них собрались вместе, словно хотели поговорить. Другие – в одиночестве, изолированно. Как эта.

Самый скромный из портретов на самой большой стене.

Без конкуренции и без компании. Островная нация. Суверенный портрет.

В одиночестве.

– Что вы чувствуете, глядя на эту картину? – спросил старик, бросив на Гамаша проницательный взгляд.

Старший инспектор улыбнулся:

– Понимаете, я вижу ее не в первый раз. Мы дружим с Морроу. Я присутствовал, когда Клара впервые вынесла этот портрет из своей мастерской.

– Счастливчик.

Гамаш пригубил великолепного красного вина из бокала и согласился. Счастливчик.

– Франсуа Маруа. – Старик протянул ему руку.

– Арман Гамаш.

Собеседник посмотрел на Гамаша внимательнее:

– Désolé[7]. Я должен был сразу вас узнать, старший инспектор.

– Вовсе нет. Меня больше устраивает, когда люди меня не узнают, – сказал Гамаш. – Вы художник?

Его новый знакомец был скорее похож на банкира. А может, на коллекционера? Словом, на человека с другого конца художественной

цепочки. Лет семидесяти с небольшим. Состоятельный, в костюме, сшитом на заказ, и шелковом галстуке. Пользуется дорогим одеколоном. Очень тонкий запах. Волосы хотя и поредели, но безупречно и недавно подстрижены, лицо чисто выбрито, умные голубые глаза. Все это старший инспектор отметил быстро и инстинктивно. Франсуа Маруа казался одновременно эмоциональным и сдержанным и чувствовал себя как дома в этой богатой и довольно искусственной обстановке.

Гамаш оглядел зал, заполненный мужчинами и женщинами, которые переходили от одной картины к другой, разговаривали, чередовали закуску и вино. В середине гулкого пространства стояли две стилизованные неудобные скамейки. Скорее для интерьера, чем для использования. В другом конце зала он увидел Рейн-Мари, беседующую с какой-то женщиной. Нашел взглядом Анни. Дэвид уже приехал и, сняв куртку, направлялся к жене. Гамаш обшаривал взглядом зал, пока не нашел Габри и Оливье – они стояли бок о бок. Может, стоит подойти к Оливье и поговорить с ним?

И что сказать? Еще раз извиниться?

Что, если Рейн-Мари права? Нужно ли ему прощение? Искупление? Хочет ли он, чтобы та ошибка была вычищена из его личного дела? Из того дела, которое он ежедневно вел сам в глубине души?

Из той бухгалтерской книги.

Хотел ли он, чтобы та ошибка была вычеркнута?

На самом деле он вполне мог прожить без прощения Оливье. Но, увидев его сейчас, почувствовал легкую frisson[8] и опять спросил себя, нужно ли ему прощение. И готов ли Оливье простить его.

Он снова перевел взгляд на своего собеседника.

Гамаша всегда интересовало, почему лучшее искусство отображает человека и природу, человеческую и прочую, а вот сами галереи часто выглядят холодными и строгими. Они негостеприимны и далеки от естественности.

Впрочем, месье Маруа чувствовал себя здесь неплохо. Мрамор и острые углы казались его естественной средой обитания.

– Нет, – ответил Маруа на вопрос Гамаша. – Я не художник. – Он хохотнул. – Как это ни печально, но во мне нет творческой жилки. Подобно большинству моих коллег, зеленым мальчишкой я начал по-дилетантски заниматься искусством, но тут же обнаружил полнейшее, почти мистическое отсутствие всякого таланта. Вообще-то, меня это тогда сильно потрясло.

Гамаш рассмеялся:

– Так почему же вы здесь?

Старший инспектор знал, что сегодня в музее приватный прием перед открытием выставки для широкой публики. На вернисаж, в особенности в знаменитом монреальском музее, приглашались только избранные. Богатые, влиятельные, друзья художника и члены семьи. И художники. В таком порядке.

От художников на вернисаже не ждали ничего хорошего. Если они приходили одетые и трезвые, то большинство кураторов вздыхали с облегчением. Гамаш украдкой бросил взгляд на Клару: она выглядела испуганной и растрепанной в строгом деловом костюме, который не желал сидеть как положено. Юбка слегка перекрутилась, а воротник вздыбился, словно Клара пыталась почесать у себя между лопаток.

– Я торгую произведениями искусства.

Маруа протянул визитку, и Гамаш взял ее: черные буквы на кремовом фоне, только имя и номер телефона, ничего больше. Бумага плотная, печать с тиснением. Визитка отличного качества. Несомненно, для бизнеса такого же качества.

– Вы знаете работы Клары? – спросил Гамаш, засовывая визитку в карман пиджака.

– Нет. Но я приятельствую со старшим куратором музея, и она всучила мне буклет. Откровенно говоря, я был поражен. Там сказано, что мадам Морроу всю жизнь прожила в Квебеке и ей почти пятьдесят. И в то же время почти никто ее не знает. Словно она появилась из ниоткуда.

– Она появилась из Трех Сосен, – сказал Гамаш и, увидев недоумение на лице Маруа, добавил: – Это крохотная деревенька к югу от Монреаля, неподалеку от границы с Вермонтом. Про эту деревню почти никто не знает.

– Как и про Клару Морроу. Неизвестный художник из неизвестной деревни. И в то же время…

Месье Маруа раскинул руки в изящном и красноречивом жесте, указывающем на этот зал и происходящее в нем событие.

Они оба снова вернулись к портрету на стене, изображающему голову и щуплые плечи очень старой женщины. Венозная, искалеченная артритом рука вцепилась в синюю шаль, прижимая ее к горлу. Шаль соскользнула, обнажив выступающую ключицу с натянувшейся кожей.

Но больше всего привлекало лицо женщины.

Она смотрела прямо на них. На это собрание, где позвякивали бокалы, шел живой разговор, раздавался смех.

Она была сердита. Исполнена презрения. Ненавидела то, что видела и

слышала. Эту радость вокруг нее. Смех. Ненавидела мир, который ее отторгнул. Оставил висеть тут на стене. Смотреть, наблюдать, но не участвовать.

Это был великий дух, подобно Прометею обреченный на бесконечную муку. Озлобленный и мелочный.

Гамаш услышал, как рядом с ним кто-то охнул, и сообразил, что это означает: торговец предметами искусства Франсуа Маруа понял-таки суть картины. Не явный гнев – это было очевидно, – а что-то более сложное и тонкое. Маруа понял замысел Клары.

– Mon Dieu, – выдохнул месье Маруа. – Боже мой.

Он перевел взгляд с портрета на Гамаша.

В другом конце зала Клара кивала, улыбалась и почти ничего не воспринимала.

В ушах у нее стоял гул, в глазах все плыло, пальцы онемели. Она была на грани помешательства.

«Глубокий вдох, – повторяла она про себя. – Глубокий выдох».

Питер принес ей бокал вина, а ее подруга Мирна – тарелку с закусками, но Клару так трясло, что пришлось отказаться и от того и от другого.

Она прилагала все силы к тому, чтобы не казаться слабоумной. Новый костюм вызывал у нее зуд, и она поняла, что выглядит как бухгалтер. Из какой-нибудь страны прежнего Варшавского договора. Или из Китая. Бухгалтер-маоист.

Покупая этот костюм в шикарном бутике на рю Сен-Дени в Монреале, она вовсе не заботилась о внешнем виде. Ей просто хотелось перемены, чего-нибудь не похожего на ее обычные широкие юбки и платья. Чего-нибудь модного и элегантного. Чего-нибудь сообразного и не вычурного.

В магазине она выглядела великолепно, улыбалась улыбающейся продавщице в зеркале и рассказывала ей о своей грядущей персональной выставке. Она рассказывала об этом всем подряд. Водителям такси, официантам, парнишке, оказавшемуся рядом с ней в автобусе и отключенному от внешнего мира посредством наушников и айпода. Кларе было все равно. Она и ему рассказала.

И вот этот день настал.

Сегодня утром, сидя в своем саду в Трех Соснах, она позволяла себе думать, что все будет по-другому. Он представляла себе, как войдет через громадные двери матового стекла в конце коридора и будет встречена аплодисментами. Представляла, что будет выглядеть потрясающе в своем

новом костюме. Художественное сообщество будет поражено. Ее окружат критики и кураторы, сгорающие от желания побыть с ней хоть минутку. Будут из кожи вон лезть, рассыпаясь в комплиментах, пытаясь найти подходящие слова – les mots justes, – чтобы описать ее творения.

Formidable[9]. Блестяще. Великолепно. Гениально.

Шедевры. Все до единого.

В своем тихом саду этим утром Клара закрыла глаза, подняла лицо к молодому солнцу и улыбнулась.

Мечта сбывается.

Совершенно незнакомые люди будут внимать каждому ее слову. Кто-нибудь, возможно, даже станет конспектировать. Будут восхищенно слушать, как она говорит о своем видении мира, своей философии, своем понимании искусства. В каком направлении оно движется и откуда.

Ею будут восторгаться, к ее словам будут уважительно прислушиваться. Умная и красивая. Элегантные женщины будут спрашивать, где она купила этот костюм. Она станет основательницей нового направления. Тренда.

Но вместо этого она чувствовала себя как грязнуля-невеста на заштатной свадьбе, где гости ее и не замечают, а заняты в первую очередь вином и закусками, где никто не хочет забрать у нее букет или отойти с ней в уголок для разговора. Или потанцевать с ней. И к тому же она выглядела как бухгалтер-маоист.

Она почесала бедро, размазала паштет в волосах. Потом посмотрела на часы.

Господи, еще целый час.

«Ах, нет, нет, нет», – подумала Клара. Сейчас она просто пыталась выжить. Удержать голову над водой. Не упасть в обморок, сдержать тошноту, не описаться. Ее новая цель состояла в том, чтобы сохранить сознание и невозмутимость.

– Ну, по крайней мере, ты не на костре.

– Что?

Клара повернулась и увидела перед собой необъятную чернокожую женщину в ярко-зеленом кафтане. Это была ее подруга и соседка Мирна Ландерс. В прошлом психотерапевт из Монреаля, а ныне владелица магазина новой и старой книги в Трех Соснах.

– Ты не на костре, – повторила Мирна. – По крайней мере сейчас.

– Это точно подмечено. А еще я не летаю. Есть много чего я «не».

– И есть много чего ты есть, – рассмеялась Мирна.

– Ты что, мне грубишь? – спросила Клара.

Мирна помедлила, разглядывая Клару, которая почти каждый день приходила в магазин Мирны, чтобы выпить чашечку чая и поболтать. Или же Мирна приходила на обед к Питеру и Кларе.

Но этот день был не похож на другие. Ни один другой день в прошлой жизни Клары не был похож на сегодняшний, и, возможно, в ее будущей жизни тоже не случится такого дня. Мирна знала всё про страхи Клары, про ее неудачи, ее разочарования. А Клара все знала про Мирну.

И каждая из них знала, о чем мечтает другая.

– Я понимаю, тебе нелегко, – сказала Мирна.

Она стояла перед Кларой, загораживая своей мощной фигурой весь зал, отчего то, что прежде казалось Кларе огромной толпой, превратилось вдруг в маленькое собрание. Тело Мирны представляло собой почти идеальной формы зеленый шар, блокирующий свет и звук. Они снова оказались в своем маленьком дружеском мире.

– Я хотела, чтобы все было идеально, – прошептала Клара, надеясь, что сумеет сдержать слезы.

Если другие маленькие девочки мечтали о дне свадьбы, то Клара мечтала о персональной выставке. В музее. В этом самом. Но она представляла себе все немного иначе.

– А кто это решает? Что могло бы сделать все идеальным?

Клара задумалась на секунду:

– Если бы мне не было так жутко.

– Да что такого ужасного может случиться? – тихо спросила Мирна.

– Они могут не принять мое искусство, решить, что у меня нет таланта, что я нелепая, смешная. Что эта выставка – страшная ошибка. Выставка потерпит неудачу, а я стану посмешищем.

– Вот уж точно, – улыбнулась Мирна. – Все это можно пережить. И что ты будешь делать после?

Клара снова задумалась:

– Сяду в машину с Питером и поеду домой в Три Сосны.

– И?..

– И мы с ним зададим сегодня вечеринку для друзей.

– И?..

– И завтра утром я встану…

Голос Клары смолк, когда она представила себе мир после апокалипсиса. Она проснется завтра утром и продолжит вести тихую жизнь в их деревеньке. Она вернется к прежнему: будет выгуливать собаку, выпивать на террасе, пить кофе с молоком и есть круассаны в бистро перед камином. Продолжится жизнь с обедами в тесном кругу друзей. С

посиделками в саду. С чтением, размышлениями.

Работой в мастерской.

Что бы ни случилось в этом зале, ее жизнь не изменится.

– По крайней мере, я не на костре, – сказала она и ухмыльнулась.

Мирна взяла Клару за руки:

– Большинство людей пошли бы на убийство ради такого дня. Не дай ему пройти, не получив удовольствия. Клара, твои работы – настоящие шедевры.

Клара сжала руку подруги. Все те годы, месяцы, тихие дни, когда никто не замечал и знать не хотел, что делает Клара в своей мастерской, Мирна была рядом. И Мирна шептала в этой тишине: «Твои работы – шедевры».

И Клара отваживалась ей верить. Отваживалась продолжать. Ее поддерживали старые мечты и этот тихий одобрительный голос.

Мирна отступила на шаг, и Клара увидела этот зал по-новому. Он был заполнен людьми, а не угрозами. Люди получали удовольствие, развлекались. Они пришли отпраздновать первую персональную выставку Клары в Музее современного искусства.

– Merde! – проорал человек в ухо женщине, стараясь перекричать гул других голосов в зале. – Все это чистое дерьмо. Ты можешь поверить, что Клара Морроу получила персональную выставку?

Женщина покачала головой и поморщилась. На ней была широкая юбка и обтягивающая футболка, шарфы на шее и на плечах, в ушах сережки размером с колесо, а на всех пальцах сверкали кольца.

В другом месте и в другое время ее сочли бы цыганкой. Но здесь ее принимали за того, кем она и была, – художницей средней руки.

Ее муж, тоже художник, облаченный в вельветовые брюки и поношенный пиджак, с щегольским шарфом на шее, отвернулся от картины:

– Ужасно.

– Бедняжка Клара, – согласилась его жена. – Критики ее растерзают.

Жан Ги Бовуар, стоявший рядом с художниками спиной к картине, повернулся и взглянул на нее.

На стене среди скопления портретов висело самое большое полотно. Три женщины, все очень старые, стояли тесной группкой и смеялись.

Они смотрели друг на друга, прикасались друг к другу, держали друг друга за руки, их головы соприкасались висками. Что бы ни было причиной их смеха, они делили его между собой. Как они поделили бы и любое

несчастье. Что бы ни случилось, они естественно разделили бы это между собой.

Эта картина говорила о чем-то большем, чем радость, даже большем, чем любовь, – она говорила о близости.

Жан Ги быстро повернулся к ней спиной. Он не мог смотреть на это полотно. Он принялся обшаривать зал взглядом, пока снова не нашел *ее*.

– Ты посмотри на них, – сказал человек с шарфом, разглядывая картину. – Не очень привлекательные существа.

Анни Гамаш находилась по другую сторону переполненной галереи, рядом с мужем Дэвидом. Они слушали какого-то старика. Взгляд у Дэвида был рассеянный, незаинтересованный. А у Анни сверкали глаза. Очарованная, она впитывала все, что видела и слышала.

Бовуар ощутил укол ревности – он хотел, чтобы таким же вот взглядом она смотрела на него.

«На меня, – отдал он ей телепатический приказ. – Смотри на меня».

– Да еще и смеются, – не унимался человек с шарфом, неодобрительно глядя на портрет трех старушек. – Тут нет никаких полутонов. С таким же успехом она могла написать клоунов.

Его спутница хохотнула.

В другом конце зала Анни Гамаш прикоснулась пальцами к руке мужа, но он, казалось, и не заметил этого.

Бовуар легонько прикоснулся одной своей рукой к другой. Вот что он бы почувствовал.

– А, вот вы где, Клара, – сказала старший куратор музея. Она взяла Клару за руку и отвела от Мирны. – Поздравляю. Это настоящий триумф!

Клара достаточно хорошо знала художников, чтобы понимать: на то, что они называют триумфом, другие люди вполне могут и не обратить внимания. И все же это было лучше пинка под задницу.

– Правда?

– Absolument[10]. Людям нравится.

Женщина восторженно обняла Клару за плечи. Ее очки представляли собой маленькие прямоугольники. Клара подумала, что, наверное, весь мир старшего куратора навечно искривлен чем-нибудь вроде астигматизма. Волосы у женщины были короткие и прямые, как и ее одежда. Она была невероятно бледна. Этакая ходячая инсталляция.

Но она была добра и нравилась Кларе.

– Очень мило, – сказала куратор, отходя на шаг назад и оценивая новый наряд Клары. – Мне нравится. Настоящее ретро, настоящий шик. Вы

похожи… похожи… – Она покрутила руками, пытаясь вспомнить подходящее имя.

– На Одри Хепберн?

– C'est ça![11] – Куратор хлопнула в ладоши и рассмеялась. – Вы наверняка зададите новый стиль в моде.

Клара тоже рассмеялась и немного влюбилась в куратора. В другом конце зала она увидела Оливье. И как всегда, Габри рядом с ним. Но если Габри увлеченно разговаривал с каким-то незнакомцем, то Оливье смотрел куда-то сквозь толпу.

Клара проследила за направлением его взгляда – оказалось, что смотрит он на Армана Гамаша.

– Ну так кого вы здесь знаете? – спросила куратор, обнимая Клару за талию.

Прежде чем та успела ответить, женщина начала показывать на разных людей в толпе.

– Их вы, вероятно, знаете. – Она кивнула на пару средних лет рядом с Бовуаром. Похоже, они обсуждали картину «Три грации». – Это команда из мужа и жены. Норман и Полетт. Он делает наброски, а она прорабатывает детали.

– Так работали мастера Ренессанса – в команде.

– Вроде того, – сказала куратор. – Но скорее как Христо и Жанна-Клод[12]. Редко встречаются два художника, которые могут работать в таком согласии. Они и в самом деле очень хороши. И я вижу, они в восторге от ваших работ.

Клара не была с ними знакома, но подозревала, что сами они никогда бы не использовали слово «восторг».

– А это кто? – спросила Клара, показывая на почтенного пожилого человека рядом с Гамашем.

– Франсуа Маруа.

У Клары округлились глаза, и она обвела взглядом зал. Почему народ не осаждает знаменитого торговца произведениями искусства? Почему с месье Маруа говорит только Арман Гамаш, который даже и не художник? Если у этих вернисажей и была какая-то цель, то никак не воздать должное художнику, а скорее завязать полезные знакомства. И в этом смысле более полезного человека, чем Франсуа Маруа, трудно было себе представить. Но тут Клара поняла, что многие в этом зале даже не знают, кто он такой.

– Как вам, наверное, известно, он почти никогда не приходит на выставки, но я дала ему каталог, и он сказал, что ваши работы просто

потрясающие.

– Правда?

Даже с учетом того, что среди людей искусства слово «потрясающий» имело гораздо меньшую цену, чем среди людей нормальных, это все равно можно было считать комплиментом.

– Франсуа знаком со всеми, у кого есть вкус и деньги, – сказала куратор. – Это большая удача. Если ему понравятся ваши работы, то успех вам обеспечен. – Куратор пригляделась внимательнее. – Я не знаю человека, с которым он разговаривает. Видимо, какой-то профессор, знаток истории искусства.

Прежде чем Клара успела сказать, что этот человек никакой не профессор, Маруа повернулся от портрета к Арману Гамашу. На его лице застыло изумленное выражение.

Что он такое увидел и что это значит?

– А вон там, – сказала куратор, показывая в другую сторону, – Андре Кастонге. Еще одна важная персона.

Взгляд Клары остановился на фигуре, хорошо известной в квебекском мире искусства. Если Франсуа Маруа был замкнут и нелюдим, то Андре Кастонге был всегда и везде, серый кардинал квебекского искусства. Месье Кастонге, чуть моложе Маруа, чуть выше, чуть тяжелее, был окружен кольцом людей. Внутренний кружок составляли критики различных влиятельных газет. Дальше стояли менее известные галеристы и критики. А в наружной части кольца толклись художники.

Они были планетами, а Андре Кастонге – солнцем.

– Позвольте я вас представлю.

– Потрясающе, – сказала Клара.

Мысленно она преобразовала это слово в другое, отвечающее тому смыслу, какой она в него вкладывала. Merde.

– Неужели это возможно? – спросил Франсуа Маруа, вглядываясь в лицо Гамаша.

Гамаш посмотрел на старика и, слегка улыбнувшись, кивнул.

Маруа снова посмотрел на портрет.

Гул в зале с прибытием новых гостей стал почти оглушающим.

Но Франсуа Маруа не мог оторвать глаз от одного лица – разочарованной старой женщины на холсте. Лица, исполненного осуждения и отчаяния.

– Ведь это святая Мария, верно? – почти шепотом спросил Маруа.

Старший инспектор не был уверен, что этот вопрос обращен к нему, а

потому не ответил. Маруа увидел то, что было доступно лишь избранным.

На портрете Клары была изображена не просто сердитая старуха. Художница и в самом деле имела в виду Деву Марию. Состарившуюся. Забытую миром, который устал от чудес, начал относиться к ним настороженно. Миром, который был слишком занят, чтобы замечать, что камень откатился назад. К новым чудесам.

Это была Мария в последние годы жизни. Оставленная всеми, одинокая.

Она сердито смотрела в зал, наполненный веселыми людьми, попивающими вино. И проходящими мимо нее.

Кроме Франсуа Маруа, который оторвал взгляд от картины и снова посмотрел на Гамаша.

– Что сделала Клара? – тихо спросил он.

Гамаш немного помолчал, собираясь с мыслями, чтобы ответить на вопрос.

– Привет, слабоумный. – Рут Зардо всунула сухую руку в ладонь Бовуара. – Рассказывай, как у тебя дела.

Это был приказ. Мало у кого хватало духу игнорировать Рут. Но с другой стороны, мало кого Рут спрашивала о его делах.

– Прекрасно.

– Вранье, – отрезала старая поэтесса. – Дерьмовенько выглядишь. Отощал. Побледнел. Сморщился.

– Это в точности ваш портрет, старая пьяница.

Рут Зардо захихикала:

– Верно. Ты похож на озлобленную старуху. И это не комплимент, как может показаться.

Бовуар улыбнулся. Вообще-то, он с нетерпением ждал встречи с Рут. Он взглянул на эту высокую худую старуху, опирающуюся на палку. Волосы у Рут были седые, редкие и коротко подстриженные, отчего возникало впечатление голого черепа. Это казалось Бовуару символическим. Ничто рождавшееся в голове Рут не оставалось невыраженным, утаенным. Только сердце ее было закрыто.

Но оно проявлялось в ее стихах. Каким-то образом – ум Бовуара не мог постичь каким – Рут Зардо за ее стихи получила премию генерал-губернатора. Ни одного из ее стихотворений он не понимал. К счастью, понять Рут как человека было гораздо легче.

– Ты почему здесь? – спросила она, сверля его взглядом.

– А вы? Только не говорите, что приехали сюда из Трех Сосен, чтобы

поддержать Клару.

Рут посмотрела на него как на сумасшедшего:

– Конечно не для этого. Я здесь по той же причине, по какой и все остальные. Бесплатная еда и выпивка. Но я уже свою норму выполнила. Ты поедешь потом на вечеринку в Три Сосны?

– Нас пригласили, но я, скорее всего, не поеду.

Рут кивнула:

– Хорошо. Мне больше достанется. Я слышала, ты развелся. Наверно, она тебе изменяла. Это вполне можно понять.

– Ведьма, – пробормотал Бовуар.

– Тупица, – откликнулась Рут.

Бовуар перевел взгляд куда-то в сторону, и Рут проследила за ним. Бовуар смотрел на молодую женщину в другом конце зала.

– Ты можешь найти кого-нибудь получше, чем она, – сказала Рут и почувствовала, как напряглась рука, которую она держала.

Ее собеседник молчал. Она устремила на него проницательный взгляд и снова посмотрела на женщину, на которую уставился Бовуар.

Лет двадцати пяти с небольшим, не толстая, но и не худая. Не хорошенькая, но и не уродина. Не высокая, но и не коротышка.

Она казалась совершенно средненькой, совершенно непримечательной. Кроме одного.

Эта молодая женщина излучала благополучие.

На глазах у Рут к той группе подошла женщина постарше, обняла молодую за талию, поцеловала.

Рейн-Мари Гамаш. Рут встречалась с ней несколько раз.

Умудренная жизнью старая поэтесса посмотрела на Бовуара с повышенным интересом.

Питер Морроу разговаривал с несколькими галеристами. Это были второстепенные фигуры в мире искусства, но и с ними не мешало поддерживать хорошие отношения.

Питер знал, что здесь Андре Кастонге, владелец галереи, и очень хотел поговорить с ним. Еще он заметил критиков из «Нью-Йорк таймс» и «Фигаро». Он скользнул взглядом по залу и увидел, что фотограф снимает Клару.

Она на мгновение отвернулась, поймала его взгляд, пожала плечами. Он приветственно поднял бокал и улыбнулся.

Может быть, ему стоит подойти к Кастонге и представиться? Но вокруг галериста собралась толпа, а Питер не хотел выставлять себя в

глупом свете. Лучше держаться в стороне, словно ему ни к чему Андре Кастонге.

Питер снова перевел взгляд на владельца маленькой галереи, который говорил, что был бы рад устроить выставку работ Питера, но у него уже все расписано.

Краем глаза он увидел, как расступилось кольцо вокруг Кастонге, чтобы пропустить Клару.

– Вы спрашиваете, что я чувствую, когда смотрю на эту картину, – сказал Арман Гамаш. Они вдвоем смотрели на портрет. – Я чувствую себя успокоенным. Утешенным.

Франсуа Маруа удивленно посмотрел на него:

– Утешенным? Но почему? Может быть, вы радуетесь тому, что сами не озлоблены? Может быть, ее безмерный гнев делает ваше собственное чувство более приемлемым? Кстати, как мадам Морроу назвала эту картину?

Маруа снял очки и наклонился к бирке, прикрепленной к стене. Потом он отступил назад, с лицом еще более озадаченным, чем прежде.

– Она называется «Тихая жизнь». Интересно почему?

Маруа снова принялся разглядывать портрет, а Гамаш увидел, что Оливье идет по залу, глядя на него. Старший инспектор приветственно улыбнулся и не был удивлен, когда Оливье отвел взгляд в сторону.

По крайней мере, он знал почему.

Рядом с ним Маруа выдохнул:

– Понимаю…

Гамаш снова посмотрел на торговца картинами. Маруа больше не удивлялся. Налет сдержанности и умудренности как рукой сняло, на лице появилась искренняя улыбка.

– Все дело в ее глазах, верно?

Гамаш кивнул.

Тогда Маруа наклонил голову, глядя не на портрет, а в толпу. Глядя с недоумением. Он снова повернулся к картине, потом снова к толпе.

Гамаш проследил за его взглядом и не удивился, увидев, что глаза его собеседника устремлены на пожилую женщину, которая разговаривает с Жаном Ги Бовуаром.

Рут Зардо.

Бовуар имел раздраженный вид, как это нередко случалось с людьми, находящимися близ Рут Зардо. Зато у той было вполне довольное выражение.

– Ведь это она, верно? – спросил Маруа возбужденным и тихим голосом, словно не хотел, чтобы кто-то еще узнал его тайну.

Гамаш кивнул:

– Соседка Клары по Трем Соснам.

Маруа как зачарованный смотрел на Рут. Для него картина словно ожила. Потом они с Гамашем одновременно повернулись к портрету.

Клара написала ее в образе забытой и озлобленной Девы Марии. Изнуренной прожитыми годами, злостью, обидами, настоящими и надуманными. Преданной дружбой. Отказом в заслуженном уважении и любви. Но было в ней и что-то еще. Туманная догадка в этих усталых глазах. О чем-то еще невидимом. Скорее об обещании. Далеком слухе.

Все мазки кисти, все составляющие, все цвета и оттенки свелись к двум крохотным деталям. Двум белым точкам.

В ее глазах.

Клара Морроу уловила момент, когда отчаяние сменяется надеждой.

Франсуа Маруа отошел на полшага и мрачно кивнул:

– Это удивительно. Прекрасно. – Потом Гамашу: – Если только это не обман.

– Вы о чем? – спросил Гамаш.

– Может быть, это вовсе и не надежда, – сказал Маруа, – а всего лишь игра света.

Глава третья

На следующее утро Клара поднялась рано. Надела резиновые сапоги, свитер поверх пижамы, налила себе кофе и села в деревянное садовое кресло за домом.

Официанты выездного ресторана все прибрали, и не осталось никаких свидетельств вчерашнего приема с множеством гостей, барбекю и танцами.

Клара закрыла глаза и подставила лицо молодому июньскому солнцу, слушая птичий щебет на рокочущей речушке Белла-Белла в конце их сада. Чуть меньший шум производили шмели, они летали вокруг пионов, ползали по бутонам, залезали внутрь. Исчезали.

Суетились без дела.

Все это казалось комичным, смешным. Правда, столько всего вокруг казалось смешным, если не знать подоплеки.

Клара Морроу держала в руках теплую кружку, вдыхала аромат кофе и свежескошенной травы. Сирени, пионов и молодых, пахучих роз.

Это была та самая деревня, которая появлялась, когда маленькая Клара залезала с головой под одеяло. Деревня, прятавшаяся за тонкой деревянной дверью ее спальни. Там, по другую сторону двери, спорили ее родители; там братья не замечали ее; там звонил телефон, но никогда – ей; там на нее смотрели так, будто ее и не было, – сквозь нее на кого-то другого. На кого-то красивее. Интереснее. А на Клару там натыкались, будто она была невидимкой, обрывали ее на полуслове, будто она и не говорила.

Но когда она закрывала глаза и натягивала одеяло на лицо, ей представлялась маленькая миленькая деревня в долине. С лесами, цветами и добрыми людьми.

Где суетиться без дела – добродетель.

Сколько Клара себя помнила, она хотела только одного, хотела даже больше, чем персональной выставки. Не богатства, не власти, даже не любви.

Клара Морроу хотела быть своей. И вот, когда ей скоро пятьдесят, эта ее мечта сбылась.

Что, если выставка была ошибкой? Согласившись на выставку, не отделила ли она себя от других?

Перед ее мысленным взором всплывали сцены прошедшего вечера. Ее друзья, другие художники, Оливье, который перехватывал ее взгляд и одобрительно кивал. Радость, которую она испытала, познакомившись с

Андре Кастонге и другими. Счастливое лицо куратора. Барбекю в деревне. Еда, выпивка и фейерверк. Живой оркестр и танцы. Смех.

Облегчение.

Но при свете дня тревога вернулась. Хуже всего было не в разгар шторма, но при легком тумане, приглушавшем солнечный свет.

И Клара знала почему.

Питер и Оливье уехали за газетами. Чтобы привезти слова, которых она ждала всю жизнь. Рецензии. Отзывы критиков.

Блестящая. Провидческая. Виртуозная.

Скучная. Подражательная. Предсказуемая.

Что там будет написано?

Клара сидела, прихлебывала кофе и пыталась не думать об этом. Не замечать, как удлиняются тени, подползают к ней с ходом времени.

Раздался хлопок автомобильной двери, и Клара съежилась на своем кресле – резкий звук вернул ее к реальности.

– Мы верну-у-улись, – пропел Питер.

Клара услышала шаги, приближающиеся к ней, огибающие коттедж. Она вскочила, повернулась и увидела Питера и Оливье. Но они не шли к ней – они стояли без движения. Словно превратились в больших садовых гномов.

И смотрели не на нее, а на клумбу.

– Что там? – спросила Клара, направляясь к ним, ускоряя шаг при виде выражения на их лицах. – Что случилось?

Питер повернулся и, уронив газеты на траву, остановил Клару, чтобы она не подходила ближе.

– Вызывай полицию, – сказал Оливье.

Он подался вперед, к клумбе многолетников с пионами, дицентрой и маками.

И с чем-то еще.

Старший инспектор Гамаш выпрямился и вздохнул.

Сомнений не осталось. Убийство.

У женщины, лежавшей у его ног, была сломана шея. Если бы она лежала внизу лестничного пролета, он, возможно, и подумал бы, что это несчастный случай. Но она лежала на спине в цветочной клумбе. На мягкой траве.

Глаза открыты. Устремлены прямо на солнце, близящееся к полудню.

Гамаш почти ждал, что она моргнет.

Он оглядел аккуратный сад. Знакомый сад. Как часто стояли они здесь

с Питером, Кларой и другими, со стаканом пива в руке, пока готовилось барбекю. Стояли и разговаривали.

Но не сегодня.

Питер и Клара, Оливье и Габри находились у речки. Смотрели. Их с Гамашем разделяла желтая ленточка, великий водораздел. На одной стороне следователи, на другой – подследственные.

– Женщина, белая, – произнесла коронер доктор Харрис.

Она, как и агент Изабель Лакост, стояла на коленях рядом с убитой. Инспектор Жан Ги Бовуар руководил выездной бригадой криминалистов из Квебекской полиции. Они методически прочесывали территорию. Собирали улики. Фотографировали. Тщательно, внимательно делали криминалистическую работу.

– Средних лет, – продолжал звучать голос коронера.

Беспристрастный голос. Ничего, кроме фактов.

Старший инспектор Гамаш внимательно слушал. Он, как никто другой, знал цену факта. Но еще он знал, что убийца редко обнаруживается в фактах.

– Крашеная блондинка, у корней волос видна седина. Вес слегка избыточный. Кольца на безымянном пальце нет.

Факты были необходимы. Они указывали направление, из них сплеталась сеть. Но убийца обнаруживался, когда ты следовал не только фактам, но и чувствам. Тем злобным эмоциям, которые превращают человека в убийцу.

– Шея сломана на втором позвонке.

Старший инспектор Гамаш слушал и наблюдал. Знакомая рутинная работа. Но всегда вызывающая ужас.

Тот факт, что один человек забрал жизнь у другого, всегда потрясал его, хотя он много лет проработал главой отдела по расследованию убийств знаменитой Квебекской полиции. Повидал множество убийств. И убийц.

И каждый раз поражался тому, что один человек забрал жизнь другого.

Питер Морроу смотрел на красные туфли, торчащие из клумбы. Он были надеты на ноги, а ноги принадлежали мертвой женщине, чье тело лежало в траве его сада. Он не видел тела за высокими цветами. Но ноги видел. Он отвернулся. Попытался сосредоточиться на чем-нибудь другом. На следователях, на Гамаше и его команде – вот они тут сгибаются, наклоняются, бормочут что-то, словно хором читают молитву. Совершают какой-то темный ритуал в его саду.

Питер обратил внимание, что Гамаш никогда не делал заметок. Он

только слушал и уважительно кивал. Задавал вопросы, смотрел задумчиво. Заметки на память делали другие. В данном случае агент Лакост.

Питер пытался отвлечься, сосредоточиться на красоте сада.

Но его глаза постоянно возвращались к телу на клумбе.

Неожиданно Гамаш быстро повернулся и посмотрел на него. И Питер тут же инстинктивно опустил глаза, словно сделал что-то стыдное.

Он сразу пожалел об этом и поднял голову, но старший инспектор больше не искал его взгляда – он шел к нему.

Питер хотел было отвернуться этак небрежно. Будто его привлек какой-то звук – олень в лесу по другую сторону речушки.

Он начал поворачиваться, но заставил себя остановиться.

Ему незачем прятать глаза, сказал он себе. Он не совершил ничего предосудительного. А наблюдать за действиями полиции – что ж, это естественное человеческое желание.

Разве нет?

Но Питер Морроу, всегда такой уверенный, чувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Он больше не знал, что естественно, а что – нет. Не знал, что ему делать с руками, глазами, со всем телом. Со своей жизнью. Со своей женой.

– Клара, – сказал Гамаш, протягивая ей руку, а потом поцеловал Клару в обе щеки.

Если другие следователи и сочли странным, что их шеф целует подозреваемую, то ничем этого не показали. А Гамашу явно было все равно.

Он обошел группку, каждому пожал руку. Последним он подошел к Оливье, явно давая тому время подготовиться. Гамаш протянул руку. Все замерли, вдруг забыв о мертвом теле.

Оливье, не раздумывая, протянул руку, вот только в глаза Гамашу не смог заставить себя посмотреть.

Старший инспектор улыбнулся им едва заметной, чуть ли не извиняющейся улыбкой, словно тело оказалось здесь по его вине. Питер подумал: неужели так и начинаются всякие жизненные кошмары? Не с удара грома. Не с крика. Не с воя сирен. А с улыбки. Надвигалось что-то страшное, но оно было любезно и хорошо воспитано.

Правда, что-то ужасное уже успело побывать здесь и ушло. Оставив после себя мертвое тело.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Гамаш, снова возвращаясь к Кларе.

Это был не пустой вопрос. Старший инспектор выглядел искренне

озабоченным.

Питер испытал облегчение, когда этот человек снял с него груз этого тела, взвалил на свои широкие, крепкие плечи.

Клара помотала головой.

– Я просто ошеломлена, – сказала она наконец и оглянулась. – Кто она?

– Вы не знаете?

Гамаш перевел взгляд с Клары на Питера, потом на Габри и на Оливье. Каждый из них покачал головой в знак отрицания.

– Она не была гостьей на вашей вечеринке?

– Наверно, была, – сказала Клара. – Но я ее не приглашала.

– Кто она? – спросил Габри.

– Вы на нее посмотрели? – упорно продолжал Гамаш, который еще не был готов ответить на этот вопрос.

Все кивнули.

– Мы вызвали полицию, а потом я вернулась в сад посмотреть, – сказала Клара.

– Зачем?

– Я должна была посмотреть, знаю ли я ее, – ответила Клара. – Может быть, это кто-то из друзей или соседей.

– Она ни то и ни другое, – вмешался Габри. – Я готовил завтрак в нашей гостинице, когда позвонил Оливье и сообщил, что случилось.

– И вы пришли сюда? – спросил Гамаш.

– А вы бы не пришли? – ответил вопросом на вопрос Габри.

– Ну, я ведь детектив, – сказал Гамаш. – Это моя обязанность. Про вас такого не скажешь.

– А я – любопытный сукин сын, – сказал Габри. – В некотором роде это тоже моя обязанность. И, как и Кларе, мне нужно было посмотреть, не знаю ли я ее.

– Кому-нибудь еще вы говорили? – спросил Гамаш. – Кто-нибудь еще заходил в сад посмотреть?

Они снова покачали головой.

– Значит, вы все внимательно посмотрели и никто ее не узнал?

– Так кто она? – еще раз спросила Клара.

– Мы не знаем, – признался Гамаш. – Она упала на свою сумочку, а доктор Харрис пока не хочет ее перемещать. Но скоро мы узнаем.

Габри неуверенно спросил у Оливье:

– Она тебе ни о чем не напоминает?

Оливье хранил молчание. И тут Питер произнес:

– Ведьма мертва?

– Питер, – быстро сказала Клара. – Женщину убили и оставили в нашем саду. Что за ужасные вещи ты говоришь!

– Прошу прощения, – пробормотал Питер, потрясенный собственными словами. – Но она и в самом деле похожа на Злую Ведьму Запада с этими ее красными туфлями[13].

– Мы не говорим, что она ведьма, – поспешил вставить Габри. – Но вы не можете отрицать, что в такой одежде она похожа на жительницу Канзаса.

Клара закатила глаза, покачала головой и пробормотала:

– Господи Исусе.

Но Гамаш вынужден был признать: он со своей командой говорил о том же. Нет, убитая не напоминала им Ведьму Запада, но она явно была одета не для барбекю в саду.

– Я ее вчера не видел, – сказал Питер.

– А мы бы ее запомнили, – заговорил наконец Оливье. – Такую не забудешь.

Гамаш кивнул. Он вполне мог это понять. В таком блестящем красном платье убитая явно выделялась бы на общем фоне. Все в этой женщине кричало: «Посмотрите на меня!»

Он снова взглянул на убитую, пытаясь вспомнить, не было ли вчера на вернисаже кого-то в ярко-красном платье. Возможно, она приехала прямо оттуда, как, предположительно, и большинство гостей. Но никого похожего он не вспомнил. Большинство женщин (за примечательным исключением Мирны) были облачены не в столь яркие одежды.

И тут ему в голову пришла одна мысль.

– Excusez-moi[14].

Он быстро пошел по газону к Бовуару, перекинулся с ним несколькими словами, а потом вернулся, уже не так быстро, о чем-то думая.

– По дороге сюда я прочел отчет, но хотел бы услышать от вас лично, как было обнаружено тело.

– Первыми ее увидели Питер и Оливье, – сказала Клара. – Я сидела в кресле. – Она махнула рукой, показывая на желтое садовое кресло, одно из двух. На деревянном подлокотнике все еще стояла кружка с кофе. – Они поехали за газетами в Ноултон, а я сидела ждала их.

– А зачем газеты?

– Рецензии.

– Ах да, конечно. И теперь мне ясно, откуда… – Он показал на пачку

газет, лежащих на траве за желтой полицейской лентой.

Клара тоже посмотрела на газеты. Ей хотелось бы сказать, что она совсем забыла о рецензиях, когда обнаружилась страшная находка, но это было бы неправдой. «Нью-Йорк таймс», торонтская «Глоуб энд мейл», лондонская «Таймс» лежали на земле там, где выпали из руки Питера.

Вне пределов ее досягаемости.

Гамаш недоуменно посмотрел на Клару:

– Но если вам так хотелось прочитать рецензии, то почему не посмотрели в Интернете? Рецензии там должны были появиться несколько часов назад. Разве нет?

Тот же самый вопрос задавал ей и Питер. И Оливье. Как это объяснить?

– Потому что я хотела держать газеты в руках, – ответила Клара. – Я хотела прочитать рецензии обо мне так, как я читаю рецензии о других художниках, которых люблю. Я должна была потрогать газетную бумагу. Ощутить ее запах. Полистать страницы. Я всю жизнь мечтала об этом. Мне казалось, это стоит лишнего часа ожидания.

– Значит, вы около часа просидели сегодня утром в саду?

Клара кивнула.

– В какой промежуток времени это было? – спросил Гамаш.

– Приблизительно с семи тридцати до их возвращения около восьми тридцати. – Клара посмотрела на Питера.

– Все верно, – подтвердил Питер.

– Что вы увидели, когда вернулись? – спросил Гамаш у Питера и Оливье.

– Мы вышли из машины, а поскольку мы знали, что Клара сидит в саду, то решили идти прямо сюда. – Питер показал на угол дома, где на старом сиреневом кусте еще оставались последние цветы весеннего сезона.

– Я шел за Питером, и вдруг он остановился, – сказал Оливье.

– Когда мы обогнули дом, я увидел на земле что-то красное, – продолжил Питер. – Кажется, я подумал, что это упавший мак. Но размеры были слишком велики. Поэтому я остановился и посмотрел. И тогда увидел, что это женщина.

– И что вы сделали?

– Я решил, что это кто-то из гостей – может, перебрала вчера и вырубилась, – сказал Питер. – Проспала всю ночь у нас в саду. Но когда я увидел, что глаза у нее открыты, а голова…

Он вывернул свою голову, но, конечно, не смог продемонстрировать того угла. Такой подвиг доступен только мертвым.

– А вы? – обратился Гамаш к Оливье.

– Я попросил Клару вызвать полицию, – ответил Оливье. – Потом я позвонил Габри.

– Вы говорите, у вас были гости? – спросил Гамаш. – Люди с вернисажа?

Габри кивнул:

– Пара художников, приехавших из Монреаля, решили остановиться в нашей гостинице. Другие предпочли гостиницу со спа-салоном.

– Они заказывали номера заранее?

– Что касается нашей гостиницы, то нет. Договорились прямо во время вечеринки.

Гамаш кивнул, повернулся и помахал агенту Лакост. Та быстро подошла к нему, выслушала распоряжение и направилась к двум молодым агентам, которые, кивнув, удалились.

Клару всегда поражало, как легко начальствует Гамаш и как естественно люди исполняют его приказы. Он никогда не кричал, не выходил из себя, не был резким. Всегда отдавал приказы самым спокойным и вежливым тоном. Его приказы были похожи на просьбы. Но никто из подчиненных не ошибался на сей счет.

Гамаш снова обратился к четверым друзьям:

– Кто-нибудь из вас прикасался к телу?

Они переглянулись и покачали головой.

– Нет, – сказал Питер.

Теперь он чувствовал себя увереннее. На прямые вопросы следовали четкие ответы.

Опасаться нечего.

– Если вы не возражаете… – Гамаш направился к садовому креслу.

Даже если бы они возражали, это не имело бы значения. Он шел туда и приглашал их за собой.

– До их возвращения, когда вы сидели тут в одиночестве, вы не заметили ничего странного? – спросил он на ходу.

Казалось очевидным, что если бы Клара увидела тело в саду, то сказала бы об этом раньше. Но он хотел знать не о теле. Это был сад Клары, она знала в нем каждый уголок. Может быть, она заметила еще что-то необычное. Сломанное растение, помятый куст.

Какую-нибудь деталь, упущенную его командой. Что-то столь незаметное, на что даже она не обратила внимания, пока он не задал этого вопроса.

И к ее чести, она не выступила с какой-нибудь неуместной репликой.

Это сделал Габри:

– Вы имеете в виду тело?

– Нет, – ответил Гамаш, когда они подошли к креслу. Он развернулся и оглядел сад с этого места. Да, увидеть отсюда убитую было невозможно – ее закрывали цветочные клумбы. – Я имею в виду что-нибудь другое.

Он обратил вдумчивый взгляд на Клару.

– Есть в вашем саду сегодня утром что-нибудь необычное? – Он предостерегающе посмотрел на Габри, и тот приложил палец к губам. – Что-нибудь незначительное? Какая-нибудь мелочь?

Клара огляделась. На газоне с задней стороны дома было несколько больших цветочных клумб. Некоторые круглые, некоторые удлиненные. Высокие деревья вдоль берега реки отбрасывали пятнистые тени, но большая часть участка купалась в лучах полуденного солнца. Клара, как и остальные, прощупала весь сад взглядом.

Было ли в нем что-то необычное? Сейчас трудно было сказать – столько народа, газеты на траве, работающие криминалисты, желтая полицейская лента. Газеты. Тело. Газеты.

Все было необычным.

Клара снова посмотрела на Гамаша, умоляя глазами о помощи.

Гамашу не хотелось помогать ей, не хотелось давать подсказки, услышав которые она может увидеть то, чего на самом деле не существует.

– Не исключено, что убийца прятался здесь, – сказал он наконец. – Выжидал.

Он не стал развивать эту мысль, увидев, что Клара поняла. Она повернулась к саду. Неужели человек, замысливший убийство, ждал здесь? В ее святилище?

Прятался среди цветочных клумб? Сидел на корточках за высокими пионами? Стоял на коленях за растущими флоксами?

Ждал?

Она осмотрела все многолетники, все кусты, проверяя, не упало ли что-нибудь на траву, не сломана ли ветка, не сорван ли бутон.

Но все было в идеальном порядке. Мирна и Габри несколько дней трудились в саду, чтобы он выглядел безупречно к вечеринке. Он и выглядел безупречно. Вчера. И сегодня утром.

Вот только полицейские, словно жуки, ползали повсюду. И тело в ярко-красном платье лежало на клумбе. Разрушенное очарование.

– Ты ничего не видишь? – спросила она у Габри.

– Нет, – ответил он. – Если убийца и прятался здесь, то не в клумбах. Может быть, за каким-нибудь деревом?

Он махнул рукой в сторону кленов, но Гамаш покачал головой:

– Слишком далеко. Ему понадобилось бы много времени, чтобы пересечь газон, обойти клумбы. Жертва увидела бы его.

– Так где же он прятался? – спросил Оливье.

– Он не прятался, – сказал Гамаш, садясь в кресло.

С этого места увидеть убитую было невозможно. Нет, Клара не видела тела.

Старший инспектор поднялся:

– Он не прятался. Он ждал на виду.

– И она подошла прямо к нему? – спросил Питер. – Она его знала?

– Или же он подошел к ней, – сказал Гамаш. – В любом случае ничто ее не насторожило, не напугало.

– Но что она здесь делала? – спросила Клара. – Тут готовили барбекю. – Она показала на газон. – Всё было здесь. Еда, выпивка, музыка. Ресторанная бригада поставила столики перед фасадом дома.

– Но если кто-то захотел бы, то он мог обойти дом? – спросил Гамаш, пытаясь воссоздать обстановку вчерашнего вечера.

– Конечно, – ответил Оливье. – Если кто хотел – тут не было ни ограждения, ни натянутых веревок. Какая в них нужда?

– Понимаете… – начала Клара.

Все повернулись к ней.

– Понимаете, я сюда вчера не заходила, в отличие от других вечеринок, когда, случалось, забегала передохнуть здесь минутку-другую.

К общему удивлению, Габри кивнул:

– Я иногда делаю то же самое. Чтобы побыть несколько минут наедине.

– А вчера вы сюда не заходили? – спросил Гамаш.

Габри покачал головой:

– Слишком много было дел. У нас была выездная бригада из ресторана, но все равно за ними нужно присматривать.

– Значит, убитая могла зайти сюда на минутку, – сказал Гамаш. – Она могла и не знать, что это ваш дом. – Он посмотрел на Клару и Питера. – Просто выбрала уединенное место, подальше от людей.

После этих слов на несколько секунд воцарилось молчание. Они представляли себе женщину в красном кричащем платье. Вот она проскользнула мимо старого кирпичного дома. Подальше от музыки, от фейерверка, от людей, смотрящих на нее.

Чтобы несколько минут побыть в тишине и покое.

– Непохоже, чтобы она была робкого десятка, – заметил Габри.

– Как и вы, – сказал Гамаш, слегка улыбнувшись.

Он еще раз окинул взглядом сад.

Тут был один вопрос. Нет, вопросов было много, но в данный момент старшего инспектора интересовало, почему никто из этих четверых не видел убитую живой, среди гостей.

– Bonjour.

К ним подошел инспектор Жан Ги Бовуар. При его приближении на лице Габри появилась улыбка, и он протянул руку.

– Я начинаю думать, что вы приносите несчастье, – сказал Габри. – Стоит вам приехать в Три Сосны, как здесь обнаруживается труп.

– А я думаю, что вы их специально привозите, чтобы мне не было скучно, – откликнулся Бовуар, тепло пожимая руку Габри, потом Оливье.

Они видели друг друга вчера на вернисаже. Тогда они находились на территории Питера и Клары. В галерее. Но здесь была территория Бовуара – место преступления.

Искусство пугало его. Но если на стену повесить мертвое тело, тут он был в своей стихии. Или если, как в данном случае, спрятать тело в саду. Это он понимал. С этим все было просто. Всегда просто.

Кто-то так ненавидел жертву, что убил ее.

Его работа состояла в том, чтобы найти убийцу и упрятать его в тюрьму.

Тут не было места для субъективного. Не стояло вопроса, плохо или хорошо. Никто не говорил о перспективе и оттенках. О тенях. И нечего тут было понимать. Нужно было принимать мир таким, какой он есть.

Собирать факты. Выстраивать их в определенном порядке. Искать убийцу.

Да, это было просто, хотя голову нередко приходилось поломать.

Но Бовуар готов был променять любой вернисаж на убийство.

Хотя, как и все остальные, он подозревал, что убийство и вернисаж здесь взаимосвязаны.

Эта мысль тревожила его.

– Вот фотография, которую вы просили. – Бовуар протянул старшему инспектору снимок.

Гамаш посмотрел на него:

– Merci. C’est parfait[15]. – Он оглядел четверку своих собеседников. – Я бы хотел, чтобы вы посмотрели эти фотографии убитой.

– Но мы ее уже видели, – возразил Габри.

– Так ли? Когда я спросил, видели ли вы ее на вечеринке, вы все сказали, что ее трудно было бы не заметить в этом красном платье. Я думал

так же. Когда я попытался вспомнить, видел ли я ее вчера на вернисаже, то на самом деле вспоминал, не попадалась ли мне на глаза женщина в ярко-красном. Я вспоминал платье, а не женщину.

– И что? – спросил Габри.

– Предположим, она поменяла платье, – сказал Гамаш. – Возможно, она была на вернисаже в чем-то другом, более консервативном. Она могла приехать сюда…

– И в разгар вечеринки переодеться в красное платье? – недоуменно спросил Питер. – Зачем бы ей это понадобилось?

– А зачем кому-то понадобилось ее убивать? – парировал Гамаш. – Как мог совершенно незнакомый человек оказаться на вечеринке? Вопросов всяких много, и я не говорю, что нашел ответ, но есть вероятность, что платье произвело на вас сильное впечатление и вы не обратили внимания на лицо.

Он поднял фотографию:

– Вот как она выглядит.

Он протянул снимок сначала Кларе. Глаза женщины теперь были закрыты. Лицо спокойное, чтобы не сказать расслабленное. Даже во сне на лице остаются признаки жизни. На фотографии лицо было пустое. Без всякого выражения. Никаких мыслей, никаких эмоций.

Клара отрицательно покачала головой и передала фотографию Питеру. Снимок обошел всех, и у всех реакция была одинаковая.

Ничего.

– Коронер готова переместить тело, – сказал Бовуар.

Гамаш кивнул и сунул фотографию в карман. Он знал, что у Бовуара, Лакост и других будут свои копии. Извинившись, они с Бовуаром направились к телу.

Два санитара стояли у носилок, ожидая команды переложить на них убитую женщину и отнести в машину. Тут же стоял фотограф. Все смотрели на старшего инспектора Гамаша, ждали его приказа.

– Вы можете сказать, когда она умерла? – спросил Бовуар у коронера, которая только что встала и начала разминать затекшие ноги.

– От двенадцати до пятнадцати часов назад, – ответила доктор Харрис.

Гамаш посмотрел на часы, произвел несложные расчеты. Сейчас было воскресенье, половина двенадцатого. Это означало, что вчера в половине девятого неизвестная была жива, а к полуночи уже мертва. Воскресенья она так и не увидела.

– Никаких явных следов сексуального или какого-либо иного насилия,

если не считать сломанной шеи, – сказала доктор Харрис. – Смерть наступила мгновенно. Никакой борьбы. Я думаю, убийца встал у нее за спиной и свернул ей шею.

– Так просто, доктор Харрис? – спросил старший инспектор.

– Боюсь, что так. В особенности если жертва не ожидала ничего подобного. Если она была расслаблена и ее застали врасплох, то никакого сопротивления с ее стороны быть не могло. Одно быстрое движение – и шея свернута.

– Но многие ли знают, как ломать шею? – спросила агент Лакост, разглаживая на себе брюки.

Как и большинство квебекцев, она была небольшого роста и умела выглядеть изящной, даже если одевалась непритязательно для выезда за город.

– Для этого ничего особенного не требуется, – ответила доктор Харрис. – Одно движение. Но не исключено, что у убийцы был запасной план. Задушить ее, если не удастся сломать шею.

– Вы говорите об этом как о бизнес-плане, – заметила Лакост.

– Может, так оно и было, – сказала коронер. – Холодный, расчетливый человек. Чтобы сломать кому-то шею, не нужно много сил, но поверьте, эмоционально это очень трудно. Вот почему большинство убийств совершается огнестрельным оружием или ударом дубинкой по голове. Или даже ударом ножа. Пусть убийство будет совершено не собственными руками, а чем-то другим. Не в борьбе, а в рассчитанном, хладнокровном деянии. Нет, – сказала доктор Харрис, отворачиваясь от тела. – Для этого нужен человек особого склада.

– Что вы имеете в виду под «особым складом»? – спросил Гамаш.

– Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, старший инспектор.

– Но я хочу, чтобы вы прояснили свою мысль.

– Это человек, которому было абсолютно все равно, психопат. Или человек, которому было очень, очень не все равно. Который хотел сделать это собственными руками. В буквальном смысле забрать эту жизнь.

Доктор Харрис посмотрела на Гамаша, и тот кивнул:

– Merci.

Он подал знак санитарам, и они подняли тело и положили на носилки. Мертвую женщину накрыли простыней и унесли. Больше ей уже никогда не лежать на солнце.

Фотограф принялся щелкать аппаратом; вокруг места, где лежала убитая, сомкнулась команда криминалистов. Начался сбор улик с того места, где лежало тело. Включая и сумочку. Все найденное было аккуратно

каталогизировано, проверено, сфотографировано, данные распечатаны и принесены Бовуару.

Губная помада, тональный крем, пачка влажных салфеток, ключи от машины, ключи от дома и бумажник.

Бовуар раскрыл бумажник, прочитал фамилию на водительских правах и протянул права старшему инспектору:

– У нас есть имя, шеф. И адрес.

Гамаш посмотрел на права, потом на четырех местных жителей, поедавших его глазами. Он пересек газон и подошел к ним.

– Мы знаем, кто убитая. – Гамаш заглянул в права. – Лилиан Дайсон.

– Что? – воскликнула Клара. – Лилиан Дайсон?

Гамаш впился в нее взглядом:

– Вы ее знаете?

Клара недоуменно посмотрела на Гамаша, потом устремила взгляд куда-то за рокочущую Белла-Беллу, в дальний лес.

– Конечно нет, – прошептала она.

– Кто она? – спросил Габри, но Клара словно погрузилась в ступор – она смотрела на лес.

– Позвольте мне еще раз взглянуть на фотографию, – сказала она наконец.

Гамаш протянул ей водительские права. Фотография там была так себе, но явно лучше, чем сделанная сегодня утром. Клара вгляделась в нее, потом глубоко, протяжно вздохнула и, прежде чем выпустить из себя воздух, задержала дыхание.

– Может, это она. Волосы другие. Блондинка. И она гораздо старше. Полнее. Но возможно, это она.

– Кто? – еще раз спросил Габри.

– Лилиан Дайсон, конечно, – ответил Оливье.

– Да это я уже слышал, – огрызнулся Габри. – Но кто она такая?

– Лилиан была…

Питер замолчал, когда Гамаш поднял руку. Не угрожающе, а чтобы остановить Питера. И Питер замолчал.

– Сначала я должен услышать это от Клары, – сказал старший инспектор. – Не хотите поговорить со мной наедине?

Немного подумав, Клара кивнула.

– Что? Без нас? – возмутился Габри.

– Извини, mon beau[16] Габри, – сказала Клара. – Но я хочу поговорить с ними приватно.

Габри посмотрел на нее обиженным взглядом, но принял неизбежное.

Они с Оливье пошли прочь и вскоре скрылись за углом дома.

Гамаш перехватил взгляд Лакост и кивнул, потом посмотрел на два садовых кресла, стоящие перед ним.

– Мы можем найти еще два кресла?

С помощью Питера принесли еще два кресла, и они вчетвером сели в круг. Если бы между ними горел костерок, это можно было бы счесть за историю о привидениях.

И в некотором роде так оно и было.

Глава четвертая

Габри и Оливье вернулись в бистро как раз к наплыву посетителей на ланч. В бистро было полно народа, но все разговоры, все движения прекратились, когда эти двое вошли в зал.

– Ну? – раздался в полной тишине голос Рут. – Кто там гикнулся?

Это разрушило дамбу, и полился поток вопросов:

– Это кто-то, кого мы знаем?

– Я слышал, это кто-то из гостиницы на холме.

– Женщина.

– Вероятно, кто-то с вечеринки. Клара ее знала?

– Она местная?

– Это было убийство? – потребовала ответа Рут.

И если вначале она первая нарушила молчание, то теперь она же погрузила в него собравшихся. Все вопросы прекратились, и все взгляды переместились со старой поэтессы на двух владельцев бистро.

Габри обратился к Оливье:

– Что мы им скажем?

Оливье пожал плечами:

– Гамаш не брал с нас обета молчания.

– Да прекратите вы нести этот бред, – отрезала Рут. – Скажите толком. И дайте мне выпить. А лучше сначала дайте мне выпить, а потом скажите нам, что случилось.

Послышался всеобщий гул, и Оливье поднял руки:

– Хорошо, хорошо. Мы расскажем все, что знаем.

И он начал рассказывать.

В саду найдено мертвое тело некой женщины по имени Лилиан Дайсон. Это сообщение было встречено молчанием, потом раздался тихий гул – люди обменивались мнениями. Никаких вскриков, никаких обмороков, и рубашек на себе тоже никто не рвал.

Это имя никому ничего не говорило.

Да, ее обнаружили в саду Морроу, подтвердил Оливье.

Убитой.

После этого наступила долгая пауза.

– Должно быть, что-то в той воде[17], – пробормотала Рут, которую и под страхом смерти нельзя было заставить молчать. – Как ее убили?

– Ей сломали шею, – ответил Оливье.

– И кто эта Лилиан? – спросил кто-то из дальнего угла бистро.

– Кажется, Клара ее знает, – сказал Оливье. – Но мне она об этой женщине никогда не говорила.

Он посмотрел на Габри – тот тоже отрицательно покачал головой.

В этот момент Оливье заметил, что после них в бистро зашел еще кто-то и остановился в дверях, наблюдая за происходящим.

Это была агент Лакост, которую прислал старший инспектор Гамаш, понимавший, что эти двое расскажут все, о чем им стало известно. И старший инспектор хотел знать, не выдаст ли себя кто-нибудь из присутствующих в бистро, услышав рассказ Габри и Оливье.

– Расскажите мне, – попросил Гамаш.

Он наклонился вперед, уперев локти в колени. Одной рукой он слегка придерживал другую. Это был новый для него жест, но необходимый.

Рядом с ним держал наготове ручку и блокнот инспектор Бовуар.

Клара откинулась на спинку глубокого деревянного кресла и вцепилась в широкие теплые подлокотники, словно чтобы не упасть. Она не подавалась вперед, напротив, вжималась в кресло.

Возвращалась из дверей их дома, из Трех Сосен, в далекое прошлое. Назад в Монреаль. В колледж искусств, в аудитории, на студенческие выставки. Из колледжа Клара Морроу переместилась в школу, в старшие классы, потом в средние, потом в начальные.

Наконец она остановилась перед маленькой девочкой, соседкой с ярко-рыжими волосами.

Лилиан Дайсон.

– Лилиан была моей лучшей подружкой в детстве, – начала Клара. – Она жила по соседству и была на два месяца старше меня. Мы были неразлучны. И в то же время являлись полными противоположностями. Она росла быстрее и была выше. Умненькая девочка, хорошо училась. А я тащилась у нее в хвосте. Кое-что я умела делать неплохо, но в классе словно впадала в ступор. Я нервничала. Одноклассники рано начали меня задирать, но Лилиан всегда меня защищала. Никто не смел идти поперек Лилиан. Она была крутой девчонкой.

Клара улыбнулась, вспомнив Лилиан с ее огненно-рыжими волосами. Она одна защищала Клару от других девчонок. Бросала им вызов. Клара стояла за ее спиной. Ей хотелось встать рядом с подружкой, но не хватало мужества. Пока не хватало.

Лилиан, ее драгоценная, единственная девочка.

Драгоценная подружка.

Лилиан была хорошенькой, а Клара – с характером.

Они были ближе, чем сестры. Родственные души – так говорили они друг дружке в высокопарных записках, которыми обменивались. Друзья на всю жизнь. Они придумали шифр и секретный язык. Они прокололи себе пальцы и торжественно смешали свою кровь. Провозгласили себя сестрами.

Они влюблялись в одних и тех же парней из телевизионных шоу, целовали постеры и плакали, когда распалась группа «Bay City Rollers»[18] и закончились «Братья Харди»[19].

Все это она рассказала Гамашу и Бовуару.

– Что же случилось потом? – тихо спросил старший инспектор.

– Откуда вы знаете, что что-то случилось?

– Вы ведь не узнали ее.

Клара покачала головой. Что случилось? Как это объяснить?

– Лилиан была моей лучшей подругой, – повторила Клара, словно ей самой нужно было услышать это. – Она спасла мое детство. Без нее оно было бы сплошным несчастьем. Я так по сей день и не знаю, почему она выбрала в подруги меня. Она могла бы выбрать кого угодно. Все хотели быть друзьями Лилиан. По крайней мере, поначалу.

Мужчины ждали под лучами жаркого полуденного солнца – сидеть на этом пекле становилось все неудобнее. Однако они ждали.

– Но за то, чтобы быть другом Лилиан, нужно было заплатить свою цену, – сказала наконец Клара. – Она создала прекрасный мир. Веселый и безопасный. Но она всегда должна была оставаться правой и всегда быть первой. Вот такова была цена ее дружбы. Поначалу это казалось справедливым. Она устанавливала правила, и я им подчинялась. И в любом случае это было довольно смешно, так что споров на этот счет у нас не возникало. Для меня это не имело значения.

Клара сделала глубокий вдох. Выдохнула.

– А потом это стало иметь значение. В старших классах все стало меняться. Я сначала этого не поняла, но как-то раз позвонила Лилиан в субботу вечером узнать, не хочет ли она прогуляться. Сходить в кино или еще куда. Она сказала, что перезвонит мне позже, но так и не перезвонила. Тогда я позвонила ей еще раз, и тут оказалось, что она ушла.

Клара посмотрела на троих мужчин. Она видела, что если ее слова им и понятны, то эмоции – не всегда. Что она чувствовала. В особенности в первый раз. Когда осталась одна.

Это казалось таким малозначительным, мелким. Но то была первая

трещинка в их дружбе.

Тогда Клара не поняла этого. Он решила, что Лилиан, наверное, просто забыла ей перезвонить. И потом, у нее было право пойти гулять с другими друзьями.

Как-то на уик-энд Клара тоже договорилась пойти погулять с новой подружкой.

Узнав об этом, Лилиан просто взбесилась.

– Несколько месяцев прошло, прежде чем она меня простила.

И тут Клара заметила отвращение, проступившее на лице Жана Ги. Из-за того ли, что Лилиан унижала ее, или из-за того, что Клара позволяла так обходиться с собой? Как это ему объяснить? Как она объясняла это самой себе?

Тогда все это казалось само собой разумеющимся. Она любила Лилиан. Лилиан любила ее. Защищала от недругов. Никогда не причиняла Кларе боли. По крайней мере, специально.

Если и случались ссоры, то по вине Клары.

Потом все приходило в норму. Все грехи прощались, и Лилиан с Кларой снова становились лучшими подругами. Клара вновь приглашалась в убежище под названием Лилиан.

– Когда вы впервые начали подозревать? – спросил Гамаш.

– Что подозревать?

– Что Лилиан вам вовсе не друг?

Впервые она услышала эти слова, произнесенные вслух. Произнесенные так ясно и недвусмысленно. Их отношения всегда казались такими сложными, трудными. Клара всегда была надоедливой, неуклюжей. Всегда отворачивалась от их дружбы, предавала ее. А Лилиан была сильной, независимой. Прощала подружку. Собирала заново черепки разбитой дружбы.

Но вот настал день…

– Мы заканчивали школу. Большинство девчонок рассорились из-за парней, из-за того, что оказались в разных компаниях, или просто по глупости. Из-за уязвленных чувств. Учителя и родители думают, что классы наполнены учащимися, но на самом деле это не так. Их наполняют чувства. Стычки. Обиды. Сплошной кошмар.

Клара сняла руки с подлокотников. Их обжигало солнце. И потому Клара сложила их на животе.

– Наши с Лилиан отношения были ровными. Больше никаких серьезных взлетов и падений. Но как-то раз на уроке рисования наш любимый учитель похвалил меня за рисунок. Это был единственный

предмет, по которому я хорошо успевала, который меня интересовал, хотя по английскому и истории у меня тоже были неплохие отметки. Но рисование было моей страстью. И у Лилиан тоже. Мы обменивались друг с другом идеями. Теперь я понимаю, что на самом деле мы были музами друг для друга, хотя я тогда и не знала этого слова. Я даже помню тот рисунок, который понравился учителю.

Клара, счастливая, посмотрела на Лилиан. Ей так хотелось поймать взгляд подруги. Это была маленькая похвала. Крохотное торжество. Она хотела разделить свои чувства с единственным человеком, способным ее понять.

И она разделила. Но… Но… За мгновение до того, как лицо Лилиан расплылось в улыбке, Клара увидела что-то еще. Неприязнь.

А потом – дружеская, счастливая улыбка. Перемена произошла так быстро, что Клара убедила себя: ей померещилось, что ее незащищенность кажущаяся.

«Это опять моя вина», – сказала она себе.

Но, оглядываясь назад, Клара понимала, что трещина расширялась. Через какие-то щели пробивался свет, через другие просачивалась темнота.

Клара проанализировала то, что творится в сердце Лилиан. И ей это не понравилось.

– Мы вместе поступили в художественный колледж и делили с ней комнату. Но к тому времени я научилась преуменьшать те похвалы, что звучали в мой адрес. И много времени проводила, рассказывая Лилиан, как великолепны ее работы. А они и в самом деле были великолепны. Конечно, все, что мы делали, претерпевало изменения, эволюционировало. Мы экспериментировали. По крайней мере, я экспериментировала. Я вроде как решила для себя, что в этом и есть смысл обучения в художественном колледже. Не делать как правильно, а проверять пределы возможного. Не ограничивать себя.

Клара помолчала, посмотрела на свои сплетенные пальцы.

– Лилиан это не нравилось. Мои работы казались ей слишком необычными. Лилиан чувствовала, что они бросают тень на нее. Она говорила: люди, мол, считают ее моей музой, значит мои работы – о ней. А поскольку они такие странные, значит и она, Лилиан, тоже странная. – Клара помолчала. – Она просила меня прекратить.

В первый раз Клара заметила какую-то реакцию у прежде невозмутимого Гамаша. Его глаза чуть-чуть сощурились, но потом на его лицо снова вернулось бесстрастное выражение. Нейтральное. Невозможно было сказать, как он относится к услышанному.

Он ничем не выдавал себя внешне.

Ничего не говорил. Только слушал.

– И я прекратила, – тихо сказала Клара, опустив голову, словно обращалась к своим коленям.

Прерывисто вздохнув, она почувствовала, как ее тело словно сдулось.

Точно так же она чувствовала себя и тогда. Словно в ней появился маленький прокол, через который выходит воздух.

– Я не раз говорила ей, что на многие работы меня вдохновила именно она, а некоторые из них – дань нашей дружбе, но они – это не она. Она отвечала, что это не имеет значения. Значение имеет лишь то, что другие думают: эти работы – про нее. Если она мне небезразлична, если я ее подруга, то я должна перестать писать такие странные вещи. И начать писать что-нибудь привлекательное. И я стала писать привлекательное. Я уничтожила все прежние работы и стала писать то, что нравится людям.

Клара говорила и говорила, не отваживаясь смотреть на тех, кто ее слушал.

– И в самом деле, отметки у меня улучшились, и я убедила себя, что сделала правильный выбор. Что нехорошо было бы променять карьеру на друга.

Тут она подняла голову и посмотрела прямо в глаза старшему инспектору Гамашу. Снова отметила глубокий шрам у его виска. И ровный, задумчивый взгляд.

– Эта жертва представлялась мне незначительной. Потом пришло время студенческой выставки. У меня для выставки было несколько работ, а у Лилиан – ни одной. Вместо этого она решила написать рецензию в рамках курса художественной критики. Она написала статью для газеты. В ней она хвалила работы некоторых студентов, но от моих не оставила камня на камне. Написала, что они бессодержательные, лишены какого-либо чувства. Осторожные.

Клара до сих пор чувствовала дрожь, бурление, вулканическую ярость.

От их дружбы остались одни обломки. И ни одного крупного. Склеить невозможно.

Но из этой груды обломков выросла непримиримая вражда. Ненависть. Казалось, взаимная.

Клара замолчала. Даже теперь ее трясло.

Питер потянулся к ней, расцепил ее пальцы, погладил по руке.

Солнце продолжало припекать, и Гамаш, встав, предложил пересесть куда-нибудь в тень. Клара поднялась, мимолетно улыбнулась Питеру, забрала у него руку. Они взяли свои кресла и пошли к берегу речушки, где

было прохладно и тенисто.

– Нам, пожалуй, нужно немного передохнуть, – сказал Гамаш. – Хотите что-нибудь выпить?

Клара кивнула, не в силах говорить.

– Bon[20], – сказал Гамаш, глядя на свою бригаду криминалистов. – Они наверняка тоже не откажутся. Организуй-ка всем сэндвичи из бистро, – велел он Бовуару, – а мы с Питером позаботимся о напитках.

Питер с Гамашем отправились в кухню, Бовуар – в бистро, а Клара принялась бродить по берегу, погруженная в свои мысли.

– А вы знали Лилиан? – спросил Гамаш у Питера, когда они оказались в кухне.

– Знал. – Питер достал два больших кувшина и стаканы, а Гамаш вытащил из морозилки ярко-розовый концентрат лимонада и бросил его в кувшины. – Мы все познакомились в колледже.

– Как вы к ней относились?

Питер задумчиво выпятил губы:

– Она была очень привлекательная, жизнерадостная, я бы сказал. Сильная личность.

– Вас к ней влекло?

Они стояли бок о бок у кухонного стола и смотрели в окно. Справа работала команда криминалистов, прочесывала сад, а прямо впереди Клара кидала камушки в Белла-Беллу.

– Есть кое-что, о чем Клара не знает, – сказал Питер, отворачиваясь от окна и созерцания жены, и встретился взглядом с Гамашем.

Старший инспектор ждал. Он видел внутреннюю борьбу, происходящую в Питере, и позволил молчанию затянуться. Лучше подождать несколько минут и выслушать всю правду, чем поторопить события и узнать полуправду.

Наконец Питер опустил взгляд в раковину и стал наполнять кувшины водой. Под звук бегущей воды он пробормотал что-то.

– Простите, не расслышал, – произнес Гамаш спокойно и ровно.

– Это я сказал Лилиан, что работы Клары глупые, – заявил Питер, поднимая голову и повышая голос. Он злился на себя за то, что говорит это, и на Гамаша за то, что тот выудил из него это признание. – Я сказал, что работы Клары банальные, поверхностные. Вина за рецензию Лилиан лежит на мне.

Гамаш был удивлен. Да что там удивлен – поражен. Когда Питер сказал, что есть кое-что, о чем Клара не знает, старший инспектор предположил, что речь идет о студенческой интрижке. О коротеньком

романе между Питером и Лилиан.

Но такого он не ожидал.

– Я участвовал в студенческой выставке и видел работы Клары, – продолжал Питер. – Стоял рядом с Лилиан и другими ребятами, и они все смеялись. Потом они увидели меня и спросили, что я думаю. Мы с Кларой тогда начали встречаться, и я, наверное, уже тогда понимал, что она настоящий талант. Что она не притворяется художницей – она и есть художница. У нее творческая душа. И по сей день.

Питер замолчал. Он редко говорил о душе. Но когда подумал о Кларе, именно это слово пришло ему на ум. Душа.

– Не знаю, что тогда на меня нашло. Это что-то вроде желания закричать, которое я чувствую, когда вокруг полная тишина. А иногда, если я держу что-то хрупкое, мне хочется это уронить. Не знаю почему.

Он посмотрел на крупного, спокойного старшего инспектора. Но Гамаш продолжал хранить молчание. Слушал.

Питер несколько раз коротко вздохнул:

– Думаю, я хотел произвести на них впечатление, а когда критикуешь, легче показаться умным. И вот я сказал несколько нелицеприятных слов о работах Клары, и эти слова оказались в статье Лилиан.

– И Клара ничего об этом не знает?

Питер покачал головой:

– Они с Лилиан почти не разговаривали после этого, а мы с Кларой сблизились. Я вообще забыл о том, что было такое дело. Или что это имело какое-то значение. Я даже убедил себя, что оказал Кларе услугу. Она разорвала отношения с Лилиан и не стала ограничивать себя в искусстве. Пробовала то, что было у нее на уме. Экспериментировала по-настоящему. И смотрите, к чему она пришла. Персональная выставка в Музее современного искусства.

– И вы ставите это себе в заслугу?

– Я поддерживал ее все эти годы. – В голосе Питера появились оборонительные нотки. – Где бы она была без этого?

– Без вас? – спросил Гамаш, глядя прямо в лицо рассерженному Питеру. – Я понятия не имею. А вы?

Питер непроизвольно сжал кулаки.

– Что стало с Лилиан после колледжа? – спросил Гамаш.

– Она, как выяснилось, была более чем посредственной художницей, но оказалась хорошим критиком. Она устроилась в одну еженедельную газету в Монреале, а потом даже стала писать рецензии для «Пресс».

Гамаш снова вскинул брови:

– Для «Пресс»? Я читал их рецензии, но не помню ни строчки за подписью Лилиан Дайсон. Может, она писала под nom de plume?[21]

– Нет, – ответил Питер. – Она работала там давно, несколько десятилетий назад, когда мы все только начинали. Уже лет двадцать, а то и больше назад.

– А что с ней случилось потом?

– Мы с ней не общались, – сказал Питер. – Изредка сталкивались на вернисажах, но даже и тогда мы с Кларой ее избегали. Если выбора не оставалось, мы были любезны, но предпочитали держаться от нее подальше.

– Но вы не знаете, что с ней случилось? Вы говорите, что она перестала работать в «Пресс» двадцать лет назад. Чем она занималась?

– Я слышал, что она переехала в Нью-Йорк. Думаю, поняла, что климат здесь для нее неподходящий.

– Слишком холодный?

Питер улыбнулся:

– Нет. Просто неприятный. Под климатом я имею в виду художественный климат. У нее как у критика было мало друзей.

– Ну, вероятно, такую цену приходится платить, если ты критик.

– Вероятно.

Но голос Питера звучал неубедительно.

– Вы так не считаете? – настойчиво спросил старший инспектор.

– Критиков много, и художественное сообщество уважает большинство из них. Они справедливые, конструктивные. Подлецов среди них очень мало.

– А Лилиан Дайсон?

– А вот она как раз и была из таких. Ее рецензии могли быть ясными, вдумчивыми, конструктивными и даже блестящими. Но время от времени она писала ужасные гадости. Поначалу это казалось забавным, но когда стало ясно, что цели для злословия она выбирает произвольно, желание шутить по этому поводу поубавилось. А ее нападки становились все более злобными. Вроде нападок на Клару. И несправедливыми.

Гамашу показалось, что Питер уже вроде бы забыл о том, какую роль он сыграл в этой истории.

– А на ваши выставки она писала рецензии?

Питер кивнул:

– Но ей мои работы нравились. – На его щеках загорелся румянец. – Я всегда подозревал, что она написала ту разносную рецензию, чтобы досадить Кларе. Вбить клин между нами. Она решила, что если она

мелочная и завидущая, то и Клара такая же.

– А она не такая?

– Клара? Поймите меня правильно. Бывает, от нее с ума можно сойти. Она может раздражать, быть нетерпеливой, иногда неуверенной. Но она всегда радуется удачам других. Радуется за меня.

– А вы за нее радуетесь?

– Конечно. Она заслужила тот успех, который получила.

Это была ложь. Нет, Клара действительно заслужила успех. Гамаш это знал. Как знал и Питер. Но оба они знали, что Питера это вовсе не радует.

Гамаш спрашивал не потому, что не знал ответа. Ему хотелось узнать, солжет ему Питер или нет.

Питер солгал. А если он солгал в этом, то в чем еще он мог солгать?

Гамаш, Бовуар и оба Морроу сели за ланч в саду. Бригада криминалистов расположилась по другую сторону клумб, они пили лимонад и ели сэндвичи из бистро, но для них четверых Оливье приготовил нечто особенное: охлажденный огуречный суп с мятой и дыней, нарезанные помидоры и салат из базилика, сбрызнутого уксусом, а еще холодного отварного лосося.

Обстановка была идиллическая, если бы ее не нарушали криминалисты, которые то проходили мимо, то появлялись из близлежащей клумбы.

Гамаш посадил Клару и Питера так, чтобы они не видели работы экспертов, но Гамаш понял, что это самообман. Морроу прекрасно знали, что приятный пейзаж перед ними – речка, поздние весенние цветы, тихий лес – это далеко не вся картина.

А если они и забывали об этом, то тема разговора им напоминала.

– Когда вы в последний раз общались с Лилиан? – спросил Гамаш, нанизывая на вилку кусочек розового лосося и макая его в майонез.

Голос его звучал тихо, глаза на добром лице смотрели задумчиво. Но Клара не обманывалась на его счет. Гамаш мог быть вежливым, мог быть добрым, но он зарабатывал себе на жизнь тем, что ловил убийц. А такая работа отнюдь не улучшает характера.

– Много лет назад, – ответила Клара.

Она проглотила ложку холодного, освежающего супа, спрашивая себя, а в самом ли деле ей так уж хочется есть. И странным образом, пока мертвое тело оставалось безымянным, аппетит у Клары начисто отсутствовал. А теперь, когда стало известно, что убитая – Лилиан, аппетит разыгрался волчий.

Она взяла ломоть французского батона, оторвала кусок, намазала маслом.

– По-вашему, это было сделано намеренно? – спросила она.

– Что было сделано намеренно? – спросил Бовуар.

Он не был голоден, а потому неторопливо ковырялся вилкой в тарелке. Перед ланчем он зашел в ванную и принял таблетку от боли. Не хотел, чтобы шеф видел, что он принимает таблетки. Не хотел, чтобы Гамаш знал, что по прошествии стольких месяцев после ранения он все еще страдает от болей.

И теперь, сидя в прохладной тени, он чувствовал, как боль отпускает его, как ослабевает напряжение.

– Что у вас на уме? – спросил Гамаш.

– Не могу поверить в то, что Лилиан убили именно здесь по чистой случайности, – ответила Клара.

Она повернулась и увидела движение в зелени кустов. Агенты пытались воссоздать вчерашнее преступление.

Лилиан приехала сюда. В день вечеринки. И ее здесь убили.

В этом не приходилось сомневаться.

Бовуар смотрел на Клару, повернувшуюся в своем кресле. Он был с ней согласен. Это не совпадение.

Первая мысль была такой: Клара сама и убила эту женщину. Здесь был ее дом, вечеринка в ее честь, а убитая – ее бывшая подруга. У нее были мотив и возможность. Но Бовуар даже не представлял себе, сколько таблеток ему нужно принять, чтобы поверить, будто Клара – убийца. Он знал, что большинство людей способны на убийство. И в отличие от Гамаша, который верил в существование доброты, Бовуар знал, что доброта – состояние временное. Люди оставались хорошими, пока светило солнце, а на тарелке лежал отварной лосось.

Но стоит отобрать это у человека – и тогда посмотрите, что будет. Отберите у него еду, кресла, цветы, дом. Друзей, супруга, который служит опорой в жизни, доход – и посмотрите тогда.

Шеф верил, что если разгрести зло, то на дне найдешь добро. Он верил, что у зла есть свои границы. Бовуар не верил. Он считал, что если разгрести добро, то обнаружишь зло. Без границ, без тормозов, без предела.

И каждый день он переживал из-за того, что Гамаш не понимает этого. Что он слеп в этом отношении. И в слепых зонах могут происходить страшные вещи.

Кто-то убил женщину всего в двадцати футах от того места, где они сидели за скромной едой. Это было сделано умышленно, голыми руками. И

конечно, Лилиан Дайсон не случайно умерла именно здесь, в идеальном садике Клары Морроу.

– У вас есть список гостей на вернисаже и на барбекю? – спросил Гамаш.

– Мы можем вам сказать, кто был приглашен, но полный список есть только в музее, – сказал Питер. – Что касается вчерашней вечеринки здесь, в Трех Соснах…

Он посмотрел на ухмыляющуюся Клару.

– Мы понятия не имеем, кто здесь был, – признала она. – Была приглашена вся деревня и чуть ли не вся округа. Всем было сказано: приходите и уходите когда захочется.

– Но вы говорили, что кто-то приехал из Монреаля, с вернисажа, – напомнил Гамаш.

– Верно, – ответила Клара. – Я могу вам сказать, кто был приглашен. Я составлю список.

– Значит, не все с вернисажа были приглашены сюда? – спросил Гамаш.

Он и Рейн-Мари были приглашены. Бовуар тоже. Приехать они не смогли, но Гамаш предполагал, что приглашение распространяется и на других. Выходит, он ошибался.

– Нет. Вернисаж – для работы, для знакомств, для сплетен, – сказала Клара. – Мы хотели, чтобы на вечеринке была более раскрепощенная обстановка. Праздник.

– Да, но… – проговорил Питер.

– Что? – спросила Клара.

– Андре Кастонге?

– Ах, он.

– Владелец галереи? – спросил Гамаш. – Он был там?

– И здесь тоже, – сказал Питер.

Клара кивнула. Она не призналась Питеру, что пригласила Кастонге и некоторых других дилеров на барбекю по одной-единственной причине – ради него, Питера. В надежде, что они дадут ему шанс.

– Да, я пригласила кое-каких шишек, – сказала Клара. – И нескольких художников. Было забавно.

Она получала удовольствие. Удивительно было видеть, как Мирна болтает с Франсуа Маруа, а Рут обменивается оскорблениями с несколькими пьяными друзьями-художниками. Видеть, как Билли Уильямс и местные фермеры смеются вместе с элегантными владельцами галерей.

А к полуночи все танцевали.

Кроме Лилиан, которая лежала в саду Клары.
«Дин-дон, – подумала Клара. – Ведьма умерла».

Глава пятая

Старший инспектор Гамаш взял пачку газет, лежащих за желтой полицейской лентой, и передал их Кларе.

– Уверен, критикам понравилась ваша выставка, – сказал он.

– Ну почему, почему вы не занимаетесь художественной критикой, а тратите время на такую тривиальную профессию? – простонала Клара.

– Согласен, безумная трата жизни, – улыбнулся Гамаш.

– Что ж, – она посмотрела на газеты, – пожалуй, я могу надеяться на то, что в саду не обнаружится еще один труп. Так что можно и почитать, что там пишут.

Она огляделась. Питер ушел в дом, и Клара подумала, не уйти ли и ей. Чтобы почитать рецензии в тишине и покое. Наедине с самой собой.

Но вместо этого она поблагодарила Гамаша и направилась в бистро, прижимая к груди тяжелые газеты. Она видела, как Оливье на террасе подает выпивку. За столом под бело-голубым солнечным зонтом сидел месье Беливо, попивая чинзано и читая воскресные газеты.

Все столики были заняты, заполнены жителями деревни и друзьями, наслаждающимися неторопливым воскресным бранчем. Когда появилась Клара, большинство глаз обратились на нее.

Потом отвернулись.

И она ощутила укол злости. Не по отношению к этим людям, а к Лилиан, отравившей лучший день ее профессиональной жизни. И теперь вместо улыбок и приветствий, похвал в адрес вчерашнего празднества люди отворачивались от нее. Торжество Клары было украдено. И опять это сделала Лилиан.

Она посмотрела на владельца магазина, месье Беливо, и он тут же опустил глаза.

Как и Клара.

Подняв глаза секунду спустя, она чуть не подпрыгнула от радости. Прямо перед ней стоял Оливье и держал два стакана.

– Черт, – выдохнула она.

– Шанди[22], – сказал он. – Имбирное пиво и светлый эль, как ты любишь.

Клара перевела взгляд с Оливье на стаканы, снова посмотрела на Оливье. Легкий ветерок растрепал его редеющие светлые волосы. Даже облаченный в передник, он умудрялся выглядеть утонченным и

расслабленным. Но Клара помнила взгляд, которым они обменялись, стоя на коленях в коридоре Музея современного искусства.

– Быстро ты, – заметила она.

– Вообще-то, это было приготовлено не для тебя, но я рассудил, что твой случай неотложный.

– Неужели это так очевидно? – улыбнулась Клара.

– А разве может быть иначе, если у тебя в саду обнаруживают труп? Уж я-то знаю.

– Да, – сказала Клара. – Ты это знаешь.

Оливье показал на скамейку на деревенском лугу, и они пошли туда. Клара бросила тяжелые газеты на скамейку и плюхнулась рядом.

Она взяла шанди у Оливье. Они сидели бок о бок спиной к бистро, к людям, к месту преступления. К вопрошающим и ускользающим взглядам.

– Как ты? – спросил Оливье.

Он чуть было не спросил, в порядке ли она, но было очевидно, что не в порядке.

– Хотелось бы сказать «хорошо». Живая Лилиан у нас в саду была бы шоком, но мертвая Лилиан – загадка.

– Кто она?

– Когда-то была другом. Но давно перестала им быть. Мы разругались.

Больше Клара ничего не сказала, а Оливье не стал спрашивать. Они пили шанди, сидя в тени огромных сосен, паривших над ними, над деревней.

– А что почувствовал ты, снова увидев Гамаша?

Оливье задумался, потом улыбнулся. Выглядел он очень молодо. Гораздо моложе своих тридцати восьми лет.

– Не очень ловко я себя чувствовал. Как по-твоему, он заметил?

– Не исключено. – Клара сжала руку Оливье. – Ты его не простил?

– А ты простила бы?

Настал черед Клары брать паузу. Не для того, чтобы поразмыслить над ответом. Ответ она знала. Она сомневалась, отвечать ли.

– Мы тебя простили, – сказала она наконец, надеясь, что ее голос звучит достаточно мягко, что ее слова не показались ему слишком колючими.

И все же она почувствовала, как напрягся, как сжался Оливье. Не физически, но эмоционально отпрянул.

– Правда? – произнес он, помедлив.

Его голос тоже прозвучал мягко. Это было не обвинение, скорее

удивление. Словно он сам себе задавал этот вопрос по нескольку раз в день.

Прощен ли он уже.

Да, он не убивал Отшельника. Но он предал его. Воровал у него. Брал все, что впавший в безумие Отшельник предлагал ему. И даже то, чего не предлагал. Оливье забрал у беспомощного старика все, что мог. Включая и его свободу. С помощью жестоких слов он запер старика в его лесном домике.

И когда все это всплыло во время процесса, он видел выражение лиц своих соседей.

Как будто они смотрели на чужого человека. На чудовище, затесавшееся в их ряды.

– Что заставляет тебя думать, будто мы так и не простили тебя? – спросила Клара.

– Ну, в первую очередь Рут.

– Да брось ты, – рассмеялась Клара. – Она всегда называла тебя тупоголовым.

– Верно. А знаешь, как она называет меня сейчас?

– Как? – спросила она с улыбкой.

– Оливье.

Улыбка медленно сошла с лица Клары.

– Знаешь, – сказал Оливье, – я думал, что хуже тюрьмы ничего не будет. Эти унижения, этот страх. Просто удивительно, к чему только не привыкаешь. И сейчас те воспоминания постепенно тускнеют. Ну, не то чтобы тускнеют, скорее, перемещаются в мою голову. Здесь… – он приложил руку к груди, – их почти не осталось. Но знаешь, что не проходит?

Клара покачала головой и внутренне сжалась:

– Скажи.

Она не хотела то, что предлагал Оливье. Обожженную память гея, отсидевшего в тюрьме. Хорошего человека в тюрьме. Да, он был порочен. Возможно, больше, чем многие другие. Но его наказание никак не соответствовало преступлению.

Клара думала, что ей не по силам выслушать даже лучшее, что можно рассказать про тюрьму, но теперь она была готова выслушать и худшее. И он должен был ей это рассказать. А Клара – выслушать.

– Дело не в судебном процессе. И даже не в тюрьме. – Оливье посмотрел на нее печальными глазами. – Знаешь, что заставляет меня просыпаться в два часа ночи в приступе паники?

Клара ждала, слыша, как колотится сердце у нее в груди.

– То, что было здесь. Когда меня выпустили. Тот путь от машины с Бовуаром и Гамашем. Та долгая прогулка по снегу до бистро.

Клара посмотрела на своего друга, не вполне понимая его. Как воспоминания о Трех Соснах могут быть хуже, чем воспоминания о камере за решеткой?

Она ясно помнила тот день. Дело шло к вечеру, за окном стоял февраль. Еще один морозный снежный день. Она, Мирна, Рут, Питер и немалая часть деревенских жителей устроились в бистро, пили кофе с молоком и разговаривали. Клара болтала с Мирной, когда увидела, что Габри вдруг стал непривычно тихим и смотрит в окно. Посмотрела туда и она. На замерзшем пруду катались на коньках дети, играли в хоккей. Другие детишки катались на санках, играли в снежки, строили снежные крепости. Клара увидела, как по рю Дю-Мулен в Три Сосны медленно въехал знакомый «вольво» и остановился у деревенского луга. Из машины вышли трое мужчин в теплых куртках. Несколько секунд они стояли неподвижно, потом медленно направились к бистро.

Габри вскочил, чуть не опрокинув кружку с кофе. Все посетители бистро замерли, проследив за направлением взгляда Габри. Они увидели три фигуры. Впечатление было такое, будто три сосны ожили и приближаются к бистро.

Клара молча ждала продолжения рассказа Оливье.

– Я знаю, идти там всего ничего – несколько ярдов, – сказал он наконец. – Но мне казалось, что бистро далеко-далеко. Мороз стоял такой лютый, что пробирал до костей даже через куртку. Снег под нашими ботинками скрипел так громко, оглушительно, словно мы ступали по чему-то живому и оно кричало от боли.

Оливье помолчал, прищурился, словно вглядываясь в прошлое.

– Я видел всех внутри. Видел поленья, горящие в каминах. Видел иней на стеклах.

Он говорил, и перед глазами Клары вставала та самая картинка.

– Я даже Габри об этом не говорил, не хотел делать ему больно, не хотел, чтобы он неправильно меня понял. Мы шли к бистро, и я чуть не остановился. Я был готов попросить их отвезти меня куда-нибудь в другое место, куда угодно.

– Почему? – Голос Клары упал почти до шепота.

– Потому что я был в ужасе. Мне никогда в жизни не было так страшно. Страшнее, чем в тюрьме.

– Чего же ты боялся?

Оливье снова почувствовал, как жуткий холод обжигает щеки. Услышал, как скрипит снег под ботинками. И сквозь сводчатые окна увидел теплое бистро. Увидел своих друзей и соседей, болтающих за выпивкой. Смеющихся. Увидел огонь в камине.

Тепло и безопасно.

Они внутри. Он снаружи, смотрит на них.

И закрытая дверь между ним и всем тем, что составляло суть его жизни.

Он чуть не потерял сознание от ужаса, но смог обрести голос и был уверен, что прокричал Гамашу, чтобы тот отвез его назад в Монреаль. Высадил у какого-нибудь клоповника. Где его, может быть, и не примут, но хотя бы не отвергнут.

– Я боялся, что вы не примете меня. Что я теперь чужой среди вас.

Оливье вздохнул и опустил голову. Уставился в землю, вбирая взглядом каждую травинку.

– Боже мой, Оливье, – сказала Клара и уронила свой стакан с шанди на газеты, заливая бумагу. – Да такого и быть не могло.

– Ты уверена? – спросил он, поворачиваясь к ней, чтобы найти в ее глазах подтверждение слов.

– Абсолютно. Мы обо всем этом забыли.

Несколько мгновений он молчал. Потом они оба увидели Рут – та вышла из своего маленького коттеджа на дальней стороне деревенского луга, открыла калитку и похромала к другой скамейке. Усевшись, она посмотрела на Клару и Оливье и подняла руку.

«Пожалуйста, – мысленно взмолился Оливье. – Покажи мне средний палец. Скажи какую-нибудь грубость. Назови гомосеком, пидором. Тупицей».

– Я знал, что ты так ответишь, но не уверен, что ты забыла. – Он смотрел на Рут, но обращался к Кларе.

Рут взглянула на Оливье. Немного поколебалась. Помахала.

Помедлив, Оливье кивнул ей. Потом с печальной улыбкой посмотрел на Клару:

– Спасибо, что выслушала. Если когда-нибудь захочешь поговорить о Лилиан или о чем-то подобном, ты знаешь, где меня найти.

Он махнул рукой, но не в сторону бистро, а указывая на Габри, который, не обращая внимания на клиентов, болтал с приятелем. Оливье с улыбкой смотрел на него.

«Да, – подумала Клара. – Габри – вот его дом».

Она взяла свои мокрые газеты и двинулась по лугу, но Оливье

окликнул ее. Она остановилась, и он ее догнал.

– Возьми. Ты свой пролила. – Он протянул ей стакан с шанди.

– Нет, спасибо. Пойду к Мирне, выпью у нее что-нибудь.

– Пожалуйста, – сказал он.

Клара посмотрела на стакан, из которого он отпил немного, потом заглянула в его добрые умоляющие глаза – и взяла шанди.

– Merci, mon beau Olivier.

Она пошла к деревенским магазинам, размышляя о том, что сказал Оливье.

Прав ли он? Может, они действительно не простили его?

В этот момент из бистро вышли двое и медленно направились по рю Дю-Мулен к гостинице и спа-салону на вершине холма. Клара с удивлением проследила за ними. Оказывается, они здесь. И вместе.

Потом она перевела взгляд на собственный дом. И на одинокую фигуру возле него. Этот человек тоже смотрел на тех двоих.

Старший инспектор Гамаш.

Гамаш смотрел на Франсуа Маруа и Андре Кастонге, которые медленно поднимались на холм.

Они вроде бы не разговаривали, но явно хорошо себя чувствовали в обществе друг друга.

Всегда ли так было? Или десятилетия назад, когда они были молодыми предпринимателями, только начинавшими карьеру, отношения между ними были иными? Борьба за территорию, борьба за влияние, борьба за художников.

Возможно, эти двое всегда относились друг к другу с приязнью и уважением. Но Гамаш сомневался в этом. И тот и другой были слишком влиятельными, слишком амбициозными. Их эго было слишком велико. Да и на карте стояло слишком многое. Они могли быть вежливыми, даже учтивыми. Но вряд ли были друзьями.

И тем не менее они поднимались по склону холма, как два старых однополчанина.

Наблюдая за ними, Гамаш ощутил знакомый запах. Немного повернувшись, он увидел, что стоит рядом со старым, корявым кустом сирени на углу дома Питера и Клары.

Куст казался хрупким, слабым, но Гамаш знал, что сирень – растение долголетнее. Она переживает бури и ветра, трескучие зимы и поздние морозы. Она растет и цветет там, где умирают внешне гораздо более сильные растения.

Гамаш обратил внимание, что в Трех Соснах много сиреневых кустов. Не новые гибриды ярких оттенков, которые цветут два раза в год. Нет, здесь росли светло-фиолетовые и белые, как в саду у его бабушки. Когда эти кусты были молодыми? Неужели солдаты, возвращавшиеся из Вими, Фландрии, Пашендейля[23], проходили мимо этих самых кустов? Неужели и они вдыхали этот аромат и понимали, что наконец вернулись домой? К мирной жизни.

Он отвлекся от созерцания сирени и успел увидеть, как двое пожилых мужчин входят в дверь гостиницы на холме и исчезают внутри.

– Шеф. – Из сада к нему направлялся инспектор Бовуар. – Выездная криминалистическая бригада заканчивает работу, а Лакост вернулась из бистро. Как вы и предполагали, уже через полминуты все присутствующие в бистро знали всё, что было известно Габри и Оливье.

– И?..

– И ничего. Лакост сказала, что все вели себя так, как вы и думали. Любопытство, огорчение, опасение за себя. Судя по всему, никто не знал убитую. Лакост после этого поспрашивала у посетителей, показывала фотографию убитой, описывала ее. Никто не видел ее на барбекю.

Гамаш был разочарован, но не удивлен. У него росло подозрение, что все задумывалось так, чтобы эту женщину никто не видел. По крайней мере, живой.

– Лакост начала оборудовать оперативный штаб в здании старого вокзала.

– Bon. – Гамаш зашагал через деревенский луг, и Бовуар пристроился рядом с шефом. – Я вот думаю, не оставить ли здесь постоянное отделение.

Бовуар рассмеялся:

– Почему бы вообще не перевести сюда весь отдел? Кстати, мы нашли машину мадам Дайсон. Похоже, она приехала сама. Машина вон там. – Бовуар показал на рю Дю-Мулен. – Хотите ее увидеть?

– Absolument.

Они изменили направление и пошли по грунтовой дороге тем же путем, каким только что прошли два пожилых человека. Когда они добрались до вершины, Гамаш увидел серую «тойоту», припаркованную на обочине в сотне ярдов от них.

– Далековато от дома Морроу и от вечеринки, – заметил Гамаш, чувствуя тепло полуденного солнца, пробивающегося сквозь кроны деревьев.

– Верно. Наверное, тут вчера было полно машин. Видимо, ближе было не поставить.

Гамаш задумчиво кивнул:

– А это означает, что она приехала не с первой волной. Или же намеренно припарковалась подальше от дома.

– Но зачем бы она стала это делать?

– Может, не хотела, чтобы ее видели.

– Тогда зачем надевать такое заметное платье?

Гамаш улыбнулся. Это был хороший вопрос.

– Когда у тебя слишком умный заместитель, это действует на нервы. Где они, те деньки, когда я таскал тебя за вихор и ты во всем со мной соглашался?

– И когда же это было?

– И опять ты прав. Это нужно прекратить. – Он улыбнулся сам себе.

Они остановились возле машины.

– Ее осмотрели, обыскали, вылизали. Я хотел, чтобы вы ее увидели, прежде чем машину эвакуируют.

– Merci.

Бовуар отпер машину, и старший инспектор сел на водительское место, отодвинув кресло назад, чтобы было просторнее его более солидному телу.

На пассажирском сиденье лежали «Cartes Routières du Quebec». «Дорожные карты Квебека».

Гамаш открыл бардачок. Там был обычный набор барахла, которое может пригодиться, но о существовании которого хозяин машины тут же забывает. Салфетки, фонарик, лейкопластыри, батарейка. И какие-то документы на машину, страховой полис, анкета. Гамаш вытащил документы, стал читать. Машине было пять лет, но Лилиан Дайсон купила ее восемь месяцев назад. Он закрыл бардачок, надел свои полукруглые очки, взял карты, просмотрел их. Сложены они были неаккуратно – так нетерпеливые люди и поступают с неудобными картами.

Одна из них была картой всего Квебека. Не очень полезная, разве что вы планируете вторжение и вам нужно узнать, где расположены Монреаль и Квебек-Сити. Вторая карта была Les Canton de l’Est. Восточные кантоны.

Покупая эту карту, Лилиан Дайсон не знала, что она бесполезна. Чтобы убедиться, Гамаш раскрыл ее и на том месте, где должны были находиться Три Сосны, увидел только речушку Белла-Белла, холмы, лес. Больше ничего. Для официальных картографов деревня Три Сосны не существовала.

Ее никто не увидел. Не нанес на карту. Никакие джи-пи-эс, никакие самые совершенные навигационные программы не смогли бы вывести к этой деревушке. Она появлялась словно случайно, когда вы въезжали на

вершину холма. Неожиданно. Вы могли ее найти, только заблудившись.

Не заблудилась ли Лилиан Дайсон? Не попала ли она в Три Сосны и на вечеринку по ошибке?

Нет. Такое совпадение было бы слишком невероятным. Она была одета для вечеринки. Одета, чтобы произвести впечатление. Чтобы быть увиденной. Замеченной.

Тогда почему же никто ее не заметил?

– Почему Лилиан оказалась здесь? – пробормотал Гамаш себе под нос.

– Как думаете, она вообще знала, что это дом Клары? – спросил Бовуар.

– Я задавал себе этот же вопрос, – признался Гамаш, снимая очки и вылезая из машины.

– Как бы то ни было, она здесь оказалась, – сказал Бовуар.

– Но как?

– Приехала на машине, – ответил Бовуар.

– Это я и сам вычислил, – улыбнулся Гамаш. – Но как она, сев в машину, смогла приехать сюда?

– По картам? – предположил Бовуар с безграничным терпением. Но, увидев, что Гамаш отрицательно покачал головой, Бовуар растерялся. – Не по картам?

Гамаш молчал, позволяя своему заместителю самому найти ответ.

– Она бы не нашла Три Сосны по этим картам, – задумчиво сказал Бовуар. – Деревни на картах нет. – Он помолчал, размышляя. – Так как же она нашла дорогу сюда?

Гамаш повернулся и неторопливым шагом двинулся назад к Трем Соснам.

Бовуар догнал шефа, осененный новой мыслью:

– А как все остальные приехали сюда? Все гости из Монреаля?

– Клара и Питер вместе с приглашениями рассылали указания о маршруте.

– Ну вот вам и ответ: у нее были эти указания, – обрадовался Бовуар.

– Но ее никто не приглашал. И даже если ей каким-то образом попало в руки приглашение с указаниями маршрута, то где оно? В сумочке его нет. В машине тоже.

Бовуар опять задумался.

– Значит, ни карты, ни указаний. Как же она нашла это место?

Гамаш остановился напротив гостиницы со спа-салоном.

– Не знаю, – признался он.

Затем Гамаш повернулся и посмотрел на гостиницу. Когда-то это была уродливая, разрушающаяся, гниющая старая развалина. Престижный викторианский дом, построенный более столетия назад гордыней и потом других людей.

Он должен был парить над деревней. Но если Три Сосны с успехом пережили трудные времена, депрессии, войны, то это убожество с башенками впало в отчаяние и привлекало к себе только печаль.

Этот дом не говорил о престиже – когда жители деревни смотрели на него, то видели лишь тень, вздох на холме.

Теперь все изменилось. Теперь дом превратился в изысканную, блестящую гостиницу.

Но иногда под определенными углами, в определенном свете Гамаш видел печаль этого места. А в сумерках на ветру ему казалось, что он слышит вздохи.

В нагрудном кармане Гамаша лежал список гостей, приглашенных Кларой и Питером из Монреаля. Не было ли в этом списке имени убийцы?

Или же убийца был не гостем, а кем-то, кто уже находился здесь?

– Приветствую.

Бовуар вздрогнул. Он пытался не показывать этого, но старый дом, несмотря на косметический ремонт, по-прежнему вызывал у него дрожь.

Из-за угла гостиницы появилась Доминик Жильбер. На ней были лосины и черная вельветовая жокейская шапочка. В руке – кожаный хлыст. Она собиралась либо на прогулку верхом, либо прямо на съемки к Маку Сеннету[24].

Узнав их, Доминик улыбнулась и протянула руку.

– Старший инспектор. – Она пожала ему руку, повернулась к Бовуару, пожала руку и ему. Потом улыбка сошла с ее лица. – Это правда, что в саду у Клары нашли тело?

Она сняла шапочку, и стало видно, что волосы от пота прилипли к голове. Высокой, стройной Доминик Жильбер было под пятьдесят. Вместе с мужем Марком они сбежали сюда из города. Собрали пожитки и приехали.

Ее коллеги из администрации банка предсказывали, что они и одной зимы не выдержат – вернутся. Но вот уже пошел второй год их жизни в Трех Соснах, и они ничуть не жалели о своем желании купить эту старую развалюху и превратить ее в привлекательную гостиницу и спа-салон.

– К сожалению, так оно и есть, – подтвердил Гамаш.

– Можно воспользоваться вашим телефоном? – спросил инспектор Бовуар. Он прекрасно знал, что дозвониться до бригады криминалистов по

сотовому не получится, но не прекращал попыток. – Merde, – пробормотал он, – здесь словно попадаешь в Средние века.

– Бога ради, – сказала Доминик, показывая на дом. – У телефона теперь даже ручку не нужно крутить.

Но инспектор не понял ее юмора – он уже шагал к дому, продолжая нажимать на своем сотовом кнопку повторного набора.

– Я слышал, что некоторые гости Клары остались в вашей гостинице, – сказал Гамаш, зайдя на веранду.

– Да. Кто-то заказывал номер заранее, кто-то в последнюю минуту.

– Выпили лишнего?

– В стельку.

– Они все еще здесь?

– Вот уже несколько часов пытаются встать с кровати. Ваш агент просил их не покидать Трех Сосен, но большинство из них и кроватей-то покинуть не может. Опасности, что они сбегут, нет. Разве что уползут.

– А где мой агент? – Гамаш огляделся.

Когда он узнал, что кто-то из гостей ночевал в Трех Соснах, то дал указание Лакост направить двух молодых агентов: одного – охранять гостиницу Габри, другого – сюда.

– Он на заднем дворе, с лошадьми.

– Сторожит их? – пошутил Гамаш.

– Как вам известно, старший инспектор, сбежать на наших лошадях тоже вряд ли получится.

Да, он это знал. Одной из первых покупок Доминик после переезда сюда были эти лошади. Воплощение в жизнь детской мечты.

Но вместо Черного Красавца, Флики[25] и Пегаса хозяйка дома купила четырех заезженных кляч. Загубленных животных, которых везли на бойню.

Одна из них вообще была больше похожа на лося, чем на лошадь.

Но такова природа детской мечты. Поначалу ее даже трудно распознать.

– Сейчас приедут забрать ее машину, – сказал вернувшийся Бовуар.

Гамаш обратил внимание, что его заместитель все еще держит сотовый в руке. Успокаивающее средство.

– Некоторые гости, что покрепче, пожелали прогуляться верхом, – сказала Доминик. – Я как раз собиралась проводить их. Ваш агент сказал, что не возражает. Поначалу он не был уверен, но, увидев наших лошадей, согласился. Видимо, понял, что на них до границы не доскачешь. Надеюсь, я не накликала неприятностей на его голову?

– Ничуть, – сказал Гамаш, но по виду Бовуара было понятно, что он бы ответил иначе.

Они пошли по травке к сараю и вскоре стали различать людей и животных внутри. Погруженные в тень силуэты, словно вырезанные из бумаги и перенесенные сюда.

И среди них – очертания молодого агента Квебекской полиции. Худого. Неловкого, что было видно даже на расстоянии.

Старший инспектор Гамаш внезапно почувствовал, как бешено заколотилось сердце, как к голове прилила кровь. У него закружилась голова, и он испугался, что может потерять сознание. Руки у него похолодели. Он подумал, заметил ли Жан Ги Бовуар его неожиданную реакцию, этот внезапный спазм. Когда перед ним вдруг возник образ другого агента. Ожил. На мгновение.

А потом снова умер.

Потрясение было настолько сильным, что Гамаш на несколько секунд потерял контроль над собой. Его слегка качнуло, но, когда туман в голове рассеялся, он понял, что его тело по-прежнему двигается вперед, а мышцы лица расслаблены. Ничто не выдавало того, что с ним случилось. Этого grand mal[26] эмоций.

Кроме небольшого тремора в правой руке, которую пришлось сжать в кулак.

Силуэт молодого агента отделился от остальных и вышел на солнце. И перестал быть силуэтом. Агент поспешил к ним с обеспокоенным выражением на красивом лице.

– Сэр, – сказал он, отдавая честь старшему инспектору, который дал ему знак опустить руку. – Я пришел посмотреть, – проговорил агент. – Убедиться, что все будет в порядке, если они поедут прокатиться. Я не собирался оставлять дом без охраны.

Молодой агент никогда прежде не сталкивался со старшим инспектором Гамашем. Конечно, он видел его издалека, как и большинство жителей провинции. В новостных программах, интервью, на газетных фотографиях. В показанном по телевизору траурном кортеже, когда хоронили погибших агентов. Погибших при исполнении служебного долга под командой Гамаша всего шесть месяцев назад.

Агент даже посещал лекции старшего инспектора в академии.

Но теперь, когда он смотрел на Гамаша, все эти образы исчезли, и он помнил только утекшее в Интернет видео той операции, в которой погибло столько сотрудников полиции. Никто не должен был видеть эти записи, но их просмотрели миллионы, они распространялись по Интернету, словно

вирус. Было трудно не вспоминать то видео, глядя на старшего инспектора с его неровным шрамом у виска.

И вот сейчас старший инспектор стоял перед ним во плоти. Знаменитый глава знаменитого отдела по расследованию убийств. Он стоял так близко, что молодой агент даже ощущал его запах. Очень слабый аромат сандалового дерева и чего-то еще. Розовой воды. Агент посмотрел в умные карие глаза Гамаша и понял, что ничего подобного в жизни не видел. Он смотрел в глаза многим старшим полицейским. Да что говорить – все в полиции были старше его. Но такого он никогда не чувствовал.

Взгляд старшего инспектора был умный, задумчивый, взыскующий.

Но если другие были циничны и строги, то глаза старшего инспектора были совсем иными.

Они смотрели по-доброму.

Наконец-то агент оказался лицом к лицу со знаменитым человеком, и где же старший инспектор нашел его? В сарае. От агента пахло конским навозом, и он кормил морковкой лошадь, похожую на лося. Оседлывал лошадей для подозреваемых в деле об убийстве.

Он ждал вспышки гнева. Выговора.

Но старший инспектор сделал невероятное.

Он протянул руку.

Молодой агент секунду смотрел на нее. Отметил едва заметную дрожь. Потом пожал ее, ощутил силу и твердость.

– Старший инспектор Гамаш, – представился этот крупный человек.

– Oui, patron. Агент Ив Руссо из Кауансвиллского отделения.

– Здесь все спокойно?

– Да, сэр. Я прошу прощения. Наверно, я не должен был разрешать эту прогулку.

Гамаш улыбнулся:

– У тебя нет права задерживать их. И потом, вряд ли они смогут далеко уехать.

Трое полицейских посмотрели на Доминик и двух женщин, которые выводили цокающих копытами лошадей из сарая.

Гамаш снова повернулся к агенту, молодому, взволнованному:

– Ты записал их имена и адреса?

– Да, сэр. И проверил по их документам. У меня есть информация на всех. – Он раскрыл карман и вытащил блокнот.

– Пожалуй, отнеси это в оперативный штаб, – сказал Гамаш. – И отдай агенту Лакост.

– Слушаюсь, – сказал Руссо, записывая фамилию.

Жан Ги Бовуар внутренне застонал. «Ну вот, опять, – подумал он. – Сейчас пригласит этого мальчишку в команду. Неужели он никогда ничему не учится?»

Арман Гамаш улыбнулся и кивнул агенту Руссо, потом повернулся и пошел назад к гостинице, оставив двух удивленных полицейских: Руссо удивлялся тому, что с ним так вежливо поговорили, а Бовуар – тому, что Гамаш не сделал того, что делал почти на каждом расследовании в прошлом. Не пригласил молодого агента в свою команду.

Бовуар знал, что должен радоваться. Испытывать облегчение.

Но ему почему-то было грустно.

Войдя в гостиницу, Гамаш в очередной раз поразился, насколько привлекательным стал этот дом. Прохладным и спокойным. Старая викторианская развалина была с большой любовью возвращена к жизни. Витражные стекла вымыты и отремонтированы, отчего солнце в полированных черных и белых рамах холла светилось изумрудами, рубинами и сапфирами. Холл имел круглую форму, из него шла широкая лестница красного дерева.

На сияющем деревянном столе в центре холла расположилась большая цветочная композиция из сирени, купены и яблоневых веток.

Здесь все было свежим, светлым, гостеприимным.

– Чем могу помочь? – спросила молодая девушка-портье.

– Мы искали двух ваших гостей. Месье Маруа и месье Кастонге.

– Они в гостиной, – сказала она, улыбаясь, и повела их направо.

Двое полицейских прекрасно знали, где находится гостиная, – не раз там бывали. Но они позволили портье выполнить ее обязанности.

Она предложила им кофе, но они отказались, и девушка ушла, оставив их в дверях гостиной. Гамаш оглядел комнату. Она тоже была открытой, светлой, с окном во всю высоту стены, выходящим на деревню внизу. В камине лежали поленья, но не горели, на столах стояли вазы с цветами. Комната была современной, если говорить о мебели, и традиционной по дизайну. Хозяева проделали хорошую работу, дав величественной старой развалине новую жизнь в двадцать первом веке.

– Bonjour. – Франсуа Маруа поднялся с кожаного кресла и положил сегодняшний выпуск «Девуар».

Андре Кастонге кинул взгляд из своего мягкого кресла, где он читал «Нью-Йорк таймс», и, увидев двух вошедших полицейских, тоже поднялся.

Гамаш, конечно, уже был знаком с месье Маруа – разговаривал с ним вчера на вернисаже. Но второго человека он не знал – только наслышан

был про его репутацию. Кастонге встал, и Гамаш увидел высокого человека, может быть, слегка с похмелья после вчерашних возлияний. Лицо у него было одутловатое, красноватое от крохотных разорвавшихся капилляров на носу и щеках.

– Никак не ждал увидеть вас здесь, – сказал Гамаш, подойдя к Маруа и пожимая ему руку, словно приветствуя такого же, как и он, постояльца гостиницы.

– И я тоже, – сказал Маруа. – Андре, это старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции. Вы знакомы с моим коллегой Андре Кастонге?

– Только по его репутации. Прекрасной репутации. Галерея Кастонге – кто про нее не знает? У вас выставляются отличные художники.

– Рад, что вы так думаете, старший инспектор, – сказал Кастонге.

Бовуар тоже был представлен. Он ощетинился и с первого взгляда невзлюбил этого человека. Вообще-то, он невзлюбил этого типа еще раньше, когда о нем уничижительно отозвался Гамаш. Любой владелец элитной галереи сразу же оказывался в числе подозреваемых. Если не в убийстве, то в высокомерии. И на тех и на других Бовуар смотрел косо.

Но Гамаш вроде бы вовсе не испытывал никакого беспокойства. Напротив, ответ Андре Кастонге, похоже, доставил ему удовольствие. И еще кое-что заметил Бовуар.

Кастонге начал расслабляться, обретать бóльшую уверенность в себе. Он подколол этого полицейского и не получил отпора. Кастонге явно почувствовал свое превосходство.

Бовуар слегка улыбнулся и наклонил голову, чтобы Кастонге этого не увидел.

– Ваш человек записал наши имена и адреса, – сказал Кастонге, садясь в большое удобное кресло у камина. – Наши домашние адреса и адреса офисов. Это означает, что мы подозреваемые?

– Mais, non, monsieur[27], – ответил Гамаш, садясь на диван напротив Кастонге. Бовуар встал чуть в стороне, а месье Маруа занял место у каминной полки – Я надеюсь, мы не доставили вам чрезмерных неудобств.

У Гамаша был обеспокоенный, даже сокрушенный вид. Андре Кастонге расслабился еще больше. Было ясно, что он привык занимать главенствующее положение. Продавливать свои решения.

Жан Ги Бовуар наблюдал, как старший инспектор вроде бы потворствует Кастонге. Склоняется перед более сильной личностью. Не то чтобы лебезит – это было бы слишком очевидно. Просто уступает пространство.

– Bon, – сказал Кастонге. – Я рад, что мы понимаем друг друга. Вы не

доставили нам неудобств. Мы так или иначе собирались побыть здесь несколько дней.

«Мы», – подумал Бовуар и посмотрел на Франсуа Маруа. На взгляд Бовуара, они были приблизительно одного возраста. Волосы у Кастонге были седые и густые. У Маруа в лысеющих, аккуратно подстриженных волосах пробивалась седина. Оба были ухоженные и хорошо одетые.

– Вот моя визитка, старший инспектор. – Кастонге протянул Гамашу карточку.

– Ваша специализация – современное искусство? – спросил Гамаш, закинув ногу на ногу, словно устраиваясь для долгого разговора.

Бовуар, знавший Гамаша как никто другой, наблюдал за происходящим с интересом и любопытством. Гамаш охмурял Кастонге. И ему это удавалось. Кастонге явно смотрел на старшего инспектора Гамаша как на низшую жизненную форму. Эволюционировавшее существо, которое уже относится к разряду прямоходящих, но еще имеет недоразвитую лобную долю мозга. Бовуар мог предположить, что Кастонге думает о нем самом. Потерянное звено, не иначе.

Ему захотелось сказать что-нибудь умное, рассудительное и компетентное. А если не удастся, то что-нибудь шокирующее, невыносимо грубое, чтобы этот самоуверенный тип больше не считал, что он тут занимает лидирующее положение.

Но Бовуар не без усилия заставил себя молчать. Просто не мог придумать, что бы такое умное сказать об искусстве.

Кастонге и старший инспектор беседовали о течениях в современном искусстве, при этом Кастонге говорил менторским тоном, а Гамаш слушал якобы увлеченно.

А Франсуа Маруа?

Жан Ги Бовуар начисто о нем забыл, но теперь кинул на него взгляд. Он увидел тихого пожилого человека, который тоже только смотрел и слушал. Но смотрел не на Кастонге.

Франсуа Маруа смотрел на старшего инспектора Гамаша. Изучал его. Внимательно. Потом он перевел взгляд на Бовуара. Взгляд был не холодный, но ясный и проницательный.

У Бовуара кровь застыла в жилах.

Разговор между старшим инспектором и Кастонге вернулся к убийству.

– Ужасно, – произнес Кастонге таким тоном, словно выразил необычное и проницательное мнение.

– Ужасно, – согласился Гамаш, подаваясь вперед. – У нас есть две фотографии убитой женщины. Не могли бы вы на них взглянуть?

Бовуар протянул фотографии сначала Франсуа Маруа. Тот просмотрел их и передал Андре Кастонге.

– К сожалению, я ее не знаю, – сказал Кастонге. Бовуар с неохотой признал, что нужно отдать ему должное: при виде мертвой женщины он огорчился. – Кто она?

– Месье Маруа? – Гамаш повернулся ко второму старику.

– Боюсь, что и я вижу ее впервые. Она была на вечеринке?

– Вот это-то мы и пытаемся выяснить. Никто из вас не сталкивался с ней? Как видно по одной из фотографий, на ней было довольно заметное красное платье.

Маруа и Кастонге переглянулись и покачали головой.

– Désolé, – сказал Кастонге. – Но я провел вечер в разговорах с друзьями, с которыми редко встречаюсь. Возможно, она и была там, но я ее не заметил. Кто она? – снова спросил он.

Фотографии вернулись к Бовуару.

– Ее звали Лилиан Дайсон.

Никакой реакции на это имя.

– Она была художницей? – спросил Кастонге.

– Почему вы так подумали?

– Красное платье. Эпатаж. Художники либо полные лоботрясы – почти не моются, вечно пьяные и грязные, – либо процветают. – Он показал на фотографии в руке Бовуара. – Невероятный апломб. Крикливые. Тип «Все смотрите на меня». Оба варианта очень утомительны.

– Похоже, вы не любите художников, – заметил Гамаш.

– Не люблю. Мне нравятся продукты, а не личности. Художники – убогие, сумасшедшие людишки, которые занимают большое пространство и отнимают много времени. Несносные. Как дети.

– Но тем не менее вы, кажется, когда-то были художником, – вмешался Франсуа Маруа.

Полицейские посмотрели на тихого человека у камина. Что это появилось на его лице – удовлетворение?

– Был. Но я слишком здравомыслящий человек, чтобы добиться успеха на этом поприще.

Маруа рассмеялся, и Кастонге посмотрел на него с раздражением. Произнося эти слова, он вовсе не шутил.

– Вы были вчера на вернисаже в музее, месье Кастонге? – спросил Гамаш.

– Да. Меня пригласила старший куратор. И Ванесса, конечно, мой близкий друг. Мы с ней обедаем, когда я бываю в Лондоне.

– Ванесса Дестин Браун? Глава «Тейт модерн»?[28] – спросил Гамаш, на которого это явно произвело впечатление. – Она вчера была в музее?

– О да. Он была и там, и здесь. Мы с ней долго говорили о будущем метафорического…

– Но она не осталась? Или она тоже здесь, в гостинице?

– Нет, она рано уехала. Не думаю, что бургеры и народная музыка – ее стиль.

– Но это ваш стиль?

Бовуару стало интересно, заметил ли Андре Кастонге, что ситуация изменилась.

– Обычно нет. Но тут были несколько человек, с которыми я хотел побеседовать.

– Кто?

– Простите?

Старший инспектор Гамаш по-прежнему говорил любезно, вежливо. Но теперь он явно играл первую скрипку. Как и всегда.

Бовуар опять скосил глаза на Франсуа Маруа. Он подозревал, что того не удивило изменение ситуации.

– С кем именно вы хотели поговорить на вечеринке? – терпеливо и четко проговорил Гамаш.

– Ну, во-первых, с Кларой Морроу. Хотел поблагодарить за ее картины.

– С кем еще?

– Это мое частное дело, – отрезал Кастонге.

Значит, он заметил, подумал Бовуар. Но слишком поздно. Старший инспектор Гамаш был приливной волной, а Андре Кастонге – веточкой. Большее, на что он мог надеяться, – это остаться на плаву.

– Это может иметь значение, месье. А если нет, обещаю вам сохранить это в тайне.

– Что ж, я рассчитывал поговорить с Питером Морроу. Он первоклассный художник.

– Но не так хорош, как его жена.

Франсуа Маруа говорил тихо, почти шепотом. Но все посмотрели на него.

– Ее работы и в самом деле так хороши? – спросил старший инспектор Гамаш.

Маруа внимательно посмотрел на Гамаша:

– Я буду рад ответить на ваш вопрос, но мне любопытно узнать, что думаете вы. Вы были на вернисаже. И выделили этот примечательный

портрет Девы Марии из других.

– Что-что? – спросил Кастонге. – Там не было никакого портрета Девы Марии.

– Если посмотреть внимательнее, то был, – заверил его Маруа и снова обратился к старшему инспектору: – Вы были одним из немногих людей, которые по-настоящему интересовались ее искусством.

– Кажется, я говорил вам вчера, что Клара и Питер Морроу – мои личные друзья, – сказал Гамаш.

На лице Кастонге появилось удивленное и подозрительное выражение.

– Разве это допустимо? Ведь получается, что у вас под следствием находятся ваши друзья, подозреваемые в убийстве, n’est-ce pas?[29]

Бовуар шагнул вперед:

– На тот случай, если вы не знаете, старший инспектор Гамаш…

Но Гамаш поднял руку, и Бовуар заставил себя замолчать.

– Это справедливый вопрос, – ответил Гамаш. – Они друзья, и да, они подозреваемые. Да что говорить, у меня в этой деревне много друзей, и все они тоже подозреваемые. Я понимаю, что это можно истолковать как неприемлемое обстоятельство, но факт остается фактом: я знаю этих людей. Так кто может быстрее найти среди них убийцу? Разве не тот человек, который знает их слабости, их недостатки, их страхи? Но, – Гамаш неторопливо подался вперед, к Кастонге, – если вы полагаете, что я могу найти убийцу и отпустить его…

Слова были дружескими, на лице старшего инспектора играла слабая улыбка, но даже Андре Кастонге не мог не заметить весомость его слов.

– Нет, я так не полагаю.

– Рад это слышать. – Гамаш откинулся на спинку стула.

Бовуар еще несколько секунд сверлил взглядом Кастонге, пока не удостоверился, что тот не собирается больше ставить под сомнение профессиональную безупречность шефа. Пусть Гамаш считает себе, что так разговаривать с ним естественно и даже правильно, но Бовуар придерживался на сей счет другого мнения.

– Вы ошибаетесь в том, что касается картин этой Морроу, – угрюмо произнес Кастонге. – Это всего лишь несколько портретов старух. Ничего нового в этом нет.

– Там все новое, если заглянуть чуть поглубже, – сказал Маруа, занимая кресло рядом с Кастонге. – Посмотрите внимательнее, mon ami[30].

Несмотря на обращение Маруа, было ясно, что они никакие не друзья. Хотя, возможно, и не враги. Вот только стали бы они искать компанию друг

друга для приятельского разговора в кафе «Лемеак» или ради выпивки в баре «Экспресс» в Монреале?

Нет. Кастонге – может быть, но Маруа не стал бы.

– А вы почему здесь, месье? – спросил Гамаш у Маруа.

Эти двое не боролись между собой за влияние. В этом не было нужды. Каждый верил в себя.

– Я торговец произведениями искусства, а не галерист. Как я сказал вам вчера вечером, куратор дала мне каталог, и меня поразили работы мадам Морроу. Я захотел увидеть их своими глазами. И, – тут он улыбнулся с сожалением, – боюсь, что даже в свои годы я остаюсь романтиком.

– Вы хотите признаться, что влюбились в Клару Морроу?

Франсуа Маруа рассмеялся:

– Не совсем так. Хотя, посмотрев ее работы, трудно не влюбиться. Но мой романтизм носит скорее философский характер.

– Что вы имеете в виду?

– Мне нравится, что художник может возникнуть из неизвестности, обнаружиться в возрасте почти пятидесяти лет. Какой художник не мечтает об этом? Какой художник, просыпаясь утром, не верит, что это случится с ним еще до того, как он вечером ляжет в постель? Помните Магритта?[31] Бельгийского художника?

– Ceci n’est pas une pipe?[32] – спросил Гамаш, совершенно убив этим Бовуара, которому оставалось только надеяться, что с шефом не случится припадок и он не станет пороть полную чепуху.

– Он самый. Он работал долгие годы. Десятилетия. Прозябал в бедности. Зарабатывал тем, что писал подделки под Пикассо и подделывал банкноты. На оригинальные работы Магритта галеристы и коллекционеры не обращали внимания, другие художники посмеивались над ним, считали его чокнутым. Должен сказать, что художник чувствует себя очень плохо, когда даже собратья по искусству называют его чокнутым.

Гамаш рассмеялся:

– А он таким не был?

– Может, и был. Вам знакомы его картины?

– Да. Они мне нравятся, но не знаю, что бы я почувствовал, если бы кто-то сказал мне, что это творения гения.

– Именно! – Маруа неожиданно подался вперед. Таким живым, даже возбужденным, Бовуар его еще не видел. – Это и делает мою работу ежедневным праздником. Если каждый художник просыпается с мыслью, что сегодня мир откроет в нем гения, то каждый арт-дилер просыпается с

мыслью, что сегодня он откроет гения.

– Но кто это решает?

– Вот это и есть самое захватывающее.

Бовуар видел, что это было сказано искренне. Глаза Маруа сверкали, руки энергично двигались, но не театрально, а возбужденно.

– Я могу посмотреть чей-то портфолио и сказать, что это блестящие работы, а кто-то другой скажет, что они скучные, ученические. Вы посмотрите, как по-разному мы реагировали на картины Клары Морроу.

– Я продолжаю утверждать, что они неинтересны, – сказал Кастонге.

– А я утверждаю, что интересны, и где тот судья, который скажет, кто из нас прав? Это сводит с ума художников и арт-дилеров. Все это так субъективно.

– По-моему, они рождаются сумасшедшими, – пробормотал Кастонге, и Бовуар не мог с ним не согласиться.

– Это объясняет, почему вы были на вернисаже. Но почему приехали в Три Сосны? – спросил Гамаш.

Маруа задумался, пытаясь решить, сколько ему стоить сказать, и даже не скрывая своих колебаний.

Гамаш ждал. Бовуар, державший авторучку и блокнот наготове, принялся рисовать закорючки. Худощавую фигуру на лошади. А может, это был лось? С кресла доносилось тяжелое дыхание Кастонге.

– У меня когда-то был клиент. Он давно уже умер. Приятный человек. Работал дизайнером в рекламных агентствах, но был и настоящим художником. Его дом был наполнен чудесными картинами. Я открыл его, когда он был уже далеко не молод, хотя теперь, когда я думаю о нем, то понимаю, что он был гораздо моложе меня сегодняшнего. – Маруа улыбнулся.

Улыбнулся и Гамаш. Ему было знакомо это чувство.

– Он был одним из моих первых клиентов, и довольно успешным. Он был на седьмом небе, как и его жена. Однажды он спросил, не могу ли я взять несколько работ его жены для его следующей выставки. Я отказался, хотя и очень вежливо. Но он настаивал, что было совсем не характерно для него. Я мало ее знал и вообще не был знаком с ее работами. Я подозревал, что она оказывает давление на старика, но видел, что для него это очень важно, а потому согласился. Дал ей уголок и молоток с гвоздями.

Маруа помолчал, его глаза загорелись.

– Теперь я этим не очень горжусь. Я должен был либо отнестись к ней со всем уважением, либо вообще отказаться от выставки. Но я был молод, и мне еще многому предстояло научиться. – Он вздохнул. – В тот вечер на

вернисаже я впервые увидел ее работы. Вошел в зал и увидел, что все столпились в том уголке. Можете сами предположить, что случилось.

– Все ее работы были проданы, – сказал Гамаш.

Маруа кивнул:

– Все до одной, включая и те, что были у нее дома. Люди покупали их, даже не видя. За некоторые даже шла торговля – покупатели повышали ставки. Мой клиент был талантливым художником. Но его жена оказалась еще талантливее. Гораздо талантливее. Это было поразительное открытие. Настоящее ухо Ван Гога.

– Pardon? – спросил Гамаш. – Что?

– И что сделал старик? – вмешался Кастонге, которого увлекла эта история. – Он, наверно, был в ярости.

– Нет. Он был душевным человеком. Научил меня снисходительности. И сам был снисходительным. Но вот чего я никогда не забуду, так это реакции его жены. – Он помолчал секунду, явно видя перед собой тех двух пожилых художников. – Она оставила кисть. Не только больше никогда не выставлялась, но и не написала ни одной картины. Она видела, какую боль причинила ему, хотя он хорошо скрывал свои чувства. Для нее его счастье было важнее собственного. Важнее ее искусства.

Старший инспектор Гамаш знал, что этот рассказ должен был прозвучать как история любви. Самопожертвования, бескорыстия. Но для него это прозвучало как трагедия.

– И поэтому вы здесь? – спросил Гамаш.

Маруа кивнул:

– Я боюсь.

– Чего вы боитесь? – спросил Кастонге, опять потерявший нить.

– Вы видели, как вчера Клара Морроу смотрела на своего мужа? – спросил Маруа.

– И как он смотрел на нее, – подхватил Гамаш.

Взгляды этих двоих встретились.

– Но Клара не похожа на ту женщину, о которой вы вспомнили, – возразил старший инспектор.

– Верно, – согласился Маруа. – Но и Питер Морроу не похож на моего пожилого клиента.

– Вы и вправду считаете, что Клара могла бы оставить кисть? – поинтересовался Гамаш.

– Чтобы спасти свой брак? Чтобы спасти мужа? – спросил Маруа. – Большинство на это не пошли бы, но женщина, которая написала эти портреты, смогла бы.

Арман Гамаш никогда не думал о такой вероятности, но теперь, взвесив слова Франсуа Маруа, решил, что это вполне возможно.

– И все же, – сказал он, – что вы могли бы сделать, чтобы предотвратить это?

– Откровенно говоря, не многое, – сказал Маруа. – Но по крайней мере, я хотел увидеть, где она пряталась все эти годы. Мне было любопытно.

– И все?

– Вам никогда не хотелось посетить Живерни, чтобы увидеть, где творил Моне? Или посетить мастерскую Уинслоу Хомера на Праутс-Нек?[33] Или посмотреть, где писали Шекспир и Виктор Гюго?

– Вы правы, – согласился старший инспектор, – мы с мадам Гамаш посетили много домов наших любимых художников, писателей и поэтов.

– Зачем?

Гамаш обдумал ответ:

– Затем, что эти места кажутся волшебными.

Андре Кастонге хмыкнул. Бовуар ощетинился, смущенный за своего шефа. Ответ был смешной. Даже, может быть, слабый. Признаться подозреваемому, что ты веришь в волшебство.

Но Маруа сидел неподвижно, глядя на старшего инспектора. Наконец он кивнул. Едва заметно и задумчиво. Это можно было бы даже принять за слабую дрожь.

– C’est ça[34], – сказал Маруа. – Волшебство. Я не собирался приезжать сюда, но когда увидел ее работы на вернисаже, то захотел увидеть деревню, где рождается такое волшебство.

Они проговорили еще несколько минут о том, куда заходили, кого видели, с кем разговаривали. Но, как и все остальные, этот разговор ничего не принес.

Старший инспектор Гамаш и инспектор Бовуар оставили двух пожилых людей в светлой гостиной и отправились на поиски других постояльцев. За следующий час они поговорили со всеми ими.

Убитую никто не знал. Никто не видел ничего полезного или подозрительного.

Когда они спускались по склону холма в Три Сосны, Гамаш думал о проведенных допросах, о том, что сказал Франсуа Маруа.

Но в Трех Соснах было нечто большее, чем волшебство. Что-то чудовищное бродило по деревенскому лугу, ело и танцевало среди здешних обитателей. Что-то темное пришло вчера на вечеринку.

И произвело на свет не волшебство, а убийство.

Глава шестая

Из окна своего книжного магазина Мирна видела Армана Гамаша и Жана Ги Бовуара, спускающихся по грунтовой дороге с холма в деревню.

Потом она повернулась и окинула взглядом свой магазин с его деревянными полками, уставленными новыми и старыми книгами, с дощатым сосновым полом. На диване у окна сидела Клара и смотрела на дровяную плиту.

Она пришла несколькими минутами ранее, прижимая к груди пачку газет, как иммигрант на острове Эллис[35], прижимающий к груди какое-нибудь драгоценное старье.

«Неужели то, что держит Клара, и в самом деле так важно?» – спрашивала себя Мирна.

Мирна не заблуждалась. Она точно знала, что в этих газетах. Суждения других людей. Точки зрения окружающего мира. Мнения о том, что видели люди, глядя на картины Клары.

Мирна знала даже больше. Она знала, что именно написано на этих влажных страницах.

Она тоже рано встала этим утром, вытащила свою усталую задницу из кровати, протопала в ванную. Приняла душ, почистила зубы, надела чистую одежду. И в свете раннего утра села в свою машину и поехала в Ноултон.

За газетами. Она могла бы просмотреть эти газеты в Интернете, но если Клара любила читать бумажные газеты, то и Мирна тоже.

Ее не волновало, как мир смотрит на искусство Клары. Мирна знала, что ее подруга – гений.

Но она волновалась за Клару.

И вот теперь ее подруга сидела, ссутулившись, на диване, а Мирна – напротив нее в кресле.

– Пиво? – предложила Мирна, показывая на пачку газет.

– Нет, спасибо, – улыбнулась Клара. – У меня свое. – Она показала на промокший лиф платья.

– О такой женщине мужчины могут лишь мечтать, – рассмеялась Мирна. – Ты только подумай: женщина, состоящая исключительно из круассанов и пива.

– О да, предмет вожделения, – с улыбкой согласилась Клара.

– Ты уже их читала?

Мирне не было нужды показывать на промокшие газеты, они обе знали, о чем идет речь.

– Нет. Мне все время что-то мешает.

– Что-то?

– Какое-то идиотское тело в саду, – сказала Клара, но потом попыталась обуздать себя. – Мирна, господи боже, я не понимаю, что со мной такое. Я должна быть расстроена, сокрушена из-за того, что случилось. Я должна переживать за бедняжку Лилиан. Но ты знаешь, о чем я думаю? Единственное, о чем я думаю?

– Что она испортила твой праздник.

Это был не вопрос. Мирна знала, что изрекает истину. Лилиан и в самом деле испортила праздник Кларе. Впрочем, нужно признать, что и у Лилиан день выдался далеко не праздничный. Но этот разговор еще дело будущего.

Клара уставилась на Мирну – не осуждает ли та ее?

– Что со мной такое?

– С тобой все в порядке, – сказала Мирна, наклоняясь к подруге. – Я бы чувствовала то же самое. Любой бы чувствовал. Может быть, не все бы признались. – Она улыбнулась. – Если бы там лежала я…

Клара резко оборвала ее:

– Даже думать об этом не смей!

Она и правда испугалась, словно сказанное слово увеличивало вероятность события, словно тот бог, в которого она верила, действовал таким образом. Но Мирна знала, что ни ее, ни Кларин бог не такой сумбурный и мелочный и что им не нужно воздерживаться от подобных глупых предположений.

– Будь это я, тебе было бы не все равно, – продолжала Мирна.

– Боже, от этого я бы никогда не оправилась.

– Эти газеты, вероятно, не имели бы тогда значения, – сказала Мирна.

– Никакого. Совершенно никакого.

– Будь это Габри, или Питер, или Рут…

Обе женщины замолчали. Видимо, это был уже перебор.

– В общем, – сказала Мирна, – даже будь это кто-то совершенно посторонний, тебе было бы не все равно.

Клара кивнула.

– Но Лилиан не была посторонней.

– Хотелось бы мне, чтобы была, – тихо призналась Клара. – Я жалею, что вообще была с ней знакома.

– Что она собой представляла? – спросила Мирна.

Она слышала об этом в общих чертах, но теперь ей хотелось узнать подробности.

И Клара рассказала ей все. О маленькой Лилиан. О Лилиан-тинейджере. О молодой женщине Лилиан. Чем больше она рассказывала, тем более слабым и усталым становился ее голос, тем труднее давались ей слова.

Потом она замолчала, Мирна тоже ничего не говорила, смотрела на подругу.

– Это очень похоже на эмоционального вампира, – сказала наконец Мирна.

– На кого?

– Я в своей практике встречала их немало. Людей, которые, фигурально говоря, питаются твоими жизненными соками. Мы все знаем таких. Посидишь в компании этого человека – и приходишь домой выжатым как лимон. И даже понять не можешь почему.

Клара кивнула. Она и сама знала таких людей, хотя и не в Трех Соснах. Даже Рут к таким не относилась. Эта выжимала только спиртное из их бара. Но после общения с выжившей из ума старой поэтессой Клара почему-то чувствовала себя свежей, полной сил.

А вот другие люди действительно лишали ее жизненных соков.

Лилиан была одной из них.

– Но она не всегда была такой, – сказала Клара, стараясь быть справедливой. – Когда-то она была моим другом.

– Такое тоже нередко случается, – кивнула Мирна. – Лягушка на сковородке.

Клара не знала, как на это реагировать. Они все еще говорят о Лилиан или отклонились в сторону какого-то кулинарного французского шоу?

– Ты имеешь в виду эмоционального вампира на сковородке? – спросила Клара, произнося фразу, которую наверняка не произносил ни один другой человек. По крайней мере, она на это надеялась.

Мирна рассмеялась и, откинувшись на спинку кресла, подняла ноги на пуфик.

– Нет, детка. Эмоциональный вампир – это Лилиан. А лягушка – это ты.

– Это что-то типа неизданной сказки братьев Гримм. «Лягушка и эмоциональный вампир».

Обе женщины замолчали, представляя себе иллюстрации к такой сказке.

Первой вернулась к реальности Мирна.

– Лягушка на сковородке – это термин из арсенала психоаналитиков, – сказала она. – Если бросить лягушку на шипящую, горячую сковородку, то что она будет делать?

– Выпрыгнет? – предположила Клара.

– Выпрыгнет. Но если посадить лягушку на холодную сковородку и поднимать температуру медленно, то что будет тогда?

Клара задумалась:

– Выпрыгнет, когда станет горячо.

Мирна отрицательно покачала головой:

– Нет. – Она сняла ноги с пуфика, подалась вперед и вперилась в Клару пронизывающим взглядом. – Лягушка просто будет сидеть там. Сковородка разогревается все сильнее, но лягушка остается неподвижной. Она приспосабливается и приспосабливается. И никогда не выпрыгнет из сковородки.

– Никогда? – тихим голосом спросила Клара.

– Никогда. Будет сидеть там, пока не умрет.

Клара сделала протяжный, неторопливый, глубокий вдох, потом выдохнула.

– Я видела это на примере моих клиентов, которых унижали физически или эмоционально. Отношения между людьми никогда не начинаются с удара кулаком в лицо или оскорбления. Иначе они на этом и закончились бы. Все начинается с нежностей. С доброты. Тебя тянет к другому человеку. Ты ему доверяешь. Он тебе нужен. А потом он понемногу начинает изменяться. Мало-помалу сковорода становится все горячее. А в конце ты оказываешься в ловушке.

– Но Лилиан не была ни любовником, ни мужем. Только другом.

– Друзья бывают жестокими. Дружба может трансформироваться, становиться своей противоположностью, – сказала Мирна. – Она питалась твоей благодарностью. Твоим чувством незащищенности. Но ты сделала что-то такое, чего она никак не ожидала.

Клара ждала.

– Ты защитила себя. Свое искусство. Ты ушла. И за это она тебя возненавидела.

– Но зачем она приехала сюда? – спросила Клара. – Я ее почти двадцать лет не видела. Зачем ей возвращаться? Чего она хотела?

Мирна отрицательно покачала головой. Она не высказала появившихся у нее подозрений, – что у возвращения Лилиан могла быть только одна причина.

Погубить праздник Клары.

И ей это удалось. Вот только почти наверняка не тем способом, который планировала сама Лилиан.

А это, в свою очередь, наводило на другой вопрос: кто спланировал то, чего не могла предвидеть Лилиан?

– Ты позволишь мне сказать кое-что? – спросила Мирна.

Клара поморщилась:

– Ненавижу, когда это спрашивают. Это означает, что последует что-нибудь ужасное. Что?

– Надежда поселяется среди современных мастеров.

– Я ошиблась, – сказала Клара с недоумением и облегчением. – Это обычная чепуха. Что, новая игра? Могу я тоже попробовать? Обойное кресло нередко бодается. Или… – Клара подозрительно посмотрела на Мирну, – ты что, опять курила свой кафтан? Я знаю, что марихуана на самом деле не наркотик, но все же сомневаюсь.

– Искусство Клары Морроу снова делает радость современной.

– А, понятно, мы играем в околесицу, – сказала Клара. – Это все равно что говорить с Рут, только у нас ругательств поменьше.

Мирна улыбнулась:

– Ты знаешь, что я сейчас цитировала?

– Так это были цитаты?

Мирна кивнула и посмотрела на влажную, пахнущую пивом кипу газет. Клара проследила за ее взглядом и широко раскрыла глаза. Мирна встала, пошла наверх и вернулась с собственными экземплярами газет. Сухими и чистыми. Клара потянулась было к ним, но ее руки слишком сильно дрожали, и Мирне пришлось самой отыскивать колонки с рецензиями.

Портрет Рут в образе Девы Марии смотрел на них с первой страницы раздела «Нью-Йорк таймс», посвященного искусству. Над ним было одно-единственное слово: «Воскрешение». А заголовок под фотографией картины гласил: «Надежда поселяется среди современных мастеров».

Мирна отложила эту газету и раскрыла лондонскую «Таймс» в нужном месте. На первой странице раздела была фотография маоистского бухгалтера на вернисаже Клары. А под ней подпись: «Клара Морроу снова делает радость современной».

– Клара, они просто в восторге, – сказала Мирна с такой широкой улыбкой, что ей стало больно.

Газеты выпали из рук Клары, и она посмотрела на подругу. На ту, которая шептала в тишине.

Клара встала. «Воскрешение, – подумала она. – Воскрешение».

И она обняла Мирну.

Питер Морроу сидел у себя в мастерской. Прятался от звонков телефона.

Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Он вернулся домой после ланча, надеясь найти здесь тишину и покой. Клара забрала газеты и ушла – наверное, хотела прочитать их наедине. Так что он понятия не имел, что написали критики. Но как только он вошел в дом, принялся звонить телефон. И не умолкал. Все хотели поздравить Клару.

Звонили кураторы из музея, в восторге от рецензий и последовавшего благодаря этому ажиотажа на выставке. Звонила Ванесса Дестин Браун из «Тейт модерн» в Лондоне, благодарила за вечеринку, поздравляла Клару и спрашивала, не могли бы они встретиться и обсудить выставку.

Для Клары.

В конце концов Питер перестал отвечать на звонки и просто встал в дверях ее мастерской. Оттуда он видел несколько кукол из тех времен, когда она думала сделать целую серию таких.

«Наверное, они слишком политизированные», – сказала тогда Клара.

«Наверное», – ответил ей Питер, но «политизированные» было вовсе не тем словом, которое приходило ему в голову.

Он видел сваленные в углу «Воинственные матки». Она забросила их после очередной провальной выставки.

«Наверное, я слишком опережаю время», – сказала тогда Клара.

«Наверное», – ответил Питер, хотя у него на уме были совсем другие слова, вовсе не «опережаю время».

А когда она начала работать над «Тремя грациями» и три пожилые подруги даже позировали ей, он сочувствовал этим женщинам. Клара проявляла себя эгоисткой, ожидая, что три старые женщины будут позировать ей ради какой-то картины, которая никогда не увидит дневного света.

Но женщины не возражали. Им это нравилось, если судить по смеху, который время от времени не давал ему сосредоточиться.

А теперь эта картина висела в Музее современного искусства. Тогда как его педантичные картины висели, вероятно, у кого-нибудь на лестнице или, если Питеру повезло, над камином.

И видели их десяток-другой людей в год. А внимания обращали не больше, чем на обои или на занавески. Внутреннее украшение для богатого дома.

Ну как могли Кларины портреты ничем не примечательных женщин оказаться шедеврами?

Питер повернулся спиной к мастерской Клары, но прежде увидел, как лучи полуденного солнца коснулись громадной ноги из стеклопластика, марширующей по ее мастерской.

«Наверное, слишком уж мудрено», – сказала тогда Клара.

«Наверное», – пробормотал Питер.

Он закрыл дверь и вернулся в свою мастерскую, но телефон продолжал трезвонить в его ушах.

Старший инспектор Гамаш сидел в просторной общей комнате гостиницы Габри. Стены были выкрашены в кремовый свет, мебель была выбрана Габри из антикварных находок Оливье. Но тяжелой викторианской мебели он предпочитал комфорт. По обе стороны камина стояли большие диваны и кресла, создававшие здесь пространство для разговоров. Если гостиница со спа-салоном Доминик на вершине холма сверкала и сияла, как чудесный драгоценный камень, то гостиница Габри мирно, весело и бедновато приютилась в долине. Словно дом бабушки, если принять за бабушку толстяка-гея.

Габри и Оливье, предоставив полицейским помещение гостиницы для разговора с постояльцами, отправились в бистро обслуживать клиентов.

Разговору с постояльцами предшествовал другой нелегкий разговор, начавшийся, когда они еще не переступили порога гостиницы. У крыльца Бовуар осторожно отвел Гамаша в сторону:

– Я думаю, вы должны кое-что знать.

Арман Гамаш изумленно посмотрел на Бовуара:

– Что ты натворил?

– Вы это о чем?

– Ты говоришь точно как Даниель, когда он был мальчишкой и попадал в какую-нибудь переделку.

– Я обрюхатил Пегги Сью[36] во время танца, – выпалил Бовуар.

Какое-то мгновение Гамаш выглядел ошеломленным, потом улыбнулся:

– Ну а если серьезно?

– Я сделал одну глупость.

– Это возвращает меня в прекрасные прежние времена. Продолжай.

– Понимаете…

Открылась сетчатая дверь, и женщина лет пятидесяти с гаком поздоровалась с ним:

– Месье Бовуар, как я рада снова видеть вас!

Гамаш повернулся к Бовуару:

– Признавайся, что ты сделал?

– Я надеюсь, вы меня помните, – сказала женщина с жеманной улыбкой. – Меня зовут Полетт. Мы познакомились вчера на вернисаже.

Дверь еще раз распахнулась, появился человек средних лет. Увидев Бовуара, он засиял.

– Это вы, – сказал он. – Мне только что показалось, что я вижу вас на дороге. Я искал вас вчера на барбекю, но вас там не было.

Гамаш пытливо посмотрел на своего заместителя. Бовуар повернулся спиной к улыбающемуся художнику:

– Я сказал им, что я рецензент из «Монд».

– Зачем же ты это сделал? – спросил старший инспектор.

– Это долгая история, – ответил Бовуар.

Но история была не столько долгой, сколько неловкой.

Это были те самые двое художников, которые оскорбительно отзывались о работах Клары Морроу. Высмеивали «Трех граций», называя их клоунами. Бовуар был безразличен к искусству, но к Кларе он относился с симпатией. И он знал трех женщин, ставших героинями картины, и восхищался ими.

И тогда он заговорил с высокомерными художниками и сказал, что ему эта работа очень нравится. Потом повторил несколько фраз, услышанных краем уха на вернисаже. О перспективе, культуре, красках. Чем больше он говорил, тем труднее было ему остановиться. И он видел, что чем нелепее его сентенции, тем внимательнее эти двое слушают его.

Пока он не нанес им coup de grâce[37].

Изрек слово, которое произнес кто-то этим вечером, слово, которого Бовуар никогда не слышал прежде и о значении которого даже не догадывался. Он повернулся к картине «Три грации», к трем веселым пожилым женщинам, и сказал: «Единственное слово, которое тут приходит на ум, – это, конечно, кьяроскуро»[38].

Неудивительно, что художники посмотрели на него как на сумасшедшего.

Это привело его в бешенство. В такое бешенство, что он сказал нечто, о чем тут же пожалел.

«Я не представился, – сказал он на самом аристократическом французском. – Месье Бовуар, художественный критик „Монд“».

«Месье Бовуар?» – переспросил мужчина, чьи глаза тут же

расширились.

«Да, конечно, просто месье Бовуар. Я не чувствую потребности в имени – фамилии достаточно. Иначе слишком буржуазно. Только место занимает на бумаге. Вы, bien sûr[39], читаете мои рецензии?»

Остальная часть вечера прошла вполне приятно, поскольку известие о том, что на вернисаже присутствует знаменитый парижский критик «месье Бовуар», быстро распространилось среди присутствующих. И все сошлись на том, что работы Клары являют собой великолепный пример кьяроскуро.

Придется ему в ближайшие дни поискать, что значит это слово.

Двое художников представились просто – Норман и Полетт: «А мы пользуемся только именами».

Он подумал, что они шутят, но явно ошибся. И вот они снова перед ним.

Норман, в тех же вельветовых брюках и поношенном твидовом пиджаке, и его спутница Полетт, в той же фермерской юбке, футболке и шарфах.

Они переводили взгляд с Бовуара на Гамаша и снова на него.

– У меня две плохие новости, – сказал Гамаш, приглашая их пройти внутрь дома. – Здесь было совершено убийство, и это не месье Бовуар, художественный критик из «Монд», а инспектор Бовуар, детектив отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

Об убийстве они уже знали, так что их расстроило только известие о Бовуаре. Гамаш с улыбкой смотрел, как они вперились в инспектора.

Заметив ухмылку Гамаша, Бовуар прошептал:

– Чтобы вы знали: еще я сказал им, что вы – месье Гамаш, старший куратор из Лувра. Радуйтесь.

Гамаш подумал, что этим объясняется неожиданно большое число приглашений на выставки, которые он получил на вернисаже. Он сделал себе заметку не приходить ни на одну из них.

– Когда вы решили остаться на ночь? – спросил Гамаш, когда все исчерпали свой яд.

– Мы собирались отправиться домой после вечеринки, но было уже поздно, и… – Полетт мотнула головой в сторону Нормана, намекая, что тот перебрал.

– Хозяин гостиницы выдал нам туалетные принадлежности и халаты, – добавил Норман. – Через несколько минут мы собираемся в Кауансвилл – купить одежду.

– В Монреаль не возвращаетесь? – спросил Гамаш.

– Не сразу. Мы думали остаться на день-другой. Устроить себе

каникулы.

По приглашению Гамаша они сели в гостиной: художники бок о бок на диване, Бовуар и старший инспектор – на диване напротив.

– Так кого убили? – спросила Полетт. – Ведь не Клару же?

Ей почти удалось скрыть надежду в голосе.

– Нет, – ответил Бовуар. – Вы с ней друзья?

Впрочем, ответ казался очевидным.

Норман в ответ лишь хмыкнул:

– Вы явно не знаете художников, инспектор. Мы можем быть вежливыми, даже дружелюбными. Но чтобы быть друзьями? Уж лучше дружить с росомахой.

– Что же тогда привело вас сюда, если не дружба с Кларой? – спросил Бовуар.

– Бесплатная еда и выпивка. Много выпивки, – ответил Норман, убирая волосы с глаз.

В этом человеке была какая-то пресыщенность. Словно он все видел и понимал и его это немного удивляло и печалило.

– Значит, не ради ее искусства? – спросил Бовуар.

– Она неплохая художница, – сказала Полетт. – Ее нынешние работы нравятся мне больше, чем то, что она писала десять лет назад.

– Слишком много кьяроскуро, – заметил Норман, явно забыв, от кого вчера услышал это слово. – Ее вчерашняя выставка определенно шаг вперед, – продолжил он, – хотя для этого и не требовалось особых усилий. Разве кто-нибудь может забыть ее выставку больших ног?

– В самом деле, Норман, – подхватила Полетт. – Портреты? Какой уважающий себя художник будет сегодня писать портреты?

Норман кивнул:

– Ее работы подражательные. Поверхностные. Да, персонажи имеют характеры, они хорошо прописаны, но нельзя сказать, что это открытие в искусстве. Ничего оригинального или смелого. Ничего такого, чего нельзя увидеть в третьеразрядной галерее где-нибудь в Словении.

– Зачем тогда Музей современного искусства устроил ее персональную выставку, если ее искусство ничего собой не представляет? – спросил Бовуар.

– Кто знает? – ответил Норман. – Услуга. Политика. Эти крупные учреждения созданы не ради настоящего искусства, они не любят рисковать. Играют в безопасную игру.

Полетт энергично закивала.

– Если Клара Морроу вам не друг и вы считаете ее искусство

никчемным, почему же вы здесь? – спросил Бовуар у Нормана. – Я могу понять, что вы пришли на вернисаж ради бесплатной еды и выпивки, но тащиться еще и сюда?

Это был вопрос не в бровь, а в глаз, и они оба знали это.

Норман задумался на секунду, потом ответил:

– Потому что сюда поехали критики. Владельцы галерей и торговцы произведениями искусства. Дестин Браун из «Тейт модерн». Кастонге, Фортен, Бишоп из музея. Вернисажи и выставки – их смысл не в том, что висит на стенах, а в том, кто находится в зале. Вот где настоящая работа. Я приехал завязывать знакомства. Я не знаю, как это удалось Морроу, но у них оказалось удивительное сборище критиков и кураторов.

– Фортен? – спросил Гамаш, явно удивленный. – Вы говорите о Дени Фортене?

Пришла очередь удивляться Норману: откуда этот сельский коп знает, кто такой Дени Фортен?

– Верно, – ответил он. – О владельце галереи.

– Дени Фортен был на вернисаже в Монреале или здесь? – продолжал давить Гамаш.

– И там, и здесь. Я пытался поговорить с ним, но он был занят с другими.

Наступила пауза, и пресыщенный художник, казалось, сник. Сник под грузом нестыковок.

– Удивительно, что Фортен оказался здесь, – сказала Полетт, – с учетом того, как он поступил с Кларой.

Эта фраза повисла в воздухе в ожидании естественного вопроса. Полетт и Норман нетерпеливо смотрели на двух детективов, словно голодные дети на пирожное.

К удовольствию Бовуара, старший инспектор Гамаш предпочел проигнорировать эту возможность. Впрочем, они и без того знали, как Дени Фортен поступил с Кларой. Поэтому-то его присутствие на вечеринке так их удивило.

Бовуар смотрел на Нормана и Полетт. Вид у них был изможденный. Но почему? Длинный вечер с едой и напитками на халяву? Еще более долгая ночь, которую выдавали за вечеринку, тогда как на самом деле это была ночь отчаянных попыток завязать знакомства? Или же они просто устали от этой необходимости плыть и плыть, когда вода все время накрывает их с головой?

Старший инспектор Гамаш вытащил из кармана фотографию:

– У меня есть фотография убитой женщины. Я бы хотел, чтобы вы

посмотрели на нее. Будьте добры.

Он протянул фотографию Норману, чьи брови тут же взлетели вверх.

– Это же Лилиан Дайсон!

– Не может быть, – сказала Полетт, выхватив у него фотографию. Секунду спустя она кивнула. – Да, это она.

Полетт посмотрела на старшего инспектора. Это был острый, проницательный взгляд. Не такой наивный, каким она смотрела вначале. Если она и была похожа на ребенка, подумал Гамаш, то на коварного ребенка.

– Значит, вы знали мадам Дайсон? – спросил Бовуар.

– Не то чтобы мы ее знали… – протянул Норман.

Гамаш подумал, что тот сейчас выглядит податливым. Определенно апатичным. Человеком, который плывет по течению.

– А что тогда? – спросил Бовуар.

– Мы знали ее много лет назад, но давно не встречали. Этой зимой она вновь появилась – ее видели на двух выставках.

– На художественных выставках? – спросил Бовуар.

– Конечно, – ответил Норман. – На каких же еще?

Словно никаких иных культурных форм и не существовало, а если они и существовали, то не имели значения.

– Я ее тоже видела, – сказала Полетт, не желая отставать от Нормана. (Гамашу стало любопытно, что представляет собой их партнерство, какие творческие достижения оно породило.) – На нескольких выставках. Поначалу не узнала ее. Ей пришлось представиться. Она покрасилась. Была ярко-рыжей, а стала блондинкой. Да и стройность осталась в прошлом.

– Она снова работала критиком? – спросил Гамаш.

– Мне об этом не известно. Понятия не имею, чем она занималась, – сказала Полетт.

Гамаш внимательно посмотрел на нее:

– Вы были друзьями?

– Не теперь, – ответила она, подумав.

– А прежде, до того как она исчезла? – спросил Гамаш.

– Я считала, что мы друзья, – ответила Полетт. – Я была занята карьерой. Добилась некоторых успехов. Мы тогда только познакомились с Норманом и решали, стоит ли нам сотрудничать. Так редко бывает, чтобы два художника работали над одной картиной.

– Ты совершила ошибку, спросив Лилиан, что она думает на этот счет, – сказал Норман.

– И что же она думала? – спросил Бовуар.

– Не знаю, что она думала, но могу вам сказать, что она сделала, – ответила Полетт. Теперь в ее глазах и голосе безошибочно угадывалась злость. – Она сказала, что Норман говорил обо мне гадости на недавнем вернисаже. Высмеивал мои работы и заявлял, что скорее стал бы сотрудничать с шимпанзе. Лилиан сказала, что сообщает мне об этом как подруга, хочет меня предостеречь.

– Вскоре после этого Лилиан заявилась ко мне, – подхватил Норман. – Сказала, что Полетт обвиняет меня в плагиате, говорит, будто я списываю с нее. Лилиан сказала, она, мол, знает, что это не так, но хочет, чтобы мне было известно о тех гадостях, которые повсюду несет обо мне Полетт.

– И что случилось потом? – спросил Гамаш.

Воздух вокруг словно напитался прежней горечью и обидными словами.

– Да простит нас Господь, но мы ей поверили, – сказала Полетт. – Мы разорвали отношения. И лишь через несколько лет поняли, что Лилиан лгала нам обоим.

– Но теперь мы вместе. – Норман мягко положил ладонь на руку Полетт и улыбнулся ей. – Несмотря на потерянные годы.

Глядя на них, Гамаш подумал: может быть, именно от этого у Нормана такой изможденный вид. Эти воспоминания не дают ему покоя.

В отличие от Бовуара старший инспектор Гамаш с уважением относился к художникам. Они были людьми чувствительными. Нередко слишком погруженными в себя. Зачастую не годящимися для общества вежливых людей. Некоторые, подозревал Гамаш, были людьми очень неуравновешенными. И жизнь у них нелегкая. Нередко маргинальная, порой на грани нищеты. На них не обращают внимания, их высмеивают. Общество, благотворительные фонды, даже другие художники.

История, которую рассказал Франсуа Маруа про Магритта, не была уникальной. Мужчина и женщина, сидящие здесь в гостинице, оба были Магриттами. Они сражались за то, чтобы их услышали и заметили, чтобы их уважали и приняли.

Нелегкая жизнь для кого угодно, не говоря уже о людях чувствительных, какими являются художники.

Гамаш подозревал, что такая жизнь порождает страх. А из страха рождается злоба и со временем столько ненависти, что кончается все это мертвой женщиной в саду.

Да, Арман Гамаш сочувственно относился к художникам. Но он не заблуждался насчет того, на что они способны. На великие творения и великие разрушения.

– Когда Лилиан уехала из Монреаля? – спросил Бовуар.

– Не знаю. И меня это не волнует.

– А вас взволновало, когда она вернулась? – спросил Бовуар.

– А вас бы такое не взволновало? – Полетт сердито уставилась на Бовуара. – Я держалась от нее подальше. Мы все знали, что она сделала и на что способна. С такими людьми лучше не иметь дела.

– «Он естествен во всех своих проявлениях – творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности», – сказал Норман.

– Что-что? – переспросил Бовуар.

– Это слова из одной ее рецензии, – сказала Полетт. – Благодаря им она приобрела популярность. Новостные агентства подхватили эти слова, и ее рецензия стала широко известна.

– О ком это было сказано? – спросил Бовуар.

– Вот что забавно, – сказала Полетт. – Все помнят эту цитату, но о художнике давно забыли.

И Бовуар, и Гамаш знали, что это неправда.

«Он естествен во всех своих проявлениях – творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности».

Умно сказано, почти что комплимент. Но какая в нем уничижительная сила!

Кто-то не забыл эту рецензию.

Художник, о котором это было написано.

Глава седьмая

Арман Гамаш и Жан Ги Бовуар спустились с широкой веранды гостиницы на дорожку.

День стоял жаркий, и Бовуару хотелось пить.

– Выпьем? – предложил он шефу, зная, что это совершенно безопасное предложение.

Но Гамаш его удивил:

– Через несколько минут. Сначала мне нужно сделать кое-что.

Они остановились на грунтовой дороге. День из теплого становился почти жарким. Некоторые из ранних белых ирисов на клумбах вокруг деревенского луга раскрылись полностью, подготовились еще несколько. Они почти взрывались, обнажая свою черную сердцевину.

Бовуару это казалось подтверждением его мыслей. Если присмотреться, внутри всего живого, каким бы прекрасным оно ни было, всегда найдется червоточина.

– Мне представляется любопытным, что Норман и Полетт знали Лилиан Дайсон, – сказал Гамаш.

– Почему? – спросил Бовуар. – Разве вы не рассчитывали на это? Ведь все они – одна тусовка. Что двадцать лет назад, что несколько месяцев. Было бы удивительно, если бы они не знали друг друга.

– Верно. Мне вот что представляется любопытным. Ни Франсуа Маруа, ни Андре Кастонге не признались, что знают ее. Как могло получиться, что Норман и Полетт ее знают, а Маруа и Кастонге – нет?

– Может, они вращались в разных кругах, – предположил Бовуар.

Они шли от гостиницы к холму за деревней. Бовуар снял пиджак, но старший инспектор остался в своем. Чтобы он разделся до рубашки – для этого должно было припекать по-настоящему.

– В мире искусства Квебека не так уж много кругов, – сказал Гамаш. – Пусть торговцы не заводят личную дружбу со всеми, но они наверняка знают о существовании почти всех. Если не сегодняшнюю, то уж Лилиан двадцатилетней давности, в ее бытность критиком, они должны были знать.

– Значит, они солгали, – сказал Бовуар.

– Вот это я и хочу выяснить. А тебя я попрошу посмотреть, как идут дела в оперативном штабе. Давай-ка встретимся с тобой в бистро… – Гамаш посмотрел на часы, – минут через сорок пять.

Они расстались, Бовуар постоял, глядя, как шеф уверенной походкой

поднимается на холм.

Сам же Бовуар через деревенский луг направился в оперативный штаб. Он замедлил шаг, потом свернул направо и сел на скамью.

– Привет, недоразвитый.

– Привет, старая пьяница.

Рут Зардо и Жан Ги Бовуар сидели бок о бок, между ними лежал черствый батон. Бовуар отломил кусочек и бросил на траву, где в ожидании собрались дрозды.

– Ты что это делаешь? Это же мой ланч.

– Мы оба знаем, что вы много лет не едите ланч, – отрезал Бовуар.

Рут хмыкнула:

– Верно. Но все равно за тобой теперь еда.

– Куплю вам попозже пива.

– Так что это вы опять приперлись в Три Сосны? – Рут кинула еще булки птицам.

– Убийство.

– Ах, это.

– Вы не видели ее вчера на вечеринке? – Бовуар протянул Рут фотографии мертвой женщины.

Она просмотрела их и вернула:

– Не-а.

– Что это была за вечеринка?

– Барбекю? Слишком много народа. Слишком много шума.

– Но бесплатная выпивка, – сказал Бовуар.

– Бесплатная? Merde. Значит, я напрасно наливала себе тайком. Но все равно, когда воруешь – интереснее.

– Ничего необычного не случилось? Какие-нибудь разборки? Громкие голоса? Столько выпивки – неужели никто не поссорился?

– Разве выпивка ведет к ссорам? Откуда ты это взял, пустоголовый?

– Значит, ничего необычного вчера вечером не произошло?

– Я ничего такого не видела. – Рут оторвала еще кусок батона и швырнула толстому дрозду. – Прими мое сочувствие в связи с твоим разводом. Ты ее любишь?

– Мою жену? – Бовуар не понял, что навело Рут на этот вопрос. Действительно ли она переживает за него или просто не обладает ощущением личных границ? – Я думаю…

– Нет, я не про жену спрашиваю. Про другую. Такую простенькую.

Бовуар почувствовал, как сердце у него екнуло, а кровь отлила от лица.

– Вы пьяны, – сказал он, вставая.

– И еще я сварлива, – кивнула Рут. – Но к тому же я права. Я видела, как ты смотришь на нее. И кажется, я знаю, кто она. Ты попал в беду, молодой мистер Бовуар.

– Вы ничего не знаете.

Он пошел прочь, стараясь не перейти на бег. Заставлял себя двигаться неторопливо, размеренно. Правой, левой. Правой, левой.

Впереди он видел мост, а за ним – оперативный штаб. Там он будет в безопасности.

Но молодой мистер Бовуар начинал понимать кое-что.

«Безопасных» мест больше не осталось. Нигде.

– Ты это читала? – спросила Клара, поставив пустой стакан из-под пива на стол и протянув Мирне выпуск «Оттава стар». – «Стар» выставка не понравилась.

– Шутишь!

Мирна взяла газету и просмотрела ее. Пришлось признать, что рецензия далеко не хвалебная.

– Как там они меня назвали? – спросила Клара, садясь на подлокотник кресла Мирны. – Вот оно. – Она ткнула пальцем и прорвала газетный лист. – «Клара Морроу – старый, усталый попугай, подражающий настоящим художникам».

Мирна рассмеялась.

– Тебе это кажется смешным? – спросила Клара.

– Ну, ты же не относишься к этим словам всерьез?

– А почему нет? Если я всерьез отношусь к хвалебным рецензиям, то почему не могу относиться так же к разгромным?

– Но ты посмотри на них, – сказала Мирна, показывая на газеты на кофейном столике. – Лондонская «Таймс», «Нью-Йорк таймс», «Девуар» – все они пишут, что твое искусство новое и прекрасное. Блестящее.

– Я слышала, что критик из «Монд» был на вернисаже, но он даже не озаботился написать рецензию.

Мирна уставилась на подругу:

– Наверняка еще напишет и согласится со всеми остальными. Выставка имеет огромный успех.

– «Ее искусство, будучи привлекательным, не является ни оригинальным, ни смелым», – прочла Клара через плечо Мирны. – Они вот не считают, что выставка имеет огромный успех.

– Бога ради, да это всего лишь «Оттава стар», – сказала Мирна. – Кому-то ведь она должна была не понравиться.

Клара просмотрела рецензию и улыбнулась:

– Кто-нибудь еще говорил тебе, что художники чокнутые?

– Я впервые об этом слышу.

Из окна Мирна видела, как Рут кормит птичек булкой. А на вершине холма Доминик Жильбер возвращалась в сарай на животном, похожем на лося. На террасе перед бистро за столиком для клиентов сидел Габри и ел десерт.

Не в первый раз Три Сосны показались Мирне эквивалентом человеческого общества. Которое принимает раненых и ненужных. Сумасшедших и уязвленных.

Здесь было убежище. Хотя это убежище явно не гарантировало защиту от убийства.

Доминик Жильбер скребла щеткой круп Лютика. Это всегда напоминало ей сцену из «Малыша-каратиста»[40]. Полировку наносим, полировку стираем. Только вместо замшевой тряпочки здесь работали скребком, а вместо машины холили лошадь. Или что-то на нее похожее.

Лютик стоял в проходе сарая, вне своего стойла. Честер наблюдал за этим действом, пританцовывая, словно у него в голове сидел оркестр мариачи[41]. Макарони был в поле. Его уже вычистили, и теперь он валялся в грязи.

Доминик, очищая с громадной лошади засохшую, спекшуюся грязь, отмечала шрамы и проплешины, на которых никогда не появится волосяной покров, настолько глубоки были раны.

И все же лошадь позволяла Доминик прикасаться к ней, ухаживать за ней, ездить на ней. Как Честер и Макарони. Если какие-то существа и заслужили право брыкаться, так это они. Но они вели себя как тишайшие из животных.

До нее донеслись голоса:

– Вы уже показывали нам эти фотографии.

Говорил один из гостей, и Доминик знала, кто именно – Андре Кастонге. Владелец галереи. Большинство гостей уже уехали, но двое остались. Месье Кастонге и месье Маруа.

– Я бы хотел, чтобы вы взглянули еще раз.

Это вернулся старший инспектор Гамаш. Доминик посмотрела на квадрат света в конце сарая, стараясь не высовываться из-за крупа громадного Лютика. Ей было немного неспокойно, и она не знала, сообщать ли о своем присутствии. Трое мужчин стояли под солнцем,

опираясь на ограду. Они, конечно же, понимали, что место это не уединенное. К тому же она первой пришла сюда. К тому же ей было интересно послушать.

Поэтому она ничего не сказала и продолжила вычесывать Лютика, который никак не мог поверить в свое везение. Вычесывание продолжалось гораздо дольше обычного. Хотя то, что казалось избыточной нежностью по отношению к его крупу, и вызывало у него определенное беспокойство.

– Может быть, нам стоит посмотреть еще раз, – раздался голос Франсуа Маруа.

Голос прозвучал рассудительно. Даже дружески.

Последовала пауза. Доминик увидела, как Гамаш передал Маруа и Кастонге по фотографии. Они какое-то время разглядывали их, потом обменялись снимками.

– Вы сказали, что не знаете убитую женщину, – напомнил Гамаш.

Его голос тоже звучал расслабленно. Обычный разговор с друзьями.

Но Доминик трудно было обмануть. Ей стало интересно, попадутся ли эти двое в ловушку. Кастонге, может, и попадется. А насчет Маруа она сомневалась.

– Я подумал, – продолжил Гамаш, – что это застало вас врасплох и вам нужно посмотреть еще раз.

– Я не… – начал было Кастонге, но Маруа прикоснулся к его руке, и тот замолчал.

– Вы совершенно правы, старший инспектор. Не могу сказать про Андре, но я лично смущен, потому что действительно ее знаю. Это Лилиан Дайсон. Верно?

– Нет, я ее не знаю, – отказался Кастонге.

– Мне кажется, вам следует еще покопаться в памяти, – сказал Гамаш.

Голос его продолжал звучать любезно, но в нем появился металл.

Прячась за крупом Лютика, Доминик молилась о том, чтобы Кастонге ухватился за брошенный ему старшим инспектором спасательный круг. Чтобы увидел в этом руку помощи, а не что-то иное. Подарок, а не ловушку.

Кастонге смотрел в поле. Все трое повернулись в ту сторону. Доминик не видела поля с того места, где стояла, но она прекрасно знала этот пейзаж. Она видела его каждый день. Часто в конце дня она сидела с джин-тоником в патио в задней части их дома, вдали от постояльцев. И смотрела. Вот так же она прежде смотрела из окна своего углового кабинета на семнадцатом этаже банковской башни.

Теперь вид из окон был более ограниченным, но гораздо более

притягательным. Высокая трава, молодые нежные цветы. Горы и леса, старые заезженные лошади, бредущие по полю.

Доминик считала, что нет ничего прекраснее.

Она знала, что видят трое мужчин, но не знала, о чем они думают.

Хотя могла и догадаться.

Вернулся старший инспектор Гамаш. Чтобы снова поговорить с двумя этими людьми. Задать им те же вопросы, что и прежде. Это ей было понятно. Как и вывод.

В первый раз они солгали ему.

Никто не сможет спасти Кастонге, кроме него самого.

– Да, верно, – заговорил наконец владелец галереи. – Кажется, я ее знаю.

– Кажется или знаете?

– Да, знаю.

Гамаш строго посмотрел на него и забрал фотографии:

– Так почему вы солгали?

Кастонге вздохнул и покачал головой:

– Я не солгал. Сказалась усталость, может быть, похмелье. В первый раз я ее не разглядел, только и всего. Это было не преднамеренно.

Гамаш сомневался, что Кастонге говорит правду теперь, но решил не давить на него. Это было бы потерей времени, и Кастонге лишь насторожился бы еще больше.

– Вы хорошо знали Лилиан Дайсон? – спросил Гамаш.

– Нет. Я видел ее недавно на нескольких мероприятиях. Она даже подходила ко мне. – Кастонге произнес это так, словно она сделала что-то оскорбительное. – Она говорила про свой портфолио, спрашивала, можно ли показать его мне.

– И что вы ей ответили?

Кастонге удивленно посмотрел на Гамаша:

– Конечно, ответил «нет». Вы представляете, сколько художников присылает мне свои портфолио?

Гамаш молчал в ожидании высокомерного ответа.

– Сотню в месяц со всего мира.

– И вы ей отказали? Но возможно, у нее были хорошие работы, – предположил старший инспектор и был удостоен еще одного испепеляющего взгляда.

– Если бы она что-то собой представляла, то я бы о ней что-нибудь услышал. К юным дарованиям ее трудно отнести. Большинство художников, если у них есть талант, добиваются успеха еще до тридцати

лет.

– Но не всегда, – гнул свое Гамаш. – Клара Морроу и мадам Дайсон ровесницы, а Клару открыли только сейчас.

– Но не для меня. Я продолжаю утверждать, что ее работы гроша ломаного не стоят.

Гамаш обратился к Франсуа Маруа:

– А вы, месье? Вы хорошо знали Лилиан Дайсон?

– Нет. Я сталкивался с ней на вернисажах в последние несколько месяцев и знал, кто она.

– Откуда вы это знали?

– Монреальское художественное сообщество очень маленькое. В нем много низкосортных, никчемных художников. Порядочное число художников Господь одарил средним талантом. У них иногда бывают выставки. Фурора они не произвели, но они хорошие профессионалы. Вроде Питера Морроу. И есть несколько по-настоящему больших художников. Вроде Клары Морроу.

– А к какой категории принадлежала Лилиан Дайсон?

– Не знаю, – признал Маруа. – Она обращалась не только к Андре, но и ко мне – просила посмотреть ее портфолио, но я не мог на это пойти. У меня совершенно нет времени.

– Почему вы вчера решили остаться в Трех Соснах?

– Я вам уже говорил: это решение было принято в последнюю минуту. Мне хотелось увидеть, где творит Клара.

– Да, вам хотелось, – сказал Гамаш. – Но вы не сказали, с какой целью.

– Неужели в этом непременно должна быть цель? – спросил Маруа. – Неужели недостаточно того, что я просто хотел увидеть?

– Для большинства людей – может быть, но я подозреваю, что не для вас.

Проницательные глаза Маруа выдержали взгляд Гамаша. Никто из них не остался доволен.

– Послушайте, Клара Морроу стоит на распутье, – сказал арт-дилер. – Ей нужно принимать решение. Ей представилась феноменальная возможность, критики пока в восторге от нее. Ей нужен какой-то наставник. Ментор.

Гамаш посмотрел на него ошеломленным взглядом:

– Ментор?

Слово повисло в воздухе.

Последовало долгое, наэлектризованное молчание.

– Да, – сказал Маруа, снова вернувшись к благодушному тону. – Я подошел к концу карьеры, я это знаю. Я могу стать наставником еще для одного, ну, двух художников. Мне нужно выбирать осмотрительно. Я не могу себе позволить тратить время попусту. Весь последний год я искал такого художника. Может быть, последнего для меня. Побывал на сотнях вернисажей во всем мире. Но Клару Морроу нашел здесь, у себя под боком.

Знаменитый торговец предметами искусства огляделся. Посмотрел на заезженную лошадь в поле, спасенную от бойни. Посмотрел на деревья, на лес.

– Практически у себя на заднем дворе.

– Вы хотите сказать, в захолустье, – пробормотал Кастонге, продолжая с неудовольствием вглядываться в поле.

– Очевидно, что Клара – выдающаяся художница, – сказал Маруа, игнорируя владельца галереи. – Но те самые таланты, которые сделали ее большой художницей, не позволяют ей пробиться наверх в мире искусства.

– Возможно, вы недооцениваете Клару Морроу, – заметил Гамаш.

– Возможно. Но вы, возможно, недооцениваете мир искусства. Пусть вас не обманывает внешняя вежливость и творческая энергия. Это злобное место, где полно незащищенных и корыстных людей. Страх и корысть – вот что проявляется на вернисаже. На карту поставлено много денег. Состояния. И много честолюбия. Горючая смесь. – Маруа скосил глаза на Кастонге и снова посмотрел на старшего инспектора. – Я ориентируюсь в этом мире. Я могу вывести их на самый верх.

– Их? – переспросил Кастонге.

Гамаш полагал, что владелец галереи потерял интерес к разговору и почти не слушает, но теперь понял: Кастонге очень чутко прислушивался к каждому слову. И Гамаш молча призвал себя не недооценивать ни продажности мира искусства, ни этого высокомерного человека.

Маруа пристально посмотрел на Кастонге, тоже удивленный тем, что его коллега внимательно слушает.

– Да, их.

– Что вы имеете в виду? – спросил Кастонге.

– Я имею в виду обоих Морроу. Я хочу продвинуть их обоих.

Глаза Кастонге расширились, губы сжались, и голос его, когда он заговорил, зазвучал на повышенных тонах:

– Вами движет корысть. Почему вы берете обоих? Вам его картины даже не нравятся.

– А вам нравятся?

– Я думаю, его работы лучше работ жены. Берите Клару, а я возьму

Питера.

Гамаш слушал и спрашивал себя, не так ли шли переговоры на Парижской конференции после Великой войны[42], когда победители делили Европу. И не приведет ли это к таким же катастрофическим результатам.

– Я не хочу одного, – сказал Маруа. Голос его звучал рассудительно, бархатно, сдержанно. – Мне нужны оба.

– Сукин сын, – выругался Кастонге.

Но Маруа как будто и не услышал его. Он повернулся к старшему инспектору с таким видом, словно Кастонге сказал ему что-то приятное.

– Когда вы решили, что будете продвигать Клару? – спросил Гамаш.

– Вы были со мной, старший инспектор. В тот момент, когда я увидел свет в глазах Девы Марии.

Гамаш восстановил в памяти это мгновение.

– Как мне помнится, вы решили, что это, возможно, просто игра света.

– Я до сих пор так думаю. Но ведь это удивительно, правда? То, что Клара Морроу, по существу, передала человеческие чувства. Надежда одного человека – это жестокость другого. Свет ли это или ложное обещание?

Гамаш посмотрел на Андре Кастонге, который, слушая их разговор, пребывал в полном недоумении, – они словно побывали на разных выставках.

– Я бы хотел вернуться к убитой женщине, – сказал Гамаш и увидел, что Кастонге на мгновение растерялся.

Корысть затмила убийство. Затмила страх.

– Вы были удивлены, снова увидев Лилиан Дайсон в Монреале? – спросил старший инспектор.

– Удивлен? – переспросил Кастонге. – Ничего такого я не чувствовал. Я о ней забыл через минуту.

– Боюсь, что я чувствовал то же самое, старший инспектор, – сказал Маруа. – Для меня она что в Монреале, что в Нью-Йорке – без разницы.

Гамаш посмотрел на него с интересом:

– Откуда вам известно, что она была в Нью-Йорке?

Впервые Маруа замешкался, его уверенность поколебалась.

– Видимо, кто-то мне сказал. Мир искусства полнится слухами.

Мир искусства, подумал Гамаш, полнится еще кое-чем, о чем мог бы сказать Маруа. И данный случай казался превосходным примером. Он смотрел на Маруа, пока тот не опустил глаза и не стряхнул невидимого волоска со своей безукоризненной рубашки.

– Говорят, вчера на вечеринке был еще один ваш коллега. Дени Фортен.

– Верно, – сказал Маруа. – Я удивился, когда увидел его.

– «Удивился» – это слишком слабо сказано, – хмыкнул Кастонге. – Если учесть, как он обошелся с Кларой Морроу. Вы знаете об этом?

– Расскажите, – попросил Гамаш, хотя прекрасно знал эту историю и два художника в гостинице Габри только что с радостью напомнили ему о ней.

И Андре Кастонге принялся с удовольствием рассказывать о том, как Дени Фортен договорился с Кларой о персональной выставке, но потом передумал и кинул ее.

– И не просто кинул – обошелся с ней как с дерьмом. Всем рассказывал, что она как художник ничего не стоит. В принципе я с ним согласен, но вы можете представить его удивление, когда не кто-то, а сам музей предложил ей персональную выставку?

Такая трактовка устраивала Кастонге, поскольку принижала и Клару, и его конкурента Дени Фортена.

– Тогда почему он оказался здесь? – спросил Гамаш.

Оба его собеседника задумались.

– Понятия не имею, – признался Кастонге.

– Видимо, его пригласили, – сказал Маруа, – но я не могу себе представить, чтобы он был в списке гостей Клары.

– А бывает, что люди приходят на такие вечеринки без приглашения? – спросил Гамаш.

– Иногда, – ответил Маруа, – но это в основном художники, которые пользуются возможностью завязать связи.

– Приезжают выпить и закусить на халяву, – пробормотал Кастонге.

– По вашим словам, – обратился Гамаш к Кастонге, – мадам Дайсон просила вас посмотреть ее портфолио, но вы ей отказали. Я считал, что она критик, а не художник.

– Верно, – сказал Кастонге. – Она писала для «Пресс», но то было много лет назад. Потом она исчезла, а ее место занял кто-то другой. – Он говорил небрежным, скучающим тоном.

– Она была хорошим критиком?

– Неужели вы полагаете, что я могу это помнить?

– Точно так же, как я полагал, что вы вспомните ее по фотографии, месье.

Гамаш не сводил глаз с владельца галереи. Лицо Кастонге, и без того покрасневшее, стало пунцовым.

– Я помню ее рецензии, старший инспектор, – сказал Маруа, потом посмотрел на Кастонге. – Как и вы.

– Я ничего не помню. – Кастонге смерил его ненавидящим взглядом.

– «Он естествен во всех своих проявлениях – творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности».

– Не может быть, – рассмеялся Кастонге. – Это написала Лилиан Дайсон? Merde. Если у нее столько желчи, то она и в самом деле могла бы стать неплохой художницей.

– Но о ком были сказаны эти слова? – спросил Гамаш у обоих.

– Вряд ли о какой-то знаменитости, иначе мы бы запомнили, – ответил Маруа. – Наверное, о каком-то несчастном художнике, который теперь утонул в море забвения.

«С камнем этой рецензии на шее», – подумал Гамаш.

– Да какая разница? – вспылил Кастонге. – Это было двадцать, а то и больше лет назад. Вы думаете, что рецензия двадцатилетней давности имеет какое-то отношение к ее убийству?

– Я думаю, что убийства имеют долгую память.

– Извините, но мне нужно сделать несколько телефонных звонков, – сказал Андре Кастонге и направился в гостиницу.

Маруа и Гамаш проводили его взглядом.

– Вы знаете, что он сейчас делает? – спросил Маруа.

– Звонит Морроу, чтобы убедить их встретиться с ним.

Маруа улыбнулся:

– Exactement[43].

И они тоже направились к гостинице.

– Вас это беспокоит?

– Меня никогда не беспокоит то, что делает Андре. Он не представляет для меня угрозы. Если Морроу настолько глупы, что подпишут договор с ним, значит он их устраивает.

Но Гамаш ни на секунду не поверил в это. Уж слишком зорко, слишком внимательно смотрели глаза Франсуа. Его вальяжные манеры казались искусственными.

Нет, этому человеку поведение Андре было вовсе не безразлично. Он был богат. Влиятелен. Значит, дело было не в этом.

Страх и корысть. Вот приводные ремни мира искусства. И Гамаш знал, что так оно, наверное, и есть. Значит, если со стороны Маруа дело было не в корысти, то в другом.

В страхе.

Но чего мог бояться этот известный пожилой торговец

произведениями искусства?

– Не присоединитесь ко мне, месье? – Арман Гамаш махнул рукой, приглашая Франсуа Маруа прогуляться с ним. – Я иду в деревню.

Маруа, который не собирался снова идти в Три Сосны, обдумал приглашение и понял, что за ним кроется. Вежливая, а скорее, настоятельная просьба. Не приказ, но близко к этому.

Он принял приглашение Гамаша, и оба неторопливо зашагали вниз по склону в деревню.

– Очень красиво, – сказал Маруа. Он остановился и с улыбкой на губах оглядел Три Сосны. – Можно понять, почему Клара Морроу решила жить здесь. Волшебное место.

– Я иногда думаю о том, насколько место, где живет художник, важно для него, – сказал Гамаш, тоже оглядывая тихую деревню. – Так много людей выбирают большие города. Париж, Лондон, Венеция. Квартиры и чердаки с одной холодной водой в Сохо и Челси. Лилиан Дайсон, например, уехала в Нью-Йорк. А Клара – нет. Морроу предпочли жить здесь. Влияет ли то место, где они живут, на их творчество?

– Безусловно. Место, где живут, и люди, с которыми общаются. Сомневаюсь, что Клара могла бы написать все эти портреты где-то в другом месте.

– Меня очаровывает, что некоторые смотрят на ее работы и видят только милые портреты в основном пожилых женщин. Традиционные, даже консервативные. Но вы увидели кое-что другое.

– И вы тоже, старший инспектор, – так же как, глядя на Три Сосны, мы с вами видим нечто большее, чем деревню.

– А что видите вы, месье Маруа?

– Я вижу картину.

– Картину?

– Прекрасную, можете не сомневаться. Но все картины, самые тревожные и самые умиротворяющие, состоят из одного и того же. Из игры света и тени. Вот что я вижу. Много света, но и много тьмы. Вот чего не замечают люди, глядя на картины Клары. Свет настолько очевиден, что это вводит их в заблуждение. Некоторым людям требуется время, чтобы по достоинству оценить и тени. Я думаю, это и делает ее блестящей художницей. Она очень тонкий живописец, но и очень провокационный. У нее есть много чего сказать, и она не спешит делать это.

– C’est intéressant, ça[44], – кивнул Гамаш.

Это не очень отличалось от его впечатления о Трех Соснах. Деревня не спешила раскрыть себя. Но у аналогии Маруа были и свои границы.

Картина, какой бы впечатляющей она ни была, всегда остается двухмерной. Неужели Маруа видит таким и мир? Неужели он не замечает третьего измерения?

Они двинулись дальше. На деревенском лугу они увидели Клару на скамейке рядом с Рут. Старуха кидала птицам черствый хлеб. То ли пыталась убить их, то ли хотела накормить.

Франсуа Маруа прищурился.

– Это женщина с портрета Клары, – узнал он.

– Да. Это Рут Зардо.

– Поэтесса? Я думал, она умерла.

– Это естественная ошибка, – сказал Гамаш, помахав Рут, которая выставила ему средний палец. – С мозгами у нее все в порядке, вот только сердце остановилось.

Послеполуденное солнце светило прямо в лицо Франсуа Маруа, заставляя его щуриться. А за ним тянулась длинная черная тень.

– Зачем вам нужны оба Морроу? – спросил Гамаш. – Ведь вы явно предпочитаете работы Клары. Вам когда-нибудь нравились картины Питера Морроу?

– Нет, не нравились. Я нахожу их весьма поверхностными, но он может стать большим художником, если научится больше полагаться на чутье и меньше – на технику. Он превосходный ремесленник.

Это было сказано без злобы – холодный анализ, а не порицание. И вероятно, анализ правильный.

– Вы говорите, что у вас ограниченный ресурс времени и энергии, – не отступал Гамаш. – Я могу понять, почему вы выбираете Клару. Но почему Питера, художника, который вам даже не нравится?

После недолгого раздумья Маруа ответил:

– Такой ситуацией легче управлять. Мы можем принимать решения для них обоих. Я хочу, чтобы Клара была счастлива, и думаю, что счастливее всего она станет, если и карьера Питера пойдет вверх.

Гамаш посмотрел на Маруа. Это было тонкое наблюдение, но далеко не полное. Маруа перевел ответ в плоскость счастья Клары и Питера, так и не ответив на вопрос.

Тут старший инспектор вспомнил историю, рассказанную Маруа, – историю о его первом клиенте. О пожилом художнике, чья жена превзошла его. А потом, чтобы пощадить уязвленные чувства мужа, навсегда оставила кисть.

Не этого ли боялся Маруа? Потерять своего последнего клиента, последнюю находку, из-за того что любовь Клары к Питеру сильнее ее

любви к искусству?

Или, опять же, здесь было что-то более личное? Может быть, это не имело никакого отношения к Кларе, к Питеру, к искусству? Может быть, Франсуа Маруа просто боялся проиграть?

Андре Кастонге владел искусством, а Франсуа Маруа владел художниками. Кто из них был влиятельнее? Но и уязвимее?

Картина не могла подняться и уйти. А художник мог.

«Чего же боится Франсуа Маруа?» – снова спросил себя Гамаш.

– Почему вы здесь?

Маруа удивленно посмотрел на него:

– Я вам уже сказал, старший инспектор. Дважды. Я здесь, чтобы подписать договор с Питером и Кларой Морроу.

– Но в то же время вы заявляете, что вам все равно, если месье Кастонге вас опередит.

– Я не могу управлять глупостью других людей, – улыбнулся Маруа.

Гамаш посмотрел на него, и под его взглядом улыбка дрогнула.

– Я опаздываю на выпивку, месье, – приятным голосом сообщил Гамаш. – Если нам нечего больше сказать друг другу, то я вас покину.

Он развернулся и направился к бистро.

– Булку? – Рут предложила Кларе нечто похожее на кирпич.

Они принялись отламывать по кусочку. Рут швыряла кусочки в дроздов, которые разлетались в стороны. Клара кидала кусочки себе под ноги.

Тук-тук-тук.

– Я тут слышала, будто критики говорят о твоих картинах что-то такое, чего я точно не вижу, – сказала Рут.

– Что ты имеешь в виду?

– Им твои картины нравятся.

Тук-тук-тук.

– Вовсе нет, – рассмеялась Клара. – В «Оттава стар» написано, что мое искусство привлекательно, но в нем нет ничего провидческого или смелого.

– А, «Оттава стар». Желтая газетенка. Помню, как-то раз «Драммондвилл пост» назвала мою поэзию скучной и неинтересной. – Рут хохотнула. – Ну-ка, вот этой. – Она показала на особенно смелую голубую сойку.

Клара не шелохнулась, и Рут бросила в птичку хлебный камушек.

– Чуть-чуть не попала, – сказала Рут.

Клара подумала, что если бы Рут захотела, то не промазала бы.

– Они назвали меня старым, усталым попугаем, который подражает настоящим художникам, – пожаловалась Клара.

– Это смешно, – отрезала Рут. – Попугаи не подражают. Подражают птички майна. Попугаи заучивают слова и произносят их на собственный лад.

– Очаровательно, – пробормотала Клара. – Придется написать строгое письмо и поправить их.

– «Камлупс рекорд» сетовала, что в моих стихах нет рифм, – сказала Рут.

– Ты помнишь все рецензии, написанные на твои стихи? – спросила Клара.

– Только плохие.

– Почему?

Рут посмотрела прямо на нее. Ее глаза не были ни сердитыми, ни холодными, ни полными злобы. Они были наполнены удивлением.

– Не знаю. Возможно, это цена поэзии. И явно живописи.

– Что ты имеешь в виду?

– Творчество – это наша реакция на боль. Нет боли – нет и продукта.

– Ты веришь в это? – спросила Клара.

– А ты разве нет? Что пишет «Нью-Йорк таймс» о твоих работах?

Клара порылась в памяти. Она помнила, что рецензия была хорошей. Что-то о надежде и воскрешении.

– Добро пожаловать на скамью, – сказала Рут. – Что-то ты рановато. Я думала, тебе понадобится еще лет десять. А вот поди ж ты.

И на мгновение Рут стала точной копией героини на портрете Клары. Озлобленная. Разочарованная. Она сидела на солнце, но вспоминала, переживала, повторяла каждое оскорбление. Каждое недоброе слово. Она извлекала все это из глубин памяти и рассматривала их как не оправдавшие ожиданий подарки на день рождения.

«Ах, нет, нет, нет, – подумала Клара. – Мертвец все свое неслышно гнул. Так это и начинается?»

Она посмотрела на Рут, продолжавшую швырять в птиц кусочки несъедобного батона.

Клара встала, собираясь уходить.

– «Надежда поселяется среди современных мастеров».

Клара повернулась к Рут – солнце только-только коснулось слезящихся глаз старухи.

– Это было в «Нью-Йорк таймс», – сказала Рут. – А лондонская

«Таймс» написала: «Клара Морроу снова делает радость современной». Не забудь об этом, Клара, – прошептала она.

Рут снова отвернулась, села, прямая как жердь, наедине со своими мыслями и тяжелым, закаменевшим батоном. Время от времени поглядывая в пустое небо.

Глава восьмая

Габри поставил стакан лимонада перед Бовуаром и охлажденный чай перед старшим инспектором. На ободки были насажены лимонные дольки, и стенки стаканов в этот теплый день уже запотели.

– Вы не хотите зарезервировать номера в гостинице? – спросил Габри. – Мест много, если что.

– Мы подумаем. Merci, patron, – сказал Бовуар, слегка улыбнувшись.

Он по-прежнему чувствовал себя неловко, завязывая дружбу с подозреваемыми, но, похоже, ничего не мог с этим поделать. Они, конечно, сидели у него в печенках. Но еще и в сердце.

Габри ушел, и двое полицейских некоторое время пили молча.

Бовуар пришел в бистро первым и прямиком отправился в туалет. Плеснул холодной водой в лицо, пожалел, что не может принять таблетку – дал себе обещание принять только перед сном, чтобы лучше спать.

Когда он вернулся в зал, шеф уже сидел за столиком.

– Удачно сходили? – спросил он у Гамаша.

– Они оба признали, что были знакомы с Лилиан Дайсон, хотя и заявили, что едва ее знали.

– Вы им поверили?

Этот вопрос всегда возникал. Кому верить? Как это решить?

Гамаш задумался, потом покачал головой:

– Не знаю. Мне казалось, я знаком с миром искусства, но теперь я понимаю, что видел только то, что они хотели мне – да и всем остальным – показать. Искусство. Галереи. Но много чего происходит за кулисами. – Гамаш подался к Бовуару. – Вот, например, Андре Кастонге владеет престижной галереей. Демонстрирует работы художников. Представляет их. А Франсуа Маруа? Что есть у него?

Бовуар молчал, глядя на шефа, который с блеском в глазах и энтузиазмом в голосе рассказывал о том, что ему удалось обнаружить. Не физический уровень, а эмоциональный. Интеллектуальный.

Многие могли бы подумать, что старший инспектор – охотник. Он выслеживает убийц. Но Жан Ги знал, что это не так. Старший инспектор Гамаш был по природе исследователем. Он бывал особенно счастлив, когда ему удавалось раздвинуть границы, оказаться на незнакомой земле. В тех тайниках души, куда не заходил даже ее владелец. В тайниках, которые никто не исследовал. Возможно, потому, что это было слишком страшно.

Гамаш отправлялся туда. На границу исследованного мира и еще дальше. В темные, укромные уголки. Он заглядывал в щели, где пряталось худшее.

И Жан Ги Бовуар следовал за своим шефом.

– Знаешь, что есть у Франсуа? – спросил Гамаш, глядя в глаза Бовуару. – У него есть художники. Больше того, у него есть информация. Он знает людей. Покупателей, художников. Он знает, как не сесть на мель в сложном мире денег, самомнений и обид. Маруа собирает то, что знает. И выпускает из рук, только когда это соответствует его целям или у него нет выбора.

– Или когда его ловят на лжи, – заметил Бовуар. – Как вы поймали его сегодня.

– Но сколько еще ему известно, о чем он умалчивает? – спросил Гамаш.

Ответа от Бовуара он не ожидал и не получил.

Бовуар изучал меню, но делал это без интереса.

– Ну, выбрали? – спросил Габри, держа наготове ручку.

Бовуар закрыл меню и отдал Габри:

– Спасибо, мне ничего.

– Мне тоже, merci, patron, – сказал Гамаш, отдавая меню и глядя в окно на Клару, которая покинула Рут и направилась к магазину Мирны.

Обняв подругу, Клара почувствовала под ярким желтым кафтаном мощное тело Мирны.

Когда они разъединились, Мирна посмотрела на Клару:

– С чего это ты?

– Только что поговорила с Рут…

– О боже, – простонала Мирна и еще раз обняла Клару. – Сколько раз тебе повторять: никогда не говори с Рут наедине. Это слишком опасно. В одиночестве бродить в извилинах этой головы не рекомендуется.

Клара рассмеялась:

– Ты этому никогда не поверишь, но она мне помогла.

– Как?

– Она показала, какое будущее меня ждет, если я не буду осторожна.

Мирна с пониманием улыбнулась:

– Я думала о том, что случилось. Об убийстве твоей подружки.

– Она не была моей подружкой.

Мирна кивнула:

– Что, если нам провести обряд? Целительный.

– Для сада?

Исцелять Лилиан было уже поздновато, к тому же Клара втайне думала, что в любом случае не хотела бы возвращать ее к жизни.

– Для твоего сада. И вообще для всего, чему требуется исцеление. – Мирна кинула на Клару мелодраматический взгляд.

– Для меня? Ты думаешь, я могла свихнуться оттого, что у меня в саду нашли женщину, которую я ненавидела?

– Надеюсь, что могла, – сказала Мирна. – Мы можем провести обряд окуривания, чтобы избавиться от любой дурной энергии и мыслей, которые еще висят вокруг твоего сада.

Клара подумала, что глупо делать такие смелые заявления. Словно окуривание дымком места, где произошло убийство, могло дать какой-то результат. Но они уже делали окуривание прежде, и обряд оказался очень успокаивающим, очень утешительным. А то и другое нужно было Кларе немедленно.

– Прекрасно, – сказала она. – Я позвоню Доминик.

– А я приготовлю все, что нужно.

Когда Клара закончила говорить по телефону, Мирна спустилась из своего жилого помещения над магазином. Она принесла старую корявую палку, несколько ленточек и что-то похожее на громадную сигару.

– Я, пожалуй, возьму курильницу, – сказала Клара, показывая на «сигару».

– Лучше возьми вот это. – Мирна протянула Кларе ветку.

– Это что такое? Палочка?

– Не просто палочка – молельная палочка.

– Значит, колотить ею критика из «Оттава стар» не стоит, – сказала Клара, выходя следом за Мирной из магазина.

– Пожалуй, не стоит. И себя ею тоже не колоти.

– А что именно делает ее молельной палочкой?

– То, что я так ее называю, – объяснила Мирна.

По Дю-Мулен спускалась Доминик, они помахали друг другу.

– Секунду. – Клара заложила вираж, чтобы поговорить с Рут, которая по-прежнему сидела на скамейке. – Мы идем ко мне в сад. Хочешь с нами?

Рут посмотрела на Клару с палкой в руке, потом на Мирну с «сигарой» из сушеного шалфея и зубровки.

– Вы что, хотите еще раз провести один из этих дурацких ведовских обрядов?

– Конечно хотим, – ответила Мирна из-за спины Клары.

– Я с вами. – Рут с трудом встала на ноги.

Полиция уже уехала. Сад был пуст. Никто даже не охранял то место, где был убит человек. Где была забрана человеческая жизнь. Желтая полицейская лента, огораживающая место преступления – часть газона и клумбу, трепыхалась на ветру.

– Я всегда считала, что этот сад – преступление, – пробурчала Рут.

– Но ты должна признать, что он стал лучше, после того как тут похозяйничала Мирна, – сказала Клара.

– Вот, значит, кто ты, – сказала Рут Мирне. – А я-то думала. Ты, оказывается, садовник.

– Я бы тебя посадила, – ответила Мирна, – если бы ты не была свалкой токсичных отходов.

Рут рассмеялась:

– Touché[45].

– Что, тело здесь и нашли? – спросила Доминик, показывая на огороженное место.

– Нет, эта лента – часть садового дизайна Клары, – объяснила Рут.

– Сука, – сказала Мирна.

– Ведьма, – ответила Рут.

Клара поняла, что они начинают проникаться друг к другу симпатией.

– Как ты думаешь, мы можем ее пересечь? – спросила Мирна, никак не ожидавшая увидеть здесь полицейскую ленту.

– Нет, – сказала Рут, прижимая ленту своей клюкой и перешагивая через нее. Она повернулась к остальным. – Проходите, водичка отличная.

– Только очень горячая, – сказала Клара, обращаясь к Доминик.

– И в ней плавает акула, – подхватила Доминик.

Три женщины присоединились к Рут. Если кто и мог повлиять на экологию огороженного места, то одна лишь Рут, и этот ущерб, вероятно, был уже нанесен. И потом, они ведь как раз и собирались провести обеззараживание.

– Так что будем делать? – спросила Доминик, когда Клара воткнула молельную палочку в клумбу рядом с тем местом, где было найдено тело Лилиан.

– Мы собираемся провести обряд, – пояснила Мирна. – Он называется окуриванием. Мы зажигаем вот это, – Мирна подняла пучок сушеных трав, – и обходим с этим вокруг сада.

Рут посмотрела на травяную «сигару»:

– У Фрейда нашлось бы несколько слов, увидь он ваше действо.

– Иногда палочка для курения – это просто палочка для курения, и ничего больше, – возразила Клара.

– Зачем мы это делаем? – спросила Доминик.

С этой стороной жизни соседей она еще не была знакома, и ей не казалось, что это знакомство к лучшему.

– Чтобы избавиться от злых духов, – ответила Мирна.

Произнесенные так открыто, эти слова показались слегка невероятными. Но Мирна верила в это всем своим большим сердцем.

Доминик повернулась к Рут:

– Я так полагаю, что тут без бутылки не разберешься.

Последовала пауза, а потом Рут прыснула со смеху. Услышав это, Клара подумала, что, возможно, было бы не так уж плохо превратиться в Рут Зардо.

– Сначала мы образуем круг, – сказала Мирна.

Так они и сделали. Мирна зажгла «сигару» и двинулась от Клары к Доминик, потом к Рут, обмахивая всех по очереди пахучим дымком. Ради защиты, ради мира.

Клара вздохнула и закрыла глаза, чувствуя, как приятный дымок обволакивает ее. Как забирает всю негативную энергию. Прогоняет злых духов снаружи и внутри. Поглощает их. Оставляет место для исцеления.

Потом они обошли вокруг сада. Не только вокруг того ужасного места, где умерла Лилиан, а вокруг всего сада. Они по очереди окуривали деревья, журчащую Белла-Беллу, розы, пионы и ирисы с черным нутром.

В конце концов они вернулись к тому месту, с которого начали. К желтой ленте. К той дыре в саду, через которую ушла жизнь.

Глядя на это место, Рут процитировала собственные стихи:

Вот хорошая пришла мысль:
Ты лежишь на смертном ложе,
Час тебе осталось жить.
Так кого все эти годы
Ты надеялась простить?[46]

Мирна вытащила из кармана яркие ленточки и дала каждой женщине по одной со словами:

– Мы привязываем ленточки к молельной палочке и мыслим позитивно.

Они посмотрели на Рут в ожидании ее циничного комментария. Но такового не последовало. Доминик пошла первой и привязала полученную розовую ленточку к корявой палке.

За ней шла Мирна с фиолетовой ленточкой, зажмуривая иногда глаза, чтобы думать позитивно.

– Я уже не первую ленточку привязываю, – с улыбкой сказала Рут, привязывая красную ленточку к молельной палочке, похожей на клюку, и посмотрела в небеса.

Прислушалась.

Но слышно было только жужжание пчел. Гудение.

Наконец Клара привязала свою зеленую ленточку, зная, что должна по-доброму думать о Лилиан. Что-нибудь… Что-нибудь… Она обшаривала свою память, заглядывала в темные уголки, открывала дверцы, не открывавшиеся многие годы. Пыталась найти что-нибудь хорошее, что можно было бы сказать о Лилиан.

Остальные женщины ждали, секунды уходили.

Клара закрыла глаза, стала вспоминать свою дружбу с Лилиан. Как давно это было! Ее память соскальзывала мимо счастливых детских лет к поздним ужасным событиям.

«Стоп!» – скомандовала Клара своему мозгу. Эта дорожка вела ее к скамейке в парке. С несъедобной окаменевшей булкой.

Нет. Было и хорошее, и она хотела вспомнить его. Если не для освобождения духа Лилиан, то ради освобождения собственного.

Так кого все эти годы
Ты надеялась простить?

– Ты часто была добра со мной. И была хорошим другом. Когда-то.

Яркие сверкающие ленточки, четыре женские ленточки, трепещущие, переплетающиеся.

Мирна нагнулась, чтобы уплотнить землю вокруг молельной палочки.

– Это что?

Она выпрямилась, держа что-то облепленное землей. Отерла, показала другим. Это была монетка размером с серебряный доллар Старого Запада.

– Мой, – сказала Рут, протягивая руку.

– Не спеши, мисс Китти[47]. Ты уверена? – спросила Мирна.

Доминик и Клара по очереди изучили монетку – это был не серебряный доллар. Напротив, он был пластмассовый, но вроде покрыт серебряной краской. И на нем было что-то написано.

– Что это? – Доминик протянула находку Мирне.

– Кажется, я знаю. И я уверена, что это не твое, – сказала Мирна,

обращаясь к Рут.

Агент Изабель Лакост присоединилась к старшему инспектору Гамашу и инспектору Бовуару на террасе. Она заказала диетическую колу и сообщила последние новости.

Оперативный штаб уже функционировал в старом железнодорожном вокзале. Компьютеры, телефонные линии, спутниковые каналы связи – все было установлено. Столы, канцелярские кресла, шкафы, все оборудование было на месте. Это было сделано быстро, умело. Отдел по расследованию убийств Квебекской полиции имел навыки обустройства удаленных оперативных штабов и средств связи для ведения расследования. Они, как и инженерные войска, знали цену времени и точности.

– Я выяснила кое-что про семью Лилиан Дайсон. – Лакост подтащила стул к столу и достала блокнот. – Она разведена. Детей нет. Отец и мать живы. Живут на Гарвард-авеню в Нотр-Дам-де-Грас.

– Сколько им лет? – спросил Гамаш.

– Отцу восемьдесят три, матери восемьдесят два. Лилиан – единственный ребенок.

Гамаш кивнул. В каждом расследовании это было худшее – сообщать живым о мертвых.

– Они знают?

– Пока нет, – сказала Лакост. – Я подумала, может, вы…

– Я сегодня поеду в Монреаль и поговорю с ними. – Если это было возможно, Гамаш лично разговаривал с семьей. – Еще мы должны осмотреть квартиру мадам Дайсон. – Он вытащил из нагрудного кармана список гостей. – Пусть агенты поговорят со всеми из этого списка. Они были вчера на вечеринке или на вернисаже. Или и там, и там. Я поставил галочку против тех, с кем мы уже говорили.

Бовуар протянул руку к листу бумаги.

Они знали, что это сфера его ответственности – координировать допросы, собирать улики, давать задания агентам.

Старший инспектор помедлил, а затем вручил список Лакост, практически передавая контроль за расследованием в ее руки. Бовуар и Лакост удивленно посмотрели на него.

– Я хочу, чтобы ты отвез меня в Монреаль, – сказал он Бовуару.

– Конечно, – ответил сбитый с толку Бовуар.

Роли внутри отдела давно были распределены. На этом настаивал сам старший инспектор. Чтобы никто не дублировал действия другого. Все знали свои обязанности, знали, чего от них ждут. Работали одной командой.

Никакого соперничества. Никаких склок.

Старший инспектор Гамаш был неоспоримым лидером в отделе.

Инспектор Жан Ги Бовуар был его заместителем.

Агент Лакост, ожидавшая повышения, дослужилась до старшего агента. Подчинялись им более сотни агентов и следователей. А кроме этого, еще несколько сотен человек вспомогательного персонала.

Старший инспектор вдолбил в головы всем: в путанице, в раздрае таится опасность. Ссоры и разборки между сотрудниками – это не просто ссоры и разборки, а нечто большее. Если они не будут откровенными и сплоченными, если не будут работать в команде, то опасный преступник останется на свободе. Хуже того: может совершить новое убийство.

Убийцы прячутся в крошечных трещинах. И старший инспектор делал все возможное, чтобы таких трещинок в его коллективе не появилось.

Но теперь он нарушил одно из установленных им же непреложных правил. Он передал расследование, ежедневную координацию, агенту Изабель Лакост, а не Бовуару.

Лакост просмотрела список, кивнула:

– Я сейчас же займусь этим, шеф.

Они проводили ее взглядом, потом Бовуар подался вперед.

– Так, шеф, что происходит? – прошептал он.

Но прежде чем Гамаш успел ответить, они увидели четырех женщин: во главе шла Мирна, затем Клара, Доминик и в конце Рут.

Гамаш поднялся и слегка поклонился женщинам:

– Хотите к нам присоединиться?

– Мы ненадолго, просто хотели показать вам кое-что. Мы нашли это в клумбе, где лежала убитая.

Мирна протянула ему монетку.

– Неужели? – удивленно спросил Гамаш.

Он посмотрел на грязную монетку, лежащую на его ладони. Его люди тщательно прочесали весь сад и всю деревню. Неужели они что-то пропустили?

На аверсе монеты был изображен верблюд, едва видимый под грязью.

– Кто к ней прикасался? – спросил Бовуар.

– Мы все, – гордо сообщила ему Рут.

– Вы знаете, как нужно поступать с уликами, обнаруженными на месте преступления?

– А вы знаете, как искать улики? – парировала Рут. – Если бы знали, мы бы ее не нашли.

– Она просто лежала в саду? – спросил Гамаш.

Он переворачивал монетку, держа кончиками пальцев, чтобы не прикасаться к ней больше, чем необходимо.

– Нет, – ответила Мирна. – Она была в земле.

– Тогда как вы ее нашли?

– С помощью молельной палочки, – сказала Рут.

– Что такое молельная палочка? – спросил Бовуар, хотя и опасался ответа.

– Мы можем вам показать, – ответила Доминик. – Мы воткнули ее в землю в том месте, где лежала женщина.

– Мы проводили обряд очище… – начала Клара, но тут ее оборвала Мирна.

– Тсс, – зашипела Мирна. – За-при-за-ку-за-си за-я-за-зык.

Бовуар обвел взглядом женщин. Мало того, что они были англичанками с молельной палочкой, так они еще и перешли на какой-то идиотский шифрованный язык. Он не удивлялся количеству убийств, случавшихся здесь. Единственная загадка состояла в том, что их отдел, при такой-то помощи, умудрялся как-то раскрывать эти убийства.

– Я нагнулась, чтобы разгрести землю вокруг молельной палочки, и тут появилась эта штука, – сообщила Мирна, словно они занимались чем-то вполне естественным на месте убийства.

– Разве вы не видели полицейскую ленту? – спросил Бовуар.

– Разве вы не видели этой монетки? – возразила Рут.

Гамаш поднял руку, и они перестали препираться.

На очищенной стороне была надпись. Что-то похожее на стихи.

Нет, не стихи.

Молитва.

Глава девятая

Во второй раз за день Гамаш приседал у этой цветочной клумбы и вставал во весь рост.

В первый раз он смотрел на мертвую женщину, теперь – на молельную палочку. С яркими, веселыми ленточками, трепещущими на ветерке. По словам Мирны, они улавливали положительную энергию. Если она была права, то этой энергии было немало, поскольку ленточки развевались и танцевали.

Гамаш выпрямился, отряхнул колени. Инспектор Бовуар, стоявший рядом, сверлил глазами то место, где была найдена монетка.

Где он ее не заметил.

Ответственность за проведение осмотра места преступления лежала на Бовуаре, и он лично обыскивал место вокруг тела.

– Вы нашли ее здесь? – Старший инспектор указал на земляной холмик.

К ним присоединились Мирна и Клара. Бовуар вызвал агента Лакост, и она только что появилась с саквояжем инструментов.

– Верно, – кивнула Мирна. – В цветочной клумбе. Она была зарыта в земле и вся облеплена ею. Заметить трудно.

– Дай-ка мне, – сказал Бовуар, забирая саквояж у Лакост.

Он был раздражен покровительственным тоном Мирны. Она словно извинялась за его неудачу. Он наклонился и принялся разглядывать землю.

– Почему мы не нашли эту штуку раньше? – спросил старший инспектор.

Он не критиковал свою команду. Гамаш был искренне озадачен. Они были людьми профессиональными и дотошными. Правда, от ошибок никто не застрахован. Но чтобы пропустить серебристую монету в цветочной клумбе в двух футах от мертвого тела…

– Я знаю, почему ее не заметили, – сказала Мирна. – Габри тоже мог бы сказать почему. Любой, кто занимается садом, мог бы сказать. Мы вчера тут все пропалывали и рыхлили землю в клумбах, чтобы она выглядела свежей, темной, оттеняла цветы. Садовники называют это «распушить сад». Сделать землю мягкой. Но когда мы это делаем, земля становится очень рыхлой. Я там, случалось, целые садовые инструменты теряла. Оставляла на земле, а они уходили вглубь – и не разглядишь.

– Это цветочная клумба, – возразил Гамаш. – Не Гималаи. Неужели

тут и в самом деле что-то могло уйти под землю?

– А вы сами попробуйте.

Старший инспектор обошел клумбу с другой стороны.

– Здесь вы тоже рыхлили? – спросил он.

– Мы всюду рыхлили, – ответила Мирна. – Ну давайте. Пробуйте.

Гамаш наклонился и уронил долларовую монетку на землю. Она осталась лежать на поверхности, хорошо видимая отовсюду. Гамаш поднял монетку и посмотрел на Мирну:

– Есть еще предложения?

Она уставилась на землю сердитым взглядом:

– Наверное, уже затвердела. Если бы сразу после рыхления, было бы как я сказала.

Она взяла совок у Клары и принялась вскапывать землю, переворачивать ее, «распушать».

– Вот, попробуйте теперь.

Гамаш снова опустился на колени и снова уронил монетку. На этот раз она повернулась ребром и наполовину ушла в землю.

– Ну, видите? – сказала Мирна.

– Да. Вижу. Вижу монетку, – откликнулся Гамаш. – Боюсь, меня это не убеждает. Может быть, она там давно лежала? Могла упасть в клумбу несколько лет назад. Монетка пластиковая, так что ни ржавчина, ни время ей не страшны.

– Вряд ли, – возразила Клара. – Мы бы ее давно нашли. Да наверняка вчера бы и нашли, когда пололи и рыхлили землю. Разве нет?

– Я уже не знаю, что и думать, – сказала Мирна.

Они вернулись к тому месту, где работал Бовуар.

– Больше ничего, шеф, – сказал он, встал и отряхнул колени от земли. – Не могу поверить, что мы ее пропустили.

– Ну, как бы то ни было, она у нас есть.

Гамаш посмотрел на пластиковый пакетик в руках Лакост. Находка не была деньгами, не была валютой какой-либо страны. Поначалу он подумал, что это монетка откуда-то со Среднего Востока – на это указывало изображение верблюда. Ведь на канадской монете изображен лось, почему же у саудитов не может быть верблюда?

Но надпись сделана на английском. К тому же и номинал не указан.

Только верблюд с одной стороны и молитва с другой.

– Вы уверены, что эта штука не принадлежит ни вам, ни Питеру? – спросил он у Клары.

– Уверена. Рут тут же заявила на нее права, но Мирна сказала, что эта

штука не могла принадлежать ей.

Гамаш посмотрел на толстую женщину в кафтане, поднял брови:

– Почему вы пришли к такому выводу?

– Потому что я знаю, что это такое, и знаю, что у Рут такого быть не могло. Я думала, вы поняли, что это.

– Я понятия не имею.

Они все снова принялись разглядывать монетку, лежащую в полиэтиленовом пакете.

– Вы позволите? – спросила Мирна.

Гамаш кивнул, и Лакост протянула ей пакетик.

Мирна посмотрела сквозь прозрачный пластик.

– «Господи, – прочитала она, – дай мне душевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, мужество – изменять то, что могу, и мудрость – всегда отличать одно от другого»[48]. Это жетон для вступающих в Общество анонимных алкоголиков. Его дают людям, которые хотят излечиться.

– Откуда вы это знаете? – спросил Гамаш.

– Когда я была практикующим психотерапевтом, я предлагала многим моим клиентам вступить в АА. Некоторые из них потом показывали мне так называемый жетон новичка. Такой же самый. – Она вернула пакетик Лакост. – Тот, кто его уронил, – член Общества анонимных алкоголиков.

– Я понимаю, что вы имели в виду, когда сказали, что это не может принадлежать Рут, – заметил Бовуар.

Гамаш поблагодарил женщин и проводил взглядом Клару и Мирну, которые вернулись в дом.

Бовуар разговаривал с агентом Лакост, они просматривали записи, список находок. Гамаш знал, что Бовуар дает ей инструкции. Направления поиска, пока они будут в Монреале.

Он обошел сад. Одна загадка была разгадана. Монетка оказалась жетоном для новичков Общества анонимных алкоголиков.

Но кто его выронил? Лилиан Дайсон, когда падала? Даже если и так, экспериментальный бросок показал, что жетон остался бы на поверхности и сразу был бы замечен криминалистами.

Может быть, его потерял убийца? Но если он собирался свернуть ей шею, то не стал бы держать жетон в руке. И потом, даже если его выронил убийца, то оставался вопрос: почему криминалисты не нашли жетон сразу же? Как он оказался глубоко в земле?

Старший инспектор тихо стоял в теплом солнечном саду и представлял себе убийцу. Кто-то в темноте прокрался следом за Лилиан Дайсон.

Схватил за шею и вывернул. Быстро. Она не успела позвать на помощь, вскрикнуть. Не сопротивлялась.

Но что-то она должна была сделать. Она наверняка взмахнула руками, пусть и на одно мгновение.

И теперь Гамаш ясно видел, что допустил ошибку.

Он вернулся к клумбе и позвал Бовуара и Лакост – те тут же подошли.

Гамаш снова достал из кармана долларовую монетку, подбросил ее в воздух, проследил за ее падением на свежевскопанную землю. Монетка упала на комок земли, ненадолго задержалась там, потом соскользнула с комка, и ее засыпало землей.

– Ага, значит, эта штука все же могла зарыться в землю, – сказала Лакост. – Так оно и случилось?

– Видимо, – ответил старший инспектор, глядя на Лакост, которая подобрала монетку и протянула ему. – Когда я ставил этот эксперимент в первый раз, то стоял на коленях, близко к земле. Но если она упала во время убийства, то с большей высоты – тот, кто его выронил, стоял. Жетон набрал бóльшую скорость. Я думаю, что, когда убийца схватил ее за шею, она чисто рефлекторно раскинула руки, и жетон выпал, а пока летел до земли, набрал достаточную инерцию, чтобы зарыться вглубь.

– Так он оказался под землей, и мы его не заметили, – подытожила агент Лакост.

– Oui, – сказал Гамаш и развернулся, собираясь уходить. – И это означает, что Лилиан Дайсон должна была держать жетон в руке. Вопрос: зачем ей нужно было стоять в этом саду, держа в руке жетон новичка Общества анонимных алкоголиков.

Однако Бовуар подозревал, что на уме у шефа было что-то еще. Мысль о том, что он, Бовуар, облажался. Он должен был найти этот жетон, а получилось так, что его нашли эти четыре сумасшедшие женщины, поклонявшиеся палочке. В суде это будет выглядеть не очень хорошо для всех них.

Женщины ушли, ушли полицейские. Ушли все, и Питер с Кларой наконец остались одни.

Питер обнял Клару, крепко прижал к себе и прошептал:

– Я весь день ждал, чтобы сделать это. Я слышал про рецензии. Фантастика. Поздравляю.

– Хорошие рецензии, правда? – сказала Клара. – Ура-а-а! Ты можешь себе такое представить?

– Ты шутишь? – спросил Питер, освободился от ее объятий и прошел

по кухне. – Я ни минуты не сомневался.

– Да брось ты, – сказала Клара. – Ведь тебе мои работы даже не нравятся.

– Нет, нравятся.

– А что тебе в них нравится? – подначивала мужа Клара.

– Ну, они красивые. И ты использовала почти все имеющиеся краски.

Он с головой залез в холодильник и выбрался оттуда с бутылкой шампанского в руках.

– Отец подарил мне эту бутылку на двадцать первый день рождения. Он сказал, чтобы я открыл ее, когда добьюсь громадного личного успеха, и отпраздновал это событие. – Питер сорвал фольгу с горлышка. – Вчера, перед нашим отъездом, я положил ее в холодильник, чтобы мы могли выпить за тебя.

– Нет, Питер, погоди, – попыталась остановить его Клара. – Мы должны ее сохранить.

– Для чего? Для моей собственной персональной выставки? Мы оба знаем, что ее не будет.

– Будет. Если это случилось со мной, то…

– …может случиться с кем угодно?

– Ты знаешь, что я имею в виду. Я правда считаю, что мы должны подождать.

Пробка хлопнула.

– Поздно, – сказал Питер, улыбаясь во весь рот. – Пока тебя не было, нам звонили.

Он аккуратно налил шампанское.

– Кто?

– Андре Кастонге.

Он протянул ей бокал. Позже будет достаточно времени рассказать обо всех других звонках.

– Правда? И чего он хотел?

– Хотел поговорить с тобой. С нами. С нами обоими. Santé[49]. – Питер взял свой бокал и чокнулся с ней. – И прими мои поздравления.

– Спасибо. Ты хочешь с ним встретиться?

Бокал Клары замер в воздухе, не дойдя до губ. Она ощущала пьянящий дух пузырьков шампанского. Наконец выпущенных на свободу. Как и она, пузырьки долгие годы, десятилетия ждали этого мгновения.

– Только если этого хочешь ты, – ответил Питер.

– А мы можем подождать? Пока все не уляжется немного?

– Как скажешь.

Но она услышала разочарование в его голосе.

– Если ты настроен, то мы можем с ним встретиться. Почему нет? Он ведь сейчас здесь. Очень даже можем.

– Нет-нет, все в порядке. – Питер улыбнулся. – Если у него серьезное предложение, он подождет. Нет, Клара, правда, теперь твое время блистать. И этого у тебя не отберет ни смерть Лилиан, ни Андре Кастонге.

Пузырьки все поднимались из бокала, и Клара спрашивала себя, выпрыгивают ли они сами по себе или их пришпоривают крохотными, почти невидимыми иголочками вроде той, какой сейчас воспользовался Питер. В тот момент, когда они пили за ее успех, напомнил ей о смерти. Об убийстве в их саду.

Она поднесла бокал к губам. Но продолжала смотреть на Питера, который вдруг показался ей каким-то бестелесным. Словно пустым. Немного похожим на пузырь. Улетающий пузырь.

«Я всю жизнь плыл туда, где не видно дна, – подумала она, выпивая шампанское, – и не рукой махал, а тонул».

Как же начиналось это стихотворение? Клара медленно опустила бокал на кухонный стол. Питер сделал большой глоток. Скорее отхлебнул. Большой, мужской, агрессивный глоток.

Никто его слов не слышал, увы,
Но мертвец все свое гнул…

«Да, вот они, эти строки», – подумала Клара, глядя на Питера.

Шампанское на ее губах было кислым, оно испортилось много лет назад. Но Питер, который сделал большой глоток, улыбался.

Словно ничего не случилось.

«Когда он умер? – спросила себя Клара. – И почему я не заметила?»

– Нет, я понимаю, – произнес инспектор Бовуар.

Старший инспектор Гамаш скосил глаза на Бовуара, занимавшего водительское сиденье. Бовуар смотрел на дорогу – они приближались к мосту Шамплена, ведущему в Монреаль. Лицо Бовуара было бесстрастным, расслабленным. Безмятежным.

Но руки его прочно держали баранку.

– Если агент Лакост будет повышена до инспектора, то я хочу увидеть, как она будет справляться с возросшими обязанностями, – сказал Гамаш. – Поэтому я отдал дело ей.

Он знал, что не обязан объяснять свои решения. Но предпочел сделать это. Он работал не с детьми, а с вдумчивыми, разумными взрослыми. Если он не хочет, чтобы они вели себя как дети, то и обращаться с ними должен как со взрослыми. Ему нужны были независимые, умные люди. И они у него были. Мужчины и женщины, которые заслужили право знать, почему принимаются те или иные решения.

– Речь идет о наделении агента Лакост бо́льшими полномочиями, только и всего. Расследование по-прежнему остается твоим. Она это понимает, и мне нужно, чтобы и ты это понимал и чтобы не возникало недоразумений.

– Ясно, – сказал Бовуар. – Просто я хотел бы, чтобы вы сообщили мне об этом заранее.

– Ты прав. Нужно было сказать. Извини. Я, вообще-то, думал, что было бы хорошо, если бы ты руководил ее работой. В качестве наставника. Если она будет повышена до инспектора и станет твоим заместителем, тебе придется натаскивать ее.

Бовуар кивнул, и его пальцы, сжимавшие баранку, чуть расслабились. Следующие несколько минут они обсуждали дело, слабые и сильные стороны Лакост, а потом погрузились в молчание.

Гамаш разглядывал величественный пролет моста над рекой Святого Лаврентия, но мысли его были о другом. О том, что он обдумывал вот уже некоторое время.

– Есть и еще кое-что.

– Да? – Бовуар бросил взгляд на босса.

Гамаш собирался поговорить с ним об этом в тихой обстановке, может быть за обедом. Или во время прогулки в горах. А не на дороге, когда они мчатся со скоростью сто двадцать километров в час.

Но грех было не воспользоваться представившейся возможностью.

– Нам нужно поговорить о тебе. С тобой что-то не так. И положение не улучшается, как я вижу.

Это был не вопрос.

– Я прошу прощения за этот жетон. Глупо…

– Я говорю не о жетоне. Это была всего лишь ошибка. Такое случается. Господь знает, это возможно. Я и сам совершал подобные промахи.

Бовуар улыбнулся:

– Тогда о чем вы говорите?

– Об анальгетиках. Почему ты продолжаешь их принимать?

В машине воцарилась тишина; мимо них за окнами проносился

Квебек.

– Как вы об этом узнали? – спросил наконец Бовуар.

– Я подозревал. Ты носишь их с собой в кармане пиджака.

– Вы заглядывали в мой карман? – резко спросил Бовуар.

– Нет. Но я поглядывал на тебя.

Гамаш и теперь смотрел на Бовуара. Его заместитель всегда был бодр, энергичен. Задирист. Он был полон жизни и полон собой. Иногда это раздражало Гамаша. Но чаще энергичность Бовуара доставляла ему удовольствие, он с приятным изумлением наблюдал, как Жан Ги с головой окунается в дела.

Но с некоторых пор его подчиненный стал похож на выжатый лимон. Ходил мрачный. Словно каждый день давался ему с трудом. Словно ему приходилось таскать за собой наковальню.

– Все придет в норму, – сказал Бовуар и сам услышал, как фальшиво это звучит. – Доктора и психологи говорят, что все хорошо. Мне с каждым днем все лучше.

Арман Гамаш не хотел развивать эту тему, но был вынужден:

– Боли от ран по-прежнему тебя мучают.

И опять это прозвучало как утверждение.

– Нужно, чтобы прошло время, – сказал Бовуар, кинув взгляд на шефа. – Я действительно с каждым днем чувствую себя лучше.

Но по его виду это было незаметно. И Гамаш волновался.

Старший инспектор молчал. Сам он был в прекрасной форме, по крайней мере, так хорошо он себя не чувствовал вот уже много лет. Он теперь больше ходил, а физиотерапия вернула ему силы и живость. Трижды в неделю он посещал спортивный центр Управления Квебекской полиции. Поначалу это было унизительно: он с трудом поднимал гири размером с бублик, а на беговой дорожке-тренажере и нескольких минут не мог выдержать.

Но он не опускал рук. Выдержал. И силы постепенно не только вернулись – он стал чувствовать себя лучше, чем до ранения.

Хотя какие-то остаточные физические явления еще были. Когда он уставал или перенапрягался, правая рука начинала дрожать. Просыпаясь по утрам или вставая после долгого сидения, он ощущал боль в теле. Были и другие болячки. Но все они не шли ни в какое сравнение с эмоциональной болью, с которой он боролся каждый день.

Некоторые дни были ничего. Другие – как нынешний – не очень.

Он подозревал, что Жан Ги борется с болями, и знал, что выздоровление – это не всегда прямая линия. Но состояние Бовуара только

ухудшалось.

– Чем тебе помочь? – спросил Гамаш. – Может, тебе нужно время, чтобы заняться здоровьем? Я знаю, что Даниель и Розлин будут рады видеть тебя в Париже. Вдруг это поможет?

Бовуар рассмеялся:

– Вы хотите меня убить?

Гамаш ухмыльнулся. Трудно было представить, какой вред может принести поездка в Париж, но вот неделя в тесной квартирке с его сыном, невесткой и двумя внуками наверняка не принесет пользы здоровью. Приезжая теперь в Париж, они с Рейн-Мари снимали квартиру неподалеку.

– Merci, patron. Я уж лучше буду выслеживать хладнокровных убийц.

Гамаш рассмеялся. Очертания Монреаля за рекой постепенно приближались. И вместе с этим росла гора Мон-Руаяль в центре города. Громадный крест наверху сейчас был невидим, но каждый вечер он оживал, загорался, словно маяк для населения, которое больше не верило в церковь, а верило в семью, друзей, культуру и род человеческий.

Кресту было все равно. Он сверкал все так же ярко.

– То, что ты разошелся с Энид, тоже не пошло тебе на пользу, – сказал Гамаш.

– Вообще-то, пошло, – проворчал Бовуар, замедляя движение вместе с потоком машин на мосту.

При этих словах Гамаш, как обычно любовавшийся видом города, посмотрел на Бовуара:

– Каким же образом?

– Это облегчение. Я чувствую себя свободным. Мне жаль, что я сделал больно Энид, но это одно из лучших последствий той бойни.

– Это как?

– У меня такое ощущение, что мне предоставили еще один шанс. Столько ребят погибло, а я, оставшись в живых, посмотрел на свою жизнь и понял, что я несчастен. И к лучшему дело не изменится. Энид тут ни в чем не виновата, просто мы никогда не подходили друг другу. Понимаете, я боялся перемен, боялся признать, что совершил ошибку. Боялся сделать ей больно. Но больше я не мог это терпеть. Я остался в живых, и это дало мне мужество сделать то, что я должен был сделать много лет назад.

– Мужество, чтобы изменять то, что могу.

– Что?

– Одна из строчек молитвы на жетоне, – сказал Гамаш.

– Ну, в общем, да. Как бы то ни было, я видел, что моя жизнь будет чем дальше, тем хуже. Поймите меня правильно. Энид замечательная…

– Нам она всегда нравилась. Очень.

– И она вас тоже любит, вы это знаете. Но она не стала для меня той единственной.

– А ты уже нашел такую?

– Нет.

Бовуар скосил глаза на шефа. Гамаш задумчиво смотрел перед собой, потом повернулся к Бовуару.

– Еще найдешь, – сказал он.

Бовуар кивнул, погруженный в свои мысли. Немного погодя он спросил:

– Что бы вы сделали, если бы были женаты, когда встретили мадам Гамаш?

Гамаш посмотрел на Бовуара проницательным взглядом:

– Мне казалось, ты говорил, что еще не встретил свою единственную.

Бовуар помедлил. Он подкинул Гамашу мысль, и тот принял ее. И теперь смотрел на своего помощника. Ждал ответа. И Бовуар почти сказал ему. Почти сказал боссу всё. Хотел открыть сердце этому человеку. Ведь он рассказывал Гамашу почти обо всем, что происходило в его жизни. О том, что он несчастлив с Энид. Они говорили об этом, говорили о его семье, о том, чего он хочет и чего не хочет.

Жан Ги Бовуар доверил Гамашу свою жизнь.

Он открыл рот, слова сами просились наружу. Словно скатился камень, готовый вытолкнуть эти чудесные слова на свет божий.

«Я люблю вашу дочь. Я люблю Анни».

Старший инспектор ждал так, словно у него впереди вечность. Словно в мире не было ничего важнее, чем личная жизнь Бовуара.

Этот город с его невидимым крестом становился все больше и больше. Наконец они въехали на мост.

– Я пока никого не встретил. Но я хочу быть готовым. Я не мог продолжать этот брак. Это было бы несправедливо по отношению к Энид.

Гамаш немного помолчал.

– Точно так же это было бы несправедливо по отношению к мужу твоей возлюбленной.

Это был не упрек. Даже не предупреждение. И Бовуар знал, что если бы старший инспектор что-то подозревал, то сказал бы об этом. Не стал бы играть в словесные игры с Бовуаром. Так, как Бовуар играл с Гамашем.

Нет, это была не игра. Да по большому счету и не тайна. Это было чувство. Неутоленное. Пассивное.

«Я люблю вашу дочь».

Но и эти слова он проглотил. Вернул их в темноту ко многим другим непроизнесенным.

Они нашли нужный многоквартирный дом в квартале Нотр-Дам-де-Грас в Монреале. Приземистый и серый, словно спроектированный советскими архитекторами в 1960-е годы.

На траве, выжженной до белизны собачьей мочой, лежали собачьи экскременты. Цветочные клумбы заросли переплетенными кустами и сорняками. Бетонные плитки дорожки, ведущей к входной двери, покосились и потрескались.

В доме пахло мочой, раздавался гулкий стук дверей, голоса людей, перекрикивавшихся друг с другом.

Месье и мадам Дайсон жили на последнем этаже. Перила бетонных ступенек были липкими, и Бовуар быстро отдернул руку.

Они пошли вверх. Три пролета. Они не останавливались передохнуть, но и не неслись сломя голову. Шли размеренным шагом. Наверху они нашли дверь в квартиру Дайсонов.

Старший инспектор Гамаш поднял руку и помедлил.

Чтобы дать Дайсонам еще одну секунду покоя, прежде чем он разрушит их жизнь? Или чтобы дать себе еще одно мгновение, прежде чем предстать перед ними?

Тук-тук.

Дверь чуть приоткрылась, через цепочку на них посмотрело испуганное лицо.

– Oui?

– Мадам Дайсон? Меня зовут Арман Гамаш. Я из Квебекской полиции. – Он вытащил из кармана удостоверение и показал женщине.

Она опустила глаза на удостоверение, потом снова посмотрела в лицо Гамашу.

– А это мой коллега инспектор Бовуар. Мы бы хотели поговорить с вами.

На худом лице появилось облегчение. Сколько раз она вот так приоткрывала дверь и видела лишь убегающих мальчишек? Домовладельца, требующего арендную плату? Жестокосердие в человеческом обличье?

Но на сей раз все было иначе. Эти люди из полиции. Они не принесут ей вреда. Она принадлежала к тому поколению, которое все еще верило в это. Так было написано на ее старческом лице.

Она потянула дверь на себя, сняла цепочку и широко распахнула

дверь.

Они увидели миниатюрную старушку. И похожего на марионетку старика в кресле. Маленького, сухого, с впалыми щеками. Он попытался подняться на ноги, но Гамаш быстро подошел к нему:

– Прошу вас, сидите, месье Дайсон. Je vous en prie[50]. Не вставайте, пожалуйста.

Они обменялись рукопожатием, и Гамаш представился еще раз. Говорил он медленно, четко, громче, чем обычно.

– Чаю? – спросила мадам Дайсон.

«О нет, нет, нет», – подумал Бовуар. Здесь пахло лечебной мазью и немного мочой.

– С удовольствием. Как это мило с вашей стороны. Позвольте вам помочь?

Гамаш пошел с ней в кухню, оставив Бовуара одного с марионеткой. Бовуар попытался затеять светский разговор, но после нескольких слов о погоде его запас светскости истощился.

– Очень милая квартирка, – сказал он, и месье Дайсон в ответ посмотрел на него как на идиота.

Бовуар оглядел стены. Над обеденным столом висело распятие и улыбающийся Иисус в окружении лампадок. Но вокруг все было увешано фотографиями одного человека – их дочери Лилиан. В лучах улыбки Иисуса расцветала ее жизнь. Ее младенческие снимки располагались ближе всего к Нему. Она становилась все старше и старше, и фотографии все больше удалялись. Иногда она была на фотографии одна, иногда с другими людьми. Старились и родители: сначала это была молодая улыбающаяся пара, держащая на руках первенца – их единственного ребенка – перед аккуратным, небольшим домом. Первое Рождество, первые сентиментальные дни рождения.

Бовуар рассматривал фотографии – не обнаружится ли на них Лилиан вместе с Кларой, но потом понял, что если такие и были, то их давно сняли.

Он увидел фотографию маленькой девочки со щербатым ртом и ярко-рыжими волосами, с плюшевым щенком на руках, и чуть более позднюю фотографию, на которой девочка стояла рядом с велосипедом, держа большой лук. Игрушки, подарки, гостинцы. Все, что может пожелать маленькая девочка.

И любовь. Нет, не только любовь. Обожание. Эту девочку, эту женщину обожали.

Бовуар почувствовал, как что-то шевельнулось у него в душе. Похоже, оно заползло в него, пока он лежал в собственной крови на полу

заброшенной фабрики.

Печаль.

С того момента смерть стала выглядеть для него иначе. И нужно сказать, что и жизнь.

Ему это не нравилось.

Он попытался вспомнить Лилиан Дайсон сорок лет спустя после того, как была сделана эта фотография. Избыток косметики, осветленные волосы. Почти клоунада. Пародия на женщину.

Но как ни старался Бовуар, он уже ничего не мог с собой поделать. Теперь он представлял себе Лилиан Дайсон маленькой девочкой. Обожаемой. Уверенной. Впереди была вся жизнь и весь мир. Мир, от которого родители собирались защитить свою дочь, хотя бы и с помощью цепей.

И все же они приоткрыли дверь, и этой щелочки оказалось достаточно. Если по другую сторону было что-то злобное, зловещее, убийственное, то ему хватило и этой малой щели.

– Bon, – услышал он голос шефа у себя за спиной.

Бовуар повернулся и увидел Гамаша с небольшим подносом, на котором стояли чайник, кувшинчик с молоком, сахарница и фарфоровые чашки.

– Куда мне это поставить?

Его голос звучал тепло, дружески. Но не радостно. Шеф не станет морочить им голову. Не станет создавать впечатление, что они пришли с какой-то великолепной новостью.

– Сюда, пожалуйста.

Мадам Дайсон бросилась убирать телепрограммку и пульт дистанционного управления со столика из древесно-стружечной плитки у дивана, но Бовуар опередил ее, собрал эти вещи, передал ей.

Она заглянула ему в глаза и улыбнулась. Не во весь рот, а как улыбнулась бы ее дочь, будь она понежнее, погрустнее. Теперь Бовуар знал, откуда у Лилиан эта улыбка.

И он подозревал, что два этих старика знают, почему здесь полиция. Может быть, не точно, но знают. Не то, что их единственная дочь мертва. Убита. Но по тому взгляду, который подарила ему мадам Дайсон, Жан Ги Бовуар понял, что она понимает: что-то случилось. Что-то не в порядке.

И все равно она оставалась вежливой. Или просто пыталась отсрочить приход этих новостей. Хотела, чтобы они помолчали еще несколько драгоценных минут.

– Немного молока и сахара? – спросила она у марионетки.

Месье Дайсон подался вперед.

– Это особый случай, – проговорил он с напускной доверительностью, обращаясь к гостям. – Обычно она не дает молока.

У Бовуара чуть сердце не разорвалось при мысли о том, что два этих пенсионера не могут себе позволить даже молока. А ту малость, что у них есть, предлагают гостям.

– Меня от него пучит, – пояснил старик.

– Помолчи, папа, – сказала мадам Дайсон, протягивая чашку и блюдце Гамашу, чтобы он передал их ее мужу. Она тоже делала вид, что разговаривает с ними доверительно. – Что правда, то правда. Я так полагаю, после первого глотка у вас есть минут двадцать.

Наконец они расселись, старший инспектор Гамаш пригубил чая, поставил фарфоровую чашку на блюдце и подался ближе к пожилой паре. Мадам Дайсон взяла мужа за руку.

Станет ли она называть его папой после того, что услышит? Или это в последний раз? Может быть, это будет слишком мучительно? Вероятно, так называла его Лилиан.

Останется ли он папой, когда они узнают о смерти дочери?

– У меня для вас очень плохие новости, – сказал Гамаш. – Это касается вашей дочери Лилиан.

Говоря это, он переводил взгляд с месье Дайсона на мадам Дайсон и видел, что их жизнь меняется. С этого мгновения она уже не будет такой, как прежде. До этого известия и после. Две совершенно разные жизни.

– К несчастью, она умерла.

Он говорил короткими информационными предложениями. Спокойным, тихим голосом. Ему нужно было сделать это быстро, не тянуть. Сказать ясно. И чтобы не оставалось сомнений.

– Я не понимаю, – сказала мадам Дайсон, хотя по ее глазам было видно, что она все поняла.

Она была в ужасе. То чудовище, которого боится каждая мать, выползло из своей берлоги. Оно забрало их ребенка и теперь сидело в их гостиной.

Мадам Дайсон повернулась к мужу, который мучительно пытался сесть прямее. Может быть, встать. Чтобы отвергнуть эти слова, это известие. Загнать их назад, выставить из этой комнаты, из их дома, выставить за дверь. Бить эти слова, пока они не обернутся ложью.

Но это было ему не по силам.

– Однако это еще не все, – сказал старший инспектор, не сводя глаз со стариков. – Лилиан убили.

– Боже мой, нет! – воскликнула мать Лилиан.

Ее рука взлетела ко рту. Потом соскользнула на грудь. И остановилась там, безжизненная.

Они оба смотрели на Гамаша, а он смотрел на них.

– Мне очень жаль, что приходится сообщать вам такую новость, – сказал он, зная, как неубедительно это звучит.

Но еще он знал, что, если не скажет этих слов, станет еще хуже.

Мадам и месье Дайсон были уже не здесь. Они переместились на тот континент, на котором обитают скорбящие родители. Он казался таким же, как и остальной мир, но таковым не был. Цвета там становились бледнее. От музыки оставались одни ноты. Книги более не увлекали и не утешали. Разве что отчасти. Еда превращалась в питание. Дыхание становилось вздохами.

И еще они знали что-то такое, что было неизвестно остальным. Они знали, как счастлив остальной мир.

– Как? – прошептала мадам Дайсон.

Муж ее был в таком гневе, так зол, что не мог говорить. Его лицо исказилось, глаза горели. И были устремлены на Гамаша.

– Ей сломали шею, – сказал старший инспектор. – Все произошло мгновенно. Она даже не поняла, что с ней случилось.

– Но за что? – спросила мадам Дайсон. – Кому нужно было убивать Лилиан?

– Мы не знаем. Но мы найдем того, кто это сделал.

Арман Гамаш протянул к ней сложенные чашечкой большие руки. Как подношение.

Жан Ги Бовуар заметил, как дрожит правая рука шефа. Чуть-чуть дрожит.

Это тоже было новостью. Началось после боя на фабрике.

Мадам Дайсон уронила маленькие руки с груди в ладони Гамаша, и он сжал их, задержал, словно птичку.

Он ничего не говорил. И она тоже.

Они сидели молча, и он готов был просидеть столько, сколько понадобится.

Бовуар посмотрел на месье Дайсона. Его гнев перешел в смятение. В молодости он был человеком действия, а теперь стал стариком, прикованным к креслу. Не имел сил спасти дочь. Или утешить жену.

Бовуар встал и предложил старику руки. Месье Дайсон уставился на них, потом ухватился за руки Бовуара обеими своими. Бовуар поднял его, поддержал. И тогда старик повернулся к жене и протянул к ней руки.

Она встала и пришла в его объятия.

Они держались друг за друга и поддерживали друг друга. И плакали.

Наконец они разняли руки.

Бовуар нашел салфетки и дал каждому по несколько штук. Когда они немного успокоились, старший инспектор Гамаш начал задавать им вопросы:

– Лилиан много лет прожила в Нью-Йорке. Вы можете рассказать нам что-нибудь про ее жизнь там?

– Она была художницей, – сказал отец. – Замечательной. Мы к ней нечасто ездили, но она непременно бывала у нас раз в два года.

Гамашу это показалось довольно туманным. Преувеличением.

– Она зарабатывала себе на жизнь живописью? – спросил он.

– Безусловно, – ответила мадам Дайсон. – Она добилась огромных успехов.

– Она была когда-нибудь замужем? – спросил старший инспектор.

– Его звали Морган, – сказала мадам Дайсон.

– Нет, не Морган, – поправил ее муж. – Но похоже. Мэдисон.

– Да, Мэдисон. Но они давно развелись. Да и женаты были недолго. Мы его никогда не видели. Но он был нехороший человек. Пил. Бедняжка Лилиан влюбилась в него без памяти. Он был очень красив, но у мужчин за красивой внешностью часто скрывается негодная душа.

Гамаш заметил, что Бовуар вытащил блокнот.

– Вы сказали, что он пил, – продолжил Гамаш. – Откуда вам это известно?

– Лилиан говорила. Она в конце концов выставила его за дверь. Но это уже давно было.

– Вы не знаете, он когда-нибудь бросал пить? – спросил Гамаш. – Может быть, вступил в Общество анонимных алкоголиков?

Они посмотрели на него обескураженным взглядом.

– Мы его никогда не видели, старший инспектор, – повторила мадам Дайсон. – Может быть, он и вступал, но потом все равно умер.

– Умер? – переспросил Бовуар. – А вы не знаете когда?

– Несколько лет назад. Нам Лилиан говорила. Наверно, допился до смерти.

– Ваша дочь не рассказывала о каких-нибудь своих друзьях?

– У нее было много друзей. Мы с ней разговаривали раз в неделю, и она всегда была то на вечеринке, то на вернисаже.

– А по имени она кого-нибудь называла? – спросил Гамаш.

Они отрицательно покачали головой.

– Она никогда не говорила о подруге по имени Клара? Здесь, в Квебеке?

– Клара? Она была лучшей подругой Лилиан. Водой не разольешь. Она, бывало, заходила на ужин, когда у нас был свой дом.

– Почему они отдалились?

– Клара воровала у Лилиан идеи. А потом перестала с ней дружить. Использовала ее, а когда получила все, что нужно, выкинула, как половую тряпку. Лилиан была очень обижена.

– Почему ваша дочь уехала в Нью-Йорк? – спросил Гамаш.

– Она чувствовала, что атмосфера в мире искусства в Монреале не очень дружеская. Художникам не нравилось, когда она критиковала их работы, но у нее ведь работа была такая – критик. Она хотела поехать куда-нибудь, где художники более искушенные.

– О ком-нибудь конкретно она говорила? Может, о ком-то, кто мог желать ей зла?

– В те времена? Она говорила, что ей все желают зла.

– А недавно? Когда она вернулась в Монреаль?

– Шестнадцатого октября, – сказал месье Дайсон.

Гамаш повернулся к нему:

– Вы точно помните дату?

– Вы бы тоже запомнили, будь у вас дочь.

Старший инспектор кивнул:

– Вы правы. У меня есть дочь, и я бы запомнил день ее возвращения домой.

Они несколько секунд смотрели друг на друга.

– Лилиан не сказала вам, почему вернулась?

Гамаш произвел быстрый подсчет. Лилиан вернулась восемь месяцев назад. Вскоре после этого купила машину и стала ездить на выставки.

– Она сказала, что соскучилась по дому, – ответила мадам Дайсон. – Мы считали себя самыми счастливыми людьми в мире.

Гамаш помолчал, давая ей время собраться. Оба полицейских знали, что существует некое временно́е окно после сообщения родным трагического известия и до того, как скорбь поглотит их целиком. Когда пройдет шок и наступит боль.

Это мгновение приближалось. Окно закрывалось. Теперь каждый вопрос был на счету.

– Она на этот раз была счастлива в Монреале? – спросил Гамаш.

– Я никогда не видел ее такой счастливой, – сказал отец. – Мне кажется, она нашла своего мужчину. Мы у нее спрашивали, но она всегда

смеялась в ответ, говорила, что ничего подобного. Но я не уверен.

– Почему вы так думаете? – спросил Гамаш.

– Когда она заглядывала на обед, то всегда уходила рано, – ответила мадам Дайсон. – В половине восьмого. Мы подшучивали над ней, говорили, что она торопится на свидание.

– И что она на это отвечала?

– Просто смеялась. Но… – она задумалась, – но что-то такое было.

– Что вы имеете в виду?

Мадам Дайсон еще раз глубоко вздохнула, словно пытаясь подбодрить себя, продержаться достаточно долго, чтобы помочь этим полицейским. Помочь им найти того, кто убил их дочь.

– Не знаю, что я имею в виду, но она прежде никогда рано не уходила, а тут вдруг начала. Но нам не говорила почему.

– Ваша дочь пила?

– Пила? – переспросил месье Дайсон. – Я не понимаю вашего вопроса. Что пила?

– Алкоголь. На месте убийства мы нашли один предмет, возможно связанный с Обществом анонимных алкоголиков. Вы не знаете, ваша дочь состояла членом общества?

– Лилиан? – удивилась мадам Дайсон. – Я за всю жизнь ни разу не видела ее пьяной. Она всегда развозила всех по домам после вечеринок. Могла позволить себе рюмочку, но много никогда не пила.

– У нас даже нет алкоголя в доме, – поддержал ее месье Дайсон.

– Почему? – спросил Гамаш.

– Наверно, потеряли к этому интерес, – сказала мадам Дайсон. – Есть более важные вещи, на которые мы тратим пенсию.

Гамаш кивнул и поднялся.

– Вы позволите? – Он показал на висящие фотографии.

– Пожалуйста. – Мадам Дайсон подошла вместе с ним к стене.

– Очень хорошенькая, – сказал Гамаш.

Они разглядывали фотографии, и по мере того, как отходили от центра, Лилиан становилась все старше. От драгоценного младенца до обожаемого подростка, до красивой молодой женщины с волосами цвета солнечного заката.

– Вашу дочь нашли в саду, – сказал он, избегая мрачных подробностей. – В саду ее подруги Клары.

Мадам Дайсон замерла и уставилась на старшего инспектора.

– У Клары? Но это невозможно. Лилиан никогда бы к ней не поехала. Она бы лучше встретилась с дьяволом, чем с этой женщиной.

– Вы сказали, что Лилиан убили в доме Клары? – спросил месье Дайсон.

– Oui. На заднем дворе ее дома.

– Тогда вы знаете, кто убил Лилиан, – заявил месье Дайсон. – Вы ее арестовали?

– Нет, – ответил Гамаш. – Есть и другие вероятности. Ваша дочь говорила о ком-нибудь еще после возвращения в Монреаль? О ком-нибудь, кто мог желать ей зла?

– Никого более очевидного, чем Клара, – отрезал месье Дайсон.

– Я знаю, что это трудно, – спокойно произнес Гамаш и сделал небольшую паузу. – Но вы должны подумать над моим вопросом. Это очень важно. Говорила она о ком-нибудь еще? О ком-нибудь, с кем у нее недавно была ссора?

– Нет, – немного помолчав, ответила мадам Дайсон. – Мы уже говорили: она никогда не казалась такой счастливой.

Старший инспектор Гамаш и Бовуар поблагодарили Дайсонов за помощь, оставили свои визитки.

– Если вспомните что-нибудь или если что-нибудь будет нужно, пожалуйста, звоните, – сказал старший инспектор, стоя в дверях.

– К кому мы должны обратиться по поводу… – начала мадам Дайсон.

– Я пришлю к вам человека, чтобы обсудить подробности. Вас это устроит?

Они кивнули. Месье Дайсон с трудом поднялся на ноги и встал рядом с женой, глядя на Гамаша. Двое мужчин. Двое отцов. Но теперь их разделял целый континент.

Они спускались по лестнице, и их шаги гулким эхом отдавались от стен. Гамаш спрашивал себя, как двое таких людей смогли вырастить женщину, о которой ему рассказала Клара.

Скандальную, завистливую, ожесточенную, злую.

Но с другой стороны, то же самое Дайсоны думали о Кларе.

Вопросов было много.

Мадам Дайсон не сомневалась: ее дочь никогда бы не пошла в дом Клары Морроу. Во всяком случае, сознательно.

Может быть, Лилиан заманили туда? И она не знала, что едет в дом Клары? Но если так, то почему ее убили и почему именно там?

Глава десятая

Изгнав из сада злых духов, Мирна, Доминик и Рут пришли на чердак к Мирне выпить пива.

– Что вы думаете об этой монетке? – спросила Доминик, удобно расположившись на диване.

– Большое зло, – ответила Рут, и остальные женщины посмотрели на нее.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовалась Мирна.

– Общество анонимных алкоголиков? – спросила Рут. – Кучка поклонников дьявола. Это культ. Контроль за мыслями. Демоны. Отвращение людей от естественного пути.

– Естественный путь – это алкоголизм? – со смехом спросила Мирна.

Рут смерила ее подозрительным взглядом:

– Я и не предполагала, что садовая ведьма поймет это.

– Ты удивишься, узнав, чему можно научиться в саду, – сказала Мирна. – И от ведьмы.

В этот момент появилась Клара, чем-то расстроенная.

– Что-то случилось? – спросила Доминик.

– Нет-нет, все в порядке. Питер сунул в холодильник бутылку шампанского, чтобы отпраздновать. У нас выдалась первая возможность выпить за вернисаж.

Клара налила себе охлажденного чая из холодильника Мирны и присоединилась к ним.

– Это мило с его стороны, – заметила Доминик.

– Угу, – согласилась Клара.

Мирна внимательно посмотрела на нее, но ничего не сказала.

– О чем вы тут говорили? – спросила Клара.

– О трупе в твоем саду, – ответила Рут. – Это ты ее убила или не ты?

– Ладно, – вздохнула Клара. – Скажу один-единственный раз, так что, надеюсь, вы запомните. Вы слушаете?

Все кивнули, кроме Рут.

– Рут?

– Что?

– Ты задала вопрос, я собираюсь на него ответить.

– Слишком поздно. Я уже потеряла интерес. Нам дадут что-нибудь поесть?

– Прошу внимания. – Клара обвела всех взглядом и медленно, отчетливо произнесла: – Я. Не. Убивала. Лилиан.

– Листочка бумаги нет? – спросила Доминик. – А то я не уверена, что запомню.

Рут рассмеялась.

– Ладно, – сказала Мирна. – Допустим, мы тебе верим. Пока. Тогда кто это сделал?

– Вероятно, кто-то из гостей, – предположила Клара.

– Но кто, Шерлок? – не унималась Мирна.

– Кто ненавидел ее настолько, что решил убить? – спросила Доминик.

– Любой, кто ее знал, – ответила Клара.

– Но это несправедливо, – возразила Мирна. – Ты ее не видела более двадцати лет. И вполне возможно, что она делала подлости только тебе. Такое случается. Мы иногда провоцируем в людях подобные чувства, возбуждаем в них худшие эмоции.

– К Лилиан это не относится, – сказала Клара. – Она была щедра в своем высокомерии. Она ненавидела всех, и все ненавидели ее. Всё как ты говорила: лягушка на сковородке. Она включала конфорку.

– Надеюсь, это не приглашение к обеду, – заметила Рут, – потому что это я уже ела на завтрак.

Все посмотрели на нее, и она ухмыльнулась:

– Ну, может, это было яйцо.

Они опять повернулись к Мирне.

– Может, это была не сковородка, – продолжала Рут. – А стакан. И теперь, когда я это вспоминаю, это было вовсе не яйцо.

Они снова посмотрели на Рут.

– Это был виски.

Они снова повернулись к Мирне, и та объяснила данный психологический феномен.

– Я всегда презирала себя за то, что так долго терпела, позволяла Лилиан меня обижать. Нужно было уйти раньше. Больше я такого не допущу, – заявила Клара.

К ее удивлению, Мирна ничего не сказала на это.

– Гамаш наверняка думает, что это сделала я, – добавила Клара после паузы. – В общем, я в заднице.

– Не могу с этим не согласиться, – сказала Рут.

– Да нет же, – возразила Доминик. – Как раз наоборот.

– То есть?

– У тебя есть кое-что, чего нет у Гамаша, – объяснила Доминик. – Ты

знаешь мир искусства, и ты знаешь большинство людей, которые были у тебя на вечеринке. Какой у тебя самый главный вопрос?

– Кроме вопроса, кто ее убил? Что Лилиан делала здесь?

– Отлично, – сказала Доминик, вставая. – Хороший вопрос. Почему бы нам не задать его?

– Кому?

– Гостям, которые еще остались в Трех Соснах.

Клара задумалась на секунду.

– Попробовать стоит.

– Пустая трата времени, – заявила Рут. – Я по-прежнему считаю, что ты ее и укокошила.

– Ты осторожнее, старуха, – пригрозила Клара. – Ты у меня следующая.

Бригада криминалистов встретила старшего инспектора Гамаша и инспектора Бовуара в квартире Лилиан Дайсон в Монреале. Пока они снимали отпечатки пальцев и собирали пробы для исследования, Гамаш и Бовуар осмотрели жилище.

Это была скромная квартира на верхнем этаже трехквартирного дома. В районе Плато-Мон-Руаяль не строили высоких домов, а потому квартира Лилиан, хотя и маленькая, была светлой.

Бовуар быстро прошел в главную комнату и принялся за работу, но Гамаш не спешил. Ему нужно было почувствовать это место. Воздух здесь был спертый. Из-за масляных красок и закрытых окон. Мебель старая, но отнюдь не винтажная. Такую можно увидеть в офисах Армии спасения или на обочине дороги.

На паркетных полах лежало несколько небольших выцветших ковриков. В отличие от тех художников, что заботятся об эстетике своего жилища, Лилиан Дайсон, похоже, была безразлична к тому, что находится в этих стенах. Но она не была безразлична к тому, что висит на стенах.

Картины. Светлые, ослепительные картины. Не яркие или цветистые, а ослепительные в своих образах. Она собирала их? Может, покупала у приятеля-художника в Нью-Йорке?

Гамаш подошел ближе, прочел подпись.

Лилиан Дайсон.

Старший инспектор отошел назад и, удивленный, принялся разглядывать картины. Их написала убитая. Он переходил от картины к картине, читал подписи и даты. Но сомнений у него уже не оставалось. Стиль был такой яркий, уникальный.

Все это написала Лилиан Дайсон. И все – в течение последних семи месяцев.

Ничего подобного он прежде не видел.

Ее картины были сочными и смелыми. Городские ландшафты Монреаля выглядели и воспринимались как лес. Здания были высокими и кривыми, словно сильные деревья, которые растут то туда, то сюда. Приноравливаясь к природе, а не наоборот. Лилиан сумела превратить здания в живых существ, словно их посадили, поливали, выхаживали, и вот они пошли в рост из бетона. Они были привлекательны, как привлекательно все живое.

Тот мир, который она изображала, не успокаивал. Но и не угрожал.

Ему понравились эти картины. Очень.

– Здесь есть еще, – сказал Бовуар, увидев, что Гамаш разглядывает картины. – Она, похоже, превратила спальню в мастерскую.

Старший инспектор прошел мимо криминалистов в небольшую спальню. Одинарная кровать, аккуратно застеленная, была придвинута к стене, здесь же стоял комод, но все остальное пространство небольшой комнаты было занято кисточками, отмокающими в жестянках, полотнами в рамах у стен. На полу лежал брезент, в комнате пахло краской и растворителем.

Гамаш подошел к полотну на мольберте.

Оно не было завершено. Он увидел ярко-красную церковь, словно охваченную огнем. Но никакого огня не было. Просто она сияла. А рядом вились дороги, как реки, и шли люди, похожие на камыш. В таком стиле не писал ни один известный Гамашу художник. Похоже, Лилиан Дайсон открыла новое движение в искусстве, наподобие кубизма и импрессионизма, постмодернизма и абстрактного экспрессионизма.

И вот что у нее получилось.

Арман Гамаш не мог оторвать глаз. Лилиан писала Монреаль так, будто город был творением природы, а не человека. Творением, наделенным всей силой, мощью, энергией и красотой природы. И ее дикостью.

Было ясно, что она экспериментировала с этим стилем, врастала в него. Самые ранние работы семимесячной давности подавали надежду, но были пробными. А потом, около Рождества, случился прорыв и утвердился этот блестящий новаторский стиль.

– Шеф, посмотрите-ка сюда.

Инспектор Бовуар стоял у прикроватной тумбочки, на которой лежала большая синяя книга. Старший инспектор вытащил из кармана авторучку и

с ее помощью открыл книгу на закладке.

Увидел изречение, выделенное желтым маркером и подчеркнутое. Чуть ли не с яростью.

– «Алкоголик, подобно торнадо, с ревом проносится по чужим жизням, – прочел старший инспектор. – Разбиваются сердца. Умирает любовь».

Он убрал авторучку, книга закрылась. На ее ярко-синей обложке жирным белым шрифтом было напечатано: «Анонимные алкоголики».

– Кажется, мы знаем, кто состоял в Анонимных алкоголиках, – сказал Бовуар.

– Пожалуй, – кивнул Гамаш. – Я думаю, нам нужно задать им несколько вопросов.

После того как криминалисты закончили работу, старший инспектор протянул Бовуару брошюрку, снятую с полки. С загнутыми уголками, потрепанную, грязную. Бовуар пролистал ее, потом прочел то, что на обложке.

«Расписание собраний Анонимных алкоголиков».

Внутри кружочком была обведена дата очередного собрания – в воскресенье вечером. Бовуару стало ясно, чем будут заняты они с Гамашем в воскресенье в восемь вечера.

Четыре женщины разбились на пары, предполагая, что по двое они будут в большей безопасности.

– Вы, по-видимому, редко смотрите фильмы ужасов, – сказала Доминик. – Женщины всегда ходят парами. Одна умирает страшной смертью, а другая визжит.

– Чур, визжать буду я, – вызвалась Рут.

– Боюсь, моя дорогая, что ты-то и есть ужас, – сказала Клара.

– Ну, это облегчение. Ты идешь? – спросила Рут у Доминик, которая с притворной брезгливостью смотрела на Мирну и Клару.

Мирна проводила их взглядом, потом спросила у Клары:

– Как Питер?

– Питер? А почему ты спрашиваешь?

– Просто так.

Клара внимательно посмотрела на подругу:

– У тебя никогда не бывает просто так. Выкладывай.

– Ты выглядела не самой счастливой, когда появилась. Ты сказала, что вы вдвоем выпили за вернисаж. А больше ничего не случилось?

Клара вспомнила, как Питер стоял в кухне и пил кислое шампанское.

Запивал ее персональную выставку просроченным шампанским и улыбкой.

Но она пока не была готова говорить об этом. К тому же, глядя на свою подругу, Клара поняла, что боится того, что может сказать Мирна.

Вместо этого она сказала:

– Питеру сейчас трудно. Надеюсь, мы все это понимаем.

Мирна впилась в нее взглядом, потом отпустила.

– Он старается, как может, – сказала Мирна.

«Дипломатичный ответ», – подумала Клара.

По другую сторону деревенского луга Габри и Оливье сидели на крыльце своей гостиницы, прихлебывая пиво. Набирались сил перед вечерним наплывом в бистро.

– Матт и Джефф[51]. – Габри помахал двум женщинам.

– Берт и Эрни[52], – сказала Мирна, поднимаясь по ступенькам на веранду гостиницы.

– Ваши друзья-художники все еще здесь, – сообщил Оливье.

Он поднялся и расцеловал женщин в обе щеки.

– И, судя по всему, останутся еще на несколько дней, – без особого энтузиазма произнес Габри. Его представление об идеальной скромной гостиничке сводилось к пустой гостиничке. – Люди Гамаша сказали, что остальные могут уехать, вот они и уехали. Я думаю, им было скучно. Видать, одного убийства слишком мало, чтобы привлечь их внимание.

Мирна и Клара оставили их наблюдать за деревней, а сами вошли в гостиницу.

– Так над чем вы работаете? – спросила Клара у Полетт. Они разговаривали уже несколько минут. Конечно, о погоде. И о выставке Клары. Обеим темам Полетт и Норман уделили равное внимание. – Все еще пишете вашу замечательную серию о полете?

– Да. Галерея в Драммондвилле проявляет интерес к этим работам. И в Бостоне будет выставка с предварительным отбором. Возможно, мы будем участвовать.

– Здорово. – Клара повернулась к Мирне. – Их серия картин о крыльях просто изумительная.

Мирна чуть не поперхнулась. Если она услышит слово «изумительный» еще раз, ее вырвет. Интересно, что на самом деле оно должно означать? «Говенный»? «Отвратительный»? Вот только что Норман, говоря о работах Клары, которые ему явно не нравились, назвал их изумительными. А Полетт сказала, что у Нормана на уме несколько

мощных работ, которые, она уверена, Клара сочтет изумительными.

И конечно, они были просто изумлены успехом Клары.

– Я вот о чем, – сказала Клара, беззаботно вылавливая лакричную конфетку из вазочки на столе в гостиной. – Хотела понять, как здесь вчера оказалась Лилиан. Вы не знаете, кто ее пригласил?

– Разве не вы? – спросила Полетт.

Клара отрицательно покачала головой.

Мирна сидела, откинувшись на спинку кресла, и внимательно слушала их рассуждения о том, кто мог быть связан с Лилиан.

– Знаете, она уже несколько месяцев в Монреале, – сказала Полетт.

Клара не знала.

– Да-да, – подтвердил Норман. – Даже подошла к нам на вернисаже и извинилась за то, что прежде была такой сучкой.

– Правда? – спросила Клара. – Лилиан извинилась?

– Мы думаем, она просто пыталась втереться в доверие, – сказала Полетт. – Когда она уезжала, мы были никто, а теперь-то мы, слава богу, люди с положением.

– Теперь-то мы ей нужны, – сказал Норман. – Были нужны.

– Для чего? – спросила Клара.

– Она сказала, что вернулась, чтобы заниматься искусством. Хотела показать нам свой портфолио.

– И что вы ей ответили?

Супруги переглянулись.

– Сказали, что у нас нет времени. Вежливо сказали. Но мы не хотели иметь с ней ничего общего.

Клара кивнула. Она надеялась, что поступила бы так же. Разговаривала бы вежливо, но близко к себе не подпускала. Одно дело было простить, а другое – снова влезть в клетку с этим медведем, даже если на нем балетная пачка и он улыбается. Или как там говорила Мирна?

Залезть на сковородку.

– Может, она пришла без приглашения. Многие так пришли, – сказал Норман. – К примеру, Дени Фортен.

Норман произнес имя владельца галереи легко, втиснув его в разговор, словно острый меч между ребер. Слово, которое должно было ранить. Он смотрел на Клару. А Мирна смотрела на него.

Она подалась вперед – ей было любопытно, как Клара отобьет эту атаку. Потому что это была настоящая атака. Вежливая и тонкая. С улыбочкой. Нечто вроде социальной нейтронной бомбы, которая должна сохранить структуру вежливого разговора, а человека убить.

Послушав эту пару полчаса, Мирна была не особо изумлена подобной атакой. Как и Клара.

– Но он был приглашен, – сказала Клара, подхватывая легкий тон Нормана. – Я лично просила Дени приехать.

Мирна чуть не улыбнулась. Coup de grâce Клары состоял в том, что она назвала Фортена по имени, словно состояла в приятельских отношениях со знаменитым галеристом. И удар достиг цели.

Норман и Полетт были изумлены.

Но два тревожных вопроса так и остались без ответа.

Кто пригласил Лилиан на вечеринку Клары?

И почему она приняла приглашение?

Глава одиннадцатая

– Честно вам скажу, вы худший следователь в истории, – проговорила Доминик.

– Я, по крайней мере, задавала вопросы, – отрезала Рут.

– Только потому, что мне не удалось вставить ни слова.

Мирна и Клара присоединились к двум другим женщинам в бистро и уселись напротив камина, горевшего больше для уюта, чем из необходимости.

– Она спросила у Андре Кастонге, какого размера у него член.

– Нет. Я спросила у него, какого размера член он сам. Это разные вещи.

Рут раздвинула большой и указательный пальцы, показывая расстояние дюйма в два.

Клара не смогла сдержать улыбку. Ей и самой нередко хотелось задать этот вопрос владельцам галерей.

Доминик покачала головой:

– Потом она задала вопрос другому…

– Франсуа Маруа? – спросила Клара.

Вообще-то, ей хотелось отправить к художникам Доминик и Рут, а с торговцами искусством поговорить самой, но пока она была не готова встречаться с Кастонге. Не готова после его звонка и ее разговора с Питером.

– Да, Франсуа Маруа. Она спросила, какой у него любимый цвет.

– Я думала, это будет полезно.

– И что, было полезно? – язвительно спросила Доминик.

– Не в той мере, в какой можно было ожидать, – признала Рут.

– Значит, несмотря на жесткий допрос, ни один из них не признался в убийстве Лилиан Дайсон? – спросила Мирна.

– Они держались на удивление хорошо, – сказала Доминик. – Хотя Кастонге и обмолвился, что его первой машиной был «гремлин»[53].

– Ну разве он не психопат? – подхватила Рут.

– А как дела у вас двоих? – спросила Доминик, потянувшись за лимонадом.

– Даже не могу толком сказать, – ответила Мирна и зачерпнула горсть орешков кешью, почти опустошив вазочку. – Мне понравилось, как ты разоружила этого Нормана, когда он вспомнил Дени Фортена.

– Ты это о чем? – спросила Клара.

– Ну, когда ты сказала ему, что сама пригласила Фортена. Вообще-то, если подумать, это еще одна загадка. Что здесь делал Дени Фортен?

– Мне не хочется тебе об этом говорить, – промямлила Клара, – но я и в самом деле пригласила его.

– На кой черт ты это сделала, детка? – спросила Мирна. – После того, как он поступил с тобой?

– Если бы я отказывала от дома всем дилерам и галеристам, которые отказывали мне, то вчера здесь никого бы не было.

Не в первый раз Мирна удивлялась своей подруге, способной простить такие оскорбления. И получившей столько оскорблений. Мирна считала себя довольно сильной личностью, но сомневалась, что смогла бы долго протянуть на вине и сыре и в беспощадном мире искусства.

Интересно, кого еще простила и пригласила Клара из тех, кого не следовало бы?

Гамаш позвонил заранее и теперь смог занять парковочное место за галереей на рю Сен-Дени в Монреале. Место это было зарезервировано для персонала, но сегодня, в воскресенье, в половине шестого большинство уже разъехались по домам.

Он вышел из машины, огляделся. Сен-Дени была одной из шикарных улиц Монреаля. Но проулок за ней имел жалкий вид: повсюду на асфальте валялись использованные презервативы и пустые шприцы.

За величественным фасадом скрывалось убожество.

Гамаш запер машину и пошел к шикарной улице, спрашивая себя, какая Сен-Дени настоящая.

Стеклянная входная дверь галереи Фортена была заперта, и Гамаш пошарил взглядом в поисках звонка, но тут появился улыбающийся Дени Фортен и отпер дверь.

– Месье Гамаш! – Он обменялся рукопожатием со старшим инспектором. – Рад снова вас видеть.

– Mais, non[54], – возразил Гамаш, слегка поклонившись. – Это я рад вас видеть. Спасибо, что смогли принять меня так поздно.

– Это дало мне возможность закончить кое-какую работу. Вы же знаете, как это бывает. – Фортен запер дверь и жестом пригласил гостя вглубь галереи. – Мой кабинет наверху.

Гамаш двинулся за Фортеном. Прежде они встречались несколько раз, когда Фортен заезжал в Три Сосны, предполагая устроить персональную выставку Клары. Фортену, яркому и привлекательному, было, вероятно, лет

сорок. В отлично скроенном пиджаке, отглаженной рубашке с открытым воротом и черных джинсах он выглядел стильным и элегантным.

Пока они поднимались по лестнице, Фортен с немалым увлечением рассказывал о некоторых картинах на стенах. Старший инспектор внимательно слушал, но не забывал оглядывать стены – не найдется ли где работы кисти Лилиан Дайсон. Стиль Лилиан был настолько уникален, что ее картина наверняка бросилась бы в глаза. Но хотя Гамаш и увидел несколько блестящих работ, картин Дайсон среди них не было.

– Café? – Фортен указал на кофемашину рядом со своим кабинетом.

– Non, merci.

– Может быть, пива? День выдался жаркий.

– Не откажусь, – сказал старший инспектор и удобно устроился в кресле.

Как только Фортен вышел за дверь, Гамаш наклонился над столом и просмотрел бумаги. Контракты с художниками. Макеты анонсов предстоящих выставок. Одна – знаменитого квебекского художника, другая – неизвестного Гамашу. Вероятно, какого-то многообещающего таланта.

Упоминаний Лилиан Дайсон или Клары Морроу его быстрый осмотр не выявил.

Заслышав мягкие шаги, Гамаш сел, и тут же в кабинет вошел Фортен.

– Прошу. – В руках галериста был поднос с двумя стаканами пива и сырной тарелкой. – У нас всегда есть запас вина, пива и сыра. Необходимая принадлежность профессии.

– Разве принадлежность вашей профессии не кисти и краски? – спросил Гамаш и взял запотевший стакан с холодным пивом.

– Ну, это для тех, кто занимается творчеством. А я всего лишь низменный предприниматель. Мост между талантом и деньгами.

– À votre santé[55].

Инспектор поднял стакан, Фортен сделал то же самое, и оба с удовольствием пригубили пиво.

– Творчество, – сказал Гамаш, поставив стакан и взяв кусочек пахучего «стилтона». – Но художники еще и эмоциональны, временами душевно неустойчивы.

– Художники? – спросил Фортен. – Вы это о ком?

Он рассмеялся. Смех у него был легкий и веселый. Гамаш не мог не улыбнуться в ответ. Трудно было не испытывать симпатии к этому человеку.

Гамаш знал, что обаяние – это тоже принадлежность профессии галериста. Фортен предлагал сыр и обаяние. Когда это ему было нужно.

– Я полагаю, – продолжил Фортен, – это зависит от того, с кем их сравнивать. Если сравнивать с бешеной гиеной или, скажем, с голодной коброй, то художник покажется невинным ягненком.

– Кажется, вы не очень любите художников.

– Вообще-то, я их люблю. Я их люблю, но самое главное, я их понимаю. Их эго, их страхи, их чувство незащищенности. Очень немногие художники чувствуют себя в своей тарелке среди других людей. Большинство предпочитают тихо работать в своих мастерских. Тот, кто сказал: «Ад – это другие люди», вероятно, был художником.

– Это сказал Сартр, – уточнил Гамаш. – Писатель.

– Я подозреваю, что, если вы поговорите с издателями, они вам то же самое скажут о писателях. В моем случае мы имеем дело с художником, который умеет на небольшом плоском холсте передать не только правду жизни, но и загадки, дух, глубину и противоречивые эмоции человеческого существа. И в то же время большинство из них ненавидят и страшатся других людей. Я это понимаю.

– Понимаете? Каким образом?

Повисла напряженная тишина. Дени Фортен, при всей его общительности, не любил неудобных вопросов. Он предпочитал играть в разговоре первую скрипку. Гамаш понял, что его собеседник привык к тому, что его слушают, что с ним соглашаются, что перед ним пресмыкаются. Он привык к тому, что его решения и заявления принимаются безоговорочно. Дени Фортен был влиятельным человеком в мире уязвимых людей.

– У меня есть теория, старший инспектор, – сказал Фортен, закидывая ногу на ногу и разглаживая джинсовую ткань. – Согласно этой теории, большинство профессий само нас выбирает. Мы можем привыкнуть к той или иной профессии, но по большей части карьера находит нас сама, потому что она отвечает нашим душевным потребностям. Я люблю искусство. Художник из меня никакой. Я это знаю, потому что пробовал. Я и в самом деле думал, что хочу быть художником, но несчастная моя неудача привела меня к тому, что отвечало моему внутреннему «я». Отыскивать другие таланты. Совпадение получилось идеальным. Я зарабатываю неплохие деньги, и меня окружает прекрасное искусство. И прекрасные художники. Я стал частью культуры творчества, но при этом избавлен от всех трудностей, связанных с процессом творчества.

– Я полагаю, ваш мир не совсем свободен от этих трудностей.

– Верно. Если я решаю продвигать художника, а выставка проваливается, то это может плохо сказаться на мне. Но тогда я принимаю

меры, чтобы распространить слух, будто это означает лишь, что я человек смелый и готов рисковать. Что я в авангарде. Это приносит хорошие результаты.

– Но художник… – произнес Гамаш, намеренно не закончив фразу.

– Да, вы точно уловили суть. Художник тут страдающая сторона.

Гамаш посмотрел на Фортена, стараясь скрыть неприязнь. Как и улица, на которой располагалась его галерея, Фортен обладал привлекательной внешностью, за которой скрывалось грязное нутро. Он был беспринципным. Жил за счет талантов других людей. Разбогател за счет чужих талантов. Тогда как большинство художников перебивались с хлеба на воду и брали все риски на себя.

– Вы за них заступаетесь? – спросил Гамаш. – Пытаетесь защищать от критиков?

Фортен бросил на него удивленный и насмешливый взгляд:

– Они взрослые ребята, месье Гамаш. Они выслушивают похвалу, когда их хвалят, но должны слушать и критику, когда их критикуют. Относиться к художникам как к детям – дело неблагодарное.

– Может быть, не как к детям, – сказал Гамаш. – А как к уважаемым партнерам. Разве вы не станете защищать уважаемого партнера, если он подвергнется нападкам?

– У меня нет партнеров, – сказал Фортен. Он по-прежнему улыбался, но как-то неестественно. – Партнерство штука малоприятная. Вы, наверно, это знаете. Лучше не иметь никого нуждающегося в защите. Это лишает ваш взгляд объективности.

– Интересное суждение, – заметил Гамаш.

Он понял, что Фортен смотрел видео сражения на заброшенной фабрике. И теперь завуалированно намекнул на то, что там произошло. Фортен вместе со всем остальным миром видел поражение Гамаша – его неспособность защитить своих людей. Спасти их.

– Как вам известно, я не сумел защитить моих людей, – сказал Гамаш. – Но по крайней мере я пытался. А вы – нет?

Фортен явно не ожидал, что старший инспектор заговорит о том случае без экивоков. Это выбило его из колеи.

«А ты не так уж психологически устойчив, как прикидываешься, – подумал Гамаш. – Может быть, ты в большей степени художник, чем полагаешь».

– К счастью, люди не стреляют в моих художников, – сказал наконец Фортен.

– Ну, кроме стрельбы, есть и другие способы нападения. Способы

сделать больно. Даже убить. Можно разрушить репутацию человека. Если поднапрячься, то можно убить их упорство, их желание, даже творческий импульс.

Фортен рассмеялся:

– Если художник так беззащитен, то ему нужно найти себе другое занятие. Или вообще не выходить за дверь. Выкинуть холсты и быстро запереть замок. Но у большинства художников громадное самомнение. Они жаждут похвал, признания. Вот в чем их проблема. Вот что делает их уязвимыми. Не их талант, а их эго.

– Но в любом случае вы признаете, что они уязвимы.

– Признаю. Я это уже сказал.

– И вы согласны с тем, что такая уязвимость делает некоторых художников боязливыми?

Фортен задумался, чувствуя ловушку, но не понимая, в чем она состоит. Потом кивнул.

– И что боязливый человек способен на неожиданные поступки?

– Пожалуй. О чем мы говорим? У меня закрадывается подозрение, что это не просто светская воскресная беседа. И вы, вероятно, не собираетесь покупать мои картины.

Гамаш отметил, что картины вдруг стали «его» – Фортена – картинами.

– Non, monsieur. Я вам сейчас скажу, если позволите.

Фортен взглянул на часы. Вся его светскость и обаяние исчезли.

– Меня интересует, почему вы были вчера у Клары Морроу.

Вопрос Гамаша, хотя и не ставший последней каплей, переполнившей чашу терпения Фортена, заставил галериста удивленно рассмеяться.

– Так вы здесь из-за этого? Не понимаю. Вроде я не нарушал никаких законов. И потом, Клара сама меня пригласила.

– Vraiment?[56] Вашей фамилии не было в списке приглашенных.

– Знаю, что не было. Я, разумеется, слышал о вернисаже в музее и решил пойти посмотреть.

– Почему? Вы отвергли ее как художницу и расстались не слишком красиво. Что говорить, вы ее сильно унизили.

– Она вам об этом рассказала?

Гамаш молчал, глядя на Фортена.

– Конечно рассказала. Иначе откуда бы вам знать? Теперь я вспомнил. Вы ведь с ней друзья. Вы поэтому здесь? Чтобы угрожать мне?

– Разве я вам чем-то угрожаю? Думаю, вам никого не удастся в этом убедить. – Гамаш наклонил свой стакан с пивом в сторону все еще

удивленного галериста.

– Есть много способов угрожать и без того, чтобы совать пистолет в лицо, – отрезал Фортен.

– Несомненно. Я сам только что вам об этом говорил. Есть разные формы насилия. Разные способы убийства, при котором тело остается живым. Но я приехал не для того, чтобы вам угрожать.

Неужели от него и в самом деле исходит угроза? Или сам Фортен чувствует себя настолько уязвимым, что простой разговор с полицейским воспринимает как нападки? Возможно, Фортен и не догадывается, что на самом деле он очень похож на тех художников, которых выставляет. И возможно, он живет в большем страхе, чем хочет в этом признаться.

– Я почти закончил и скоро оставлю вас разгребать остатки воскресных забот, – сказал Гамаш приятным голосом. – И все же, если вы решили, что искусство Клары не стоит вашего времени, то почему поехали на вернисаж?

Фортен глубоко вздохнул, задержал дыхание, не сводя глаз с Гамаша, и сделал протяжный выдох, насыщенный парами пива.

– Я поехал, потому что хотел извиниться перед ней.

Настала очередь Гамаша удивляться. Фортен не был похож на человека, который легко признает свои ошибки.

Галерист еще раз набрал в грудь воздуха. С ним явно произошла какая-то трансформация.

– Когда я был в Трех Соснах летом прошлого года, мы с Кларой сидели в бистро и нас обслуживал такой толстый человек. В общем, когда он ушел, я сказал про него глупые слова. Клара позднее припомнила мне это, и боюсь, ее слова настолько вывели меня из себя, что я вспылил. Отказался выставлять ее. Это был дурацкий поступок, и я тут же пожалел о том, что сделал. Но тогда было слишком поздно. Я уже объявил об отмене и не мог отказаться от своих слов.

Арман Гамаш смотрел на Дени Фортена, пытаясь понять, стоит ли ему верить. Впрочем, существовал простой способ подтвердить его историю. Всего лишь спросить у Клары.

– Значит, вы поехали на открытие извиниться перед Кларой? Но почему вдруг?

Фортен слегка покраснел и скосил глаза направо, в окно, за которым день клонился к вечеру. Люди начинали собираться на уличных террасах на Сен-Дени, чтобы выпить пива или мартини, вина или сангрии. Насладиться первым по-настоящему теплым летним днем.

Но внутри тихой галереи атмосфера не была ни теплой, ни солнечной.

– Я знал, что она добьется успеха. Я предложил ей тогда персональную выставку, потому что она ни на кого не похожа как художник. Вы видели ее картины?

Фортен наклонился к Гамашу. Он отринул собственную тревогу, настороженность, пришел чуть ли не в восторженное состояние. Был возбужден. Напитывался энергией, говоря о замечательных произведениях искусства.

Гамаш понял, что перед ним человек, который по-настоящему любит живопись. Да, он бизнесмен, может быть, корыстолюбив. Может быть, он самодовольный эгоист.

Но он знает и любит высокое искусство. Искусство Клары.

А искусство Лилиан Дайсон?

– Да, я видел ее картины, – сказал Гамаш. – И я согласен. Она необыкновенная.

Фортен принялся со страстью расписывать достоинства портретов Клары. Все нюансы, вплоть до применения маленьких штрихов в более длинных, текучих мазках кисти. Гамаш был очарован этой речью. И несмотря на свои чувства, наслаждался обществом Фортена.

Но он пришел не для того, чтобы обсуждать искусство Клары.

– Насколько я помню, вы назвали Габри проклятым гомосеком.

Эти слова произвели желаемый эффект. Они были не просто шокирующими, но отвратительными, позорными. В особенности если учесть, о чем только что говорил Фортен. О свете, милосердии и надежде, которые создает Клара.

– Да, назвал, – признался Фортен. – Я говорю такие слова довольно часто. Вернее, говорил довольно часто. Теперь я этого не делаю.

– Но почему вы их вообще произнесли?

– Это связано с тем, что вы ранее сказали о разных способах убийства. Многие из моих художников геи. Когда я знакомлюсь с новым художником и вижу, что он гей, я часто указываю ему на кого-нибудь и произношу те слова, которые только что произнесли вы. Это выбивает их из равновесия. Позволяет держать их в страхе, на коротком поводке. Это способ затрахать мозги. И если они не пытаются возражать, я знаю, что они у меня в кармане.

– А они возражают?

– Возражают? Клара была первой. Уже по одному этому я должен был понять, что она особенная. Художник с голосом, своим видением мира и твердым характером. Но твердый характер бывает неудобен. Я предпочитаю, когда они гибкие.

– И поэтому вы отвергли ее и попытались испортить ей репутацию.

– Ничего из этого не получилось, – печально улыбнулся Фортен. – Ее нашел музей. Я поехал туда извиниться. Я понимал, что очень скоро она будет человеком влиятельным, авторитетным.

– То есть вами двигал разумный эгоизм? – спросил Гамаш.

– Лучше, чем ничего, – сказал Фортен.

– Что произошло, когда вы приехали?

– Я приехал туда рано, и первым человеком, кого я встретил, был тот самый гей, которого я оскорбил.

– Габри.

– Верно. Я понял, что должен извиниться и перед ним. И вот я сначала извинился перед ним. Настоящий праздник покаяния.

Гамаш снова улыбнулся. Фортен казался искренним. И все это можно было проверить. В самом деле, проверить это было так легко, что вряд ли было ложью. Дени Фортен действительно поехал на вернисаж без приглашения, чтобы извиниться.

– Потом вы подошли к Кларе. И что сказала она?

– Вообще-то, она первая подошла ко мне. Я думаю, она слышала, как я извинялся перед Габри. Мы разговорились, и я сказал ей, что сожалею о своем поступке. Поздравил с великолепной выставкой. Сказал, что мне хотелось бы, чтобы эта выставка состоялась в моей галерее, но для нее музей лучше. Она очень мило мне отвечала.

В голосе Фортена прозвучало облегчение, даже удивление.

– Она пригласила меня к себе домой на вечеринку. Вообще-то, у меня были планы на обед, но я не мог ответить отказом. Поэтому я улизнул, чтобы отменить встречу с друзьями, и вместо этого поехал на барбекю.

– Сколько вы там пробыли?

– Честно? Недолго. Путь туда-сюда неблизкий. Поговорил с некоторыми коллегами, отклонил предложения нескольких средненьких художников…

Интересно, подумал Гамаш, включает ли это определение Нормана и Полетт? Скорее всего – да.

– …поболтал с Кларой и Питером, чтобы они знали, что я приезжал. А потом уехал.

– А с Андре Кастонге и Франсуа Маруа вы говорили?

– Да, с обоими. Галерея Кастонге здесь неподалеку, если он вам нужен.

– Я с ним уже говорил. Он все еще в Трех Соснах. Как и месье Маруа.

– Правда? Интересно почему? – удивился Фортен.

Гамаш сунул руку в карман и вытащил жетон. Держа прозрачный пакетик перед собой, он спросил:

– Вы когда-нибудь видели такие прежде?

– Серебряный доллар?

– Посмотрите, пожалуйста, внимательнее.

– Вы позволите?

Фортен протянул руку, и Гамаш отдал ему пакетик.

– Легкий. – Фортен осмотрел жетон с одной стороны, с другой и вернул старшему инспектору. – Прошу прощения, но я понятия не имею, что это такое. – Он пристально посмотрел на Гамаша. – Мне кажется, я проявил достаточно терпения. Может быть, теперь вы объясните, к чему все эти вопросы.

– Вам знакома женщина по имени Лилиан Дайсон?

Фортен задумался, потом отрицательно покачал головой:

– А что, я должен ее знать? Она художник?

– У меня есть ее фотография. Не могли бы вы посмотреть?

– Пожалуйста.

Фортен взял фотографию, не сводя с Гамаша встревоженного взгляда, потом опустил глаза на снимок. Наморщил лоб.

– Похоже, она…

Гамаш не стал завершать начатое Фортеном предложение. Что он собирался сказать? «Похоже, она мне знакома»? Или «мертва»?

– Спит. Она спит?

– Вы ее знаете?

– Возможно, видел на каких-то вернисажах, но я вижу столько разных людей.

– А на выставке Клары вы ее видели?

Фортен медленно покачал головой:

– На вернисаже я ее не видел. Но время было раннее, и народ еще не успел собраться.

– А на барбекю?

– Когда я приехал, было уже темно, так что я мог ее и не заметить.

– Она там точно была, – сказал Гамаш, пряча жетон в карман. – Ее там убили.

У Фортена отвисла челюсть.

– Кого-то убили на той вечеринке? Где? Как?

– Вы когда-нибудь видели ее картины, месье Фортен?

– Этой женщины? – спросил Фортен, кивая на фотографию, которая теперь лежала на столе между ними. – Никогда. Ни ее, ни ее работ я

никогда не видел. Во всяком случае, мне об этом неизвестно.

И тут в голову Гамашу пришел еще один вопрос.

– Предположим, она выдающаяся художница. В каком качестве она была бы ценнее для галереи – живой или мертвой?

– Это неприятный вопрос, старший инспектор. – Но Фортен все же обдумал его. – Живой она могла бы написать новые полотна для продажи через галерею. И предположительно, они стоили бы все дороже и дороже. Но мертвая?

– Oui?

– Если бы она была действительно хороша? Тогда чем меньше картин, тем лучше. Тут бы каждый стал тянуть одеяло на себя, и цены…

Фортен устремил взгляд в потолок.

Гамаш получил ответ. Вот только правильный ли вопрос он задал?

Глава двенадцатая

– Это что?

Клара стояла рядом с телефоном в кухне. Питер занимался барбекю в саду – проверял готовность стейков с фермы Брезе.

– Ты о чем? – крикнул он через сетчатую дверь.

– Вот об этом.

Клара вышла наружу, держа в руке лист бумаги. На лице Питера появилось расстроенное выражение.

– О черт. Боже мой, Клара, я совсем забыл. Из-за этой беготни вокруг Лилиан и всех заминок… – Он взмахнул длинной вилкой, потом замер.

Лицо Клары, вместо того чтобы смягчиться, как это нередко бывало, осталось каменным. В руке она держала список звонивших и поздравлявших. Питер оставил его у телефона. Под телефоном. Чтобы не сдуло сквозняком. Собирался ей показать.

Но забыл.

Со своего места Клара видела полицейскую ленту, огораживающую неровный круг в саду. Дыру, в которую провалилась человеческая жизнь.

Но теперь открылась еще одна дыра. На том самом месте, где стоял Питер. И Клара почти что видела полицейскую ленту вокруг него. Поглощающую его, как она поглотила Лилиан.

Питер смотрел на нее, взглядом умоляя понять. Заклиная.

А потом на глазах Клары Питер словно исчез, оставив пустоту на том месте, где только что стоял ее муж.

Арман Гамаш сидел в своем домашнем кабинете, делал заметки на память и разговаривал по телефону с Изабель Лакост, остававшейся в Трех Соснах.

– Я сообщила об этом инспектору Бовуару, и он предложил позвонить вам. С большинством гостей мы поговорили, – доложила Лакост. – Мы составляем подробную картинку вечера, но вот кого на ней нет, так это Лилиан Дайсон. Мы у всех спрашивали, включая и официантов. Никто ее не видел.

Гамаш кивнул. Он весь день читал ее письменные сообщения. Как всегда, они были впечатляющими. Четкими, подробными. Полными прозрений. Агент Лакост не боялась идти на поводу у интуиции. Она не боялась ошибиться.

А старший инспектор знал, что это дает громадное преимущество.

Это означало, что она была готова заходить в такие темные закоулки, куда другие агенты не отваживались даже заглядывать. А если и заглядывали, то тут же отвергали как невероятные. Считали этот труд пустой тратой времени.

Где, спрашивал он у своих агентов, вероятнее всего скрывается убийца? В самом очевидном месте? Возможно. Но чаще всего их находили в неожиданных местах. В неожиданных личностях и телах.

В темных закоулках. Большинство из них имели приятную наружность.

– Как по-твоему, почему на вечеринке ее никто не видел? – спросил Гамаш.

Агент Лакост обдумала ответ.

– Возможно, ее убили где-то в другом месте, а тело подбросили в сад Морроу. Это объясняло бы, почему никто не видел ее на вечеринке.

– И?..

– Я говорила с криминалистами, и они считают это маловероятным. Они полагают, что она умерла на том месте, где ее нашли.

– Есть другие предположения?

– Кроме очевидных? Может, ее телепортировали туда инопланетяне.

– А кроме этого?

– Я думаю, она приехала и направилась прямо в сад Морроу.

– Зачем?

Изабель Лакост замолчала, медленно перебирая в уме возможные варианты. Она не боялась ошибиться, но и не торопилась делать ошибки.

– Зачем проводить полтора часа в дороге, спеша на вечеринку, а потом сразу идти в тихий сад, даже не показавшись людям? – спросила она, размышляя вслух.

Гамаш ждал. Он ощущал запах обеда, приготовленного Рейн-Мари. Любимое блюдо – фетучини со спаржей, кедровыми орешками и козьим сыром. Все было почти готово.

– Она пошла в сад, чтобы встретиться с кем-то, – выдала наконец Лакост.

– Возможно, – сказал Гамаш.

На носу у него сидели очки, и он делал заметки на память. Они уже рассмотрели все известные факты, все находки, сделанные криминалистами, предварительные результаты аутопсии, допросы свидетелей. Теперь перешли к истолкованию.

Входили в темный закоулок.

Именно там и обнаруживался убийца. Или терялся.

В дверях появилась его дочь Анни с тарелкой в руках.

– Здесь? – спросила она одними губами.

Он отрицательно покачал головой и улыбнулся, жестом показывая, что через минуту-другую присоединится к Анни и ее матери. Она ушла, и он вернулся к разговору с агентом Лакост.

– А что говорит инспектор Бовуар? – спросил Гамаш.

– Он задавал те же вопросы, что и вы. Хотел знать, с кем, по моему мнению, могла встречаться Лилиан Дайсон.

– Хороший вопрос. Что ты ему ответила?

– Что она встретилась со своим убийцей, – сказала Изабель Лакост.

– Да, но с этим ли человеком она собиралась встретиться? – спросил Гамаш. – Или же она думала, что увидит одного, а встретил ее другой?

– Вы предполагаете, что ее туда заманили?

– Я этого не исключаю, – сказал Гамаш.

– Инспектор Бовуар считает так же. Лилиан Дайсон была женщиной честолюбивой. Она недавно вернулась в Монреаль, и ей требовалась помощь в продвижении карьеры. Она знала, что на вечеринке у Клары будут галеристы и дилеры. Самое подходящее место, чтобы завязать знакомство. Инспектор Бовуар считает, что ее обманом завлек в сад кто-то выдавший себя за влиятельного галериста. Там ее и убили.

Гамаш улыбнулся. Жан Ги начал выполнять свою роль наставника. И делал это неплохо.

– А ты что думаешь?

– Я думаю, что у нее должны были возникнуть очень веские основания, чтобы приехать на вечеринку к Кларе Морроу. Они, как все говорят, не любили друг друга. Что же привело туда Лилиан Дайсон? Что могло пересилить такую ненависть?

– Вероятно, ей что-то было очень нужно, – сказал Гамаш. – Что бы это могло быть?

– Встретиться с влиятельным галеристом. Произвести на него впечатление своими работами, – без колебаний ответила Лакост.

– Может быть, – сказал старший инспектор, наклоняясь над столом и просматривая отчеты. – Но вот как она нашла дорогу в Три Сосны?

– Кто-то пригласил ее на вечеринку, возможно, заманил обещанием познакомить с кем-нибудь из крупных дилеров, – сказала Лакост, следуя за направлением мысли шефа.

– Он должен был показать ей дорогу туда, – заметил Гамаш, вспомнив бесполезные карты на пассажирском сиденье Лилиан, – а потом убил ее в

саду Клары.

– Но почему? – Теперь настала очередь агента Лакост задавать вопросы. – Убийца знал, что это сад Клары? Или его устроило бы любое место? Скажем, сад Рут или книжный магазин Мирны?

Гамаш глубоко вздохнул:

– Не знаю. И вообще, зачем назначать встречу на вечеринке? Если он планировал убийство, то почему не выбрал более уединенное место? И более удобное? Почему в Трех Соснах, а не в Монреале?

– Может быть, Три Сосны как раз были для него удобным местом?

– Может быть, – согласился Гамаш.

Он и сам думал об этом. Убийца оказался там, потому что там и находился. Жил в Трех Соснах.

– И потом, – продолжала Лакост, – убийца, вероятно, знал, что подозреваемых будет много. На вечеринке собралось полно людей, которые давно знали Лилиан Дайсон и ненавидели ее. Убийце было легко раствориться в этой толпе.

– Но почему сад Морроу? – не отступал старший инспектор. – Почему не в лесу или где-нибудь еще? Что, если сад Клары выбран специально?

Нет, подумал Гамаш, вставая, слишком многое им еще неизвестно. В проулке все еще очень темно. Он любил взвешивать разные идеи, теории, предположения. Но никогда не забегал слишком далеко вперед фактов. Пока что они блуждали в потемках, и им грозила опасность заблудиться.

– А с мотивом есть какие-нибудь предположения?

– Я здесь, а инспектор Бовуар в Монреале поговорили почти со всеми, кто был на вечеринке, и все сходятся в одном: с Лилиан почти никто не контактировал после ее возвращения, но все, кто знал ее много лет назад, когда она была критиком, ненавидели и боялись ее.

– Значит, мотив – месть? – спросил Гамаш.

– Либо месть, либо стремление не допустить, чтобы она принесла еще больше вреда теперь, когда вернулась.

– Хорошо. – Он задумался на секунду. – Но есть и еще одна возможность.

Он рассказал агенту Лакост о своем разговоре с Дени Фортеном и об уверенности галериста в том, что талантливый мертвый художник стоит гораздо больше талантливого живого.

Старший инспектор не сомневался, что Лилиан Дайсон сочетала в себе качества талантливого художника и отвратительного человека.

Талантливый мертвый художник. Спрос на него на рынке гораздо выше. И договориться с ним гораздо проще. Картины Лилиан вполне могут

обогатить кого-нибудь.

Он попрощался с агентом Лакост, сделал еще несколько заметок, а потом отправился в столовую к Рейн-Мари и Анни. Они неторопливо ели итальянские макароны с французской булкой. Он предложил им вино, но сам решил не пить.

– Чтобы голова была ясной? – спросила Рейн-Мари.

– Собираюсь сегодня на собрание к Анонимным алкоголикам. Думаю, там винный выхлоп не очень приветствуется.

Рейн-Мари рассмеялась:

– Хотя ты, вероятно, не был бы там одинок в этом смысле. Значит, наконец-то признаешь, что у тебя с этим проблема?

– Да, проблема у меня есть, но только не с алкоголем. – Он улыбнулся жене. Потом внимательнее посмотрел на дочь. – Ты сегодня подозрительно тихая. Что-то случилось?

– Мне нужно поговорить с вами обоими.

Глава тринадцатая

Старший инспектор Гамаш стоял на рю Шербрук в центральном районе Монреаля и разглядывал тяжелую церковь красного кирпича на другой стороне улицы. В большей степени она была построена не из кирпича, а из громадных кубов камня цвета бычьей крови. Он сто раз проезжал мимо этой церкви на машине, но так толком ее никогда и не видел.

А вот теперь рассмотрел.

Она была темной, уродливой, отталкивающей. Она не говорила о спасении. Даже не шептала о нем. Она кричала о каре и покаянии. О преступлении и наказании.

Она была похожа на тюрьму для грешников. Немногие входили туда легким шагом и с беззаботным сердцем.

Но теперь в нем шевельнулось еще одно воспоминание. О яркой церкви, сверкающей, хотя и не пламенем. И об улице-реке, и о людях-камышах.

Эту церковь он видел на мольберте в комнате Лилиан Дайсон. Незаконченную работу, в которой уже угадывалась рука гения. Если до этого у него и оставались какие-то сомнения, то они исчезли, когда он увидел натуру. Лилиан взяла здание, городской вид, который большинству людей навевал дурные предчувствия, и преобразовала его в нечто живое и динамичное. И очень привлекательное.

На глазах Гамаша машины превратились в непрерывный поток. А люди, входящие в церковь, – в камыши. Они вплывали внутрь, их влекло туда.

Как и его.

– Привет, добро пожаловать на собрание.

Не успел старший инспектор Гамаш войти в церковь, как его уже встретили приветствия. Люди по обе стороны от него протягивали руки, улыбались. Он старался гнать от себя мысль о том, что в их улыбках есть какая-то сумасшедшинка, но двое-трое из них явно были не в своем уме.

– Привет, добро пожаловать на собрание, – сказала молодая женщина и повела его через дверь вниз по лестнице, в грязноватый, плохо освещенный подвал.

Здесь был застоялый воздух, пахло долгими годами курения и плохим

кофе, кислым молоком и потом. Потолок был низкий, и все имело такой вид, словно на нем осел слой грязи. Включая и большинство людей.

– Спасибо, – сказал Гамаш, пожимая руку своей сопровождающей.

– Вы здесь в первый раз? – спросила она, внимательно вглядываясь в Гамаша.

– Да. Не уверен, что оказался там, где мне надо.

– У меня тоже сложилось такое впечатление. Но попробуйте. Давайте я вас познакомлю кое с кем. Боб! – прокричала она.

Появился пожилой человек с неровной бородкой и в разномастной одежде. Он помешивал кофе пальцем.

– Я оставлю вас с ним, – сказала молодая сопровождающая. – Мужчины должны держаться мужчин.

Старшему инспектору оставалось только догадываться, в какую историю он вляпался.

– Привет, меня зовут Боб.

– Арман.

Они обменялись рукопожатием. Рука Боба казалась липкой. И сам Боб казался липким.

– Вы новенький? – спросил Боб.

Гамаш наклонился к нему и прошептал:

– Это Общество анонимных алкоголиков?

Боб рассмеялся. Его дыхание пахло кофе и табаком. Гамаш выпрямился.

– Можете не сомневаться. Вы попали куда надо.

– Вообще-то, я не алкоголик.

Боб посмотрел на него с лукавством:

– Конечно, вы не алкоголик. Может, выпьете кофе и поговорим? Собрание начнется через несколько минут.

Он принес Гамашу кружку кофе. Вернее, полкружки.

– На всякий случай, – объяснил он.

– На какой случай?

– Белой горячки. – Боб обвел Гамаша критическим взглядом, отметил слабый тремор руки с кружкой. – У меня была. Приятного мало. Когда вы пили в последний раз?

– Сегодня днем. Пиво.

– Всего одно?

– Я не алкоголик.

Боб снова улыбнулся, обнажив желтые зубы – те немногие, что остались.

– Это означает, что вы уже несколько часов трезвенник. Молодец!

Гамаш почувствовал, что доволен собой, и порадовался, что не выпил тот стакан вина за обедом.

– Эй, Джим! – окликнул Боб седоволосого голубоглазого человека в другом конце комнаты. – У нас новенький.

Гамаш повернулся и увидел, что Джим пытается в чем-то убедить молодого человека, который никак не хочет убеждаться.

Молодым человеком был Бовуар.

Старший инспектор улыбнулся и перехватил взгляд Бовуара. Жан Ги встал, но Джим снова усадил его.

– Идите сюда, – сказал Боб и повел Гамаша к длинному столу, заваленному книгами, брошюрками и жетонами.

Гамаш взял один.

– Это жетон для новичков, – заметил он, разглядывая точно такой же жетон, какой был найден в саду Клары.

– Вы вроде бы сказали, что не алкоголик.

– Я действительно не алкоголик, – подтвердил Гамаш.

– Значит, вы очень догадливы, – сказал Боб, хохотнув.

– И у многих есть такие штуки? – спросил Гамаш.

– Конечно. – Боб вытащил из кармана сверкающую монетку, посмотрел на нее, и его лицо смягчилось. – Взял его, когда пришел на мое первое собрание. С тех пор он всегда со мной. Это что-то типа медали, Арман.

Он вложил свой жетон в руку Гамаша.

– Нет-нет, сэр, – возразил Гамаш. – Я не могу принять такой подарок.

– Вы должны это сделать, Арман. Я даю его вам, а вы когда-нибудь сможете отдать его кому-нибудь другому. Прошу вас.

Боб сомкнул пальцы Гамаша на жетоне и тут же отвернулся от него к длинному столу.

– И еще вам понадобится вот это. – Он протянул ему толстую синюю книгу.

– У меня уже есть. – Старший инспектор раскрыл сумку и показал Бобу лежащую в ней книгу.

Брови Боба взметнулись.

– Тогда вы могли бы взять это. – Он дал Гамашу брошюрку под названием «Живи без алкоголя».

Гамаш достал расписание собраний, найденное им в доме Лилиан, и новый знакомый посмотрел на него именно таким взглядом, какой и предполагал увидеть Гамаш, – недоуменным.

– И вы по-прежнему утверждаете, что вы не алкоголик? Я не знаю трезвенников, которые носят с собой книги АА, жетон новичка и расписание собраний. – Боб просмотрел расписание. – Я вижу, вы отметили целую кучу собраний. Включая и женские. Нет, честно, Арман.

– Это не мое.

– Понятно. Вашего друга? – с бесконечным терпением спросил Боб.

Гамаш сдержал улыбку:

– Не совсем так. Молодая женщина, которая нас познакомила, сказала, что мужчины должны держаться мужчин. Что она имела в виду?

– Вам явно нужно об этом знать. – Боб помахал расписанием перед носом Гамаша. – Здесь не место для знакомств. Некоторые мужчины приударяют за женщинами. Некоторые женщины хотят найти бойфренда. Думают, это их спасет. Не спасет. Все наоборот. Избавиться от алкоголизма нелегко и без амурных дел. Поэтому мужчины в основном общаются с мужчинами. А женщины – с женщинами. Так легче сосредоточиться на самом важном.

Боб уставился на Гамаша жестким взглядом. Пронзительным взглядом.

– Мы относимся друг к другу по-дружески, но настроены серьезно. Цена вопроса – наша жизнь. Ваша жизнь поставлена на карту. Алкоголь убивает нас, если мы ему позволяем. Но поверьте, если даже такой старый алкаш, как я, может избавиться от этого, то вы точно можете. Если вам нужна помощь, то я к вашим услугам.

И Арман Гамаш поверил ему. Этот липкий, растрепанный коротышка спас бы ему жизнь, если бы смог.

– Merci, – искренне сказал Гамаш.

У него за спиной раздался стук молотка по дереву – несколько резких ударов. Гамаш повернулся и увидел почтенного пожилого человека, который сидел в передней части комнаты за длинным столом. Рядом с ним уселась пожилая женщина.

– Собрание начинается, – прошептал Боб.

Гамаш повернулся в другую сторону и увидел, что Бовуар пытается перехватить его взгляд и машет, показывая на место рядом с собой. Предположительно освобожденное Джимом, который сидел с кем-то еще в другой части комнаты. «Видимо, он отступился от Бовуара, сочтя этот случай безнадежным», – подумал Гамаш, направляясь на свободное место.

Боб не оставил Гамаша и уселся по другую сторону от него.

– Так проходит земная слава, – прошептал Гамаш, наклоняясь к Бовуару. – Вчера ты был художественным критиком из «Монд», а сегодня – алкаш.

– Я в хорошей компании, – заметил Бовуар. – Вижу, вы обзавелись приятелем.

Бовуар и Боб улыбнулись и кивнули друг другу.

– Мне нужно поговорить с вами, шеф, – прошептал Бовуар.

– После собрания, – сказал Гамаш.

– Мы должны остаться? – с обреченным лицом спросил Бовуар.

– Тебе не обязательно, – сказал Гамаш. – Но я останусь.

– Я тоже, – вздохнул Бовуар.

Старший инспектор Гамаш кивнул и протянул Бовуару жетон новичка. Тот осмотрел кругляшку и удивленно поднял брови.

Гамаш почувствовал прикосновение к своей правой руке, повернулся и увидел улыбающегося Боба.

– Я рад, что вы остаетесь, – прошептал он. – И даже убедили остаться этого молодого человека. И отдали ему ваш жетон. У вас твердый характер. Мы вас вылечим.

– Как это мило, – сказал Гамаш.

Председательствующий на собрании Анонимных алкоголиков поприветствовал всех и попросил минуту тишины, за которой должна последовать молитва о душевном покое.

– Господи, дай мне душевный покой… – начали они хором.

– Та самая молитва, что на жетоне, – тихо сказал Бовуар.

– Да, – подтвердил Гамаш.

– Это что? Какой-то культ?

– Молитва еще не создает культа, – прошептал в ответ Гамаш.

– Вы получили свою долю улыбок и рукопожатий? Это что такое было? Только не говорите, что эти люди не занимаются контролем сознания.

– Счастье – это тоже не культ, – прошептал Гамаш.

Но, судя по виду Бовуара, он не поверил боссу. Он подозрительно огляделся.

В комнате было полно народа. Мужчин и женщин разных возрастов. Некоторые из сидевших сзади время от времени выкрикивали что-то. Возникали споры, но их быстро улаживали. Остальные улыбались, слушая председателя.

Бовуару все они казались слабоумными.

Какой человек будет счастлив, сидя в отвратительном церковном подвале в воскресный вечер? Только алкаши, наркоманы и слабоумные.

– Он не кажется вам знакомым? – показал Бовуар на председателя собрания, одного из немногих, кто казался разумным.

Гамашу тоже так подумалось. Этот человек лет шестидесяти с небольшим был чисто выбрит, красив. Седые волосы аккуратно подстрижены, очки одновременно классические и модные, легкий свитер, кажется кашемировый.

Одежда небрежная, но дорогая.

– Может, это какой-то доктор? – спросил Бовуар.

Гамаш обдумал эту идею. Может, и доктор. Скорее психотерапевт. Специалист по пагубным привычкам, ответственный за эту группу алкоголиков. Гамаш собирался поговорить с ним после собрания.

Председатель представил свою секретаршу, которая, пытаясь найти нужную ей потерянную бумагу, зачитывала вслух бесчисленные объявления, большинство из которых устарело.

– Боже мой, – прошептал Бовуар. – Неудивительно, что люди пьют. Тут посидишь немного, так еще и утопишься.

– Ш-ш-ш, – прошипел Боб, смерив Гамаша строгим взглядом.

Председатель назвал сегодняшнего выступающего, сказав что-то про «опекуна». Бовуар застонал и посмотрел на часы. Он был какой-то нервный.

Некий сутулый молодой человек пробрался в переднюю часть комнаты. Голова у него была обрита наголо, на черепе татуировки. Одна из них – рука с выставленным средним пальцем. На лбу было вытатуировано «Fuck you».

Все лицо в пирсинге – нос, брови, губы, язык, уши. Гамаш не знал, что это – мода или самокалечение.

Он посмотрел на Боба, но тот спокойно сидел рядом, словно перед ним только что прошел не татуированный клоун, а его собственный дедушка.

Ни малейшей тревоги на лице.

Может, у него опухоль мозга? Мозги размягчились от алкоголя, и человек потерял связь с реальностью. Всякую способность чувствовать опасность. Потому что если от кого и исходила угроза, то в первую очередь от этого парня, собиравшегося выступать.

Гамаш посмотрел на председателя, который сидел во главе стола и пристально вглядывался в молодого человека. У председателя, по крайней мере, вид был настороженный. Он все фиксировал.

«А как иначе, – думал Гамаш, – если ты опекаешь молодого человека, который, судя по его виду, способен на все».

– Меня зовут Брайан, и я алкоголик и наркоман.

– Привет, Брайан, – сказали все, кроме Гамаша и Бовуара.

Брайан говорил полчаса. Рассказал о том, как рос в Гриффинтауне[57].

Его родила мать-наркоманка, воспитывала алкоголичка-бабушка. Отца не было. Его отцом, его братьями, его учителями стала банда.

Его рассказ был усыпан бранными словами.

Он рассказывал о том, как грабил аптеки, дома, о том, как проник как-то ночью в собственный дом и ограбил его.

В комнате раздался смех. Вообще-то, люди смеялись на протяжении всего рассказа. Когда Брайан сказал им, что оказался в психиатрическом отделении и доктор спросил, сколько он выпивает, а Брайан ответил, что по стакану пива в день, со слушателями случилась истерика.

Гамаш и Бовуар переглянулись. Даже председателя это развеселило.

Брайана лечили шоковой терапией, он ночевал в парках на скамейках, а в один прекрасный день оказался в Денвере. Этого он до сих пор не мог объяснить.

Опять веселье слушателей.

Брайан угнал машину и сбил ребенка.

Бежал с места преступления.

Ему тогда было четырнадцать. Ребенок умер. Как и смех в комнате.

– И даже тогда я не перестал пить и колоться, – признался Брайан. – Это ребенок был виноват. Его мать была виновата. Моей вины в том не было.

В комнате воцарилось молчание.

– Но потом я понял, что в мире не хватит никаких долбаных наркотиков, чтобы я забыл о том, что сделал, – сказал он.

Теперь тишина была полная.

Брайан посмотрел на председателя, который выдержал его взгляд и еле заметно кивнул.

– Знаете, что в конечном счете поставило меня на колени? – спросил Брайан у собравшихся.

Никто не ответил.

– Мне бы хотелось сказать, что чувство вины или совесть. Но нет. Меня подкосило одиночество.

Боб, сидевший рядом с Гамашем, кивнул. Задумчиво закивали люди, сидевшие впереди. Они склоняли голову, словно под тяжким грузом. А потом с трудом поднимали ее.

– Я был так одинок. Всю жизнь.

Он опустил голову, демонстрируя громадную черную свастику, вытатуированную на макушке.

Потом он снова посмотрел на собравшихся. Посмотрел в упор на Гамаша, затем отвел глаза.

Они были печальны. Но в них было что-то еще. Блеск. Уж не безумия ли?

– Но теперь мое одиночество кончилось, – сказал Брайан. – Всю жизнь я искал семью. Кто бы мог подумать, что ею станете вы, алкаши долбаные?

Публика разразилась громогласным смехом. Молчали только Гамаш и Бовуар. Брайан перестал смеяться, оглядел присутствующих.

– Я чувствую себя здесь как дома, – тихо произнес он. – В этой говенной дыре, в церковном подвале. С вами.

Он неловко поклонился и на мгновение обрел вид мальчишки, каким был или мог бы стать. Юным, двадцатилетним. Застенчивым. Красивым. При всех своих пугающих татуировках, пирсинге и одиночестве.

Раздались аплодисменты. Наконец председатель встал, взял со стола жетон и заговорил, держа его в руке:

– Это жетон новичка. С одной стороны на нем верблюд, потому что верблюд может идти двадцать четыре часа без единого глотка. Как и вы. Мы можем научить вас не пить, сначала хотя бы один день. Здесь есть новички, которые тоже хотят получить жетон?

Он поднял жетон, словно это была церковная облатка.

И посмотрел прямо в глаза Арману Гамашу.

В этот момент Гамаш понял, что за человек председательствует на собрании и почему он показался ему таким знакомым. Это был не психотерапевт и не доктор. Это был главный судья Квебекского верховного суда Тьерри Пино.

И судья Пино явно узнал его.

Наконец судья Пино положил жетон, и собрание завершилось.

– Не хотите кофе? – спросил Боб. – Мы тут небольшой компанией собираемся в «Тим Хортонс»[58]. Будем рады.

– Возможно, я увижу вас там, – сказал Гамаш. – Спасибо. Мне пока нужно поговорить с ним. – Гамаш показал на председателя, и они обменялись прощальным рукопожатием.

Когда Гамаш с Бовуаром подошли к длинному столу, председатель оторвал взгляд от бумаг.

– Арман. – Он встал и посмотрел в глаза Гамашу. – Добро пожаловать.

– Merci, Monsieur le Justice[59].

Главный судья улыбнулся и подался вперед:

– Это анонимное общество, Арман. Вы, наверное, слышали.

– Включая и вас? Но вы председательствуете на собрании

алкоголиков. Они наверняка знают, кто вы такой.

Судья Пино рассмеялся и вышел из-за стола:

– Меня зовут Тьерри, и я алкоголик.

Гамаш вскинул брови:

– Я думал…

– Что я тут председательствую? Трезвенник во главе алкоголиков?

– Человек, ответственный за собрание, – сказал Гамаш.

– Мы тут все ответственны, – сказал Тьерри.

Старший инспектор выразительно посмотрел на какого-то мужчину, вступившего в спор со стулом, на котором сидел.

– В разной степени, – признал Тьерри. – Мы по очереди председательствуем на собраниях. Очень немногие здесь знают, чем я зарабатываю на жизнь. Большинство знает меня как старого простака Тьерри П.

Но Гамаш знал этого юриста, знал, что никакого «старого простака» здесь нет.

Тьерри перевел взгляд на Бовуара:

– Вас я тоже видел в суде.

– Жан Ги Бовуар, – представился Бовуар. – Инспектор отдела по расследованию убийств.

– Конечно. Как же я сразу вас не узнал! Никак не ждал увидеть вас здесь. Правда, и вы тоже не предполагали увидеть здесь меня. Так что вас сюда привело?

– Одно дело, – сказал Гамаш. – Мы можем поговорить приватно?

– Безусловно. Идемте со мной.

Тьерри провел их через заднюю дверь, потом по ряду коридоров, каждый последующий грязнее предыдущего. Наконец они оказались на запасной лестнице. Судья Пино показал на ступени, словно приглашая их в ложу оперы, и сел на одну.

– Здесь? – спросил Бовуар.

– Боюсь, ничего приватнее не найдется. Так о чем вы хотели поговорить?

– Мы расследуем убийство женщины. Это случилось в одной из деревень в Восточных кантонах, – сказал Гамаш, садясь на грязную ступеньку рядом с главным судьей. – Она называется Три Сосны.

– Я ее знаю, – сообщил Тьерри. – Там есть замечательное бистро и книжный магазин.

– Верно, – сказал слегка удивленный Гамаш. – Откуда вы знаете Три Сосны?

– У нас домик неподалеку. В Ноултоне.

– Так вот, убитая женщина жила в Монреале, но оказалась в этой деревне. Рядом с ее телом мы нашли вот это. – Гамаш протянул судье жетон новичка. – А это мы обнаружили в ее квартире вместе с несколькими брошюрами. – Он дал Тьерри расписание собраний. – Сегодняшнее собрание было обведено кружком.

– И кто она такая? – спросил Тьерри, разглядывая расписание и жетон.

– Лилиан Дайсон.

Тьерри взглянул в умные карие глаза Гамаша:

– Вы это серьезно?

– Вы ее знали.

Тьерри П. кивнул:

– А я еще удивился, почему ее сегодня нет. Обычно она присутствует.

– Давно вы ее знаете?

– Дайте-ка сообразить. Несколько месяцев. Не больше года. – Тьерри вперился в Гамаша. – Насколько я понимаю, ее убили.

Гамаш кивнул:

– Ей сломали шею.

– Это не падение? Не несчастный случай?

– Определенно нет, – сказал Гамаш.

На его глазах «старый простак» Тьерри исчез, вместо него появился главный судья Квебека.

– Есть подозреваемые?

– Сотни две. Там собрались люди отпраздновать успешную персональную выставку.

Тьерри кивнул:

– Вы, конечно, знаете, что Лилиан была художницей.

– Знаю. Но откуда это знаете вы?

Гамаш вдруг инстинктивно насторожился. Этот человек, хотя и был главным судьей, знал убитую и деревню, где случилось убийство.

– Она сама сказала.

– Но я думал, у вас тут все анонимно, – заметил Бовуар.

Тьерри улыбнулся:

– У одних людей языки длиннее, чем у других. Лилиан и ее опекун оба художники. Я слышал их разговор за кофе. Со временем люди здесь узнают друг друга лично. А не по откровениям.

– По откровениям? – переспросил Бовуар. – Это что?

– Простите. Это выражение, которое используется в АА. Откровение – это то, что вы слышали сегодня от Брайана. Вообще-то, это выступление,

но нам не нравится такое название. Напоминает театральное представление. Поэтому мы называем это откровением.

Мимо проницательных глаз главного судьи Пино не прошло выражение лица Бовуара.

– Вы находите это забавным?

– Нет, сэр, – тут же сказал Бовуар.

Но они все знали, что он солгал. Ему это казалось забавным и нелепым.

– Мне тоже так казалось, – признал Тьерри. – До того, как я вступил в АА. Мне представлялось, что слово «откровение» забавно. Отговорка для глупцов. Но я ошибался. Ничего труднее мне в жизни не доводилось делать. В наших откровениях мы должны быть совершенно и жестоко честными. Это очень мучительно. Как это было мучительно для Брайана сегодня.

– Зачем это делать, если оно так мучительно? – спросил Бовуар.

– Потому что это приносит освобождение. Никто не может причинить нам боль, если мы сами готовы признаться в своих ошибках, раскрыть свои тайны. Это очень действенно.

– Вы открываете людям свои тайны? – спросил Гамаш.

Тьерри кивнул:

– Не все. Мы не печатаем объявление в «Газетт». Мы делимся с людьми в АА.

– И это помогает вам излечиться от алкоголизма? – спросил Бовуар.

– Помогает.

– Но некоторые признания просто ужасны, – сказал Бовуар. – Взять того же Брайана, который сбил ребенка. Мы можем его арестовать.

– Можете. Но его уже арестовывали. Он даже сам сдался. Отсидел пять лет. Вышел года три назад. Он прогнал своих демонов. Это не значит, что они не могут вернуться. – Тьерри Пино посмотрел на старшего инспектора. – Вам это хорошо известно. – Гамаш выдержал его взгляд, но ничего не сказал. – Но эти демоны на свету ослабевают. Вот о чем идет речь, инспектор. Выгнать все ужасы из тайников, где они прячутся.

– Если вы их не видите, это еще не значит, что вы от них избавились, – возразил Бовуар.

– Верно, но пока вы этого не сделаете, у вас вообще нет никакой надежды.

– Лилиан выступала недавно с откровениями? – спросил Гамаш.

– Нет, насколько мне известно.

– Так что о ее тайнах никому не известно?

– Только ее опекуну.

– Это вроде как вы с Брайаном? – спросил старший инспектор, и Тьерри кивнул в ответ:

– Мы в АА выбираем одного человека, и он становится для нас кем-то вроде наставника, проводника. Мы называем его опекуном. Такой опекун есть у меня. И у Лилиан. У нас у всех есть.

– И вы все рассказываете этому опекуну? – спросил Гамаш.

– Все.

– А кто был опекуном Лилиан?

– Женщина по имени Сюзанна.

Двое полицейских ждали. Ждали фамилии. Но Тьерри просто посмотрел на них в ожидании следующего вопроса.

– Не могли бы вы уточнить? – спросил Гамаш. – Сюзанн в Монреале пруд пруди.

Тьерри улыбнулся:

– К сожалению, не могу. Я не могу назвать вам ее фамилию, но я могу сделать кое-что получше. Я вас с ней познакомлю.

– Parfait[60], – сказал Гамаш, вставая.

Он постарался сделать вид, будто не заметил, что его брюки слегка прилипли к ступеньке и пришлось их отдирать.

– Только нам нужно поторопиться, – сказал Тьерри и пошел вперед широкими быстрыми шагами, чуть ли не переходя на бег трусцой. – Как бы она не ушла.

Они быстро прошли обратным путем по коридорам и вскоре вернулись в большую комнату, где недавно проходило собрание. Она была пуста. Исчезли не только люди, но и стулья, столы, книги, кофе – всё.

– Черт, – сказал Тьерри. – Мы опоздали.

Какой-то человек убирал кружки в шкаф. Тьерри подошел к нему, потом вернулся:

– Он говорит, что Сюзанна в «Тиме Хортонсе».

– Если вы не возражаете… – Гамаш показал на дверь, и Тьерри опять возглавил шествие – теперь они направлялись в кофейню.

Они ждали на тротуаре разрыва в потоке машин, чтобы пересечь Шербрук, когда Гамаш спросил:

– Какого вы были мнения о Лилиан?

Тьерри посмотрел на Гамаша – старший инспектор видел у него такой взгляд, когда он сидел в своем судейском кресле и судил других. Он был хорошим судьей.

Потом Тьерри вернулся к наблюдению за дорогой, но при этом

заговорил:

– Она была очень энергичная, всегда рада помочь. Часто по собственному почину бралась готовить кофе, расставлять стулья, столы. Подготовка собрания требует немалых сил. А потом все нужно привести в порядок. Не все хотят помогать, но Лилиан никогда не отказывалась.

Трое мужчин, увидев просвет между машинами, устремились через четыре полосы проезжей части и благополучно перебрались на другую сторону улицы.

Тьерри помедлил, повернулся к Гамашу:

– Это очень грустно. Она понемногу возвращалась к жизни. Она всем нравилась. Мне нравилась.

– Вы говорите об этой женщине? – спросил Бовуар, вытаскивая фотографию из кармана. Он не мог скрыть удивления. – О Лилиан Дайсон?

Тьерри посмотрел на фото, кивнул:

– Да, это Лилиан Дайсон. Трагическая история.

– И вы говорите, что она всем нравилась? – гнул свою линию Бовуар.

– Да, – ответил Тьерри. – А что?

– Понимаете, – сказал Гамаш, – ваше описание не совпадает с тем, что говорят другие.

– Вот как? А что говорят другие?

– Что она была жестокой, склонной к интриганству, даже наглой.

Тьерри ничего не ответил, он просто повернулся и пошел по тротуару. Пройдя еще квартал, они увидели вывеску «Тим Хортонс».

– Вот она, – сказал Тьерри, когда они вошли в кофейню. – Сюзанна, – позвал он и помахал.

К ним повернулась плотная женщина с коротко подстриженными черными волосами. Лет шестидесяти с небольшим, по прикидке Гамаша. Много безвкусных побрякушек, блузка в обтяжку и легкая шаль, юбка, которая могла бы быть дюйма на три длиннее. За этим же столиком сидели шесть других женщин разного возраста.

– Тьерри. – Сюзанна вскочила со стула, обняла Тьерри, словно и не видела его только что. Потом обратила умный вопрошающий взгляд на Гамаша и Бовуара. – Новая кровь?

Бовуар ощетинился. Ему не понравилась эта вульгарная, дерзкая женщина. Громкоголосая. И к тому же она решила, что он – один из них.

– Я видела вас сегодня на собрании. Все в порядке, милок, – рассмеялась она, увидев реакцию Бовуара. – Любить нас нет нужды. Нужда в том, чтобы излечиться от алкоголизма.

– Я не алкоголик.

Даже для его собственных ушей это прозвучало так, словно у него во рту был дохлый жук или комок грязи и он наконец дождался удобного момента, чтобы сплюнуть. Но она не обиделась.

Гамаш сурово посмотрел на Бовуара и протянул руку Сюзанне:

– Меня зовут Арман Гамаш.

– Вы его отец? – Сюзанна кивнула на Бовуара.

Гамаш улыбнулся:

– К счастью, нет. Мы пришли сюда не как анонимные алкоголики.

Его строгие манеры, казалось, возымели эффект, и улыбка сошла с ее лица. Глаза смотрели внимательно.

Настороженно, понял Бовуар. То, что ему поначалу показалось признаком идиотизма, на самом деле было чем-то другим. Эта женщина умела слушать. За смехом и внешней бравадой крылась напряженная работа мозга. Яростная.

– Так что же вы хотели? – спросила она.

– Не могли бы мы поговорить приватно?

Тьерри оставил их и присоединился к Бобу, Джиму и еще четверым мужчинам, сидевшим за столиком в другом углу кофейни.

– Хотите кофе? – спросила Сюзанна, когда они уселись за уединенный столик неподалеку от туалетов.

– Non, merci, – отказался Гамаш. – Боб был так мил – уже успел меня напоить, хотя кружка и была полна лишь наполовину.

Сюзанна рассмеялась. Бовуару показалось, что она слишком много смеется. Любопытно, что прячется за этим смехом? Он в жизни не видел такого смешливого человека.

– Говорил про белую горячку? – спросила Сюзанна и, когда Гамаш кивнул, с симпатией посмотрела на Боба. – Он ведь живет в Армии спасения. Посещает семь собраний в неделю. Предполагает, что каждый, кого он встречает, – алкоголик.

– Ну, бывают предположения и похуже, – заметил Гамаш.

– Так чем я могу быть вам полезна?

– Я служу в отделе по расследованию убийств Квебекской полиции, – сказал Гамаш.

– Вы старший инспектор Гамаш? – спросила она.

– Да.

– Что я могу для вас сделать?

Бовуар с радостью отметил, что она стала менее веселой и более настороженной.

– Я хотел поговорить с вами о Лилиан Дайсон.

Глаза Сюзанны широко раскрылись.

– Лилиан? – прошептала она.

Гамаш кивнул:

– К несчастью, ее убили вчера вечером.

– Боже мой! – Сюзанна прикрыла рукой рот. – Ограбление? Кто-то проник в ее квартиру?

– Нет. Похоже, это не было простой случайностью. Это произошло на вечеринке. Ее нашли мертвой в саду. Со сломанной шеей.

Сюзанна выдохнула. И закрыла глаза.

– Простите. Я потрясена. Мы только вчера разговаривали с ней по телефону.

– О чем?

– Да просто так – как дела и все такое. Она мне звонит несколько раз в неделю. Ничего важного.

– Она не говорила про вечеринку?

– Нет, ничего такого она не говорила.

– Но вы, вероятно, хорошо ее знаете, – сказал Гамаш.

– Да.

Сюзанна посмотрела в окно, на проходящих мимо мужчин и женщин, погруженных в свои мысли, в свой мир. А мир Сюзанны изменился. Теперь это был мир, в котором существовало убийство. И не существовало Лилиан Дайсон.

– У вас был когда-нибудь наставник, старший инспектор?

– Да. И до сих пор есть.

– Тогда вы знаете, насколько тесными бывают такие отношения. – Она посмотрела на Бовуара, и взгляд ее смягчился.

– Знаю, – ответил Гамаш.

– И я вижу, что вы женаты. – Сюзанна показала собственный безымянный палец без кольца.

– Верно, – сказал Гамаш, задумчиво глядя на нее.

– Теперь представьте сочетание этих отношений, углубленное. То, что происходит между опекуном и подопечным, не похоже ни на что в мире.

Бовуар и Гамаш уставились на нее.

– Что вы имеете в виду? – спросил Гамаш.

– Это близость без сексуальности, доверие без дружбы. Мне ничего не нужно от того, кого я опекаю. Ничего. Кроме честности. Я хочу для него одного: чтобы он вылечился. Я ему не муж и не жена, не лучший друг и не начальник. Он ни за что не отвечает передо мной. Я его просто направляю и слушаю.

– А что получаете от этого вы? – спросил Бовуар.

– Собственное отрезвление. Один пьяница помогает другому. Мы можем морочить голову многим людям, инспектор. И нередко делаем это. Но друг друга нам не обмануть. Мы знаем друг друга. Мы, видите ли, довольно безумные люди, – сказала Сюзанна, чуть усмехнувшись.

Для Бовуара это было не в новинку.

– Лилиан тоже была безумна, когда вы познакомились? – спросил Гамаш.

– О да. Но только в том смысле, что у нее было искаженное восприятие окружающего мира. Она приняла столько плохих решений, что просто не представляла, как принимать хорошие.

– Насколько я понимаю, в рамках ваших взаимоотношений Лилиан посвящала вас в свои тайны, – сказал старший инспектор.

– Да.

– И какие были тайны у Лилиан Дайсон?

– Не знаю.

Гамаш посмотрел на эту толстушку.

– Не знаете, мадам? Или не скажете?

Глава четырнадцатая

Питер лежал в кровати, цепляясь за край двуспального матраса. Вообще-то, кровать была маловата для них. Но после свадьбы Питер и Клара не могли позволить себе ничего другого, а потом они привыкли спать в тесноте.

В такой тесноте, что они касались друг друга. Даже в самые жаркие, липкие июльские ночи. Они лежали в кровати голые, скинув простыни, их тела были влажными от пота. Но они все равно касались друг друга. Не сильно. Ладонь на ее спине. Пятка на его ноге.

Контакт.

Но в эту ночь он цеплялся за свой край кровати, а она – за свой. Словно каждый на краю своей бездны. Они боялись упасть. Но опасались, что все же вот-вот свалятся.

Они улеглись рано, а потому молчание могло показаться естественным.

Но нет.

– Клара? – прошептал он.

В ответ – молчание. Он знал звук Клариного сна – сейчас в спальне был другой звук. Спящая Клара почти так же кипела жизнью, как и Клара бодрствующая. Она не вертелась и не поворачивалась с боку на бок, зато она фыркала и ворчала. Иногда произносила какую-нибудь нелепицу. Один раз она пробормотала: «Но Кевин Спейси застрял на Луне»[61].

Когда Питер сказал ей об этом на следующее утро, она не поверила, но он отчетливо слышал эти слова.

Да что там, она не верила ему, когда он говорил ей, что она храпит, гудит и вообще производит всевозможные звуки. Негромкие. Но Питер был настроен на волну Клары. Он улавливал ее, даже когда она сама ничего не слышала.

Однако в эту ночь она не производила ни звука.

– Клара? – попробовал он еще раз. Он знал, что она здесь, что она не спит. – Нам нужно поговорить.

И тут он услышал ее. Долгий, долгий вдох. Потом выдох.

– О чем?

Он сел в кровати, но свет включать не стал. Предпочитал не видеть ее лица.

– Извини.

Она не шелохнулась. Он видел ее. Темный комок на кровати, отодвинувшийся на самый конец мира. Если бы она отодвинулась от него еще чуть-чуть, то упала бы.

– Ты всегда извиняешься.

Голос ее звучал приглушенно. Она говорила в простыни, не поднимая головы.

Что он мог ей ответить? Она была права. Их отношения состояли из его глупых слов и ее прощений. До этого дня.

Что-то изменилось. Он думал, что самой большой угрозой их браку будет выставка Клары. Ее успех. И его неожиданное падение, еще более эффектное на фоне ее триумфа.

Но он ошибался.

– Мы должны разобраться с этим, – сказал Питер. – Мы должны поговорить.

Клара резко села, сражаясь с пуховым одеялом в попытке освободить руки. Наконец это ей удалось, и она повернулась к мужу.

– О чем? Чтобы я еще раз могла тебя простить? Да? Ты думаешь, я не знаю, что ты делал? Ты надеялся, что моя выставка провалится. Надеялся, что критики признают мои работы пустячными, а тебя – настоящим художником. Я знаю тебя, Питер. Я понимаю, как работает твой мозг. Ты никогда не понимал моего искусства, оно тебя никогда не интересовало. Ты считаешь, что оно детское и простенькое. Портреты? Какое неприличие! – Она изменила тембр голоса, подражая ему.

– Я этого никогда не говорил.

– Но ты так думал.

– Нет.

– Не ври мне, Питер. Не надо сейчас.

Угроза в ее голосе была очевидна. И звучала она по-новому. У них и раньше случались ссоры, но такой – никогда.

Питер знал, что их брак закончился или вскоре закончится. Если он не найдет правильных слов.

– Если «извини» не годится, то что требуется?

– Ты, должно быть, пришел в восторг, увидев рецензию в «Оттава стар», где меня назвали «старым, усталым попугаем, подражающим настоящим художникам». Ты получил от этого удовольствие, Питер?

– Да как тебе такое могло прийти в голову? – спросил Питер. Но это и в самом деле доставило ему удовольствие. И принесло облегчение. Это было первое по-настоящему счастливое мгновение за долгое время. – Имеет значение рецензия в «Нью-Йорк таймс», а не это. Вот что для меня

важно, Клара.

Она уставилась на него. И он почувствовал, как похолодели пальцы рук и ног, пополз холодок по ногам. Словно его сердце ослабело и не могло больше прокачивать кровь так далеко.

Его сердце только теперь начинало соответствовать тому, что остальная его часть знала всю жизнь. Он был слаб.

– Тогда процитируй мне, что сказано в рецензии «Нью-Йорк таймс».

– Что?

– Давай. Если это произвело на тебя такое сильное впечатление, то уж одну-то строчку ты мог запомнить.

Она ждала.

– Хотя бы одно слово? – предложила она ледяным тоном.

Питер отчаянно рылся в памяти, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь из «Нью-Йорк таймс». Что-нибудь, что доказало бы ему – даже не Кларе, – что ему небезразлично.

Но все, что он помнил, все, что он видел, была распрекрасная рецензия в оттавской газете.

«Ее искусство хотя и привлекательно, его нельзя назвать провидческим или смелым».

Он думал, что было плохо, когда ее картины казались ему просто несуразными. Но когда они превратились в блестящие, стало еще хуже. Лучи отраженной славы вовсе не грели его, напротив, они лишь высвечивали его провал. Его работы тускнели, а ее – становились все ярче. Поэтому Питер читал и перечитывал строку про попугая, ублажая ею свое эго, словно это был антисептик. А искусство Клары – инфекция.

Но теперь он знал, что инфекцией стало не ее искусство.

– Я так и думала, – резко сказала Клара. – Ни одного слова. Что ж, позволь, я тебе напомню. «Картины Клары Морроу не только блестящие, они светлые. Своей отважной и щедрой кистью она придала новый смысл портретной живописи». Я перечитала и запомнила эти слова. Не потому, что я в них полностью поверила, а для того, чтобы у меня был выбор, во что верить, и не обязательно всегда в худшее.

«Представляю себе, – подумал Питер, чувствуя, как холодок подкрадывается к его сердцу, – что это такое – иметь выбор, во что верить».

– А потом, эти сообщения, – сказала Клара.

Питер медленно закрыл глаза. Моргание рептилии.

Сообщения. От всех приверженцев Клары. От владельцев галерей, дилеров и кураторов со всего света. От семьи и друзей.

Все утро после того, как ушли Гамаш, Клара и другие, после того, как

увезли тело Лилиан, он провел, отвечая на телефонные звонки.

Дзинь-дзинь. Дзинь-дзинь. И с каждым звонком он становился все меньше. Он чувствовал, что с каждым звонком тает его мужественность, его достоинство, его самоуважение. Он записывал пожелания, говорил любезности людям, которые рулили миром искусств. Титанам. Которые знали его только как мужа Клары.

Унижение было абсолютным.

В конце концов он предоставил автоответчику отвечать на звонки, а сам спрятался в своей мастерской. Где прятался всю жизнь. От своего монстра.

Сейчас он чувствовал его присутствие в спальне, чувствовал, как тот лупит по нему хвостом. Чувствовал его жаркое зловонное дыхание.

Всю свою жизнь Питер знал, что если будет тихим, маленьким, то монстр его не заметит. Если не будет шуметь, не будет говорить, тот не услышит его, не причинит ему вреда. Если он не будет подавать повода для критики и спрячет свою жестокость за улыбками и добрыми делами, чудовище не сожрет его.

Но теперь он понимал, что прятаться ему негде. Оно всегда будет рядом, всегда будет находить его.

Чудовищем был он сам.

– Ты хотел увидеть мое поражение.

– Нет, – запротестовал Питер.

– Я думала, что в глубине души ты радуешься за меня. Просто тебе нужно время привыкнуть. Но вот ты предстал передо мной в своем истинном виде.

Отрицание опять готово было сорваться с губ Питера. Но оно остановилось. Что-то остановило его. Что-то встало между словами в его голове и словами на языке.

Он уставился на Клару и наконец, ломая окровавленные ногти, разжал пальцы, которыми целую жизнь цеплялся за край.

– Этот портрет, «Три грации»… – полились слова из его рта. – Знаешь, я ведь видел его еще неоконченным. Прошел в твою мастерскую и снял покрывало с мольберта. – Он помолчал, пытаясь взять себя в руки. Но было уже слишком поздно. Питера понесло. – Я увидел… – Он попытался найти подходящее слово, но потом понял: он не ищет, а прячется от него. – Радость. Я увидел радость, Клара, и такую любовь, что у меня сердце чуть не разорвалось.

Он уставился на простыню, в которой запутались его руки. И вздохнул.

– Уже тогда я понял, что как художник ты гораздо лучше меня – мне с тобой никогда не сравняться. Потому что ты пишешь не предметы. И даже не людей.

Перед его мысленным взором снова возник портрет трех пожилых подружек. Трех граций. Эмили, Беатрис и Кей. Их соседок по Трем Соснам. Как они смеются и обнимают друг друга. Старые, немощные, на пороге смерти.

У них были все основания, чтобы бояться.

И все же любой смотревший на картину Клары чувствовал то же, что чувствовали эти женщины.

Радость.

В то мгновение, глядя на портрет, Питер Морроу понял, что обманут.

И понял кое-что еще. Нечто такое, чего люди, созерцающие необыкновенные творения Клары, возможно, и не сумеют понять осознанно, а только почувствовать. Почувствовать всей душой.

Без единого распятия, облатки или Библии, не подыгрывая священникам или церкви, картины Клары излучали тонкую духовную веру. Яркими точками в глазах.

Старыми руками, держащими старые руки. Со всей радостью жизни.

Радость жизни – вот о чем были картины Клары.

Если остальная часть циничного мира искусств писала худшее в человеке, то Клара писала лучшее.

Долгие годы ее обвиняли за склонность к крайностям, высмеивали, подвергали остракизму. Этим занималось все художественное сообщество, и Питер в частности.

Питер писал предметы. Делал это прекрасно. Он даже заявлял, что напишет Бога. И некоторые торговцы произведениями искусства поверили ему. Хорошая рекламная история. Но он так и не встретил Бога, а потому не смог Его написать.

Клара не только встретила Его, она Его знала. И писала то, что знает.

– Ты права. Я всегда тебе завидовал, – сказал Питер, глядя ей прямо в глаза. Страха больше не было. Он уже перешел эту черту. – Я завидовал тебе с самого первого дня, как увидел тебя. И это чувство никогда меня не покидало. Я пытался его прогнать, но оно всегда оставалось со мной. Оно росло со временем. Ах, Клара. Я люблю тебя и ненавижу себя за то, что поступаю так по отношению к тебе.

Она хранила молчание. Не помогала ему. Но и не пыталась помешать. Он должен был справиться сам.

– Но я завидовал не твоему искусству. Я думал, оно есть, а потому

игнорировал его. Делал вид, что не понимаю. Но я прекрасно понимал, что ты делаешь в своей мастерской. Что пытаешься передать. Я видел, что с годами ты подходишь все ближе и ближе к цели. И это убивало меня. Боже мой, Клара, ну почему я не мог просто радоваться за тебя?

Она хранила молчание.

– Увидев «Три грации», я понял, что ты достигла вершины. А потом этот портрет. Рут. Боже мой. – Плечи у него поникли. – Кто, кроме тебя, мог изобразить Рут в образе Девы Марии? Настолько исполненной презрения, горечи и разочарования.

Он взмахнул руками, потом уронил их и выдохнул.

– А потом эти точки. Крохотные белые точки в ее глазах. В глазах, исполненных ненависти. Но эти две точки перечеркивают ненависть и все остальное. Они видят приближение чего-то.

Питер посмотрел на Клару, которая была так далеко от него, на другой стороне кровати.

– Я не завидую твоему искусству. Никогда не завидовал.

– Ты лжешь, Питер, – прошептала Клара.

– Нет. Нет, я не лгу, – сказал Питер срывающимся от отчаяния голосом.

– Ты обрушился с критикой на «Три грации». Ты высмеивал портрет Рут! – выкрикнула Клара. – Ты хотел, чтобы я забросила их, уничтожила.

– Да, но дело было не в картинах! – прокричал в ответ Питер.

– Вранье.

– Не в картинах. А в…

– Ну? – завопила Клара. – Ну? Так в чем? Постой, я попробую догадаться. Во всем виновата твоя мать? Твой отец? В том, что у тебя было слишком много денег или тебе их не хватало? В том, что твои учителя тебя унижали? Что твой дедушка пил? Какое извинение ты приготовил на этот раз?

– Нет, ты не понимаешь.

– Прекрасно понимаю, Питер. Я тебя понимаю слишком хорошо. Пока я прозябала в твоей тени, у нас все было в порядке.

– Нет. – Питер поднялся с кровати и стал пятиться, пока его не остановила стена. – Ты должна мне верить.

– Я тебе больше не верю. Ты меня не любишь. Любящий человек никогда не сделает такого.

– Нет, Клара, нет.

И тут безумное, головокружительное, ужасающее падение завершилось. Питер рухнул на пол.

– Дело было в твоей вере! – прокричал он, падая. – В твоих убеждениях! Твоей надежде! – У него перехватывало дыхание, хриплый голос срывался. – Это было нечто гораздо худшее, чем твое искусство. Мне хотелось уметь писать так, как пишешь ты, но только потому, что в этом случае я бы видел мир так, как видишь его ты. Боже мой, Клара, все, чему я завидовал, – это твоя вера.

Он подтянул колени к груди и обхватил их руками, отчего стал совсем маленьким, как ему и хотелось. Маленький шарик. И принялся раскачиваться.

Вперед-назад, вперед-назад.

Клара с кровати смотрела на него. Она молчала не от ярости, а от удивления.

Жан Ги Бовуар собрал в охапку грязное белье и швырнул его в угол.

– Прошу, – улыбнулся он, – устраивайтесь.

– Merci, – сказал Гамаш, садясь.

Колени его немедленно и пугающе взлетели выше плеч.

– Осторожнее с диваном! – крикнул Бовуар с кухни. – Кажется, пружины там совсем гикнулись.

– Не исключено, – сказал Гамаш, стараясь усесться поудобнее.

Он подумал, что так, наверное, выглядит турецкая тюрьма. Пока Бовуар наливал им выпивку, Гамаш оглядывал меблированную квартиру в самом центре Монреаля.

Единственной ее отличительной чертой была груда белья в углу и плюшевый зверек, лев, на незастеленной кровати. Это казалось странным, даже инфантильным. Трудно было представить, чтобы Жан Ги играл с плюшевыми зверьками.

Они прошли три квартала от кофейни до квартиры Бовуара, сравнивая свои впечатления на ясном, прохладном вечернем воздухе.

– Вы ей поверили? – спросил Бовуар.

– Когда Сюзанна сказала, что не может вспомнить тайны Лилиан? – Гамаш задумался. Листва на деревьях в центре города уже теряла молодой светло-зеленый цвет, обретая зрелый, более темный оттенок. – А ты?

– Ни на одну секунду.

– И я тоже, – ответил шеф. – Но вот вопрос: солгала ли она намеренно, чтобы скрыть что-то, или ей просто нужно было время, чтобы собраться с мыслями?

– Я думаю, она сделала это намеренно.

– Ты всегда так думаешь.

Это было правдой. Инспектор Бовуар всегда предпочитал думать худшее. Так было безопаснее.

Сюзанна объяснила, что у нее несколько подопечных и каждый много чего рассказывал ей про свою жизнь.

– Это пятый этап программы АА, – сказала она и процитировала: – «Признать перед Богом, перед самим собой, перед другим человеческим существом неоспоримый источник своих бед». Я и есть «другое человеческое существо». – Она снова рассмеялась и скорчила гримасу.

– Вам это не нравится? – спросил Гамаш.

– Поначалу не нравилось. С моими первыми подопечными. Мне и вправду было любопытно узнать, в какие переделки они попадали на пути в алкоголизм и не были ли их приключения похожи на мои. Это такое прекрасное чувство – иметь человека, который тебе вот так доверяет. Когда я пьянствовала, подобного со мной не случалось, скажу я вам. Нужно было быть чокнутым, чтобы поверить мне тогда. Но со временем это начинает утомлять. Все считают, что их тайны такие ужасные, но, на мой вкус, они мало чем отличаются одна от другой.

– Например?

– Ну, всякие амуры. Скрытый гомосексуализм. Воровство. Разные ужасные мысли. Напиться и забыть про важный семейный праздник. Подвести близкого человека. Сделать ему больно. Иногда насилие. Я не говорю, что они поступали хорошо. Знаете, в чем самая большая трудность пятого этапа?

– «Признать перед самим собой»? – спросил Гамаш.

Бовуар с удивлением отметил, что шеф точно запомнил слова. Ему эти слова казались жутким нытьем. Кучка алкоголиков жалеет себя и ищет прощения.

Бовуар верил в прощение, но только после наказания.

Сюзанна улыбнулась:

– Точно. Вы, наверно, думаете, что признаться себе в таких вещах проще простого. Ведь все это происходило в нашем, так сказать, присутствии. Но конечно, мы не могли согласиться, что наши поступки настолько уж плохи. Мы долгие годы оправдывали себя, отрицали свою вину.

Гамаш задумчиво кивнул.

– А тайны всегда так ужасны, как у Брайана?

– Вы имеете в виду убитого ребенка? Иногда – да.

– Кто-нибудь из ваших подопечных убивал?

– Некоторые признавались мне в убийствах, – сказала Сюзанна после

паузы. – Но никогда убийство не было умышленным. Не было настоящим убийством. Скорее случайностью. В большинстве случаев – езда в пьяном виде.

– Включая и Лилиан? – тихо спросил Гамаш.

– Не помню.

– Я вам не верю. – Гамаш понизил голос так, что его трудно было услышать. А может быть, Сюзанне не хотелось слышать эти слова. – Нельзя получить такие признания и тут же их забыть.

– Вы можете верить во что угодно, старший инспектор.

Гамаш кивнул и дал ей свою визитку:

– Сегодня вечером я буду в Монреале, но потом мы возвращаемся в Три Сосны. Мы останемся там, пока не найдем того, кто убил Лилиан Дайсон. Позвоните мне, когда вспомните.

– Три Сосны? – переспросила Сюзанна.

– Это деревня, где убили Лилиан.

Он поднялся, вместе с ним встал и Бовуар.

– Вы сказали, что ваша жизнь зависит от правды, – напомнил Гамаш. – Я бы не хотел, чтобы вы забыли об этом сейчас.

Пятнадцать минут спустя они были в новой квартире Бовуара. Пока Жан Ги открывал и закрывал шкаф, бормоча что-то себе под нос, Гамаш поднялся с похожего на дыбу дивана и прошелся по гостиной, посмотрел из окна на пиццерию напротив, рекламирующую «суперломтик», потом повернулся к комнате, посмотрел на серые стены и мебель из «Икеи». Скользнул взглядом по телефону и стопке бумаг.

– Значит, ты не только в пиццерии питаешься? – спросил Гамаш.

– Вы это о чем? – спросил Бовуар из кухни.

– Ресторан «Милош», – прочел Гамаш на листке у телефона. – Просто шикарно.

Бовуар заглянул в комнату, посмотрел на стопку бумаг, потом на шефа.

– Я собирался пригласить туда вас и мадам Гамаш.

В скудном свете лампы Бовуар на миг показался Гамашу похожим на Брайана. Не дерзкий молодой фанфарон в начале карьеры, а потрепанный жизнью парень. Присмиревший. Встревоженный. Ущербный. Со всеми человеческими недостатками.

Настороженный.

– Чтобы поблагодарить вас за поддержку, – объяснил Бовуар. – После моего расставания с Энид и всего прочего. Несколько месяцев мне было трудновато.

Старший инспектор Гамаш удивленно посмотрел на своего

подчиненного. «Милош» был одним из лучших ресторанов морепродуктов в Канаде. И определенно одним из самых дорогих. Самый любимый у него и Рейн-Мари, хотя они и ходили туда лишь по особым случаям.

– Merci, – сказал он наконец. – Но мы были бы рады и простой пицце.

Жан Ги улыбнулся, взял бумаги со стола и сунул в ящик.

– Значит, обойдемся без «Милоша». Но я приглашаю вас на «суперломтик» и тут уже попрошу со мной не спорить.

– Мадам Гамаш будет довольна, – рассмеялся Гамаш.

Бовуар вышел в кухню и вернулся с выпивкой – с пивом из микропивоварни для шефа и водой для себя.

– Ты не пьешь пиво? – спросил Гамаш, поднимая стакан.

– Все эти разговоры о пьянстве отвратили меня от алкоголя. Вода меня вполне устроит.

Они снова сели. Гамаш на этот раз выбрал жесткий стул у небольшого стеклянного обеденного стола. Глотнул пива.

– Как вы думаете, это действует?

Гамашу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о чем спрашивает Бовуар.

– Анонимные алкоголики?

Бовуар кивнул:

– По-моему, это просто потакание своим слабостям. Каким боком раскрытие тайн может препятствовать пьянству? Не лучше ли просто забыть, вместо того чтобы вываливать всю эту ерунду? Причем ни у кого из этих людей нет никакой специальной подготовки. Эта Сюзанна – просто кошмар какой-то. Сомневаюсь, что она способна кому-то помочь.

Старший инспектор пристально посмотрел на своего рассвирепевшего подчиненного.

– Мне кажется, Общество анонимных алкоголиков работает, поскольку никто, какими бы благими намерениями он ни руководствовался, не понимает, что переживает алкоголик, кроме другого алкоголика, – тихо сказал Гамаш. Он старался не наклоняться вперед, чтобы не нарушать личное пространство Бовуара. – Вспомни фабрику. Наш рейд. Никто не знает, как это было, кроме тех из нас, кто был там. Психотерапевт может очень помочь. Но это совсем не то что разговор с одним из нас. – Гамаш посмотрел на Бовуара. Тот, казалось, целиком ушел в себя. – Ты часто вспоминаешь о том, что случилось на фабрике?

Бовуар помедлил с ответом.

– Иногда.

– Хочешь поговорить об этом?

– А что проку? Я уже говорил со следователями. С психотерапевтами. Для нас с вами это дело прошлое. Пора уже перестать говорить об этом, принять как факт и жить дальше. Вы так не считаете?

Гамаш наклонил голову набок, изучающе глядя на Жана Ги.

– Нет, не считаю. По-моему, мы должны говорить, пока все это не выйдет из нас, пока не останется ничего незавершенного.

– То, что произошло на фабрике, завершилось, – отрезал Бовуар, но тут же взял себя в руки. – Простите. Но я думаю, что это самокопание какое-то. Я просто хочу жить. Единственное незавершенное дело, единственное, что меня все еще беспокоит, если хотите знать, – это кто слил видеозапись рейда. Как она попала в Интернет?

– Внутреннее расследование показало, что это дело рук хакера.

– Я знаю. Читал доклад. Но вы же не верите в это, правда?

– У меня нет выбора, – ответил Гамаш. – И у тебя тоже.

В голосе Гамаша вполне явственно прозвучало предостережение. Предостережение, которого Бовуар предпочел не заметить или не расслышать.

– Никакой это был не хакер, – сказал он. – Никто даже не знал о существовании этих записей, кроме других полицейских. Никакой хакер этих записей не похищал.

– Хватит, Жан Ги!

Они уже разговаривали об этом прежде. Видеозапись рейда была выложена в Интернет, где ее просмотрели миллионы людей по всему свету.

Увидели, что произошло.

Миллионы смотрели так, словно это было телешоу. Развлечение.

После нескольких месяцев расследования Квебекская полиция пришла к выводу, что это сделал хакер.

– Почему они не нашли того парня? – гнул свое Жан Ги. – У нас целый отдел занимается расследованием киберпреступлений. И чтобы они не сумели найти засранца, которому, по их же собственному отчету, просто повезло?

– Оставь эту тему, Жан Ги, – сурово произнес Гамаш.

– Мы должны установить истину, – сказал Бовуар, подаваясь вперед.

– Мы знаем истину, – возразил Гамаш. – Нам осталось только научиться жить с нею.

– И вы хотите оставить все как есть? Принять случившееся?

– Да. И ты тоже. Обещай мне, Жан Ги. Это чужая проблема. Не наша.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и наконец Бовуар коротко кивнул.

– Bon, – сказал Гамаш. Он допил пиво и пошел со стаканом в кухню. – Пора идти. Нужно пораньше вернуться в Три Сосны.

Арман Гамаш пожелал своему подчиненному спокойной ночи и медленно побрел по вечерним улицам. Было прохладно, и он порадовался, что взял куртку. Он собирался остановить такси, но как-то незаметно прошел по Сен-Урбен до авеню Лорье.

На ходу он размышлял об АА, Лилиан и Сюзанне. И о главном судье. О художниках и дилерах, которые спят в своих кроватях в Трех Соснах.

Но главным образом он думал о губительном воздействии тайн. Включая и его собственные.

Он солгал Бовуару. История с фабрикой не закончилась. И он не забыл о ней.

Жан Ги Бовуар вымыл стакан из-под пива и направился в спальню.

«Давай, двигайся, двигайся, – упрашивал он себя. – Еще несколько шагов».

Но он, конечно, остановился. Как делал это каждый вечер после появления того видео.

Оно появилось в Интернете и после этого уже не могло исчезнуть. Оно осталось там навсегда. Может, о нем забудут, но оно все равно будет там, будет лежать и ждать, когда его обнаружат снова. Когда оно всплывет на поверхность.

Как тайна. Ее никогда нельзя скрыть полностью. Никогда нельзя забыть без следа.

И это видео было далеко не забыто. Пока.

Бовуар тяжело опустился на стул и вывел компьютер из спящего режима. Эта закладка была одной из его любимых, но он намеренно назвал ее другим именем.

Глаза его наливались сном, тело болело, но Жан Ги кликнул по закладке.

И на экране появилось видео.

Он нажал «воспроизведение». Просмотрел. Нажал еще раз. Потом еще.

Он снова и снова смотрел это видео. Картинка, как и звук, была четкой. Взрывы, стрельба, крики. «Наш упал, наш ранен».

И голос Гамаша – ровный, властный. Он отдавал понятные приказы, удерживал их как единую группу, не позволял воцариться хаосу, по мере того как они углублялись в здание фабрики. Они загоняли в угол террористов, которых оказалось гораздо больше, чем предполагалось.

Снова, и снова, и снова просматривал Бовуар тот момент, когда получил ранение в живот. И снова, и снова, и снова видел он кое-что похуже. Старший инспектор Гамаш вскидывает руки, спина его выгибается. Его подбрасывает, потом он падает. Ударяется об пол. Замирает.

А потом все поглощает хаос.

Наконец, утомившись, Бовуар отошел от экрана и подготовился ко сну. Помылся, почистил зубы. Принял таблетку оксикодона.

Потом он засунул под подушку еще один пузырек с таблетками. На тот случай, если понадобится ночью. Под подушкой он будет в безопасности. Невидим. Как оружие. Последнее средство.

Пузырек с таблетками парацетамола.

Если оксикодона не хватит.

Лежа в темноте, он ждал, когда начнет действовать болеутоляющее. Чувствовал, как уходит в прошлое день. Заботы, тревоги, образы стали стираться. Он прижал к себе плюшевого льва, сползая в забытье, но один образ оставался с ним. Не момент его ранения. Даже не образ падающего шефа.

Все это тускнело, поглощалось оксикодоном.

Но одно оставалось. Шло за ним до самого конца.

Ресторан «Милош». Номер телефона, ныне спрятанный в ящик стола. Каждую неделю на протяжении трех последних месяцев Бовуар звонил в «Милош» и заказывал столик. На двоих. На субботний вечер. Столик в глубине, у белой стены.

И каждую субботу отменял заказ. Он даже думал, что они, вероятно, больше не записывают его фамилию. Может, просто делают вид, что записывают. И он тоже делает вид, что заказывает.

Но он был уверен, что завтра все будет иначе.

Он определенно позвонит ей. И она ответит согласием. И он отвезет Анни Гамаш в «Милош», с его хрусталем и белыми скатертями. Она закажет дуврскую камбалу, а он – омара.

И она будет слушать его, смотреть на него своими внимательными глазами. Он будет расспрашивать, как она провела день, будет спрашивать про ее жизнь, про ее предпочтения, ее чувства. Про все. Он хотел знать все.

Каждый вечер он засыпал, видя перед собой один и тот же образ: Анни глядит на него через стол. Потом он накроет ее руку своей. А она не станет возражать.

Он погрузился в сон, положив одну руку на другую. Вот что он будет чувствовать.

А потом оксикодон поглотил все. И Жан Ги Бовуар больше ничего не

чувствовал.

Глава пятнадцатая

Клара спустилась к завтраку. Пахло кофе и поджаренными английскими булочками.

Клара проснулась, удивленная, что ей вообще удалось уснуть. Питера не было. Ей потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить, что случилось ночью.

Их ссору.

Как близка она была к тому, чтобы одеться и уйти от него. Взять машину и уехать в Монреаль. Снять номер в дешевом отеле.

А потом?

А потом – что-нибудь. Остальная жизнь. Ей было все равно.

Но тут Питер наконец сказал ей правду.

Они проговорили далеко за полночь, а после уснули. Не соприкасаясь. Пока. Они были слишком изранены для этого. Словно их лишили кожи и расчленили. Вытащили из них кости. Внутренности. Обследовали. Обнаружили одну гниль.

У них был не брак, а какая-то пародия на партнерство.

Но еще они обнаружили, что, возможно – возможно, – они снова смогут сойтись.

И тогда все будет иначе. Лучше?

Клара не знала.

– Доброе утро, – сказал Питер, когда она появилась, с волосами, торчащими в одну сторону, и помятым со сна лицом.

– Доброе утро, – ответила она.

Он налил ей кружку кофе.

Ночью, когда Клара заснула и раздалось ее тяжелое дыхание и посапывание, он спустился в гостиную. Нашел там газеты. Нашел глянцевый каталог ее выставки.

И просидел там всю ночь. Заучивал рецензию в «Нью-Йорк таймс». Заучивал рецензию лондонской «Таймс». Чтобы знать их наизусть.

Чтобы он тоже мог выбирать, во что ему верить.

Потом он начал разглядывать репродукции ее картин в каталоге.

Они были великолепны. Он и без того это знал. Но в прошлом он смотрел на ее портреты и видел недостатки. Настоящие или вымышленные. Чуть кривой мазок кисти. Руки, которые можно было прописать лучше. Он намеренно сосредоточивался на мелочах и не хотел видеть целого.

Теперь он смотрел на целое.

Сказать, что при этом он чувствовал себя счастливым, было бы ложью. А Питер Морроу был полон решимости больше не лгать. Ни себе, ни Кларе.

Истина состояла в том, что ему все еще больно было видеть такой талант. Но впервые со времени его знакомства с Кларой он не искал недостатков.

И еще кое с чем он боролся всю ночь. Он рассказал ей все. Обо всех гадостях, которые делал и думал. Чтобы она знала все. Чтобы не осталось ничего тайного, что могло бы стать сюрпризом для них обоих.

Кроме одного.

Кроме Лилиан и того, что он сказал ей на студенческой выставке много лет назад. Число тех слов можно было пересчитать по пальцам. Но каждое было как пуля. И у каждого была своя цель. Клара.

– Спасибо, – сказала Клара, взяв кружку густого, крепкого кофе. – Пахнет хорошо.

Она тоже приняла решение не лгать, не притворяться, что все хорошо, в надежде, что фантазия может превратиться в реальность. Кофе и в самом деле пах хорошо. Эти слова, по крайней мере, были безопасны.

Питер сел, пытаясь заставить себя сказать Кларе, что он сделал. Он набрал в грудь побольше воздуха, на миг закрыл глаза, открыл рот, собираясь заговорить.

– Рано они вернулись, – кивнула Клара на окно.

Питер увидел, как подъехал и остановился «вольво». Из машины вышли старший инспектор Гамаш и Жан Ги Бовуар и направились в бистро.

Питер закрыл рот, решив, что время сейчас неподходящее.

Глядя на двух мужчин за окном, Клара улыбалась. Ей казалось забавным, что инспектор Бовуар перестал запирать машину. Когда они впервые появились в Трех Соснах, чтобы расследовать убийство Джейн, полицейские непременно запирали машины. Но вот прошло несколько лет, и они стали считать это лишним.

Наверное, им было известно: жители Трех Сосен могут время от времени забирать чужую жизнь, но машину – никогда.

Клара посмотрела на кухонные часы. Почти восемь.

– Они, верно, выехали из Монреаля в начале седьмого.

– Угу, – сказал Питер, глядя на Гамаша и Бовуара, которые исчезли в бистро.

Потом он перевел взгляд на руки Клары. В одной она держала кружку,

а другая, не сжатая в кулак, лежала на старой сосновой столешнице.

Осмелится ли он?

Он потянулся к ней очень медленно, чтобы это не стало неожиданностью, чтобы она не испугалась, и накрыл ее руку своей большой. Сжал ее в ладони – здесь, в маленьком домике, созданном его рукой, она могла чувствовать себя в безопасности.

И она позволила ему.

«Ну и хватит», – сказал он себе.

Нет нужды говорить ей остальное. Расстраивать ее.

– Я буду… – неторопливо произнес Бовуар, просматривая меню.

Аппетит у него отсутствовал, но он знал, что должен заказать что-нибудь. Тут были оладьи с голубикой, блины, яйца «Бенедикт», бекон, сосиски и свежие, теплые круассаны.

Он встал в пять часов. Подобрал шефа без четверти шесть. А сейчас была почти половина восьмого. Он ждал, когда у него проснется голод.

Старший инспектор Гамаш опустил меню и посмотрел на официанта:

– Пока он решает, принесите мне кофе с молоком, немного оладий с голубикой и сосиски.

– Merci. – Официант забрал меню у Гамаша и перевел взгляд на Бовуара. – Вам, месье?

– Все кажется таким вкусным, – сказал Бовуар. – Принесите мне то же, что и старшему инспектору. Спасибо.

– Я думал, ты возьмешь яйца «Бенедикт», – улыбнулся Гамаш, когда ушел официант. – Ведь это твоя любимая еда.

– Я их только вчера сам готовил, – сказал Бовуар, и Гамаш рассмеялся.

Они оба знали, что на завтрак Бовуар предпочел бы «суперломтик». На самом деле в последнее время Бовуар пил по утрам кофе с рогаликом.

За окном лежали Три Сосны в свете раннего утреннего солнца. Кто-то уже сидел на крылечке, попивая кофе и читая утреннюю газету. Но большинство людей еще спало.

– Как идут дела у агента Лакост? – спросил старший инспектор, когда принесли заказанный кофе.

– Неплохо. Вы говорили с ней вчера вечером? Я просил ее сообщить вам кое о каких вещах.

Они пили кофе и сравнивали свои заметки.

Принесли завтрак, и Бовуар посмотрел на часы:

– Я просил ее прийти сюда в восемь.

Часы показывали без десяти восемь, он выглянул в окно и увидел

Лакост – с папкой в руке она шла по деревенскому лугу.

– Мне нравится быть наставником, – сказал Бовуар.

– У тебя это хорошо получается, – заметил Гамаш. – Конечно, у тебя был хороший учитель. Благожелательный, справедливый. Но и твердый.

Бовуар посмотрел на старшего инспектора с притворным недоумением:

– Вы? Хотите сказать, что все эти годы вы были моим наставником? Тогда понятно, почему мне нужен курс психотерапии.

Гамаш посмотрел в свою тарелку и улыбнулся.

Агент Лакост присоединилась к ним и заказала капучино.

– И круассан, s'il vous plaît[62], – сказала она вслед официанту и положила папку на стол. – Я прочитала ваш отчет о вчерашней встрече, шеф, и произвела кое-какие раскопки.

– Уже? – спросил Бовуар.

– Встала я рано, и, откровенно говоря, мне не хотелось ошиваться в гостинице с этими художниками.

– Почему? – спросил Гамаш.

– Боюсь, они нагоняют на меня скуку. Вчера я обедала с Норманом и Полетт, думала, может, удастся выудить из них еще что-нибудь про Лилиан Дайсон, но они потеряли к ней всякий интерес.

– О чем вы говорили? – спросил Бовуар.

– Бо́льшую часть обеда они обсасывали рецензию на выставку Клары в «Оттава стар». Сказали, что это ставит точку в ее карьере.

– Да кого волнует, что там пишет «Оттава стар»! – проворчал Бовуар.

– Десять лет назад – никого. Но теперь благодаря Интернету ее могут читать по всему миру. Незначительные мнения становятся значительными. Как сказал Норман, люди помнят только плохие новости.

– Так ли оно на самом деле, вот что интересно, – сказал Гамаш.

– А про ту рецензию Лилиан Дайсон удалось что-нибудь узнать? – спросил Бовуар.

– «Он естествен во всех своих проявлениях – творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности»? – процитировала Лакост и пожалела, что это было написано не про Нормана и Полетт.

Хотя почему не о них? Может быть, «он» в рецензии стояло вместо Нормана. И это объясняло его неистовство и радость, когда кто-то еще удостаивался плохой рецензии.

Изабель Лакост покачала головой:

– Нет, найти ту рецензию не удалось. Это было так давно – больше

двадцати лет назад. Я отправила агента в архив «Пресс». Придется по одной просматривать микрофиши.

– Bon, – одобрительно кивнул инспектор Бовуар.

Лакост разломила теплый рассыпчатый круассан пополам.

– По вашей просьбе, шеф, я проверила опекуна Лилиан Дайсон, – сказала она, откусила кусочек круассана, положила его и взяла папку. – Сюзанна Коутс, шестьдесят два года. Работает официанткой у «Никса» на Грин-авеню. Знаете такое заведение?

Бовуар отрицательно покачал головой, а Гамаш кивнул:

– Это уэстмаунтское[63] заведение.

– Как, судя по всему, и сама Сюзанна. Я только что позвонила туда. Говорила с одной из старших официанток. Некая Лорен. Она подтвердила, что Сюзанна проработала там двадцать лет. Но когда я спросила, в какие часы работает Сюзанна, Лорен стала отвечать уклончиво. И в конце концов признала, что они все прикрывают друг друга, когда удается получить заказ на обслуживание частной вечеринки. Сюзанна должна была работать в дневную смену, но в субботу ее не было. А вчера она работала как обычно. Ее смена начинается в одиннадцать.

– «Обслуживание частных вечеринок» – это не означает?.. – начал было Бовуар.

– Проституции? – спросила Лакост. – Женщине шестьдесят два. Хотя она занималась этим много лет назад. Два ареста за проституцию и один за кражу со взломом. Это было в начале восьмидесятых. Еще ей предъявлялось обвинение в воровстве.

Гамаш и Бовуар удивленно подняли брови. Впрочем, это было давно, к тому же от таких преступлений до убийства путь неблизкий.

– Еще я нашла ее налоговую декларацию. Задекларированный доход в прошлом году у нее был двадцать три тысячи долларов. Но она в долгах как в шелках. По кредитным картам. У нее их три, и по всем кредит исчерпан. Она, похоже, не думает о кредитном лимите, ее цель – потратить деньги. Как и большинство людей, запутавшихся в долгах, она обманывает кредиторов, но все скоро кончится крахом.

– Она это понимает? – спросил Гамаш.

– Это трудно не понимать, если только ты не пребываешь в иллюзиях с утра до ночи.

– Ты ее не видела, – сказал Бовуар. – Иллюзии – это лучшее, что у нее есть.

Андре Кастонге почуял запах кофе.

Он лежал в кровати на удобном матрасе, под простыней плотностью в 600 нитей и одеялом из гусиного пуха. Ему хотелось одного – умереть.

Ему казалось, что он упал с большой высоты. Но каким-то образом выжил. Правда, был весь в синяках и сплющен, как блин. Он протянул трясущуюся руку к стакану с водой и допил то, что там оставалось. Ему стало получше.

Он медленно сел, постепенно приспосабливаясь к каждому новому положению. Наконец он встал, натянул на дряблое тело халат. «Больше никогда, – сказал он себе, пришлепав в ванную и уставившись на свое отражение в зеркале. – Никогда».

Но то же самое он говорил и вчера. И днем раньше. И еще днем раньше.

Команда полицейских провела утро в оперативном штабе, оборудованном в старом здании вокзала – невысоком кирпичном доме, построенном сто лет назад на другом берегу речушки Белла-Белла. Здание было заброшенным, поезда просто перестали здесь останавливаться много десятилетий назад. Без всяких объяснений.

Еще некоторое время поезда проезжали мимо, петляли по долине между гор, исчезали за поворотом.

Но в один прекрасный день прекратилось и это. Двенадцатичасовой экспресс перестал ходить. Обычный трехчасовой в Вермонт тоже исчез.

Обитателям деревни не по чему стало сверять часы.

Так в Трех Соснах остановилось время.

Вокзал пустовал до того дня, когда Рут Зардо пришла в голову мысль, никак не связанная с оливками и кубиками льда. Добровольная пожарная команда Трех Сосен должна занять это помещение. И потому, возглавляемые Рут, они двинулись в старое кирпичное здание и обустроились там.

И так же это сделала теперь команда полицейских. В одной половине большого помещения размещалось пожарное оборудование, топоры, шланги, шлемы. Пожарная машина. В другой половине стояли письменные столы с компьютерами, принтерами, сканерами. На стенах висели постеры с инструкциями по противопожарной безопасности, детальная карта района, фотографии прежних лауреатов поэтической премии генерал-губернатора, включая Рут, и несколько больших досок с заголовками: «Подозреваемые», «Вещдоки», «Жертва» и «Вопросы».

Вопросов было много, и команда целое утро пыталась найти на них ответы. Поступил подробный отчет коронера, и инспектор Бовуар

ознакомился с ним, как и с другими вещдоками. Он пытался выяснить, как умерла Лилиан, а агент Лакост пыталась понять, как она жила. Собирала информацию о том, как Лилиан проводила время в Нью-Йорке, узнавала о ее браке, о ее друзьях, коллегах. Чем она занималась, что думала. Что думали о ней другие.

А старший инспектор Гамаш сводил все это воедино.

Он начал со своего стола, прочел за чашкой кофе доклады предыдущего дня и вечера. Сегодняшнего утра.

Потом он взял со стола большую синюю книгу и отправился прогуляться. Он машинально направился в деревню, но остановился на каменном мосту, перекинутом через речушку.

На скамье на деревенском лугу сидела Рут. Она вроде бы ничем не была занята, хотя старший инспектор знал, что это не так. Она делала самое трудное, что может быть в мире.

Она ждала и надеялась.

На его глазах она подняла к небесам седую голову и прислушалась. К далекому звуку, похожему на звук поезда. Кто-то возвращался домой. Потом ее голова опустилась.

Сколько же она будет ждать? Уже июнь подходил к середине. Сколько других отцов и матерей сидели так же, как Рут, в ожидании, в надежде? Прислушиваясь к шуму поезда? Думая, что вот сейчас поезд остановится и из вагона выйдет такой знакомый им молодой человек, вернувшийся через Дьепп и Арнхем из мест с красивыми названиями Вими-Ридж, Фландрские поля, Пашендейль?

Сколько может жить надежда?

Рут снова подняла голову к небесам и прислушалась. Потом опять опустила.

Вечность, ответил сам себе Гамаш.

А если надежда длится вечность, то сколько длится ненависть?

Он отвернулся, не желая беспокоить Рут. Ему нужно было провести какое-то время в тишине – почитать, подумать. Поэтому он пошел назад мимо старого железнодорожного вокзала и по грунтовой дороге, одной из тех, что отходили по радиусу от деревенского луга. Он много гулял вокруг Трех Сосен, но по этой дороге шел впервые.

Вдоль дороги высились громадные клены, их ветви встречались над его головой, листья не пропускали солнечные лучи. Но не совсем. Часть из них проникала сквозь кроны и мягкими просветами пятнала грунтовую дорогу, пятнала Гамаша, пятнала книгу в его руке.

Гамаш нашел большой серый камень, обнажение горной породы у

обочины дороги. Сел, надел очки, закинул ногу на ногу и открыл книгу.

Час спустя он закрыл ее и уставился перед собой. Потом поднялся, прошел еще некоторое расстояние по туннелю света и тени. В лесу он видел сухие листья и плотные заросли резных папоротников, слышал верещание бурундуков и щебет птиц. Он чувствовал все это, хотя его мысли были далеко.

Наконец он остановился, развернулся и пошел назад, шагая медленно и целеустремленно.

Глава шестнадцатая

– Итак, – сказал Гамаш, усаживаясь на стул за импровизированным столом для совещаний, – расскажите мне, что вы знаете.

– Полный отчет доктора Харрис пришел сегодня утром, – начал Бовуар, встав перед листами бумаги, закрепленными на стене. Он помахал маркером с неснятым колпачком у себя под носом. – Шея Лилиан Дайсон была сломана, скручена одним резким движением. – Он показал, как это могло быть сделано. – Синяков на лице или руках не обнаружено. Есть только маленькая точка на шее в месте перелома.

– И о чем это нам говорит? – спросил Гамаш.

– О том, что смерть наступила мгновенно, – ответил Бовуар, записывая это жирным шрифтом.

Он любил эту часть следствия. Сведение воедино вещдоков, свидетельских показаний. Когда записываешь это маркером, факты обретают свойства истины.

– Как мы и предполагали, ее застали врасплох. Доктор Харрис говорит, что убийца мог быть как мужчиной, так и женщиной. Вероятно, не стариком. Для сворачивания шеи требуется определенная сила. Убийца был, вероятно, не ниже мадам Дайсон, – сказал Бовуар, справляясь с записью в блокноте, который держал в руке. – Но поскольку в ней было пять футов пять дюймов, большинство людей выше ее.

– А какой рост у Клары Морроу? – спросила Лакост.

Мужчины переглянулись.

– Я бы сказал, что приблизительно такой же, – проговорил Бовуар.

Гамаш кивнул. Как это ни прискорбно, вопрос был вполне уместен.

– Никаких других повреждений на теле нет, – продолжил Бовуар. – Сексуального насилия не было. Никаких свидетельств этого не обнаружено. У нее было несколько лишних фунтов, но не очень много. Часа за два до смерти она пообедала. В «Макдоналдсе».

Бовуар попытался не думать о «Хэппи Мил», обнаруженном в желудке убитой.

– Еще какая-нибудь еда у нее в желудке была? – спросила Лакост. – Еда с вечеринки?

– Никакой.

– Следы алкоголя или наркотиков в ее сосудистой системе? – спросил Гамаш.

– Никаких.

Старший инспектор посмотрел на агента Лакост. Она опустила глаза в свои записи и принялась читать:

– Бывший муж Лилиан Дайсон был трубачом, джазистом в Нью-Йорке. Познакомился с Лилиан на художественной выставке. Он играл на вечеринке, а она была одной из приглашенных. Их потянуло друг к другу. Оба, судя по всему, были алкоголиками. Они поженились и на какое-то время, видимо, бросили пить. Потом все пошло в тартарары. Для них обоих. Он стал принимать метамфетамины, но еще увлекся морфием. Его прогнали с гастролей. Их выселили из квартиры. В общем, начался кошмар. В конечном счете она ушла от него. Жила с другими мужчинами. Двоих из них я нашла. Остальных не знаю. Связи, видимо, были случайными. И похоже, она все больше впадала в отчаяние.

– Она тоже стала принимать морфий и метамфетамины? – спросил Гамаш.

– Никаких свидетельств этого не обнаружено, – ответила Лакост.

– Как она зарабатывала на жизнь? – спросил старший инспектор. – Как художник или как критик?

– Не так и не так. Она, похоже, жила около мира искусства, маргиналкой, – сказала Лакост, возвращаясь к своим записям.

– Чем же она занималась?

– Понимаете, она была вне закона. Разрешения на работу в Штатах не имела. Исходя из той информации, какую мне удалось собрать, она работала без оформления в магазинах, продающих товары художникам. Работала где придется.

Гамаш задумался. Двадцатилетней девчонке такая жизнь может показаться восхитительной. Для женщины под пятьдесят это было бы невыносимо, на пределе возможностей.

– Пусть она не была наркоманкой, ну а продавать наркотики она не могла? – спросил он. – Или зарабатывать проституцией?

– Возможно, когда-то было и то и другое. Но не в последнее время, – ответила Лакост.

– Коронер не нашла свидетельств заболеваний, передающихся половым путем. Ни следов внутривенных инъекций, ни шрамов, – добавил Бовуар, заглядывая в распечатку. – Как вам известно, большинство мелких наркодилеров сами наркоманы.

– Родители Лилиан считают, что ее бывший муж умер, – сказал Гамаш.

– Так оно и есть, – кивнула Лакост. – Три года назад. От

передозировки.

Бовуар вычеркнул фамилию бывшего мужа Лилиан из списка подозреваемых.

– Судя по данным канадской таможенной службы, она пересекла границу на автобусе рейсом из Нью-Йорка шестнадцатого октября прошлого года, – сказала Лакост. – Девять месяцев назад. Подала заявление на социальное пособие и получила его.

– А когда она вступила в Общество анонимных алкоголиков? – спросил Гамаш.

– Не знаю, – ответила Лакост. – Я пыталась связаться с ее опекуншей Сюзанной Коутс, но та не отвечает, а в ресторане «Чез Ник» говорят, что она взяла два дня отпуска.

– Планового? – спросил Гамаш, подавшись вперед.

– Я не спросила.

– Будь добра, узнай, – попросил шеф, поднимаясь на ноги. – Извести меня, когда ее найдешь. У меня к ней тоже есть несколько вопросов.

Он подошел к своему столу и набрал номер. Он мог бы поручить сделать это агенту Лакост или инспектору Бовуару, но предпочел позвонить сам.

– Офис главного судьи, – раздался деловой голос.

– Могу я поговорить с судьей Пино? Говорит старший инспектор Гамаш, Квебекская полиция.

– К сожалению, судья Пино сегодня отсутствует, старший инспектор.

Гамаш помедлил, удивленный.

– С ним все в порядке? Он не болен? Я видел его вчера вечером, и он ни о чем таком не говорил.

Секретарша судьи Пино ответила не сразу:

– Он позвонил сегодня утром и сказал, что несколько дней поработает дома.

– Это случилось неожиданно?

– Главный судья волен поступать так, как считает нужным, месье Гамаш. – Она ответила на этот некорректный вопрос без малейшего раздражения.

– Попробую дозвониться к нему домой. Merci.

Он набрал следующий номер из своей записной книжки. Ресторан «Чез Ник».

Нет, ответил уставший женский голос, Сюзанны сегодня нет. Она позвонила и сказала, что ее не будет.

Судя по интонации, женщина была недовольна.

– Она не сказала, в чем причина? – спросил Гамаш.

– Неважно себя чувствует.

Гамаш поблагодарил и повесил трубку. Потом набрал сотовый Сюзанны. Телефон был отключен. Положив трубку, он легонько постучал очками по ладони.

Казалось, участники воскресного собрания АА канули в небытие.

Ни Сюзанны Коутс, ни Тьерри Пино.

Давало ли это повод для беспокойства? Арман Гамаш знал, что отсутствие любого так или иначе причастного к расследованию убийства уже есть повод для беспокойства. Но не паники.

Он встал, подошел к окну, из которого открывался вид на Белла-Беллу и Три Сосны. Подъехала машина. Двухместная спортивная машина, новая и дорогая. Она резко контрастировала с другими автомобилями, стоявшими перед домами.

Из машины вышел человек и огляделся. Он выглядел неуверенным, но не потерянным.

Наконец он решительно двинулся к бистро.

Гамаш прищурился, глядя на него, и проворчал:

– Так-так.

Он повернулся и посмотрел на часы. Почти полдень.

Взяв со своего стола большую книгу, старший инспектор сказал:

– Я буду в бистро.

Лакост и Бовуар понимающе улыбнулись.

Гамаш не мог сказать, что так уж сильно винит их за это.

Глаза Гамаша привыкли к сумеречному свету в бистро. На улице было тепло, но в обоих каминах горел огонь.

Он словно вошел в иной мир, мир с собственной атмосферой, своими сезонами года. В бистро никогда не было ни слишком холодно, ни слишком жарко. Комфортно.

– Salut, patron, – поприветствовал его Габри, помахав из-за длинной полированной деревянной стойки. – Так скоро вернулись? Скучали без меня?

– Мы не должны говорить о наших чувствах, Габри, – сказал Гамаш. – Это может стать тяжелым ударом для Оливье и Рейн-Мари.

– Тут вы абсолютно правы, – рассмеялся Габри и, выйдя из-за стойки, предложил Гамашу лакричную трубочку. – И еще говорят, что лучше всего подавлять эмоции.

Гамаш сунул лакричную трубочку в рот, словно закурил.

– Очень по-европейски, – сказал Габри, кивая. – Настоящий инспектор Мегре.

– Merci. Всегда именно так и хотел выглядеть.

– Сядете на улице? – спросил Габри, показывая на террасу с круглыми столиками и вишневого цвета зонтами от солнца.

Несколько посетителей попивали там кофе, кое-кто – аперитивы.

– Нет, я ищу кое-кого.

Арман Гамаш указал вглубь бистро, на столик у камина. Там удобно устроился галерист Дени Фортен, который, судя по всему, чувствовал себя как дома.

– Но сначала у меня к вам вопрос, – сказал Гамаш. – Месье Дени Фортен говорил с вами на вернисаже Клары?

– В Монреале? Да, – рассмеялся Габри. – Говорил-говорил. Он извинялся.

– Что он сказал?

– Он – я цитирую – сказал: «Приношу извинения за то, что назвал вас проклятым гомосеком». Конец цитаты. – Габри испытующе посмотрел на Гамаша. – Вы же знаете, это я и есть.

– До меня доходили слухи. Но когда тебя так называют, это не очень приятно.

Габри покачал головой:

– Это случилось не в первый раз. И вероятно, не в последний. Но вы правы. Привыкнуть к этому трудно. Рана всегда кажется свежей.

Они посмотрели на удобно устроившегося галериста. Томного, расслабленного.

– Что вы о нем думаете? – спросил Гамаш. – Если он предложит мне выпивку, стоит ли ее сначала проверить?

Габри улыбнулся:

– Вообще-то, он мне нравится. Немногие из тех, что называли меня проклятым гомосеком, потом извинялись. Это его плюс. И еще он извинился перед Кларой за то, что так с ней обошелся.

Значит, галерист не обманул, подумал Гамаш.

– Он тоже был здесь в субботу на вечеринке. Клара его пригласила, – сказал Габри, проследив за взглядом Гамаша. – Я не знал, что он остался.

– Он не оставался.

– А с чего же он вернулся?

Гамаш задавал себе тот же самый вопрос. Он видел, как Дени Фортен приехал несколько минут назад, и пришел, чтобы спросить его об этом.

– Никак не ожидал увидеть вас здесь, – сказал Гамаш, подходя к

Фортену.

Тот поднялся со своего места, и они обменялись рукопожатием.

– Я не собирался приезжать. Но в понедельник галерея закрыта, и мне стали приходить в голову разные мысли.

– Какие?

Они расположились в двух креслах. Габри принес им лимонад.

– Вы сказали, что вам стали приходить в голову разные мысли, – напомнил Гамаш.

– О том, что вы мне рассказали вчера.

– Об убийстве?

Дени Фортен покраснел:

– Вообще-то, нет. О Франсуа Маруа и Андре Кастонге, которые все еще здесь.

Гамаш знал, что имеет в виду галерист, но ему хотелось, чтобы собеседник произнес эти слова вслух.

– Да-да, я слушаю.

Фортен усмехнулся. Улыбка была мальчишеская и обезоруживающая.

– Мы в мире искусства предпочитаем думать о себе как о бунтовщиках, нонконформистах. Как о людях, свободных духом. Мы считаем, что интуитивно и интеллектуально мы выше других. Но не случайно же все это называется истеблишментом мира искусства. Факт состоит в том, что большинство идет проторенной тропой. Если один дилер нашел художника, вскоре к нему присоединяются другие. Мы идем по чужому следу. Так создаются художники. Не потому, что один лучше другого, а потому, что у дилеров стадное мышление. Они вдруг все решают, что им нужен именно этот художник.

– Они?

– Мы, – неохотно сказал Фортен, и Гамаш опять отметил, что румянец раздражения всегда готов появиться на лице галериста.

– Этот художник становится следующим важным событием?

– Бывает. Если бы в дело ввязался один Кастонге, я бы не стал беспокоиться. Или даже один Маруа. Но когда сразу двое…

– А почему вы думаете, что они все еще здесь? – спросил Гамаш.

Он знал почему. Маруа сказал ему. Но ему хотелось выслушать интерпретацию этого от Фортена.

– Все дело в обоих Морроу, конечно.

– И поэтому вы приехали сюда?

– А зачем еще?

Страх и корысть, сказал месье Маруа. Вот что движет внешне

прекрасным миром искусства. Именно это и сидело сейчас в тихом бистро.

Жан Ги Бовуар поднял трубку зазвонившего телефона.

– Инспектор Бовуар? Это Клара Морроу.

Она говорила тихо, почти шепотом.

– Что случилось? – спросил Бовуар, невольно тоже переходя на шепот.

– У нас в саду за домом кто-то есть. Кто-то незнакомый.

Бовуар поднялся.

– И что он делает?

– Смотрит, – прошептала Клара. – На то место, где была убита Лилиан.

Агент Лакост, вся в напряженном ожидании, стояла на краю деревенского луга.

Слева от нее старший инспектор Гамаш осторожно обходил коттедж Питера и Клары Морроу, стараясь оставаться неслышным для того, кто находится за домом.

Жители деревни, выгуливавшие собак, остановились. Разговоры зазвучали более приглушенно, а потом вообще прекратились, и вскоре деревня замерла. Она тоже ждала и наблюдала.

Лакост знала, что ее задача состоит в том, чтобы сберечь жизнь жителям, если до этого дойдет. Если тот, кто пробрался в сад Морроу, ускользнет от шефа, сумеет миновать Бовуара, то последним рубежом обороны будет Лакост.

Она ощущала пистолет в набедренной кобуре, невидимой под стильной курткой. Но она не вытащила пистолет из кобуры. Пока. Старший инспектор Гамаш вбил им всем в головы: никогда не доставайте оружие, если не собираетесь его использовать.

И стреляйте, чтобы остановить преступника. Не цельтесь в ногу или руку. Цельтесь в туловище.

Вы не обязательно хотите его убить. Но вы совершенно точно не хотите промахнуться. Потому что если оружие извлечено, значит все остальные меры были исчерпаны. Значит все черти из ада вырвались на свободу.

И опять перед ее мысленным взором возник непрошеный образ. Она наклоняется над шефом, который лежит на полу, не в силах произнести ни слова. Глаза его помутнели. Он пытается сфокусировать взгляд. Она держит его за руку, липкую от крови, смотрит на его обручальное кольцо, тоже в крови. Столько крови на его руках.

Она прогнала это воспоминание. Собралась.

Бовуар и Гамаш исчезли из виду. Она видела лишь тихую деревеньку, залитую солнцем. И слышала только, как колотится, колотится ее сердце.

Старший инспектор Гамаш завернул за угол коттеджа и остановился.

Спиной к нему стояла женщина. Он сразу же узнал ее. И был абсолютно уверен, что она безобидна. Но прежде чем убрать оружие, должен был убедиться.

Гамаш посмотрел налево, увидел Бовуара, тоже недоумевающего, но больше не встревоженного. Шеф поднял левую руку, давая знак Бовуару оставаться на месте.

– Bonjour, – произнес Гамаш, и женщина вскрикнула, подпрыгнула и повернулась.

– Черт возьми, – сказала Сюзанна. – Я чуть не обделалась от страху.

Гамаш усмехнулся:

– Désolé, но с Кларой Морроу при виде вас чуть не случилось то же самое.

Сюзанна посмотрела на коттедж, увидела Клару в кухонном окне и с извиняющейся улыбкой помахала Кларе. Та неуверенно помахала в ответ.

– Извините, – сказала Сюзанна. В этот момент она заметила Бовуара, который стоял в нескольких футах в другом конце сада. – Вы же знаете, что я безобидна. Может быть, глупа, но безобидна.

Инспектор Бовуар смотрел на нее недовольным взглядом. Его опыт говорил ему, что глупые люди никогда не бывают безобидными. Они были худшими из всех. Из глупости совершалось не меньше преступлений, чем из злости или корысти. Но он все же смягчился, подошел к Гамашу и прошептал:

– Я пойду скажу Лакост, что все в порядке.

– Bon, – ответил Гамаш. – Дальше я сам.

Бовуар бросил взгляд через плечо на Сюзанну и покачал головой.

Глупая женщина.

– Так почему вы здесь? – спросил Гамаш у Сюзанны, когда они остались вдвоем.

– Хотела увидеть, где умерла Лилиан. Не могла уснуть прошлой ночью. С осознанием случившегося боль становилась все сильнее. Лилиан мертва. Ее убили.

Но, глядя на нее, трудно было сказать, что она уже поверила в это.

– Я должна была приехать сюда. Увидеть, что случилось. Вы сказали, что будете здесь, и я захотела предложить вам свою помощь.

– Помощь? Какую?

Сюзанна удивилась вопросу:

– Если это не было ошибкой или случайным нападением, то кто-то умышленно убил Лилиан. Вы так не считаете?

Гамаш кивнул, внимательно глядя на женщину.

– Кто-то хотел смерти Лилиан. Но кто?

– И почему? – добавил Гамаш.

– Именно. Вот в связи с «почему» я, возможно, и сумею вам помочь.

– Как?

– Когда? – продолжила Сюзанна ряд вопросов и улыбнулась. Потом улыбка сошла с ее лица – она повернулась к этой дыре в саду, огражденной желтой лентой, чуть трепещущей на ветру. – Я знала Лилиан лучше, чем кто бы то ни было. Лучше, чем ее родители. Может быть, даже лучше, чем она сама знала себя. Я могу вам помочь.

Она посмотрела в умные карие глаза Гамаша. Посмотрела с вызовом, готовая к сражению. Но она не была готова увидеть то, что увидела, – работу мысли.

Он взвешивал ее слова. Не отвергал их, не подыскивал возражений. Арман Гамаш обдумывал то, что она сказала и что он услышал.

Старший инспектор разглядывал эту энергичную женщину. Разномастная одежда на ней сидела в обтяжку. Она одевалась так намеренно или случайно? Может быть, она не видела себя? Или ей было все равно, как она выглядит?

Вид у нее был глуповатый. Да она и сама объявила себя такой.

Но она не была глупой. Взгляд у нее был проницательный. А ее слова звучали очень разумно.

Она знала убитую как никто другой. Благодаря близкому знакомству с Лилиан ее помощь могла стать неоценимой. Но по этой ли причине она приехала сюда?

– Привет, – осторожно сказала Клара, выходя из кухонной двери.

Сюзанна тут же повернулась, увидела Клару и двинулась к ней навстречу с протянутой рукой.

– Простите, пожалуйста. Я должна была сначала постучать к вам в дверь и попросить разрешения, а не проникать в ваш сад незаметно. Сама не знаю, почему я это сделала. Меня зовут Сюзанна Коутс.

Женщины обменялись рукопожатием и разговорились, а Гамаш перевел взгляд на клумбу. На молельную палочку, воткнутую в землю. Вспомнил о том, что Мирна нашла под этой палочкой.

Жетон новичка АА.

Он предположил, что этот жетон принадлежал жертве, но теперь начал сомневаться. Не принадлежал ли жетон убийце? И не стало ли это причиной неожиданного появления Сюзанны здесь, в саду?

Не искала ли она здесь потерянную монетку, не зная, что та уже найдена?

Клара и Сюзанна подошли к нему, и Клара рассказала, как было найдено тело Лилиан.

– Вы с ней дружили? – спросила Клара, закончив рассказ.

– Вроде того. У нас были общие друзья.

– Вы художник? – спросила Клара, разглядывая немолодую женщину и ее одежду.

– В некотором роде, – рассмеялась Сюзанна. – Но не в вашем понимании. Мне нравится думать, что моя работа интуитивна. Однако критики смотрят на нее иначе.

Обе женщины рассмеялись.

За их спиной, видимые только Гамашу, полоскались на ветру ленточки молельной палочки, словно перехватывая их смех.

– На мои работы критики тоже долгие годы смотрели иначе, – признала Клара. – Но по большей части они на них вообще не смотрели. Словно и не видели. Это была моя первая выставка, о которой знает человечество.

Женщины сравнивали свои наблюдения над миром искусства, а Гамаш слушал. Это была хроника жизни художника. Борьба амбиций и творчества.

Попыток делать вид, что тебе все равно. Тогда как на самом деле тебе ой как не все равно.

– Меня не было на вашем вернисаже, – сказала Сюзанна. – Для меня это слишком сложно. Я скорее буду подавать сэндвичи, чем есть их, но, насколько мне известно, вы имели грандиозный успех. Примите мои поздравления. Я собираюсь сходить на вашу выставку в ближайшее время.

– Мы можем пойти туда вместе, – предложила Клара. – Если вам интересно.

– Спасибо, – сказала Сюзанна. – Если бы я знала, какая вы милая, я бы вторглась на вашу территорию сто лет назад.

Она огляделась и погрузилась в молчание.

– О чем вы думаете? – спросила Клара.

Сюзанна улыбнулась:

– Вообще-то, я думаю о контрастах. О насилии, совершенном в таком прекрасном месте. О том, что здесь произошло нечто очень скверное.

Они окинули взглядом тихий сад. Наконец их глаза остановились на

месте, огороженном желтой лентой.

– Это что такое?

– Молельная палочка, – ответила Клара.

Все трое смотрели на переплетшиеся ленточки. И тут Кларе пришла в голову одна мысль. Она рассказала Сюзанне про этот обряд, а потом спросила:

– Хотите привязать свою ленточку?

Сюзанна задумалась на секунду.

– Очень хочу. Спасибо.

– Я вернусь через несколько минут.

Клара кивнула обоим и направилась в деревню.

– Милая женщина, – сказала Сюзанна, глядя ей вслед. – Надеюсь, она сумеет такой и остаться.

– У вас есть сомнения на этот счет? – спросил Гамаш.

– Успех иногда изменяет характер. Правда, как и неудача, – снова рассмеялась она и замолчала.

– Как вы думаете, почему убили Лилиан Дайсон? – спросил он.

– Почему вы считаете, что я знаю?

– Потому что я согласен с вами. Вы знали ее как никто другой. Лучше, чем она сама. Вы знали ее тайны, и теперь вы расскажете о них.

Глава семнадцатая

– При-и-ивет, – пропела Клара. – Bonjour.

Она слышала голоса, крики. Но они казались тихими, далекими. Словно из телевизора. Потом они прекратились, и наступила тишина. Создавалось впечатление, что здесь никого нет, но Клара знала, что это, скорее всего, не так.

Она прошла чуть дальше в здание старого вокзала, мимо красной пожарной машины, мимо всевозможного инструмента. Увидела и собственные каску и сапоги. Все жители Трех Сосен были членами добровольной пожарной команды, которую возглавляла Рут Зардо, потому что только она была страшнее любого пожара. Если бы нужно было выбирать между Рут и горящим зданием, то большинство выбрало бы здание.

– Oui, âllo?

В большом помещении раздался мужской голос, и Клара, выйдя из-за пожарной машины, увидела инспектора Бовуара. Он сидел за столом и смотрел в ее сторону.

Увидев Клару, он улыбнулся и поцеловал ее в обе щеки.

– Присаживайтесь. Что я могу для вас сделать? – спросил он.

Голос у него был веселый, энергичный. Но Клара до сих пор не забыла, как была потрясена его видом на вернисаже. Он и теперь выглядел не лучше. Изможденный, усталый. Слишком худой даже при своем неизменном жилистом телосложении. Она, как и все, знала, что ему пришлось пережить. По меньшей мере, она, как и все, знала слова, историю. Но Клара понимала, что на самом деле она *не знает*. И никогда не сможет узнать.

– Я пришла к вам за советом, – сказала она, садясь на вращающееся кресло рядом с Бовуаром.

– Ко мне? – Он не смог скрыть удивления и удовлетворения.

– К вам.

Она заметила это и порадовалась, что не сказала ему: единственная причина, по которой она обращается не к Гамашу, состоит в том, что Гамаш сейчас не один. А Бовуар в одиночестве.

– Кофе? – предложил Жан Ги.

– С удовольствием. Спасибо.

Они поднялись, налили кофе в щербатые белые кружки, взяли по две

штуки печенья с начинкой и вернулись на прежние места.

– Так что у вас за история? – Бовуар откинулся на спинку кресла и посмотрел на Клару.

Его слова и поза немного напоминали о Гамаше. Это создавало ощущение надежности, и Клара была рада, что решила поговорить с молодым инспектором.

– Это насчет родителей Лилиан. Мистера и миссис Дайсон. Понимаете, я их знала. Очень неплохо знала в свое время. Я подумала, может, они еще живы.

– Живы. Мы были у них вчера. Сообщили о том, что случилось с их дочерью.

Клара помедлила, пытаясь представить, каково это было для обеих сторон.

– Вероятно, это было ужасно. Они ее обожали. Единственный ребенок.

– Это всегда ужасно, – согласился Бовуар.

– Я их очень любила. Даже когда мы с Лилиан рассорились, я пыталась поддерживать с ними отношения, но им это было не нужно. Они верили всему, что им говорила про меня Лилиан. Наверное, это можно понять, – сказала она, хотя без особой убежденности.

Бовуар ничего не ответил – он вспомнил яд в голосе мистера Дайсона, когда тот фактически обвинил Клару в убийстве дочери.

– Я хотела их навестить, – продолжила Клара. – Сказать, что сочувствую им. Что такое? – спросила она, видя, как изменился в лице Бовуар.

– Я бы не стал этого делать, – ответил он, поставив кружку и подавшись вперед. – Они очень огорчены. Вряд ли ваш визит пойдет им на пользу.

– Но почему? Я знаю, они верили тем ужасам, что наговорила им про меня Лилиан. Но вдруг мой приезд поможет им смягчить те переживания. В школе мы с Лилиан были лучшими друзьями. Вы думаете, они не будут рады возможности поговорить о дочери с человеком, который ее любил? – Она помолчала. – Когда-то.

– Возможно, как-нибудь позже. Но не сейчас. Дайте им какое-то время.

Приблизительно такой же совет она получила и от Мирны. Клара отправилась в книжный магазин за ленточкой, сушеным шалфеем и пахучей сигарой. Но еще она пришла за советом, стоит ли ей съездить в Монреаль и навестить Дайсонов.

Мирна спросила, зачем Клара хочет это сделать.

– Они одинокие старики, – ответила Клара, потрясенная тем, что ее подруга не понимает этого. – Это худшее, что могло случиться. Я хочу дать им немного утешения. Поверь, мне меньше всего хочется ехать в Монреаль и делать это, просто мне кажется, что так правильно. Чтобы все недоразумения остались в прошлом.

Клара туго намотала ленточку на пальцы, пережимая их.

– Для тебя – может быть, – сказала ей Мирна. – Но как насчет них?

– Может быть, они давно забыли о нашей ссоре с Лилиан. – Клара размотала ленточку, принялась подергивать ее, закручивать, трепать. – Может быть, они сидят в одиночестве, разбитые горем. А я не еду к ним, потому что боюсь.

– Если тебе это необходимо, то езжай, – сказала Мирна. – Только сначала убедись, что ты это делаешь для них, а не для себя.

Эти слова звенели в ушах Клары, пока она шла через луг в сторону оперативного штаба, чтобы поговорить с Бовуаром. Но шла она не только за этим.

За адресом стариков.

Теперь, выслушав Бовуара, Клара кивнула. Два человека дали ей один и тот же совет. Подождать. Клара вдруг поймала себя на том, что смотрит на стену старого железнодорожного вокзала. На фотографии мертвой Лилиан. В ее, Кларином, саду.

Где ее ждут эта странная женщина и старший инспектор Гамаш.

– Кажется, я вспомнила большинство тайн Лилиан.

– Вам так кажется? – спросил Гамаш.

Они прохаживались по саду Клары, время от времени останавливались, восхищаясь цветами.

– Вчера вечером я вам не лгала. Не говорите моим подопечным, но все их тайны перемешались у меня в голове. Проходит время – и уже трудно отделить одно от другого. Все это немного смешивается.

Гамаш улыбнулся. Он тоже был хранилищем многих тайн, которые становились ему известны в ходе расследования, но не имели отношения к делу. Эти тайны никогда не должны были стать достоянием других людей. И потому были надежно заперты в памяти Гамаша.

Если бы кто-то вдруг потребовал у него выдать тайны некоего месье, то Гамаш заартачился бы. А уж если бы ему все-таки пришлось поделиться с кем-то этими тайнами, то, честно говоря, ему потребовалось бы время, чтобы отделить одни тайны от других.

– Тайны Лилиан были не хуже, чем какие-либо другие, – сказала Сюзанна. – По крайней мере, те тайны, о которых она мне говорила. Воровство в магазинах, невозврат долгов. Ну таскала она деньги из кошелька матери. Ну приторговывала наркотиками, ну изменяла мужу. В Нью-Йорке она воровала из кассы у своего босса, не делилась чаевыми.

– Ничего из рамок вон выходящего, – сказал Гамаш.

– Она никогда не выходила за рамки. Большинство из нас ломается, когда груз мелких нарушений становится слишком тяжел. Все это помаленьку складывается, и мы не выдерживаем. Избежать крупных проступков достаточно просто, но вас в конечном счете погребает под собой сотня мелочей. Если долго слушать человеческие истории, то понимаешь, что убивает не пощечина, не удар, а слушок, пренебрежительный взгляд, повернутая к тебе спина. Вот что больнее всего для людей, не совсем утративших достоинство. Они и пьют для того, чтобы забыть об этом.

– А люди без достоинства?

– Они не приходят в АА. Они считают, что у них все в порядке.

Гамаш немного подумал.

– Вы сказали: «По крайней мере, те тайны, о которых она мне говорила». Это означает, что были вещи, которые она от вас утаивала?

Гамаш не смотрел на свою собеседницу. Он давно уже знал, что люди легче раскрываются, если у них возникает иллюзия собственного пространства. И потому старший инспектор смотрел прямо перед собой, на греющиеся в послеполуденных солнечных лучах кусты жимолости и роз вокруг беседки.

– Некоторым удается вывалить все это зараз, – сказала Сюзанна. – Но большинству требуется время. Дело не в том, что они намеренно что-то утаивают. Иногда эти тайны скрыты так глубоко, что люди о них даже забывают.

– До определенного времени?

– Пока эта тайна из глубины не процарапывается наружу. К тому времени что-то, казавшееся мелочью, превращается в нечто неузнаваемое. В нечто большое и зловонное.

– И что случается потом? – спросил старший инспектор.

– Потом у нас есть выбор, – ответила Сюзанна. – Мы можем посмотреть правде в лицо. Или снова зарыть ее поглубже. Или хотя бы попытаться.

Случайному наблюдателю могло показаться, что это два старых друга беседуют о литературе. Но человек, не лишенный проницательности,

заметил бы выражение их лиц. Не мрачное, но, возможно, чуть печальное в этот хороший солнечный денек.

– Что происходит, если люди пытаются снова зарыть это? – спросил Гамаш.

– Не знаю, как нормальные человеческие существа, но для алкоголика это самоубийственно. Отвратительная тайна заставляет тебя пить и пить и рано или поздно доведет до могилы. Но сначала она разорит все, что есть вокруг тебя. Уйдут твои близкие, ты потеряешь работу, дом. Достоинство. И наконец, жизнь.

– И все из-за какой-то тайны?

– Из-за тайны и решения спрятаться от правды. Из-за того, что твой выбор – трусость. – Она внимательно посмотрела на него. – Трезвость не для трусов, старший инспектор. Что бы вы ни думали об алкоголиках, но, чтобы излечиться, излечиться по-настоящему, требуется огромная честность. А чтобы быть честным, требуется огромное мужество. Бросить пить – это самая легкая часть исцеления. После этого мы должны заглянуть себе в лицо. Посмотреть на наших демонов. Много ли людей готовы сделать это?

– Не много, – признал Гамаш. – Но что случается, если верх берет демон?

Клара Морроу медленно шла по мосту. Остановилась, чтобы посмотреть на речку. Белла-Белла бурливо несла свои воды, ловила солнце серебряной и золотой рябью. На дне виднелись камни, отшлифованные потоком воды. Время от времени проплывала радужная форель.

Ехать ли ей в Монреаль? Она, вообще-то, уже нашла адрес Дайсонов, просто хотела подтвердить его у Бовуара. Бумажка лежала у нее в кармане, и теперь она посмотрела на их с Питером машину. Замершую в ожидании.

Ехать ли ей в Монреаль?

Чего она ждет? Чего боится?

Что они скажут ей о своей ненависти? Что обвинят? Выкинут из дома? Что мистер и миссис Дайсон, которые когда-то были для нее чуть ли не вторыми родителями, отрекутся от нее?

Но она знала, что должна сделать это. Несмотря на то, что сказала Мирна. Несмотря на то, что сказал Бовуар. Она не спрашивала у Питера. Еще недостаточно доверяла ему, когда речь о таких важных вещах.

«Не езди.

Не рискуй».

Клара отвернулась от реки и пошла с моста.

– Вы правы, – сказала Сюзанна. – Иногда побеждает демон. Иногда мы не осмеливаемся взглянуть правде в глаза. Это слишком мучительно.

– И что происходит тогда?

Сюзанна топтала траву, больше не замечая красоты сада.

– Вы слышали когда-нибудь о Шалтае-Болтае, старший инспектор?

– Детские стишки? Я читал их моим детям.

Он помнил, что Даниель любил их. Был готов слушать их снова и снова. Мог часами разглядывать иллюстрации со всей королевской конницей и всей королевской ратью, которые пытаются собрать Шалтая-Болтая.

А Анни? Она заплакала и не могла остановиться. Залила слезами рубашку Гамаша. Он укачивал ее, пытался успокоить. На это ушло какое-то время, и он не сразу сообразил, в чем дело. А потом понял: маленькой Анни, которой едва исполнилось четыре, невыносимо было думать о разбившемся Шалтае-Болтае. Повредившемся так сильно, что никто уже не мог ему помочь.

– Это, конечно, аллегория, – сказала Сюзанна.

– Вы имеете в виду, что никакого Шалтая-Болтая никогда не было? – спросил Гамаш.

– Именно это я и имею в виду, старший инспектор. – Улыбка сошла с лица Сюзанны, она сделала несколько шагов в молчании. – Многие люди, как Шалтай-Болтай, повредились настолько, что вылечить их невозможно.

– И Лилиан среди них?

– Она исцелялась. Я думаю, что ей бы это удалось. Она явно прилагала к этому огромные усилия.

– Но?.. – спросил Гамаш.

Сюзанна сделала еще несколько шагов.

– Лилиан совсем запуталась в жизни. Но она постепенно собирала свою жизнь по черепкам. Так что проблема была не в этом.

Старший инспектор поразмыслил над тем, что пытается сказать ему эта женщина, внешне такая вульгарная, но и такая преданная. Наконец он решил, что понял.

– Она не была Шалтаем-Болтаем, – сказал он. – Она не падала со стены. Она сталкивала с нее других. Другие из-за Лилиан падали и сильно калечились.

Сюзанна Коутс молча шла рядом с ним.

– Извините, что я так долго, – сказала Клара, выходя из-за старого куста сирени на углу ее дома. – Вот, взяла у Мирны.

Она показала ленту и сигару, чем немало озадачила старшего инспектора и Сюзанну.

– Что это за обряд? – спросил Гамаш с неуверенной улыбкой.

– Обряд очищения. Хотите к нам присоединиться?

Гамаш подумал и кивнул. Ему был известен этот обряд. Некоторые местные жители проводили очищение мест, где прежде совершались убийства. Но ему никогда еще не предлагали самому принять участие в этом обряде. Хотя, Господь свидетель, вокруг него в годы его католической юности курилось немало благовоний, а нынешнее предложение вряд ли было чем-то хуже.

Во второй раз за два дня Клара зажигала шалфей и зубровку. Она осторожно направила пахучий дымок в сторону неистовой художницы, на ее голову, потом на ноги. Это, как объяснила Клара, прогоняет все негативные мысли и дурную энергию.

Потом наступила очередь Гамаша. Она посмотрела на него. У него было слегка недоуменное выражение, но – расслабленное, внимательное. Она обкурила его, и вокруг Гамаша повисло ароматное облачко, вскоре развеянное ветерком.

– Вся негативная энергия ушла, – сказала Клара, обкуривая себя. – Ее нет.

«Если бы все было так просто», – думал каждый их них.

Потом Клара раздала им ленточки, попросила воздать безмолвную молитву Лилиан и привязать ленточки к молельной палочке.

– А как же полицейская лента? – спросила Сюзанна.

– Это уже не имеет значения, – сказала Клара. – Это скорее просьба, чем запрещение. И потом, я знакома с тем парнем, который приказал ее сюда повесить.

– Противозаконно, – заметил Гамаш, прижимая ленту к земле, чтобы можно было пройти. – Но из лучших побуждений.

Агент Изабель Лакост почти остановила машину. Она выезжала из Трех Сосен в Монреаль, чтобы помочь в поисках той самой рецензии Лилиан Дайсон в архиве «Пресс». Нужно было узнать, о ком конкретно были сказаны эти злобные слова.

Проезжая мимо дома Морроу, она увидела нечто такое, чего никак не ждала увидеть. Старший офицер Квебекской полиции явно молился перед палочкой.

Она улыбнулась, жалея, что не может к нему присоединиться. Она и сама нередко произносила безмолвные молитвы на месте преступления.

Когда все уезжали, Изабель Лакост возвращалась. Чтобы дать мертвым знать: они не забыты.

Но на сей раз шеф заменил ее. Интересно, о чем он молится, подумала она. Она помнила, как держала его за окровавленную руку, и подумала, что, возможно, сумеет догадаться.

Старший инспектор Гамаш прикоснулся к молельной палочке и прогнал посторонние мысли. Несколько секунд спустя он привязал свою ленту к палочке и отошел.

– Я прочла молитву о душевном покое, – сказала Сюзанна. – А вы?

Но Гамаш решил не говорить им, о чем он молился.

– А вы? – спросила Сюзанна у Клары.

Гамаш отметил, что она говорит менторским, требовательным тоном. Он подумал, подходят ли такие качества для опекуна в АА.

Как и Гамаш, Клара не ответила.

Но ответ у нее был.

– Мне нужно уехать на какое-то время. Увидимся позже.

Клара заторопилась домой. Она спешила – слишком много времени было потеряно.

Глава восемнадцатая

– Ты уверена, что мне не надо ехать с тобой?

Питер шел за Кларой по дорожке к машине, припаркованной у их калитки.

– Я быстро. Мне нужно в Монреаль буквально на несколько минут.

– Зачем? Я не могу тебе чем-то помочь?

Ему отчаянно хотелось доказать Кларе, что он стал другим. Но хотя она и вела себя с ним по-человечески, было ясно: его жена, в которой было столько веры, в конечном счете утратила к нему всякое доверие.

– Нет. Поразвлекайся здесь.

– Позвони, когда доберешься до места, – прокричал он вслед машине, хотя и не был уверен, что Клара его слышит.

– Куда она уехала?

Питер развернулся и увидел инспектора Бовуара.

– В Монреаль.

Бовуар вскинул брови, но ничего не сказал. Постояв несколько секунд, он двинулся в сторону бистро и террасы.

Питер видел, как инспектор Бовуар сел в одиночестве под одним из желто-голубых зонтов. Оливье тут же появился из бистро, как личный дворецкий инспектора.

Бовуар взял два меню, заказал выпивку и расслабился.

Питер ему позавидовал. Надо же – сидеть в одиночестве. И наслаждаться собственной компанией. Он завидовал ему почти в такой же мере, в какой завидовал людям, которые сидели группами по двое, по трое, по четверо. Наслаждались обществом. Для Питера хуже общества было лишь одиночество. Если только это не было одиночеством в его мастерской. Или с Кларой. Когда они были вдвоем.

Но вот теперь она оставила его одного у дороги.

И Питер Морроу не знал, что ему делать.

– Ваш подчиненный с ума сойдет – вы задерживаете его ланч, – сказала Сюзанна, кивая в сторону бистро.

Они вышли из сада Клары и решили пройти вокруг деревенского луга. Рут сидела на скамейке посреди маленького сквера. Центра притяжения для всех жителей Трех Сосен.

Она смотрела в небеса, и Гамаш спрашивал себя, бывают ли

услышаны молитвы. Он тоже посмотрел на небо, как сделал это, когда его рука покоилась на молельной палочке.

Но небо оставалось пустым и тихим.

Потом он опустил взгляд и увидел Бовуара – тот сидел за столиком на террасе бистро и смотрел на них.

– У него несчастный вид, – сказала Сюзанна.

– Он всегда несчастен, когда голоден.

– А я уверена, что он всегда голоден, – сказала Сюзанна.

Старший инспектор посмотрел на нее, предполагая увидеть улыбку во все лицо, но с удивлением обнаружил, что она совершенно серьезна.

Они пошли дальше.

– Как вы думаете, почему Лилиан Дайсон приехала в Три Сосны? – спросил Гамаш.

– Я сама спрашивала себя об этом.

– Пришли к какому-нибудь выводу?

– Я думаю, одно из двух. Она приехала извиниться за причиненные ею обиды. – Сюзанна остановилась и посмотрела в глаза Гамашу. – Или обидеть еще больнее.

Старший инспектор кивнул. Он тоже склонялся к этому. Но какая пропасть между двумя этими намерениями. При исполнении одного Лилиан была трезвой и здоровой, а другого – жестокой, неизменившейся, нераскаявшейся. Кем она была – одной из королевской рати? Или же приехала в Три Сосны, чтобы скинуть со стены еще кого-то?

Гамаш надел очки и открыл большую книгу, которую оставлял в бистро, а потом забрал.

– «Алкоголик, подобно торнадо, с ревом проносится по чужим жизням», – прочел он низким, спокойным голосом. Посмотрел на Сюзанну над полукружиями очков. – Мы нашли это на ее прикроватной тумбочке. Эти слова были подчеркнуты.

Он показал ей книгу. Яркими белыми буквами на темном фоне было напечатано: «Анонимные алкоголики».

Сюзанна ухмыльнулась:

– Не очень точно сказано. Вообще-то, это ироническая сентенция.

Гамаш улыбнулся, снова перевел взгляд на страницы:

– Это еще не все. «Разбиваются сердца. Умирает любовь». – Он неторопливо закрыл книгу, снял очки. – Это вам о чем-нибудь говорит?

Сюзанна протянула руку, и Гамаш отдал ей книгу. Она открыла ее на закладке, просмотрела страницу, улыбнулась:

– Мне это говорит, что она перешла к девятому этапу. – Она вернула

книгу Гамашу. – Вероятно, читала этот раздел. На этом этапе мы просим прощения у людей, которым нанесли вред. Наверное, она для этого сюда и приехала.

– А что представляет собой девятый этап?

– «Принесение прямых извинений таким людям, если только это не причинит вред им или другим», – процитировала она.

– Таким людям?

– Тем, кому мы нанесли ущерб нашими действиями. Она приехала сюда, чтобы извиниться.

– «Умирает любовь», – сказал Гамаш. – Вы думаете, она приехала поговорить с Кларой Морроу? Чтобы… как вы это говорите… покаяться?

– Может быть. Здесь, кажется, было немало людей искусства. Она могла приехать сюда, чтобы извиниться перед любым из них. Она многих оскорбила.

– Но неужели кто-то стал бы делать такое?

– Вы это о чем?

– Если бы я хотел искренне извиниться, то я не стал бы делать это на вечеринке.

– Это верно сказано. – Сюзанна глубоко вздохнула. – Есть еще кое-что, и мне не очень хотелось это признавать. Я не уверена, что она и в самом деле достигла девятого этапа. Не думаю, что она прошла все предыдущие.

– Это имеет значение? Их нужно проходить по порядку?

– Вас ни к чему не принуждают, но в определенном порядке это явно легче. Что бы случилось, если бы вы с первого курса университета перешли сразу на пятый?

– Вероятно, у меня ничего не получилось бы.

– Вот именно.

– Но что значит «не получилось» в данном случае? Вас бы не выкинули из АА?

Сюзанна рассмеялась, хотя было видно, что ей не смешно.

– Нет. Послушайте. Все этапы важны, но девятый, вероятно, самый щекотливый, самый напряженный. Фактически на этом этапе мы впервые взаимодействуем с другими людьми. Берем на себя ответственность за то, что сделали. Если же мы делаем это неправильно…

– Что тогда?

– Можем принести еще больше вреда. Другим и себе.

Она остановилась, чтобы понюхать куст сирени в полном цвету на краю тихой дороги. И, как показалось Гамашу, чтобы дать себе время

подумать.

– Прекрасно, – сказала она, отрываясь от пахучей сирени и оглядываясь, словно только теперь увидела эту хорошенькую деревеньку. – Я бы могла здесь жить. Тут можно построить хороший дом.

Гамаш ничего не ответил, полагая, что она готовится к какому-то откровению.

– Наша жизнь, когда мы пили, была очень непростой. Настоящий хаос. В какие только неприятности мы не попадали. Просто ужас. А здесь то, чего всем нам хотелось, – вот такого тихого места под ярким солнцем. Но с каждым днем, прожитым в пьянстве, мы уходили от этой мечты все дальше и дальше.

Сюзанна посмотрела на маленькие коттеджи вокруг деревенского луга. На их крылечки и сады перед фасадом с пионами, люпинами и розами в цвету. С собачками и кошечками, нежащимися на солнце.

– Мы жаждем обрести дом. После долгих лет войны со всеми окружающими, с самими собой мы хотим одного – мира.

– И как вы его находите? – спросил Гамаш.

Он больше, чем кто-либо другой, знал, что мир, такой мир, как в Трех Соснах, обрести очень трудно.

– Ну, для начала мы должны найти самих себя. Мы потерялись где-то на жизненном пути. И стали бродить кругами в алкогольном и наркотическом тумане. Мы все больше и больше удалялись от своих истинных «я». – Она снова посмотрела на него и улыбнулась. – Но некоторые из нас все же находят путь назад. Из чащи. – Сюзанна перевела взгляд с умных карих глаз Гамаша, с деревенского луга, с домов и магазинов на лес и горы, окружающие их. – Пьянство – это только часть проблемы. Это болезнь чувств. Восприятия. – Она несколько раз постучала себя по виску. – У нас искажается видение, мыслительный процесс. Мы это называем мозгодурью. Это влияет на наши чувства. И я могу вам сказать, старший инспектор, что изменить наше восприятие очень трудно. И страшно. Большинство на это неспособны. Но немногим везунчикам удается. А сделав это, мы обретаем себя. – Она огляделась. – Находим свой дом.

– Чтобы изменить сердце, приходится изменять голову? – спросил Гамаш.

Сюзанна не ответила. Она просто продолжила разглядывать деревню.

– Занятно, что здесь не работают сотовые. И вот сколько мы уже ходим, а ни одна машина не проехала. Интересно, внешний мир знает, что здесь находится эта деревня?

– Это невидимая деревня, – ответил Гамаш. – Ее нет ни на одной карте. Сюда каждый сам находит путь. – Он посмотрел на свою собеседницу. – Вы уверены, что Лилиан и в самом деле бросила пить?

– О да. С ее первого собрания.

– И когда это было?

Сюзанна задумалась на секунду:

– Месяцев восемь назад.

Гамаш произвел подсчеты в уме:

– Значит, она пришла в АА в октябре. Вы не знаете почему?

– Вы хотите знать, не произошло ли чего в ее жизни? Нет. У некоторых – вроде Брайана – случаются всякие ужасы. Мир распадается на части. Они разваливаются, как Шалтай-Болтай. У других все тихо, почти незаметно. Разрушение происходит внутри. Вот это-то и случилось с Лилиан.

Гамаш кивнул:

– А дома у нее вы когда-нибудь были?

– Нет. Мы всегда встречались в кафе. Или у меня.

– Вы видели ее картины?

– Нет. Она мне сказала, что снова стала писать, но я ничего не видела. Не хотела.

– Почему? Я подумал, что вам, тоже художнику, это было бы интересно.

– Мне и было интересно. Боюсь, я слишком любопытна. Но мне казалось, это не приведет ни к чему хорошему. Если я увижу прекрасные работы, это может вызвать у меня зависть, а это уж совсем ни к чему. А если ее работы – дрянь? Что я должна была ей сказать? Так что нет, я не видела, чем она занимается.

– Неужели вы и в самом деле могли бы завидовать своему подопечному? Это не похоже на те отношения, которые вы описывали.

– Я говорила об идеале. Я к нему близка, как вы, несомненно, заметили. Но мне еще предстоит проделать определенный путь. – Сюзанна рассмеялась над своими словами. – Это мой единственный недостаток. Зависть.

– И любопытство.

– Два моих недостатка. Зависть и любопытство. И еще я не терплю возражений. Боже мой. Нет, я в самом деле полное дерьмо. – Она рассмеялась.

– И насколько мне известно, вы в долгах.

Услышав эти слова, Сюзанна остановилась как вкопанная.

– Откуда вы знаете? – Она уставилась на него, но Гамаш не ответил, и она, смирившись, кивнула. – Конечно, вы это выяснили. Да, я в долгах. Никогда не умела распоряжаться деньгами, а теперь, когда мне не разрешается красть, жизнь стала гораздо труднее. – Она обезоруживающе улыбнулась. – Еще один недостаток, который нужно добавить ко все растущему списку.

Воистину растущий список, подумал Гамаш. О каких еще своих недостатках она умолчала? Ему показалось странным, что два художника не пожелали сравнить свои работы. Что Лилиан не захотела показать картины своему опекуну Сюзанне. Чтобы получить одобрение, выслушать мнение.

А что сделала бы Сюзанна? Увидела бы, что это блестящее искусство, и что? Убила бы Лилиан в припадке зависти?

Это казалось маловероятным.

Но все же странно, что за восемь месяцев близких отношений Сюзанна ни разу не побывала в доме Лилиан. Не видела ее картин.

Потом в голову Гамашу пришла еще одна мысль.

– Вы познакомились в АА или знали друг друга раньше?

Он понял, что попал в точку. Хотя улыбка и сошла с ее лица, но взгляд стал пронзительнее.

– Вообще-то, мы знали друг друга и раньше. Хотя слово «знали» для этого случая не совсем подходит. Мы пересекались на выставках много лет назад. Еще до ее отъезда в Нью-Йорк. Но друзьями никогда не были.

– Но отношения были дружескими?

– После нескольких рюмочек? – Сюзанна рассмеялась. – Я становлюсь дружески расположенной ко всем, старший инспектор.

– Но, как я понимаю, не с Лилиан.

– Ну, тут немного по-другому, – согласилась Сюзанна. – Понимаете, дело в том, что я не стоила ее времени. Она была важной персоной, критиком в «Пресс», а я – всего лишь одним из многих пьющих художников. И между нами, меня это устраивало. Она была такой сукой. Этим и прославилась. Сколько бы я ни выпила, общение с Лилиан никогда не было хорошей идеей.

Гамаш задумался на секунду, потом пошел дальше.

– И давно вы в АА? – спросил он.

– Восемнадцатого марта исполнилось двадцать три года.

– Двадцать три года? – Он не сумел скрыть удивление.

– Видели бы вы меня, когда я появилась там в первый раз, – улыбнулась Сюзанна. – Кукушка для шоколадных шариков «Кокоа пуффс».

То, что вы видите, есть результат тяжелой двадцатитрехлетней работы.

Они прошли мимо террасы. Бовуар показал на свое пиво, и Гамаш кивнул.

– Двадцать три года, – повторил Гамаш, когда они пошли дальше. – Вы бросили пить приблизительно в то же время, когда Лилиан уехала в Нью-Йорк.

– Пожалуй.

– Это было простое совпадение?

– Она не была частью моей жизни. Лилиан не имела никакого отношения к моему пьянству или отрезвлению.

В голосе Сюзанны послышался надрыв. Небольшое раздражение.

– Вы все еще пишете? – спросил Гамаш.

– Немного. По большей части ерунду всякую. Хожу на курсы, преподаю на курсах, захаживаю на вернисажи, где бесплатно поят и кормят.

– Лилиан говорила о Кларе и ее выставке?

– Она никогда не упоминала Клару. По крайней мере, ее имя. Но она говорила, что должна извиниться перед многими художниками, дилерами и галеристами. Возможно, среди них была и Клара.

– А они среди них были? – спросил Гамаш, кивнув в сторону двух людей, которые сидели на террасе гостиницы Габри и смотрели на Гамаша и Сюзанну.

– Полетт и Норман? О них она тоже не говорила. Но я бы не удивилась, узнав, что Лилиан в чем-то виновата и перед ними. Когда она выпивала, к ней лучше было не подходить.

– А еще она могла написать: «Он естествен во всех своих проявлениях – творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности», – процитировал Гамаш.

– Так вы и об этом знаете?

– И вы, очевидно, тоже.

– Это знает любой художник в Квебеке. Это была вершина критического творчества Лилиан. Ее pièce de résistance[64]. Почти идеальное убийство.

– Вы не знаете, о ком она это написала?

– А вы?

– Стал бы я спрашивать, если бы знал?

Сюзанна несколько мгновений вглядывалась в лицо Гамаша.

– Может, и стали бы. Вы такой хитрец, как мне кажется. Но нет, я не знаю.

Почти идеальное убийство. Так оно и было. Этими словами Лилиан

нанесла смертельный удар. Неужели жертва ждала несколько десятилетий, а потом отплатила той же монетой?

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Возражать было поздно. Мирна уже села, а если Мирна садилась, то сдвинуть ее с места было нелегко.

Бовуар посмотрел на нее не самым приветливым взглядом:

– Конечно. Какие проблемы.

Он оглядел террасу. Еще несколько человек сидели здесь под солнцем, попивали пиво, или лимонад, или охлажденный чай. Но были и пустые столики. Почему Мирна решила подсесть к нему?

Единственным возможным ответом был тот, которого он боялся.

– Как поживаете? – спросила она.

И этот ответ состоял в том, что она хочет поговорить. Он сделал большой глоток пива:

– Прекрасно. Спасибо.

Мирна кивнула, слегка раскручивая пиво в своем стакане.

– Хороший день, – сказала она наконец.

Бовуар продолжал смотреть перед собой, полагая, что это замечание не стоит его реакции. Видимо, она это поняла. Он хочет побыть наедине со своими мыслями.

– О чем вы думаете?

Теперь он посмотрел на нее. На ее лице было мягкое выражение. Заинтересованное, но не пристальное. Не вопрошающее.

Приятный взгляд.

– О расследовании, – сказал он.

– Понятно.

Они оба посмотрели на деревенский луг. Там почти ничего не происходило. Рут закидывала птиц хлебными камешками, несколько человек работали у себя в саду. Один выгуливал собаку. А по грунтовой дороге шли старший инспектор и какая-то незнакомая Мирне женщина.

– Кто она такая?

– Она знала убитую, – пояснил Бовуар.

Отвечать подробнее не было нужды.

Мирна взяла несколько больших орешков из вазочки:

– Я рада, что старший инспектор стал выглядеть лучше. Он оправился, как по-вашему?

– Конечно. Давно уже.

– Ну, давно это вряд ли могло произойти, – рассудительно сказала

она. – Ведь эта история и случилась-то всего перед Рождеством.

«Неужели так недавно? – удивился Бовуар. – Всего шесть месяцев?» Ему казалось, что прошла вечность.

– Ну, он отлично себя чувствует. Как и я.

– Отвратительно, тошнотворно, лейкозно, истерично, чахоточно, нудно и омерзительно? Так расшифровывает Рут слово «отлично».

Бовуар невольно улыбнулся, попытался сделать вид, что это гримаса, но ему это плохо удалось.

– Не могу сказать за шефа, но для меня, пожалуй, это справедливо.

Мирна улыбнулась и отхлебнула пива. Он смотрела на Бовуара, который смотрел на Гамаша.

– Знаете, вашей вины в том не было никакой.

Бовуар напрягся в непроизвольном спазме:

– Вы это о чем?

– О том, что случилось на фабрике. С ним. Вы ничего не могли сделать.

– Я это знаю, – отрезал он.

– Я вот и подумала, знаете или нет. Наверно, то, что вы видели, было ужасно.

– Зачем вы это говорите? – спросил Бовуар, у которого ум стал заходить за разум.

Весь мир вдруг встал с ног на голову.

– Потому что, как мне кажется, вам нужно это услышать. Вы не можете всегда его спасать.

Мирна посмотрела на усталого Бовуара, сидящего напротив нее. Она знала, что он страдает. И еще она знала, что причиной такой боли по прошествии столь длительного времени после несчастья могут быть только две вещи.

Любовь. И чувство вины.

– Прочнее всего то, что было сломано, – сказала она.

– Где вы это слышали? – Бовуар недовольно посмотрел на нее.

– Я читала об этом в интервью, которое дал старший инспектор после рейда. И он прав. Но чтобы все залечилось, должно пройти немало времени и требуется помощь. Вы, вероятно, думали, что он убит.

Так оно и было. Он видел, как пуля попала в Гамаша. Как тот упал и остался недвижим.

Мертвый или умирающий. Бовуар в этом не сомневался.

И не мог ничем ему помочь.

– Вы ничего не могли сделать, – сказала Мирна, правильно

прочитавшая его мысли. – Ничего.

– Откуда вы знаете? – спросил Бовуар. – Как вы можете это знать?

– Потому что я это видела. В Интернете.

– И вы думаете, что по этому видео можно делать какие-то выводы? – спросил он.

– Вы и вправду считаете, что могли что-то сделать?

Бовуар отвернулся, чувствуя, как знакомое тянущее ощущение в животе переходит в уколы боли. Он знал, что Мирна пытается быть доброй, но он хотел, чтобы она ушла.

Ее там не было. А он там был. И никогда не поверит, что ничего не мог сделать.

Шеф спас ему жизнь. Оттащил в безопасное место. Забинтовал. Но когда ранили самого Гамаша, к нему на спасение пробивалась уже агент Лакост. Это она спасла жизнь шефа.

А сам Бовуар ничего не сделал. Просто лежал и смотрел.

– Она вам нравилась? – спросил Гамаш.

Они описали полный круг и остановились на деревенском лугу напротив террасы. Гамаш видел, как Андре Кастонге и Франсуа Маруа за столиком наслаждаются ланчем. Если не обществом друг друга, то, по меньшей мере, едой. Похоже, они почти не разговаривали.

– Нравилась, – сказала Сюзанна. – Она подобрела. Даже стала предупредительной. Счастливой. Я не предполагала, что привяжусь к ней, когда она притащилась со своей виноватой задницей в церковный подвал. Мы были далеко не лучшими друзьями, когда она уехала в Нью-Йорк. Но мы обе тогда были моложе. И пьянее. И я думаю, что и сама была не подарок. Но люди меняются.

– Вы уверены, что Лилиан изменилась?

– Вы уверены, что изменилась я? – рассмеялась в ответ Сюзанна.

«Хороший вопрос», – вынужден был признать Гамаш.

А потом ему в голову пришел еще один вопрос. Он даже удивился, что не додумался до этого раньше.

– Как вы нашли Три Сосны?

– В каком смысле?

– Эту деревню почти невозможно найти. Но тем не менее вы здесь.

– Он меня привез.

Гамаш повернулся и посмотрел, куда она показывала. За террасой, в окне, спиной к ним стоял человек, держа в руке книгу.

И хотя старший инспектор не видел его лица, фигура все ему сказала.

В окне магазина Мирны он увидел Тьерри Пино.

Глава девятнадцатая

Клара Морроу сидела в машине, глядя на старое обветшалое многоквартирное здание. Как далеко это было от аккуратного коттеджа, в котором прежде жили Дайсоны!

Всю дорогу она вспоминала свои отношения с Лилиан. Как они работали на почте под Рождество – сортировали открытки и письма. Свихнуться от такой работы можно. Потом, позднее, работа спасателями. Это была идея Лилиан. Они ходили на курсы спасателей и вместе сдавали экзамены по плаванию. Помогали друг другу. Украдкой пробирались за сарай спасателей, чтобы выкурить сигарету или косячок.

Они вместе были в школьной волейбольной и легкоатлетической команде. Они страховали друг дружку, когда выполняли гимнастические упражнения.

В приятных Клариных воспоминаниях о детстве не было ни одного не связанного с Лилиан.

И всегда там присутствовали мистер и миссис Дайсон. Добрые персонажи, на чью поддержку всегда можно было рассчитывать. Они всегда находились где-то на заднем плане, как родители Пинатов[65]. Возникали они редко, но всегда можно было рассчитывать на сэндвичи с яичным салатом, фруктовый салат и теплое еще печенье с шоколадной стружкой. Всегда был готов графин с ярко-розовым лимонадом.

Миссис Дайсон была маленькой, толстенькой, с редеющими, всегда хорошо уложенными волосами. Она казалась старой, но, как понимала сейчас Клара, ей было тогда меньше лет, чем Кларе теперь. А мистер Дайсон был высоким, жилистым, с курчавыми рыжими волосами. При ярком солнце возникало впечатление, что у него ржавчина в голове.

Нет. Сомнений никаких не оставалось, и Клару ужасало, как это она могла колебаться. Именно так и нужно было поступить.

Махнув рукой на лифт, она поднялась на третий этаж, стараясь не обращать внимания на застоялый запах табака, травки и мочи.

Она остановилась перед закрытой дверью, уставилась на нее. Перевела дыхание, участившееся не только от физических усилий.

Клара закрыла глаза, вызвала в памяти маленькую Лилиан – вот она стоит в дверях в зеленых шортах и футболке. Улыбается. Приглашает Клару в дом.

Наконец Клара постучала.

– Главный судья, – сказал Гамаш, протягивая руку.

– Старший инспектор, – откликнулся Тьерри Пино.

Они обменялись рукопожатием.

– Старший, главный – сколько всяких начальников, – сказала Сюзанна. – Давайте сядем.

– Мы можем присоединиться к инспектору Бовуару, – предложил Гамаш, показывая им на столик, где сидел инспектор.

Тот уже поднялся и приглашал их к себе.

– Я бы предпочел сесть здесь, – сказал главный судья Пино.

Сюзанна и Гамаш остановились. Пино показывал на столик у кирпичной стены, самый незаметный.

– Здесь больше приватности, – сказал Пино, видя их недоуменные лица.

Гамаш приподнял брови, но согласился, движением руки пригласив и Бовуара. Главный судья Пино сел первым. Спиной к деревне. Габри принял заказ.

– Вам это не помешает? – спросил Гамаш, показывая на два стакана пива, принесенные Бовуаром.

– Ничуть, – ответила Сюзанна.

– Я пытался дозвониться до вас сегодня утром, – сказал Гамаш.

Габри поставил напитки на стол и шепнул на ухо Бовуару:

– Кто этот человек?

– Главный судья Квебека.

– Ну ясное дело. – Габри смерил Бовуара недовольным взглядом и ушел.

– И что ответила мой секретарь? – спросил Пино, отхлебнув минеральной воды «Перье» с лаймом.

– Только то, что вы работаете дома, – ответил Гамаш.

Пино улыбнулся:

– Так оно и есть в некотором роде. Только, боюсь, я не указал, в каком доме.

– Вы решили приехать в ваш дом в Ноултоне?

– Это допрос, старший инспектор? Мне позвать адвоката?

Улыбка оставалась на своем месте, но она никого не могла обмануть. Пристрастный допрос главного судьи Квебека был делом рискованным.

Гамаш улыбнулся в ответ:

– Это дружеский разговор, ваша честь. Я надеюсь на вашу помощь.

– Бога ради, Тьерри, скажите этому человеку то, что он хочет знать.

Не для этого ли вы сюда приехали?

Гамаш посмотрел на Сюзанну. Их заказ принесли, и она отправляла в рот кусок утятины. Это было не обжорство, а страх. Сюзанна обхватила тарелку руками. Она не претендовала на чью-то чужую еду – она хотела только свою. И была готова защищать ее, если возникнет такая необходимость.

Но между двумя кусками утятины Сюзанна задала интересный вопрос.

Зачем объявился здесь Тьерри Пино, если не для помощи следствию?

– Да, я приехал помочь, – небрежно сказал Пино. – Боюсь, старший инспектор, это была инстинктивная реакция. Реакция юриста. Мои извинения.

Гамаш обратил внимание кое на что еще. Хотя главный судья с удовольствием возражал главе отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, он ни разу не возразил Сюзанне, которая в свободное от основной работы (официанткой) время пыталась заниматься живописью. Да что говорить, он воспринимал ее маленькие насмешливые уколы, ее критику, ее эпатажные жесты с невиданной выдержкой. Чем это объяснялось – воспитанием?

Нет, старший инспектор так не думал. У него сложилось впечатление, что его честь немного побаивается Сюзанны. Словно у нее есть какой-то компромат на него.

– Я попросила его привезти меня, – сказала Сюзанна. – Я знала, что он не откажется помочь.

– Почему? Я знаю, Лилиан была небезразлична Сюзанне. И вам тоже, сэр?

Главный судья посмотрел на Гамаша своими ясными холодными глазами:

– Не так, как вы это воображаете.

– Я ничего не воображаю. Просто спрашиваю.

– Я пытаюсь помочь, – сказал Пино.

Голос его прозвучал жестко, глаза смотрели холодно. Гамаш уже видел такого Пино на заседаниях суда. На конференциях Квебекской полиции.

И Гамаш воспринимал это так, как и должно. Его честь Тьерри Пино злится на него. Делал он это тонко, изящно, благородно, вежливо. Но злость все равно оставалась злостью.

Беда в том, что, как это понимал Гамаш, соревнование в злости нередко выходило из приватной сферы в публичную. Частная жизнь судьи Пино становилась достоянием общественности.

– А как, по-вашему, вы можете помочь, сэр? Вам известно что-то

такое, что не известно мне?

– Я здесь, потому что меня попросила Сюзанна и потому что я знаю, где находится деревня Три Сосны. Я ее привез. Это и есть моя помощь.

Гамаш перевел взгляд с Тьерри на Сюзанну, которая терзала свежий французский батон, намазывала на оторванные куски масло и засовывала их в рот. Неужели она может вот так помыкать главным судьей? Приказывать ему, словно шоферу?

– Я попросила Тьерри о помощи, потому что знала – он отнесется к этому спокойно. Разумно.

– Притом что он главный судья Квебека? – спросил Бовуар.

– Я алкоголичка, но не идиотка, – с улыбкой сказала Сюзанна. – Мне это казалось преимуществом.

Это и было преимуществом, подумал Гамаш. Но почему она считала, что ей нужно преимущество? И почему судья Пино выбрал этот столик, подальше от других? Худший столик на террасе. А потом быстро занял место лицом к стене. Где ему ничего не было видно, но и его никто не мог увидеть.

Гамаш обвел взглядом деревню, невидимую главному судье Пино.

На скамье сидела Рут, кормила птиц и время от времени поглядывала на небо. Норман и Полетт, художники средней руки, сидели на веранде гостиницы Габри. Несколько человек шли с хозяйственными сумками из магазина месье Беливо. В бистро были и другие посетители – Андре Кастонге и Франсуа Маруа.

Клара стояла на лестничной площадке, глядя на дверь, захлопнувшуюся перед ее носом. Этот звук хлопка все еще эхом отдавался от стен, разносился по лестничным коридорам, лестничной клетке и вырывался наружу. Заполнял собой пространство под ярким солнцем.

Глаза у Клары были широко раскрыты, сердце колотилось. Из желудка поднималась горечь.

Она боялась, что ее стошнит.

– А, вот вы где, – сказал Дени Фортен, появившийся в дверях бистро.

Он с удовольствием посмотрел на Андре Кастонге, который при его появлении вскочил и чуть не опрокинул бокал с белым вином.

Франсуа Маруа, однако, остался сидеть на месте. Он почти никак не прореагировал на появление Фортена.

«Как ящерица, – подумал Фортен. – Растянулась на камушке и греется под солнцем».

– Tabernac![66] – воскликнул Кастонге. – Какого дьявола вам тут надо?

– Вы позволите? – спросил Фортен и сел за столик, не дожидаясь, пока Кастонге или Маруа ему откажут.

Они всегда возражали, если он хотел занять место за их столиком. Уже не одно десятилетие. Тайный заговор торговцев и галеристов, теперь постаревших. Как только Фортен решил, что не хочет быть художником, и открыл собственную галерею, они сомкнули ряды. Против посягнувшего на их монополию новичка.

И вот он сидит перед ними. Он стал успешнее, чем любой из них. За исключением, может быть, этих двоих. Из всех представителей мира искусства Квебека Фортен считался с мнением только этих двоих – Кастонге и Маруа.

Что ж, когда-нибудь им придется признать его. И возможно, это случится сегодня.

– Я слышал, что вы здесь, – сказал он, давая знак официанту принести еще выпивку.

Он видел, что Кастонге уже хорошо приложился к белому вину. Но Маруа прихлебывал охлажденный чай. Напиток аскетический, изящный, выдержанный. Холодный. Как и сам этот человек.

Фортен переключился на пиво из малой пивоварни. «Макослан». Молодое, золотистое, дерзкое.

– Что вы здесь делаете? – повторил Кастонге, сделав ударение на «вы», словно Фортен обязан был отчитываться перед ним.

И Фортен чуть не поддался инстинктивной потребности ублажить этих людей.

Однако он взял себя в руки и обаятельно улыбнулся:

– Я здесь по той же причине, что и вы. Чтобы подписать договор с Морроу.

Маруа наконец зашевелился. Медленно, очень медленно дилер повернул голову, посмотрел прямо в глаза Фортену, потом медленно, очень медленно поднял брови. Если бы это сделал кто-то другой, то такой жест мог бы показаться комичным. Но в исполнении Маруа он выглядел устрашающе.

Фортен почувствовал, как его прошиб холодный пот, словно он увидел голову горгоны Медузы.

Он с трудом проглотил слюну и не отвел взгляда, надеясь, что даже если и превратится в камень, то, по крайней мере, с выражением небрежной неприязни на лице.

Кастонге разразился смехом:

– Вы? Договор с Морроу? У вас уже был шанс, и вы его благополучно профукали. – Кастонге ухватил бокал и сделал громадный глоток.

Официант принес еще порцию выпивки, но Маруа поднял руку, останавливая его.

– Мы, пожалуй, уже достаточно выпили. – Он посмотрел на Кастонге. – Может, пришло время немного прогуляться, как вы думаете?

Но Кастонге не думал. Он взял бокал.

– Вы никогда не подпишете договор с Морроу. И знаете почему?

Фортен отрицательно покачал головой и тут же мысленно отругал себя за то, что вообще прореагировал на этот вопрос.

– Потому что они знают, что вы собой представляете, – громко заявил Кастонге.

Так громко, что все разговоры вокруг них стихли.

За отдаленным столиком все повернулись к ним, кроме Тьерри Пино. Он продолжал сидеть лицом к стене.

– Хватит, Андре, – сказал Маруа, прикасаясь пальцами к руке Кастонге.

– Нет, не хватит, – отмахнулся Кастонге. – Мы с вами работали не покладая рук, чтобы стать тем, кем стали. Изучали искусство, технику. У нас могут быть разногласия, но мы по крайней мере ведем разумную дискуссию. А этот, – его рука дернулась в сторону Фортена, – этот думает только о том, как бы срубить побольше долларов.

– А вы, сэр, – сказал Фортен, вставая, – думаете только о бутылке. И кто из нас хуже?

Фортен чуть поклонился с чопорным видом и пошел прочь. Он не знал, куда идет. Важно было просто уйти. От этих двух людей, что смотрят на него. И вероятно, смеются.

– Люди не меняются, – сказал Бовуар; он сдавливал бургер, глядя, как из него выступает сок.

Главный судья Пино и Сюзанна ушли в гостиницу Габри. Теперь наконец инспектор Бовуар мог поговорить об убийстве в спокойной обстановке.

– Ты так думаешь? – спросил Гамаш.

На его тарелке лежали креветки, жаренные в чесноке, и салат из киноа и манго. Жаровня для барбекю работала без перерыва, выдавая стейки, бургеры, креветки и лосося, – на ланч пришла голодная толпа клиентов.

– Внешне может показаться, что они изменились, – сказал Бовуар, поднося бургер ко рту, – но если ты в детстве был не подарок, то вырастешь

во взрослого говнюка и умирать будешь, источая злость.

Он вонзил зубы в бургер. Прежде он приходил в восторг от такого бургера с беконом, жареным луком и тающим голубым сыром, но теперь его чуть не стошнило. Однако он заставлял себя есть, чтобы ублажить Гамаша.

Бовуар заметил, что шеф смотрит, как он ест, и почувствовал легкое раздражение, которое, впрочем, быстро прошло. По большому счету ему было все равно. После разговора с Мирной он отправился в ванную, принял парацетамол и оставался там, держась за голову руками, пока не почувствовал, как распространяется тепло по телу, а боль стихает и уходит.

Старший инспектор Гамаш подцепил вилкой кусочек жареной креветки и салата из киноа и манго и с явным удовольствием положил в рот.

Они оба подняли головы, когда Андре Кастонге повысил голос.

Бовуар даже привстал было, но шеф остановил его. Ему нужно было увидеть, как разрулится эта ситуация. Как и остальные клиенты, он проводил взглядом Фортена, который удалился на негнущихся ногах, с прямой спиной, прижав руки к бокам.

«Как маленький солдат», – подумал Гамаш, вспомнив, как его сын Даниель в детстве маршировал по парку. Шел подраться или уходил от драки. Целеустремленно.

Притворяясь.

Гамаш понял, что Дени Фортен отступает. Чтобы залечить раны.

– Похоже, вы со мной не согласны? – спросил Бовуар.

– В том, что люди не меняются? – откликнулся Гамаш, отрываясь от тарелки. – Да, не согласен. Я верю, что люди могут меняться и меняются.

– Но не в такой степени, в какой, видимо, изменилась убитая, – сказал Бовуар. – Это было бы слишком кьяроскуро.

– Слишком что? – Гамаш опустил нож с вилкой и уставился на своего заместителя.

– Это означает резкий контраст. Игра света и тени.

– Неужели? Ты сам придумал это словечко?

– Нет. Я слышал его на вернисаже Клары. И даже употребил несколько раз. Такое высокомерное сборище. Мне и нужно-то было всего несколько раз сказать «кьяроскуро», и они тут же поверили, что я – критик из «Монд».

Гамаш снова взялся за приборы.

– Значит, ты употребил слово, не зная его значения?

– А вы разве не заметили? Чем нелепее утверждение, тем скорее с ним

согласятся. Вы видели их лица, когда они узнали, что я не из «Монд»?

– Экий у тебя сардонический склад ума, – сказал Гамаш и не удивился, когда Бовуар посмотрел на него с подозрением. – Значит, ты отыскал, что такое «кьяроскуро», сегодня утром. Ты этим занимаешься, когда я не вижу?

– Этим. А еще раскладываю пасьянс. И конечно, захаживаю на порносайты. Но это мы делаем только с вашего компьютера. – Бовуар ухмыльнулся и откусил гамбургер.

– Ты думаешь, что убитая была очень кьяроскуро? – спросил Гамаш.

– Вообще-то, нет. Я сказал это, чтобы покрасоваться. По-моему, все это ерунда. То она сучка, а через секунду замечательная женщина? Да бросьте. Чушь это.

– Теперь я понимаю, почему они приняли тебя за влиятельнейшего критика, – сказал Гамаш.

– Чертовски верно. Послушайте, люди не меняются. Вы думаете, что форель плавает в Белла-Белле, потому что любит Три Сосны? Или, может, на следующий год она уплывет куда-нибудь в другое место? – Бовуар мотнул головой в сторону речки.

Гамаш посмотрел на инспектора:

– Что у тебя на уме?

– Я думаю, у форели нет выбора. Она возвращается, потому что она форель. Так она себя ведет. Жизнь штука простая. Утки возвращаются на прежнее место каждый год. Гуси тоже. Лосось, бабочки, олени. Да что говорить, олени настолько живут привычками, что протаптывают тропку в лесу и никогда с нее не отклоняются. Вот почему их и убивают в таких количествах, как нам хорошо известно. Они никогда не меняются. То же самое и с людьми. Мы – то, что мы есть. Мы такие, какие есть.

– Мы не меняемся? – Гамаш набрал на вилку свежей спаржи.

– Абсолютно точно. Вы учили меня, что люди и уголовные дела по большому счету очень просты. Это мы их усложняем.

– А дело Дайсон? Его мы тоже усложняем?

– Наверное, да. Скорее всего, ее убил кто-то, кого она надула. Вот и весь сказ. С грустным исходом, но простой.

– Кто-то из ее прошлого? – спросил Гамаш.

– Нет, я думаю, тут вы ошибаетесь. Люди, которые знали новую Лилиан, Лилиан, бросившую пить, говорят, что она стала приличным человеком. А те, кто знал ее, когда она пьянствовала, говорят, что она сука.

Обе руки Бовуара были заняты. В одной он держал здоровенный бургер, а в другой – ломтик картошки фри. Между ними было некое

пространство. Водораздел.

– А я говорю: что новый, что старый – это одно и то же лицо. – Он свел руки. – Есть только одна Лилиан. Как есть только один я. Или только один вы. Когда она пришла в АА, ей, вероятно, удавалось лучше скрывать это. Но поверьте мне, та ожесточенная, отвратительная, кошмарная женщина никуда не делась.

– И она продолжала делать больно людям? – спросил шеф.

Бовуар сунул в рот ломтик картофеля и кивнул. Это была его любимая часть следствия. Не еда, хотя в Трех Соснах с едой никаких затруднений не было. Он помнил другие дела, другие места, когда они с шефом целыми днями почти ничего не ели. Или делились холодными консервированными бобами и консервированной свининой. Он не мог не признать, что даже в этом что-то было. В ретроспективе. Но эта маленькая деревня выдавала на-гора еду и трупы в равной пропорции.

Еда ему нравилась, но больше всего нравились разговоры с шефом. Когда они сидели вдвоем.

– Согласно одной из гипотез, Лилиан приехала сюда, чтобы извиниться перед кем-то, – сказал Гамаш. – Покаяться.

– Если она это и сделала, то я уверен, что неискренне.

– Зачем она тогда приехала сюда, если была неискренна?

– Сделать то, что было свойственно ее природе. Облапошить кого-нибудь.

– Клару? – спросил Гамаш.

– Может быть. Или еще кого-то. У нее был большой выбор.

– Но что-то не сложилось, – заметил Гамаш.

– Вот уж точно, не сложилось. По крайней мере, для нее.

Неужели ответ и в самом деле так прост? Возможно, Лилиан Дайсон просто подтверждала свою репутацию.

Эгоистичная, разрушительная, пакостная личность. Пьяная или трезвая.

Все та же Лилиан, с прежним характером и инстинктами.

С одним желанием – причинять боль.

– Но откуда она узнала о вечеринке? – спросил Гамаш. – Это была частная вечеринка. Только по приглашениям. И мы все знаем, что найти Три Сосны довольно трудно. Как Лилиан узнала о вечеринке и как ее нашла? И откуда убийца мог узнать, что она приедет сюда?

Бовуар глубоко вздохнул, напрягая мозги. Потом покачал головой:

– Я привел нас к этому месту, шеф. Теперь ваша очередь сделать что-нибудь полезное.

Гамаш отхлебнул пива и погрузился в молчание. Такое сосредоточенное, что Бовуар заволновался. Уж не расстроил ли он шефа своим дерзким замечанием?

– В чем дело? – спросил Бовуар. – Что-то не так?

– Да нет. – Гамаш посмотрел на Бовуара, словно пытался принять какое-то решение. – Ты говоришь, что люди не меняются, но ведь вы с Энид любили друг друга. Верно?

Бовуар кивнул.

– Теперь вы расстались, собираетесь развестись. Так что случилось? – спросил Гамаш. – Ты изменился? Или Энид? Что-то изменилось.

Бовуар удивленно посмотрел на Гамаша. Шеф был искренне взволнован.

– Вы правы, – признал Бовуар. – Что-то изменилось. Но я думаю, что изменились не мы. Я думаю, мы просто поняли, что мы не те люди, за каких себя выдавали.

– Я тебя не понимаю, – сказал Гамаш, подавшись к Бовуару.

Бовуар собрал разбегающиеся мысли:

– Я хочу сказать, что мы были молоды. Мы не осознавали, чего хотим. Все вокруг женились, и это казалось таким приятным делом. Она мне нравилась. Я нравился ей. Но настоящей любви между нами не было. На самом деле я просто делал вид. Пытался быть кем-то, кем я не был. Тем человеком, который был нужен Энид.

– И что же случилось?

– После той перестрелки я понял, что должен быть тем, кто я есть. А этот человек недостаточно любил Энид, чтобы остаться с ней.

Гамаш замер, размышляя.

– В субботу вечером перед вернисажем ты разговаривал с Анни, – сказал наконец он.

Бовуар застыл. Но шеф продолжал, не ожидая ответа:

– И ты видел ее вместе с Дэвидом.

Бовуар заставлял себя моргать. Дышать. Но не мог. Сколько он так продержится, прежде чем отключится?

– Ты хорошо знаешь Анни.

Мысли Бовуара метались. Ему хотелось, чтобы этот разговор закончился, чтобы шеф уже высказал то, что у него на уме. Гамаш поднял голову, посмотрел в глаза Бовуару. Вовсе не сердито, даже умоляюще.

– Она говорила тебе о своем браке?

– Что? – едва слышно прошептал Бовуар.

– Я думал, она могла сказать тебе что-то, спросить твоего совета или

еще что. Зная о тебе и Энид.

У Бовуара голова пошла кругом. Он никак не мог вникнуть в смысл слов шефа.

Гамаш откинулся на спинку стула, выдохнул и бросил свернутую салфетку на тарелку.

– Я чувствую себя таким идиотом. Мы замечали всякие мелкие признаки того, что дела у них идут неважно. Дэвид отменял совместные обеды, опаздывал, как в тот субботний вечер. Рано уходил. Их взаимная приязнь не проявлялась с такой очевидностью, как прежде. Мы с мадам Гамаш говорили об этом, но потом решили, что это, вероятно, просто новый этап их отношений. Что они стали менее зависимы друг от друга. К тому же многие пары, бывает, отдаляются, а потом снова сходятся.

Бовуар почувствовал, что его сердце опять забилось. Ударило так, что у него застучало в висках.

– Вы хотите сказать, что у Анни с Дэвидом трудности?

– Она тебе ничего не говорила?

Бовуар покачал головой. Почувствовал, как его мозг плещется внутри черепной коробки. А в мозгу одна только мысль: у Анни с Дэвидом трудности.

– Ты ничего не замечал?

Замечал ли он? Что из того, что он замечал, было реальностью, а что – игрой воображения, преувеличением? Он помнил пальцы Анни на руке Дэвида и безразличие Дэвида. Его отсутствующий вид. Рассеянный.

Бовуар видел все это, но боялся верить, что это что-либо иное, чем ощущение неловкости. Любовь, растрачиваемая на человека, которому все равно. Что это только его ревность, а не реальное положение вещей. Но теперь…

– О чем вы, шеф?

– Вчера Анни пришла на обед и поговорить. У нее с Дэвидом трудности. – Гамаш вздохнул. – Я надеялся, она что-то сказала тебе. Хоть вы и спорите, я знаю, что Анни для тебя как младшая сестренка. Сколько ей было лет, когда вы познакомились?

– Пятнадцать.

– Неужели столько лет прошло? – удивленно проговорил Гамаш. – Несчастливый год для Анни. Надо же, ведь ты был ее первой любовью.

– Я – ее первой любовью?

– А ты не знаешь? Да-да. Каждый раз после твоего прихода мы с мадам Гамаш выслушивали это. Жан Ги то, Жан Ги сё. Мы пытались ей объяснить, какой ты недоумок, но это лишь усиливало ее влечение к тебе.

– Почему же вы мне не сказали?

Гамаш недоуменно посмотрел на него:

– Тебе это было бы интересно знать? Ты уже тогда ее поддразнивал. Это могло бы стать вообще невыносимым. И потом, она умоляла нас ничего тебе не говорить.

– Но вот вы сказали.

– Нарушил ее доверие. Надеюсь, ты меня не предашь.

– Постараюсь. А что за проблема с Дэвидом? – Бовуар посмотрел на свой недоеденный бургер, словно тот вдруг совершил что-то чудесное.

– Уточнять она не пожелала.

– Они расстаются? – спросил он, надеясь, что его голос звучит с вежливой незаинтересованностью.

– Не знаю, – ответил Гамаш. – В ее жизни столько всего происходит, столько всяких перемен. Ты же знаешь, она сменила работу. Поступила в суд по семейным делам.

– Но Анни ненавидит детей.

– Да, она не умеет себя вести с ними, но не думаю, что она их ненавидит. Она обожает Флоранс и Зору.

– А как иначе, – сказал Бовуар. – Ведь это ее семья. Возможно, она в старости будет зависеть от них. Станет обиженной на мир тетушкой Анни с засохшими шоколадками и коллекцией дверных ручек. А им придется заботиться о ней. Поэтому она теперь не может ронять их головой вниз.

Гамаш рассмеялся, а Бовуар тем временем вспоминал: Анни с первой внучкой шефа, Флоранс. Три года назад. Флоранс едва начала ходить. Наверное, именно тогда впервые и проявилось его чувство к Анни. И он был потрясен его силой и глубиной. Оно обрушилось на него. Поглотило. Сбило с ног.

Но само это мгновение было таким кратким, таким хрупким.

Он видел Анни. Она держала на руках племянницу и улыбалась. Шептала что-то крошке.

И Бовуар вдруг понял: он хочет иметь детей. И хочет, чтобы их рожала ему Анни. Никто другой.

Он представлял себе Анни, которая держит их дочь или сына.

Анни. Обнимает его.

Он почувствовал, как вырвалось на свободу его сердце, спущенное с цепей, о существовании которых он даже не подозревал.

– Мы посоветовали ей попытаться уладить отношения с Дэвидом.

– Что? – чуть не выкрикнул Бовуар, вернувшийся к действительности.

– Мы не хотим быть свидетелями ее ошибки.

– Но, может быть, – сказал Бовуар, чьи мысли метались, – может быть, она уже совершила ошибку. Может быть, ее ошибка и есть Дэвид.

– Может быть. Но нужно, чтобы она была уверена.

– И что вы предлагаете?

– Мы сказали ей, что поддержим любое ее решение, но мягко намекнули, что стоило бы обратиться к психотерапевту по семейным вопросам, – сказал шеф, кладя свою большую выразительную руку на деревянную столешницу и стараясь удержать взгляд Бовуара.

Но видел он перед собой только дочку, его маленькую девочку в их гостиной в воскресенье вечером.

От приступов ярости она переходила к рыданиям. Она ненавидела то Дэвида, то себя, то родителей, которые предлагали обратиться в психотерапевтическую службу.

«Может, ты скрываешь от нас что-то еще?» – спросил наконец Гамаш.

«Что, например?» – спросила Анни.

Ее отец помолчал несколько секунд. Рейн-Мари сидела рядом с ним на диване, переводя взгляд с мужа на дочь.

«Он с тобой ничего такого не сделал?» – спросил Гамаш. Четким голосом. Глядя в глаза дочери. В поисках правды.

«Физически? – спросила Анни. – Ты спрашиваешь, не ударил ли он меня?»

«Да».

«Никогда. Дэвид никогда бы не пошел на это».

«Может быть, он унижал тебя каким-то иным способом? Эмоционально? Он не скандалист?»

Анни отрицательно покачала головой. Гамаш не отрывал взгляда от дочери. Так много подозреваемых сидели перед ним, и он вглядывался в их лица, стараясь увидеть правду в их глазах. Но ничто из того прежнего опыта не казалось таким важным.

Если Дэвид бил его дочь…

При одной этой мысли в нем закипал гнев. Как бы он поступил, если бы Дэвид и в самом деле?..

Гамаш заставил себя отойти от края бездны и кивнул. Принял ее ответ. Сел рядом с ней, обнял. Стал убаюкивать, как ребенка. Она пристроила голову у него на плече. Ее слезы напитали его рубашку. Точно так же, как в те времена, когда она плакала из-за Шалтая-Болтая. Только на этот раз с высоты упала она сама.

Наконец Анни отодвинулась от отца, и Рейн-Мари протянула ей салфетку.

«Хочешь, я его пристрелю?» – спросил Гамаш, когда она с трубным звуком прочистила нос.

Анни рассмеялась, всхлипывая: «Может, раздробить ему коленную чашечку?»

«Я ставлю это под номером один в список моих приоритетных дел, – сказал ей отец. Потом наклонился, в упор посмотрел ей в глаза, лицо его посерьезнело. – Что бы ты ни решила, мы всегда с тобой. Ты меня поняла?»

Она кивнула, вытерла лицо: «Я знаю».

Как и Рейн-Мари, он был не то чтобы потрясен, но взволнован. Ему казалось, что Анни о чем-то умалчивает. О чем-то, что не укладывалось в ее историю. У всех пар бывают трудные периоды. Гамаш и Рейн-Мари, случалось, спорили. Временами обижали друг друга. Никогда намеренно. Но когда люди так близки, подобные вещи неизбежно случаются.

«Что, если бы вы двое уже успели обзавестись семьей до знакомства? – спросила Анни, внимательно глядя то на мать, то на отца. – Что бы вы сделали?»

Они молча смотрели на дочь. Гамаш вспомнил, что именно такой вопрос задал ему недавно Бовуар.

«Ты хочешь сказать, что влюбилась в кого-то?» – спросила Рейн-Мари.

«Нет, – покачала головой Анни. – Я только хочу сказать, что где-то в мире есть кто-то, кто идеально подходит для Дэвида. А кто-то – для меня. А если ты цепляешься за того, кто тебе не подходит, то ничего хорошего из этого не выйдет. Отношения все равно не наладятся».

Когда Гамаш и Рейн-Мари остались наедине, жена задала ему тот же вопрос. Они лежали в кровати, читали. «Арман, – спросила она, сняв очки, – что бы ты сделал, если бы был женат, когда встретил меня?»

Гамаш опустил книгу и уставился перед собой. Попытался представить это. Он влюбился в Рейн-Мари с первого взгляда и забыл обо всем на свете, а потому ему трудно было представить себя с кем-то другим. Тем более женатым.

«Да поможет мне Господь, – сказал он наконец, поворачиваясь к ней. – Я бы бросил ее. Ужасное, эгоистичное решение, но я бы все равно был для нее жутким мужем. А все по твоей вине, распутница».

Рейн-Мари кивнула: «Я бы сделала то же самое. Но конечно, взяла бы с собой маленького Хулио-младшего и Франческу».

«Хулио и Франческу?»

«Моих детей от Хулио Иглесиаса».

«Бедняга. Неудивительно, что он поет столько печальных песен. Ты разбила его сердце».

«Он так никогда и не оправился», – улыбнулась она.

«Может, познакомить его с моей бывшей? – предложил Гамаш. – С Изабеллой Росселлини».

Рейн-Мари фыркнула, снова подняла книгу, но тут же ее опустила.

«Надеюсь, ты сейчас думаешь не о Хулио».

«Нет, я думала о Дэвиде и Анни», – ответила она.

«Считаешь, их брак кончен?» – спросил Гамаш.

Она кивнула: «Мне кажется, она нашла кого-то другого, но не хочет нам говорить».

«Правда?» Ее слова удивили его, но по размышлении он решил, что, возможно, так оно и есть.

Рейн-Мари кивнула: «Вероятно, он женат. Может быть, кто-то в ее юридической фирме. Не исключено, что она поэтому и сменила работу».

«Господи Исусе, надеюсь, что это не так».

Но еще он знал, что в любом случае ничего не может поделать. Разве что быть рядом и помочь собрать черепки. Но этот образ напомнил ему еще кое-что.

– Пора возвращаться к работе, – сказал Бовуар, поднимаясь. – А то порносайты нужно кому-то смотреть.

– Постой, – встрепенулся Гамаш.

Увидев лицо шефа, Бовуар опустился на стул.

Гамаш какое-то время сидел молча, нахмурив брови. Думал. Бовуар много раз видел это выражение на лице старшего инспектора. Он знал, что Гамаш разматывает сейчас какую-то ниточку. Обдумывает мысль, которая выводит его на другую. В темноту даже не проулка, а туннеля. Пытается найти то, что скрыто в самых глубинах. Тайну. Истину.

– Ты сказал, что именно после операции на фабрике окончательно принял решение расстаться с Энид.

Бовуар кивнул. Это было правдой.

– Я вот думаю, не возымела ли эта перестрелка такой же эффект на Анни.

– Это как?

– Для всех это было огромным потрясением, – сказал шеф. – Не только для нас, но и для наших семей. Может быть, Анни, как и ты, решила после этого взглянуть на свою жизнь новыми глазами.

– Тогда почему она не сказала вам об этом?

– Может быть, она не хочет, чтобы я чувствовал себя виноватым. Может быть, она даже не понимает этого. По крайней мере, не отдает себе в этом отчета.

И тут Бовуар вспомнил свой разговор с Анни перед вернисажем. Как она расспрашивала его о разводе с Энид. Как косвенно ссылалась на ту операцию и последующий разрыв отношений.

Конечно же, она была права. Та трагедия стала последней каплей.

Он тогда пресек этот разговор из опасения выдать себя. Но может быть, на самом деле она хотела поговорить о разладе в собственной семье?

– Что бы вы чувствовали, если бы так оно и было? – спросил Бовуар.

Старший инспектор откинулся на спинку стула, на его лице застыло слегка обеспокоенное выражение.

– Может быть, это не так уж и плохо, – тихо сказал Бовуар. – Если из случившегося родится что-то позитивное, то что в этом плохого? Анни сможет найти свою истинную любовь.

Гамаш посмотрел на Жана Ги, измотанного, усталого, худого как щепка. Гамаш кивнул:

– Oui. Да, если из случившегося родится что-то позитивное, это будет хорошо. Только я не уверен, что развод Анни и Дэвида можно считать чем-то позитивным.

Но Жан Ги Бовуар был с этим не согласен.

– Вы хотите, чтобы я остался? – спросил он.

Гамаш прогнал свои тяжелые мысли:

– Вообще-то, я хочу, чтобы ты поработал.

– Верно, мне нужно найти «сардонический».

– Найти?

– Вы произнесли это слово.

– «Сардонический», – улыбнулся Гамаш. – Не утруждайся. Это слово значит «язвительный», «злобный».

– Я думаю, это очень точно описывает убитую. Лилиан Дайсон возвела это в культ. Она этим жила, этим упивалась.

Но у Гамаша было на сей счет иное мнение. Если Лилиан Дайсон чем-то и упивалась, так это алкоголем.

Бовуар ушел, и старший инспектор, прихлебывая кофе, стал листать книгу Общества анонимных алкоголиков, обращая внимание на подчеркнутые фразы, наслаждаясь архаичным, но красивым языком книги, которая так аккуратно описывала падение в ад и долгое и трудное выкарабкивание оттуда. Наконец он закрыл книгу, использовав в качестве закладки собственный палец.

– Позвольте к вам присоединиться?

Гамаш вздрогнул. Он встал, приветственно поклонился, отодвинул стул:

– Прошу.

Мирна Ландерс села, поставила на стол блюдце с эклером и чашку кофе с молоком.

– Вы были погружены в свои мысли.

Гамаш кивнул:

– Я думал о Шалтае-Болтае.

– Значит, убийство почти раскрыто.

Гамаш улыбнулся:

– Нам осталось совсем немного. – Он внимательно посмотрел на нее. – Можно задать вам вопрос?

– В любое время.

– Как по-вашему, люди меняются?

Эклер застыл на полпути ко рту Мирны. Она задумалась, опустила пирожное и уставилась на старшего инспектора своими ясными, взыскующими глазами.

– Это откуда взялось?

– Существуют разные мнения относительно убитой – осталась ли она тем человеком, которого все знали много лет назад, или же стала другой.

– С чего вы решили, что она изменилась? – спросила Мирна и откусила от пирожного.

– Монетка, которую вы нашли в саду. Вы были правы, это из Общества анонимных алкоголиков, и жетончик принадлежал убитой. Она вот уже несколько месяцев как бросила пить. Люди, знавшие ее по АА, говорят о совсем иной женщине, чем та, о которой рассказывала Клара. Не о чуть-чуть изменившейся, а о совершенно другой. Одна – добрая, щедрая, другая – жестокая, коварная.

Мирна нахмурилась. Задумчиво сделала глоток кофе:

– Мы все меняемся. Только психопаты остаются такими, какие есть.

– Но что, если это скорее рост, чем изменение? Все равно как обертоны, хотя нота остается неизменной.

– Или как вариация на тему? – с интересом спросила Мирна. – А на самом деле никаких изменений? – Она задумалась. – Полагаю, так бывает нередко. Большинство людей растут, на самом деле ничуть не меняясь.

– Большинство. Но некоторые меняются?

– Некоторые – да, старший инспектор.

Она внимательно посмотрела на него. Знакомое лицо, чисто выбритое. Седеющие волосы чуть вьются у ушей. И глубокий шрам над виском. А ниже – добрые глаза. Она опасалась, что они могут измениться. Что станут жестокими, когда заглянешь в них.

Они не изменились. Как не изменился и он.

Но она не обманывала себя. Может, по внешнему виду этого не скажешь, но он изменился. Тот, кто вышел из той фабрики живым, вышел другим.

– Люди меняются, когда у них нет выбора. Вопрос стоит так: либо ты умираешь, либо меняешься. Вы говорили про АА. Алкоголики бросают пить, когда достигают самого дна.

– И что происходит потом?

– А чего вы ждете после такого падения? – Она посмотрела на него и вдруг поняла. – Как Шалтай-Болтай.

Он слегка кивнул.

– Когда люди ударяются о дно, – продолжила она, – они могут остаться там и умереть. Такова судьба большинства. А могут попытаться всплыть.

– Собрать себя по черепкам, как наш друг мистер Шалтай.

– Ну, ему помогала вся королевская конница и вся королевская рать, – сказала Мирна с шутливой серьезностью. – И даже им не удалось собрать мистера Шалтая.

– Да, я читал отчет по этому делу, – согласился старший инспектор.

– И потом, даже если бы им удалось его собрать, он бы свалился снова. – Она нахмурилась. – Неизменяющийся человек будет снова и снова повторять ту же самую глупость. Так что если просто сложить все черепки, как прежде, не стоит ждать, что жизнь изменится.

– А другое мнение есть?

Мирна улыбнулась:

– Вы знаете, что есть. Но это самое трудное. Немногим по плечу сделать это.

– Измениться, – подхватил Гамаш.

Возможно, в этом и состоит смысл Шалтая-Болтая. Его и не нужно собирать. Ему нужно измениться. В конце концов, сидение на стене всегда опасное занятие.

Возможно, Шалтай-Болтай должен был упасть. И возможно, вся королевская рать была обречена на неудачу.

Мирна допила кофе и встала. Гамаш тоже поднялся.

– Люди изменяются, старший инспектор. Но вы должны знать кое-что. – Она перешла на шепот. – Они не всегда изменяются к лучшему.

– Почему ты не пойдешь и не скажешь ему что-нибудь? – спросил Габри, ставя поднос с пустыми стаканами на стойку.

– Я занят, – ответил Оливье.

– Ты моешь стаканы. Этим может заняться кто-нибудь из официантов.

Оба посмотрели в окно на крупного человека, сидящего в одиночестве за столиком. Перед ним стояла кружка кофе и лежала книга.

– Схожу, – сказал Оливье. – Не подгоняй меня.

Габри взял кухонное полотенце и принялся протирать стаканы, а его партнер тем временем смывал мыльную пену с посуды.

– Он совершил ошибку, – сказал Габри. – Но потом извинился.

Оливье посмотрел на своего партнера в веселеньком красно-белом переднике в форме сердца. Том самом переднике, не покупать который на День святого Валентина два года назад он умолял Габри. Потом умолял не надевать. Он стыдился этого передника и молил бога, чтобы никто из их знакомых из Монреаля не приехал и не увидел Габри в таком дурацком одеянии.

Но теперь этот передник стал нравиться Оливье. И он не хотел, чтобы Габри менял его на что-то другое.

Не хотел, чтобы Габри вообще что-то менял.

Ополаскивая стаканы, он увидел, как Арман Гамаш допил кофе и поднялся.

Бовуар подошел к листам бумаги, приколотым к стене старого железнодорожного вокзала. Он снял колпачок с фломастера, помахал им у себя под носом, читая написанное аккуратными черными колонками.

Это очень успокаивало. Все разборчиво, упорядоченно.

Он несколько раз перечитал список вещдоков, гипотез, вопросов. Добавил несколько новых – плоды сегодняшних трудов команды.

Они опросили большинство гостей вечеринки. Как ни странно, никто из них не признался, что свернул шею Лилиан Дайсон.

Но теперь, когда он стоял перед этими листами бумаги, в голову ему пришла одна мысль.

А все другие исчезли.

Неужели это возможно?

На вечеринке были и другие. Местные жители, члены художественного сообщества, друзья, семья.

Но был там и кто-то еще. Кто-то упоминавшийся многократно, но так и оставшийся вне поля их зрения. Его практически так и не опросили.

Инспектор Бовуар снял трубку и набрал монреальский номер.

Глава двадцатая

Клара закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Прислушалась – где Питер. Надеясь, надеясь. Надеясь, что ничего не услышит. Надеясь, что она одна.

И она действительно была одна.

«Ах, нет, нет, нет, – подумала она. – Мертвец все свое неслышно гнул».

Лилиан была не мертва. Она жила в лице мистера Дайсона.

Клара мчалась домой, едва удерживая машину на дороге, перед ее глазами стояло то лицо. Те лица.

Мистера и миссис Дайсон. Матери и отца Лилиан. Старые, больные. В них почти невозможно было узнать тех крепких, веселых людей, которых она знала когда-то.

Но голоса их были сильны. А выражения еще сильнее.

Сомнений у Клары не оставалось: она совершила ужасную ошибку. И вместо того чтобы исправить ситуацию, только ухудшила ее.

Как она могла так ошибаться?

– Этот говнюк долбаный. – Андре Кастонге оттолкнул от себя стол и поднялся на нетвердых ногах. – Надо сказать ему пару слов.

Франсуа Маруа тоже поднялся:

– Не сейчас, мой друг.

Они оба видели Дени Фортена, который спустился с холма и вошел в деревню. Он не помедлил, не посмотрел в их сторону. Не отклонился от выбранного курса.

Дени Фортен направлялся к дому Морроу. Это было ясно Кастонге, Маруа и старшему инспектору Гамашу, который тоже наблюдал за ним.

– Мы не можем допустить, чтобы он говорил с ними, – сказал Кастонге, стараясь отлепиться от Маруа.

– У него ничего не получится, Андре. Вы это знаете. Пусть попытается. И потом, я видел, что Питер Морроу ушел несколько минут назад. Его и дома-то нет.

Кастонге, покачнувшись, повернулся к Маруа.

– Vraiment?[67] – На его лице появилась глуповатая улыбка.

– Vraiment, – подтвердил Маруа. – Правда. Я бы вам посоветовал вернуться в гостиницу и отдохнуть.

– Хорошая мысль.

Андре Кастонге медленно, целеустремленно двинулся по деревенскому лугу.

Гамаш видел все это, и теперь его взгляд переместился на Франсуа Маруа. На лице дилера застыло выражение усталой умудренности. Он, казалось, был чем-то озадачен.

Старший инспектор спустился с террасы и подошел к Маруа. Тот не сводил глаз с коттеджа Морроу, словно ждал – вот сейчас тот совершит что-нибудь достойное лицезрения. Потом он перевел взгляд на Кастонге, волочащего ноги по грунтовой дороге.

– Бедняга Андре, – сказал Маруа. – Со стороны Фортена это было очень некрасиво.

– Что было некрасиво? – спросил Гамаш, тоже смотревший вслед Кастонге, который остановился на вершине холма, чуть покачнулся и двинулся дальше. – Мне показалось, что именно месье Кастонге вел себя не по-джентльменски.

– Но его спровоцировали, – возразил Маруа. – Фортен, едва сев за стол, знал, как будет реагировать Андре. И еще…

– Да?

– Он заказал еще выпивку. Чтобы Андре напился.

– У месье Кастонге проблема?

– Маленькая проблема папочки? – Маруа улыбнулся, потом покачал головой. – Это секрет Полишинеля. По большей части он себя контролирует. Иначе нельзя. Но иногда…

Он сделал красноречивый жест.

«Да, – подумал Гамаш. – Иногда…»

– А потом, сказать Андре, что он тут для того, чтобы заключить договор с Морроу… Ну, Фортен сам напрашивался на неприятности. Самодовольный нахал.

– Мне кажется, вы тут немного неискренни, – сказал Гамаш. – В конце концов, вы здесь по той же причине.

Маруа рассмеялся:

– Touché. Но мы приехали первыми.

– Вы хотите сказать, что существует какая-то система приоритетов? Оказывается, в мире искусства есть столько всяких вещей, о которых я понятия не имею.

– Я хотел сказать, что мне не нужно объяснять, что такое великое искусство. У меня есть глаза, и я могу его видеть. Клара – блестящий художник. Не нужны ни «Таймс», ни Дени Фортен, ни Андре Кастонге, чтобы сообщить мне об этом. Но некоторые покупают произведения

искусства ушами, а некоторые – глазами.

– А Дени Фортену нужно объяснять?

– По моему мнению, да.

– И вы не скрываете своего мнения? Поэтому Фортен вас ненавидит?

Франсуа Маруа внимательно слушал старшего инспектора. Его лицо перестало быть лицом сфинкса. Его удивление было очевидно.

– Ненавидит меня? Я уверен, он меня не ненавидит. Да, мы конкуренты, мы нередко не можем поделить художников или покупателей, и наши отношения могут становиться ужасными, но есть уважение и честь профессии. К тому же свое мнение я держу при себе.

– Но со мной-то вы поделились, – заметил Гамаш.

Маруа посмотрел на него:

– Вы спросили. Иначе я бы ничего не сказал.

– Клара может заключить договор с Фортеном?

– Может. Все любят раскаявшихся грешников. И я уверен, что он в этот момент сочиняет свою покаянную молитву.

– Он уже покаялся, – сказал Гамаш. – Поэтому-то и был приглашен на вернисаж.

– Так-так, – кивнул Маруа. – Я задавал себе этот вопрос. – Впервые на его лице появилось озабоченное выражение. Потом он приложил некоторое усилие, и его взгляд прояснился. – Клара умна. Она его насквозь видит. Он не понимал, что потерял, отказавшись от нее прежде. И до сих пор не понимает ее картин. Он много трудился, чтобы заработать репутацию безошибочного ценителя, но он таким не является. Один ложный шаг, одна неудачная выставка, и вся эта репутация полетит вверх тормашками. Репутация – вещь хрупкая, и Фортену это известно лучше, чем кому бы то ни было.

Маруа показал на Андре Кастонге, подходящего к дверям гостиницы:

– Вот он не настолько уязвим. У него есть постоянные частные клиенты и один большой корпоративный. «Келли фудс».

– Производитель детского питания?

– Именно. Громадный корпоративный покупатель. Они делают громадные вложения в искусство, помещают картины в своих офисах по всему миру. Отчего они кажутся менее корыстными и более изысканными. И догадайтесь, кто находит для них картины?

Ответа не требовалось. Андре Кастонге нырнул головой вперед в дверь гостиницы и исчез.

– Они, конечно, довольно консервативны, – продолжил Маруа. – Но Андре и сам такой.

– Если он такой консервативный, почему он интересуется искусством Клары?

– А он ею и не интересуется.

– Питером?

– Я так думаю. Таким образом, он получит двоих по цене одного. Художника, чьи работы он сможет продавать «Келли фудс». Безопасные, традиционные, уважаемые. Ничего слишком смелого или непристойного. Но еще он при этом получает рекламу и возможности, чтобы продавать настоящий авангард. Клару Морроу. Не недооценивайте силу корысти, старший инспектор. Корысти или эго.

– Я это запомню, merci.

Гамаш улыбнулся, провожая взглядом Маруа, который пошел следом за Кастонге вверх по холму.

– «Нет, камнем, палкою сердца не разбивают».

Гамаш повернулся на голос. На скамье, спиной к нему, сидела Рут.

– «Невидимую глазу плеть я знаю»[68].

Гамаш сел рядом с ней.

– Эмили Дикинсон, – сказала Рут, глядя перед собой.

– Арман Гамаш, – откликнулся старший инспектор.

– Я говорю не о себе, идиот. Об авторе стихотворения.

Она посмотрела на него рассерженным взглядом, но увидела, что Гамаш улыбается, и громко расхохоталась.

– «Нет, камнем, палкою сердца не разбивают», – повторил Гамаш.

Это было знакомо. Напомнило ему чьи-то недавно сказанные слова.

– Сегодня тут слишком много движения, – сказала Рут. – Слишком много шума. Отпугивает птиц.

И вокруг в самом деле не было ни одной птицы, словно в подтверждение слов Рут. Хотя Гамаш знал, что думает она не обо всех птицах, а об одной.

О Розе, о своей утке, которая улетела прошлой осенью и не вернулась с остальными.

Но Рут не оставила надежды.

Гамаш, сидевший молча на скамье, вспомнил, почему строки из стихотворения Дикинсон были такими знакомыми. Открыв книгу, которую он все еще держал в руках, он нашел слова, выделенные убитой женщиной.

«Разбиваются сердца. Умирает любовь».

Потом он увидел, что кто-то наблюдает за ними из бистро. Оливье.

– Как он поживает? – спросил Гамаш, почти незаметно поведя рукой в сторону бистро.

– Кто?

– Оливье.

– Не знаю. И какая мне разница?

Гамаш немного помолчал.

– Насколько я помню, он ваш хороший друг.

Рут не ответила, сидела с бесстрастным лицом.

– Люди совершают ошибки, – сказал Гамаш. – Вы же знаете, он хороший человек. И я знаю, он вас любит.

Рут произвела неприличный звук:

– Слушайте, все, чем он дорожит, – это деньги. Не я, не Клара, не Питер. Даже не Габри по большому счету. Он нас всех готов продать за несколько баксов. Уж вы-то это знаете лучше кого бы то ни было.

– Я скажу вам, что я знаю, – сказал Гамаш. – Я знаю, что он совершил ошибку. И что он сожалеет. И пытается загладить вину.

– Но не перед вами. Он на вас даже смотреть не может.

– А вы бы смогли? Если бы я арестовал вас за преступление, которого вы не совершали, вы бы меня простили?

– Оливье лгал нам. Он лгал мне.

– Все лгут. Все что-то скрывают. То, что скрывал он, было достойно порицания, но я видел вещи и похуже. Гораздо хуже.

И без того тонкие губы Рут теперь и вовсе исчезли.

– Я вам скажу, кто лгал, – сказала она. – Тот человек, с которым вы сейчас говорили.

– Франсуа Маруа?

– Не знаю, как зовут этого хрена, – ответила она. – Сколько их было, с кем вы говорили? Как бы его ни звали, он вам лгал.

– Это почему?

– Тот молодой не всю выпивку заказывал. Перед этим заказывал ваш собеседник, того молодого еще и в помине не было, а когда он появился, старик был уже пьян.

– Вы уверены?

– У меня на пьянство нюх, а выпивку мимо моего глаза незаметно не пронесешь.

– И солгать при вас тоже не получается.

На лице Рут появилась улыбка, удивившая даже ее саму.

Гамаш поднялся, бросил взгляд на Оливье, потом слегка поклонился Рут и прошептал так, чтобы было слышно только ей:

Ты лежишь на смертном ложе,

Час тебе осталось жить.
Так кого все эти годы
Ты надеялась простить?

– Хватит, – оборвала она его, поднеся костлявую руку к его лицу. Не прикасаясь к нему, но достаточно близко, чтобы остановить слова. – Я знаю, как оно кончается. И мне занятно, знаете ли вы ответ. – Она впилась в него взглядом. – «Так кого все эти годы ты надеялся простить», старший инспектор?

Он выпрямился и пошел прочь – к мосту через Белла-Беллу, забывшись в своих мыслях.

– Шеф.

Гамаш повернулся и увидел инспектора Бовуара, который широким шагом шел к нему из оперативного штаба.

Он знал это выражение на лице Жана Ги: тот нес ему новости.

Глава двадцать первая

Клара Морроу очень хотела остаться одной. Но вместо этого она оказалась в кухне вместе с Дени Фортеном. У того был более моложавый вид, чем всегда. Более покаянный.

– Кофе? – спросила она, недоумевая, зачем она это делает.

Ей хотелось только одного: чтобы Фортен поскорее ушел.

– Нет, merci, – улыбнулся он. – Не хочу доставлять вам беспокойство.

«Уже доставляешь», – подумала Клара, понимая, что это негостеприимно. Ведь она сама открыла ему дверь. Она начинала ненавидеть двери. Открытые или закрытые.

Если бы кто-то год назад сказал ей, что она будет с нетерпением ждать, когда этот владелец престижной галереи уйдет из ее дома, она бы ни за что не поверила. Напротив, все усилия любого известного ей художника, включая и Питера, имели целью завоевать внимание Фортена.

Но сейчас она думала только о том, как бы поскорее избавиться от него.

– Я полагаю, вы знаете, почему я здесь, – с ухмылкой сказал Фортен. – Вообще-то, я надеялся поговорить с вами обоими – с вами и Питером. Он дома?

– Его нет дома. Может, зайдете, когда он вернется?

– Не хочу тратить ваше время, – сказал он, вставая. – Я понимаю, наше знакомство было таким, что и врагу не пожелаешь. И все по моей вине. Жаль, что я не могу начать все снова. Я вел себя ужасно, ужасно глупо.

Она начала было говорить что-то, но он поднял руку и улыбнулся:

– Вам не нужно отвечать мне любезностями, я знаю, как по-скотски я поступил. Но я выучил свой урок, и больше этого не повторится. Ни по отношению к вам, ни, надеюсь, к кому бы то ни было. Я просто хочу заявить об этом, прежде чем уйти. Я прошу вас и вашего мужа подумать об этом, ладно?

Клара кивнула.

– Я бы хотел представлять вас обоих – вас и Питера. Я молод, и мы сможем расти вместе. Я долгое время буду рядом и смогу продвигать ваши творения. Полагаю, это важно. У меня есть мысль организовать для вас обоих персональные выставки, а потом – совместную. Где заиграют во всем блеске оба ваших таланта. Это будет захватывающее зрелище.

Выставка года. Десятилетия. Я прошу только об одном: пожалуйста, подумайте об этом.

Клара кивнула, и Фортен ушел.

Инспектор Бовуар и старший инспектор встретились на мосту.

– Вот, посмотрите, – сказал Бовуар, отдавая ему распечатку.

Гамаш прочел заголовок, потом пробежал страницу. Прочтя три четверти текста, остановился, словно ударился о стену. Он поднял глаза на Бовуара – тот ждал и улыбался.

Старший инспектор вернулся к распечатке, на сей раз стал читать медленнее.

Он не хотел ничего упустить, как они уже чуть было не упустили.

– Отличная работа, – сказал он, возвращая распечатку Бовуару. – Как ты это нашел?

– Я просматривал наши опросы и понял, что мы поговорили не со всеми, кто присутствовал здесь на вечеринке.

Гамаш кивнул:

– Замечательно. Великолепно. – Он посмотрел на гостиницу Габри. – Так что, идем?

Через минуту они из-под ярких, теплых лучей вошли в прохладу веранды. Норман и Полетт следили за их продвижением по деревенскому лугу. Гамаш даже подозревал, что за ними следит вся деревня.

Три Сосны могли показаться сонным местечком, но на самом деле жители видели и замечали все.

Когда Гамаш с Бовуаром подошли, двое художников подняли на них глаза.

– Можно попросить вас об одной громадной услуге? – произнес, улыбаясь, Гамаш.

– Конечно, – ответила Полетт.

– Не могли бы вы пройтись по деревне или заказать себе выпивку в бистро? За мой счет?

Они смотрели на него, поначалу ничего не понимая, затем Полетт что-то сообразила. Она взяла свою книгу и журнал и кивнула:

– По-моему, это прекрасное предложение – прогуляться. Ты так не считаешь, Норман?

Судя по виду Нормана, он бы предпочел остаться на прохладной террасе со старым номером «Пари матч» и стаканчиком лимонада. Гамаш не мог винить его в этом. Но ему нужно было, чтобы они ушли.

Двое полицейских дождались, когда Полетт и Норман отойдут

достаточно далеко, и только тогда обратились к третьему человеку, расположившемуся на веранде.

Сюзанна Коутс сидела в кресле-качалке со стаканом лимонада. Но на коленях у нее лежал не журнал, а альбом для рисования.

– Привет, – сказала она, не вставая.

– Bonjour, – ответил Бовуар. – А где его честь?

– Поехал к себе в Ноултон. А я решила переночевать здесь.

– Зачем? – спросил Бовуар.

Он пододвинул стул поближе к Сюзанне, а Гамаш сел рядом в кресло-качалку и закинул ногу на ногу.

– Я хочу оставаться здесь, пока вы не найдете того, кто убил Лилиан. Насколько я понимаю, у вас есть немалый стимул закончить работу поскорее.

Она улыбнулась, улыбнулся и Бовуар:

– Расследование пошло бы быстрее, если бы вы сказали нам правду.

Улыбка исчезла с ее лица.

– О чем?

Бовуар протянул ей лист бумаги. Сюзанна взяла его, прочитала написанное и вернула Бовуару. Вся ее немалая энергия не то что ослабела, а скорее сдулась, схлопнулась. Женщина переводила взгляд с Бовуара на его босса, потом снова на Бовуара. Гамаш ни словом не помог ей. Просто наблюдал с интересом.

– Вы были здесь в ночь убийства, – сказал Бовуар.

Сюзанна молчала, и Гамаш с удивлением понял, что даже сейчас, когда не осталось никакой надежды, она, похоже, вынашивает какую-то ложь.

– Была, – призналась она наконец, стреляя глазами то в одного, то в другого.

– Почему вы нам этого не сказали?

– Вы спрашивали, была ли я на вернисаже в музее, а меня там не было. Про здешнюю вечеринку вы не спрашивали.

– Вы хотите сказать, что не солгали нам? – спросил Бовуар, посмотрев на Гамаша, словно хотел сказать ему: «Видите? Еще один олень идет по той же нахоженной тропе. Люди не меняются».

– Слушайте, – сказала Сюзанна, ерзая в кресле. – Я хожу на многие вернисажи, но по большей части мое занятие – готовить сосиски для пикников. Я вам это уже говорила. Так я зарабатываю дополнительные денежки. Я этого не скрываю. Вернее, скрываю от налоговой инспекции. Но вам я все об этом рассказала.

Она умоляюще посмотрела на Гамаша, и тот кивнул в ответ.

– Вы рассказали нам далеко не все, – возразил Бовуар. – Вы забыли упомянуть, что были здесь, когда убили вашу подругу.

– Я была здесь не в числе гостей. Я гостей обслуживала. И даже не как официантка. Я весь вечер провела в кухне. И не видела Лилиан. Даже не знала, что она здесь. Да и откуда мне было знать? Слушайте, этот прием был запланирован давно. Меня наняли несколько недель назад.

– Вы говорили об этом Лилиан? – спросил Бовуар.

– Нет, конечно. С чего бы я стала говорить ей обо всех вечеринках, которые обслуживаю.

– Вы знали, кто устраивает эту вечеринку?

– Понятия не имела. Я знала, что художник. Но это почти всегда художники. Та фирма по организации выездных банкетов, которая меня нанимает, обычно обслуживает вернисажи. Я не сама решила приехать сюда – меня сюда назначили. Я понятия не имела, кто хозяева. Да и какая мне разница. Меня волновало только, чтобы все были довольны и я получила свои денежки.

– Но когда мы вам сказали, что Лилиан убили на вечеринке в Трех Соснах, вы все поняли, – не отступал Бовуар. – Почему вы не сказали нам тогда?

– Вы правы, я должна была сказать, – признала она. – Да что там, это была одна из причин, по которой я и приехала. Я знала, что должна сообщить вам правду. Мне нужно было набраться смелости.

Бовуар смотрел на нее со смесью отвращения и восхищения.

Она мастерски плела паутину лжи. Он скосил глаза на шефа, который тоже внимательно слушал. Но лицо Гамаша было непроницаемым.

– Почему вы не сказали нам об этом вчера? – снова спросил Бовуар. – Почему лгали?

– Я была потрясена. Когда вы упомянули Три Сосны, я поначалу решила, что ослышалась. Только после вашего ухода все встало на место. Да, я была здесь в тот вечер. Может быть, в тот самый момент, когда ее убили.

– А почему не сказали об этом сегодня по приезде? – спросил Бовуар.

Она покачала головой:

– Я знаю, это было глупо. Но чем дольше я молчала, тем больше понимала, как можно истолковать мое поведение. А потом я убедила себя, что это не имеет значения, потому что я так ни разу за весь вечер и не вышла из кухни бистро. Я ничего не видела. Клянусь вам.

– У вас есть жетон новичка? – спросил Гамаш.

– Что-что?

– Жетон новичка из АА. Боб мне сказал, что его все берут. У вас есть?

Сюзанна кивнула.

– Можете его показать?

– Я забыла. Я его отдала.

Под взглядами двух полицейских ее щеки покрылись румянцем.

– Кому? – спросил Гамаш.

Сюзанна задумалась.

– Кому? – настойчиво повторил Бовуар, глядя ей в глаза.

– Не знаю, не могу вспомнить.

– То, что вы не можете вспомнить, – это ложь. Нам нужна правда. Немедленно, – резко проговорил Бовуар.

– Где ваш жетон новичка? – спросил Гамаш.

– Не знаю. Отдала кому-то из моих подопечных много лет назад. Мы так делаем.

Но старший инспектор полагал, что жетон гораздо ближе. Он подозревал, что тот лежит в пакетике для вещественных доказательств, – жетон, найденный в земле на том месте, где убили Лилиан. Он подозревал, что это одна из многих причин, которая и привела Сюзанну Коутс в Три Сосны. Она хотела найти свой жетон. Посмотреть, как продвигается следствие. Возможно, попытаться ввести их в заблуждение.

Но уж конечно не для того, чтобы сказать им правду.

Спускаясь по грунтовой дороге, Питер увидел, что их машина стоит чуть наискосок на границе газона.

Клара вернулась.

Бóльшую часть дня он провел в англиканской церкви Святого Томаса. Повторял молитвы, которые помнил с детства, в основном «Отче наш», обеденную молитву, «Благослови, Господь, пищу нашу» и «Весперс», но потом он вспомнил, что это про Кристофера Робина, а не про одного из апостолов[69].

Он молился. Сидел неподвижно. Даже напел что-то церковное.

Он отсидел себе зад и не почувствовал ни радости, ни торжества.

И тогда он ушел. Если Бог и был в Святом Томасе, то Он скрывался от Питера.

Его избегала Клара, и его избегал Господь. Этот день, как ни посмотри, был далеко не лучшим в его жизни. Хотя на пути в деревню он решил, что Лилиан была бы не прочь поменяться с ним местами.

Были вещи и похуже, чем невстреча с Богом. Например, встреча с Ним.

На подходе к дому Питер увидел, что из дверей их коттеджа вышел Дени Фортен. Они помахали друг другу.

Клару он нашел в кухне – она смотрела в стену.

– Я только что видел Фортена, – сказал он, обходя ее из-за спины. – Что ему было нужно?

Клара повернулась, и улыбка замерла на лице Питера.

– Что такое? Что случилось?

– Я сделала нечто ужасное, – сказала она. – Мне нужно поговорить с Мирной.

И побежала к двери, огибая Питера.

– Нет, Клара, подожди. Поговори со мной. Расскажи мне, что произошло.

– Вы видели ее лицо? – спросил Бовуар, ускоряя шаг, чтобы догнать Гамаша.

Они шли по деревенскому лугу, оставив Сюзанну на веранде. Кресло-качалка замерло. Акварель у нее на коленях – изображение цветущего сада Габри – была смята и уничтожена. Ее собственной рукой. Та рука, которая создала рисунок, и уничтожила его.

А еще Бовуар видел лицо Гамаша. Жесткое выражение, в глазах холодок.

– Вы думаете, это ее жетон? – спросил Бовуар, поравнявшись с шефом.

Гамаш замедлил шаг. Они снова подходили к мосту.

– Не знаю. – Лицо старшего инспектора было задумчиво. – Благодаря тебе мы знаем, что она лгала, что она таки была в Трех Соснах в тот вечер, когда убили Лилиан.

– Она говорит, что не выходила из кухни, – сказал Бовуар, оглядывая деревню. – Но ей не составило бы труда незаметно обогнуть магазины сзади и проскользнуть в сад Клары.

– И увидеть там Лилиан, – кивнул Гамаш.

Он повернулся и посмотрел на дом Морроу. Они теперь стояли на мосту. У себя в саду Питер и Клара посадили несколько деревьев и кусты сирени, чтобы не быть как на ладони. Даже с моста гости не смогли бы увидеть там Лилиан. Или Сюзанну.

– Вероятно, она сказала Лилиан о вечеринке у Клары, зная, что Клара у Лилиан в списке тех, перед кем она должна извиниться, – размышлял вслух Бовуар. – Уверен, она даже упрашивала Лилиан приехать. И договорилась встретиться с ней в саду. – Бовуар огляделся. – Это

ближайший к бистро сад, самое удобное место. Вот вам и объяснение, почему именно там и нашли Лилиан. Это могло случиться в любом саду, но случилось в саду Клары.

– Тогда нужно признать, что она лжет, когда говорит, что не сообщала Лилиан об этой вечеринке, – сказал Гамаш. – И что не знала, кто эту вечеринку устраивает.

– Я вам гарантирую, шеф: все, что говорит эта женщина, – ложь.

Гамаш кивнул. Все определенно указывало на это.

– Сюзанна даже могла подвезти сюда Лилиан… – начал Бовуар.

– Нет, не складывается, – возразил Гамаш. – Лилиан приехала на своей машине.

– Верно, – сказал Бовуар. Он задумался, пытаясь представить себе события в их последовательности. – Но она могла ехать следом за Сюзанной.

Гамаш взвесил это, кивнул:

– Это может объяснить, как она нашла Три Сосны: ехала следом за Сюзанной.

– Но на вечеринке ее никто не видел, – сказал Бовуар. – А уж кто-нибудь непременно обратил бы внимание на Лилиан – в таком-то ярком платье.

Гамаш задумался.

– Может быть, Лилиан не хотела, чтобы ее видели, пока она не будет готова.

– Готова к чему?

– Извиниться перед Кларой. Может быть, она сидела в своей машине до назначенного часа встречи с ее опекуншей в саду. Может быть, та обещала ей слова поддержки, прежде чем Лилиан отправится приносить такие трудные для нее извинения. Возможно, она думала, что Сюзанна оказывает ей услугу.

– Хорошенькая услуга. Сюзанна ее убила.

Гамаш стоял и думал, потом отрицательно покачал головой. Формально это могло произойти. Но какой в этом смысл? Зачем Сюзанне убивать свою подопечную? Убивать Лилиан? И вообще, все это было таким обдуманным. И таким личным. Обхватить руками шею Лилиан и сломать ее?

Что могло бы заставить Сюзанну сделать это?

Может быть, убитая была вовсе не такой женщиной, какой ее описывала Сюзанна? Что, если Бовуар опять прав и Лилиан ничуть не изменилась, осталась такой же жестокой, злобной интриганкой, какую

помнила Клара? Неужели она довела Сюзанну до точки кипения?

Неужели Сюзанна снова падала с высоты на землю, но на сей раз успела захватить с собой и Лилиан? Вцепившись ей в горло?

Тот, кто убил Лилиан, должен был ее ненавидеть. Чувства в этом преступлении играли важную роль. Все было продумано заранее. Предусмотрено и орудие убийства – собственные руки преступника.

– Я совершила ужасную ошибку, Питер.

Гамаш и Бовуар повернулись на голос Клары, доносившийся до них из-за стены листьев и сирени.

– Скажи мне. Мне ты можешь довериться, – проговорил Питер тихим, успокаивающим голосом, словно пытаясь выманить кота из-под дивана.

– Боже мой, – сказала Клара, учащенно дыша. – Что я наделала!

– И что ты наделала?

Гамаш и Бовуар переглянулись и оба потихоньку подошли ближе к каменной ограде моста.

– Я ездила к родителям Лилиан.

Ни Гамаш, ни Бовуар не видели Питера и Клары, но вполне могли представить выражение их лиц.

Последовала долгая пауза.

– Благородный поступок, – сказал Питер, хотя и неуверенным голосом.

– Ничего благородного, – отрезала Клара. – Видел бы ты их лица. Я словно нашла двух почти мертвых людей и решила снять с них кожу. Боже мой, Питер, что я сделала?

– Ты уверена, что не хочешь выпить пива?

– Нет, я не хочу пива. Я хочу Мирну. Я хочу…

Кого угодно, кроме тебя.

Эти слова не были произнесены, но все их услышали. Один человек в саду и двое на мосту. И Бовуар обнаружил, что сердце его болит за Питера. Бедный Питер. В такой растерянности.

– Нет, погоди, Клара, – раздался голос Питера. Было ясно, что Клара собирается уходить. – Расскажи мне, пожалуйста. Я ведь тоже знал Лилиан. Я знаю, вы когда-то были добрыми друзьями. Наверное, ты и Дайсонов любила.

– Любила, – сказала Клара, останавливаясь. – И теперь люблю. – Голос ее зазвучал ровнее. Она повернулась лицом к Питеру и к двум полицейским, невидимым за зеленью. – Они всегда были так добры ко мне. А теперь я сделала это.

– Расскажи мне.

– Перед тем как поехать, я спрашивала у разных людей, и все они отвечали одно, – сказала Клара, приближаясь к Питеру. – Не нужно туда ехать. Дайсонам будет больно меня видеть. Но я все равно поехала.

– Зачем?

– Затем, что хотела выразить им соболезнование. В связи со смертью Лилиан. А еще рассказать о нашей ссоре. Я хотела дать им возможность поговорить о прежних временах, о Лилиан, когда она была маленькой. Может быть, обменяться воспоминаниями с теми, кто знал и любил ее.

– Но они не пожелали тебя видеть?

– Это было ужасно. Я постучала в дверь, и миссис Дайсон открыла. Она явно много плакала. Вид у нее был совсем плохой. Ей понадобилось несколько минут, чтобы меня узнать, но когда она узнала…

Питер ждал. Ждали все они. Представляя старуху у двери.

– Я никогда не видела такой ненависти. Если бы она могла убить меня на месте, то наверняка убила бы. К ней присоединился мистер Дайсон. Он такой худой, едва живой. Я помню его большим. Он, бывало, сажал нас к себе на плечи и носил. А теперь он весь сутулый и… – она замолчала, подыскивая слова, – крохотный. Такой крохотный.

Других слов она не нашла.

– «Ты убила нашу дочь, – сказал он. – Ты убила нашу дочь». А потом он попытался швырнуть в меня своей палкой, но она застряла в дверях, и он только взвыл от разочарования.

Бовуар и Гамаш представили эту картину: хрупкий, вежливый, скорбящий мистер Дайсон, впавший в неистовство, готовый на убийство.

– Ты попыталась, Клара, – сказал Питер тихим, успокаивающим голосом. – Попыталась им помочь. Результат можно было предугадать.

– Все остальные его предугадали. Почему не я? – спросила Клара, рыдая.

И опять Питер проявил мудрость – промолчал.

– Я думала об этом всю обратную дорогу, и знаешь, что я поняла?

Питер опять ждал, а Бовуар, невидимый за зеленой завесой в пятнадцати футах от них, чуть не сказал: «Что?»

– Я убедила себя, что это такой мужественный поступок, даже благородный – поехать и утешить Дайсонов. Но по правде говоря, я делала это для себя. И посмотри, что из этого получилось. Если бы они не были так стары, мистер Дайсон убил бы меня.

Гамаш и Бовуар услышали приглушенные рыдания – это Питер обнял жену, прижал к себе. Старший инспектор развернулся и направился в оперативный штаб по другую сторону речушки Белла-Белла.

В штабе они расстались. Бовуар занялся распутыванием многообещающих версий, а Гамаш поехал в Монреаль.

– Я вернусь к обеду, – сказал он, садясь за баранку «вольво». – Нужно переговорить с суперинтендантом Брюнель о работах Лилиан Дайсон. О том, чего они могут стоить.

– Хорошая мысль.

Бовуар, как и Гамаш, видел картины убитой на стенах ее квартиры. Ему они показались странными – искаженные изображения монреальских улиц. Знакомых, узнаваемых. Но если в реальной жизни улицы и здания имели прямоугольные формы, то на картинах они были какие-то скругленные, текучие.

У Бовуара от их вида даже тошнота подступала к горлу. Ему было любопытно узнать, что скажет о них суперинтендант Брюнель.

Инспектору Гамашу это тоже было любопытно.

Когда он приехал в Монреаль, день уже клонился к вечеру, и ему пришлось пробираться по забитым машинами улицам города к дому Терезы Брюнель в Утремоне.

Он предварительно позвонил, чтобы убедиться, что Брюнели дома. Когда Гамаш поднялся по лестнице, дверь ему открыл Жером, являвший собой почти идеальный квадрат и идеального хозяина.

– Арман. – Они обменялись рукопожатием. – Тереза в кухне готовит легкую закуску. Давайте посидим на балконе. Что будете пить?

– Минералку «Перье», s’il vous plaît, Жером, – сказал Гамаш, следуя за хозяином по знакомой гостиной мимо кип раскрытых справочников, а также головоломок и шифров Жерома.

Они вышли на передний балкон, с которого открывался вид на улицу и тенистый зеленый парк за нею. Трудно было поверить, что сразу за углом находится авеню Лорье с ее многочисленными бистро, пивными барами и бутиками.

Гамаш и Рейн-Мари жили в нескольких кварталах отсюда и бывали частыми гостями в этом доме, приходили на обеды и коктейли. Брюнели тоже нередко наведывались к ним.

И хотя в данном случае приезд Гамаша нельзя было назвать визитом, Брюнели сделали все, чтобы Гамаш чувствовал себя удобно. Если нужно говорить о преступлениях и убийстве, то почему не сделать это за выпивкой, сыром, пикантными сосисками и оливками?

Это полностью отвечало чувствам Гамаша.

– Merci, Жером, – сказала Тереза Брюнель, протягивая поднос с едой

мужу и беря бокал с белым вином.

Они стояли на балконе в лучах вечернего солнца и разглядывали парк.

– Прекрасное время, правда? – сказала Тереза. – Все такое свежее.

Она посмотрела на стоявшего рядом с ней Гамаша, а он – на нее.

Арман Гамаш видел перед собой женщину, которую знал более десяти лет. Не только знал – он ее обучил. Читал ей лекции в академии. Она выделялась среди других учеников не только своим умом, но и возрастом – она им всем годилась в матери. Да и Гамаша она была старше на целое десятилетие.

Она поступила в полицию после успешной карьеры в Музее изящных искусств Монреаля, где дослужилась до должности старшего куратора. Блестящий историк и пропагандист искусства, она консультировала Квебекскую полицию в связи с появлением одной загадочной картины. Не пропажей, а неожиданным появлением!

В том случае, в том деле она обнаружила в себе любовь к загадкам. Оказав полиции помощь в расследовании еще нескольких дел, она поняла, что это и есть ее настоящее призвание, то, для чего она родилась.

И она пришла в отдел кадров, удивив его начальника, и написала заявление о приеме на работу.

Это случилось двенадцать лет назад. А сегодня она была одним из старших офицеров полиции, обогнав в звании своего учителя. Но они оба знали: это произошло только потому, что он избрал другой путь и получил возможность идти по нему.

– Чем могу помочь, Арман? – спросила она, указывая изящной, тонкой рукой на одно из балконных кресел.

– Мне вас оставить? – спросил Жером, поднимаясь со своего места.

– Нет-нет, – возразил Гамаш, жестом усаживая его назад, – пожалуйста, оставайтесь, если хотите.

Жером всегда хотел. Врач отделения скорой помощи, вышедший на пенсию, он всегда увлекался разгадыванием загадок и был немало удивлен тем, что его жена, всю жизнь легонько подкалывавшая его за любовь к разгадыванию шифров, теперь сама по уши погрузилась в разрешение тайн. Но конечно, более серьезных по своей природе.

Старший инспектор Гамаш поставил стакан с минеральной водой и вытащил из сумки папку.

– Я бы хотел, чтобы вы посмотрели на это и сказали свое мнение.

Суперинтендант разложила фотографии на кованом чугунном столике; чтобы ветерок их не унес, она использовала в качестве грузов стаканы и тарелки.

Мужчины тихо ждали, пока она разглядывала снимки. Она не спешила. По улице проезжали машины. Ребятишки в парке играли в футбол, качались на качелях.

Арман Гамаш отхлебнул шипучую воду и пошевелил пальцем пористый кусочек лайма, глядя, как Тереза разглядывает картины из квартиры Лилиан Дайсон. Вид у Терезы был строгий – умудренный годами исследователь оказывает помощь в деле об убийстве. Она переводила взгляд с одной фотографии на другую. Постепенно движения ее глаз стали медленнее, она подолгу задерживала их то на одной картине, то на другой. Потом стала перекладывать фотографии на столе, наклонив голову с аккуратно уложенными волосами.

Смягчились не ее глаза – смягчилось выражение лица: она целиком погрузилась в мир этих картин, в их загадку.

Арман не сказал ей ни слова о том, что это за картины. О том, чьей кисти они принадлежат и что ему хочется узнать о них. Он не дал ей никакой информации, только сказал, что они проходят по делу об убийстве.

Он хотел, чтобы у нее сформировалось собственное мнение, незамутненное его вопросами или комментариями.

Старший инспектор учил ее в академии, что место преступления не только там, где найден труп. Оно в головах людей. В их воспоминаниях и восприятии мира. В их чувствах. И не следует искажать их наводящими вопросами.

Наконец Тереза закрыла папку, откинулась от стола и подняла взгляд. Сначала, как всегда, на Жерома, потом – на Гамаша.

– Итак, суперинтендант?

– Итак, старший инспектор, я могу вам сказать, что никогда не видела прежде работ этого художника. Стиль совершенно уникален. Такого еще не было. Обманчиво простой. Не примитивный, но и без претензий. Прекрасные работы.

– Они могут высоко цениться на рынке?

– Это вопрос. – Она снова принялась рассматривать изображения. – Прекрасное нынче не в моде. Провокативное, темное, жестокое, циническое – вот что ищут кураторы галерей. Они, кажется, думают, что такие работы сложнее, актуальнее, но я могу вам сказать: это не так. Свет не менее актуален, чем темнота. Мы можем очень многое узнать о себе, глядя на красоту.

– А что вам говорят эти работы? – Гамаш показал на картины на столе.

– Обо мне? – с улыбкой спросила она.

– Можно и о вас. Но я в большей степени думал о художнике.

– А кто он, Арман?

Он помолчал немного, потом сказал:

– Я вам скажу через минуту, но сначала хочу услышать ваше мнение.

– Кто бы это ни написал, он блестящий художник. Я думаю, он не молод. Здесь слишком много оттенков. Я уже сказала: это обманчивая простота, если присмотреться, то увидишь очень изящные детали. Вот как здесь. – Она показала дорогу, огибающую здание, словно река – камень. – Эта едва заметная игра света. И здесь, вдалеке, где небо, здание и дорога сливаются и одно от другого отличить вообще невозможно. – Тереза чуть ли не мечтательно посмотрела на картины. – Они великолепны. Я бы хотела познакомиться с художником. – Она взглянула в глаза Гамаша, задержала взгляд на секунду дольше, чем необходимо. – Но я подозреваю, что это невозможно. Он мертв, верно? Он и есть жертва?

– Почему вы так подумали?

– Если не считать того факта, что вы глава отдела по расследованию убийств? – Она улыбнулась, и Жером удивленно фыркнул. – Потому что если вы принесли это мне, то художник либо подозреваемый, либо жертва, а тот, кто это написал, не может быть убийцей.

– Почему?

– Художники склонны писать то, что они знают. Картина – это чувство. Лучшие художники раскрывают себя в своих работах, – сказала суперинтендант Брюнель, глядя на фотографии. – Тот, кто это написал, был удовлетворенным. Возможно, не идеальным, но удовлетворенным мужчиной.

– Или женщиной, – сказал старший инспектор. – И вы правы: она мертва.

Он рассказал ей о Лилиан Дайсон. О ее жизни и смерти.

– Вы уже знаете, кто ее убил? – спросил Жером.

– Я близок к раскрытию убийства, – сказал Гамаш, собирая фотографии. – Что вы можете сказать о Франсуа Маруа и Андре Кастонге?

Тереза подняла тонкие брови:

– Торговцы предметами искусства? Они тоже замешаны?

– Да, вместе с Дени Фортеном.

– Так, – сказала Тереза, пригубив белого вина. – У Кастонге собственная галерея, но бóльшая часть его доходов поступает от договора с «Келли». Он заключил этот договор много лет назад и сумел его сохранить по сей день.

– Судя по вашему тону, вас одолевают какие-то сомнения на этот счет.

– Меня удивляет, что договор все еще действует. За последние годы, когда стали открываться новые, более современные галереи, Кастонге растерял немалую часть своего влияния.

– Новые вроде галереи Фортена?

– Именно вроде Фортена. Очень агрессивные. Фортен встряхнул мир искусства Квебека. Не могу сказать, что я виню его в этом. Они не пускали его в дверь, так он проник в окно.

– Кажется, Дени Фортен не удовлетворится окном, – сказал Гамаш и взял тонкий ломтик итальянской сосиски и черную оливку. – У меня такое впечатление, что он сломает и дверь, а если понадобится, надает Кастонге по ушам. Фортен хочет получить все и будет бороться, пока не достигнет цели.

– Ухо Ван Гога, – сказала Тереза и улыбнулась, глядя, как Гамаш, прежде чем отправить в рот ломтик сосиски, внимательно его разглядывает. – Закуска холодная, но не очень, Арман. Вы в безопасности. А вот за оливки не поручусь.

Она посмотрела на него озорным взглядом.

– Вы только что сказали «ухо Ван Гога»? – переспросил старший инспектор. – Кто-то в начале этого следствия уже использовал это выражение. Не могу вспомнить кто. Что оно означает?

– Оно означает, что человек скупает все из боязни пропустить что-то ценное. Как не обратили внимания на гений Ван Гога много лет назад. Именно этим и занимается Дени Фортен. Скупает всех художников, подающих надежды. Вдруг кто-то из них окажется Ван Гогом. Или Дамьеном Херстом[70]. Или Анишем Капуром[71].

– Следующее важное обстоятельство. Он упустил свой шанс с Кларой Морроу.

– Определенно упустил, – согласилась суперинтендант Брюнель. – А потому исполнился отчаянной решимости не повторить такой ошибки.

– Значит, он бы купил эту художницу? – Гамаш показал на закрытую папку, лежащую на столе.

Брюнель кивнула:

– Думаю, да. Как я уже сказала, прекрасное теперь не в цене, но если ты хочешь найти следующего крупного художника, он обнаружится не среди тех людей, которые делают то же, что и все остальные. Ты должен найти кого-то, кто создает новые формы. Вот как она.

Она пощелкала по досье наманикюренным пальчиком.

– А Франсуа Маруа? – спросил Гамаш. – Как вы оцениваете его?

– Хороший вопрос. Он изо всех сил старается произвести впечатление

учтивого безразличия, будто конкурентная борьба – это определенно не про него. Делает вид, что он над схваткой. Говорит, что продвигает только великих художников и великое искусство. И нужно сказать, в искусстве он понимает толк. Я бы сказала, что он первый из всех дилеров в Канаде – и точно в Монреале – умеет распознать талант.

– А что еще?

Тереза Брюнель внимательно посмотрела на Гамаша:

– Вы явно успели с ним познакомиться, Арман. Что вы о нем думаете?

Гамаш ответил, помедлив:

– Я полагаю, что из всех дилеров он имеет наибольшие шансы получить то, что хочет.

Брюнель неторопливо кивнула.

– Он хищник, – сказала она наконец. – Терпеливый, безжалостный. Необыкновенно обаятельный, как вы уже, вероятно, успели заметить. Но он меняется, когда обнаруживает то, что ему надо. Что потом? Лучше отсидеться где-нибудь в уголке, пока кровопролитие не закончится.

– Так серьезно?

– Да, серьезно. Я не знаю ни одного случая, когда Франсуа Маруа не получил бы того, что ему надо.

– Он когда-нибудь нарушал закон?

Она покачала головой:

– Закон человеческий – нет.

Трое друзей некоторое время сидели молча. Наконец Гамаш заговорил:

– В этом деле я столкнулся с одной цитатой, может быть, вам она знакома? «Он естествен во всех своих проявлениях – творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности».

Он откинулся на спинку стула, наблюдая за их реакцией. Тереза, за миг до этого необыкновенно серьезная, слегка улыбнулась, а ее муж расхохотался.

– Я знаю эти слова. Они, кажется, из какой-то критической заметки. Но это было сказано много лет назад, – сообщила Тереза.

– Верно. Это было в рецензии в «Пресс». Ее написала убитая.

– Убитая или об убитой?

– Там же сказано «он», а не «она», Тереза, – изумленно заметил ее муж.

– Я слышала. Но возможно, Арман неверно процитировал. Он же прославился своей работой шаляй-валяй, – сказала она с улыбкой.

Гамаш рассмеялся.

– Нет, на сей раз по чистой случайности я сделал все как надо, –

сказал он. – Вы, часом, не помните, о ком были сказаны эти слова.

Тереза Брюнель подумала и покачала головой:

– Увы, Арман. Как я сказала, слова эти стали знаменитыми, но я подозреваю, что тот, о ком они были написаны, знаменитым художником не стал.

– Неужели рецензии так важны?

– Для Капура или Твомбли[72] – нет. А для начинающего художника, у которого первая выставка, очень важны. И кстати, я читала великолепные рецензии о выставке Клары. Мы не смогли приехать на вернисаж, но я ничуть не удивлена. Ее работы необыкновенно талантливы. Я звонила ей – хотела поздравить, но не смогла дозвониться. Она наверняка занята.

– А работы Клары лучше, чем эти? – спросил Гамаш, показывая на папку.

– Они разные.

– Oui. Но если бы вы все еще были старшим куратором музея, кого бы вы купили – Клару Морроу или Лилиан Дайсон?

Тереза задумалась.

– Знаете, я сказала, что они разные, но у них есть одна важная общая черта. И те и другие картины по-своему радостные. Как это прекрасно, если это новое течение в живописи!

– Почему?

– Потому что это может означать, что это и движение человеческой души. Из тьмы к свету.

– Было бы здорово, – согласился старший инспектор, забирая папку. Но прежде, чем подняться, он посмотрел на Терезу и все-таки решился: – Что вы знаете о главном судье Тьерри Пино?

– Господи боже, Арман, только не говорите мне, что и он замешан в этом деле.

– Замешан.

Суперинтендант Брюнель глубоко вздохнула:

– Лично я с ним не знакома. Только как с юристом. Он мне представляется очень прямым, честным. В его юридической карьере нет ни одного пятнышка. Все оступаются, но я не слышала ни одного плохого отзыва о нем как о судье.

– А вне судейской практики? – продолжал Гамаш.

– Говорят, он был не дурак выпить и временами бывал несносен. Но это небеспричинно. Он потерял внука. Или это была внучка? Пьяный водитель. Позже судья бросил пить.

Гамаш поднялся, помог убрать со стола, отнес посуду в кухню. Потом

двинулся к двери, но там остановился.

Некоторое время он колебался, говорить что-то Терезе и Жерому или нет. Но если говорить, то сейчас для этого был наилучший момент, а эти супруги были наилучшими слушателями.

Они уже стояли на пороге, но Гамаш медленно закрыл дверь и посмотрел на них.

– У меня есть к вам еще один вопрос, – тихо сказал он. – К этому делу он не имеет никакого отношения. Он о другом.

– Oui?

– Видео той операции, – сказал он, внимательно глядя на них. – Кто, по-вашему, выложил его в Интернет?

Жером посмотрел на него встревоженным взглядом, но глаза суперинтенданта Брюнель смотрели иначе.

Они смотрели сердито.

Глава двадцать вторая

Тереза пригласила его назад в квартиру, подальше от дверей и открытых окон. В середину комнаты, где стоял полумрак.

– Проводилось внутреннее расследование, – сказала она тихим и сердитым голосом. – И вы это знаете, Арман. Выяснилось, что это дело рук хакера. Какой-то парень нашел файл, вероятно даже не зная, что это такое. Только и всего.

– Если это был какой-то парень, которому тупо повезло, то почему его не нашли? – спросил Гамаш.

– Оставьте это следователям, – ответила она смягчившимся голосом.

Гамаш посмотрел на своих друзей. Пожилые мужчина и женщина. Усталые, измотанные.

Но и сам Гамаш был немолод.

Поэтому-то он и предостерег Бовуара от дальнейших изысканий. Поэтому-то он и не поручил это дело одному из сотни других своих агентов. А любой из них с радостью копнул бы глубже.

Но что бы он там нашел?

Нет, уж лучше он будет заниматься этим сам. С помощью двух людей, которым он доверяет. Брюнели имели еще одно незаменимое качество. Они были ближе к концу, чем к началу. Как и он. К концу всех честолюбивых устремлений. К концу жизни. И что бы они теперь ни потеряли, они уже прожили полную, насыщенную жизнь.

Гамаш не поручил бы этого дела молодому агенту. Он не хотел потерять еще одного. По крайней мере, будь у него такой выбор.

– Я ждал отчета по внутреннему расследованию, – сказал он. – Я его прочел, два месяца изучал, размышлял.

Суперинтендант Брюнель тщательно обдумала свой вопрос, ответа на который она по большому счету не хотела знать.

– К какому выводу вы пришли?

– Расследование пошло по ложному пути. Я почти уверен, что его направили туда намеренно. Кто-то в Квебекской полиции пытается скрыть правду.

Не имело смысла делать вид, что это не так. Он был в этом убежден.

– Почему вы так решили? – спросил Жером.

– Потому что ни один хакер не смог бы найти этот файл. Это практически невозможно. А если бы кому-то это и удалось, то следователи

обнаружили бы его. Для этого они и следователи. Существует целый отдел, занимающийся киберпреступностью. Они бы его нашли.

Тереза и Жером хранили молчание. Потом Жером повернулся к жене.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он.

Она перевела взгляд с мужа на гостя.

– Вы говорите, что кто-то в полиции пытается скрыть правду. И в чем она состоит, по-вашему, эта правда?

– Произошла внутренняя утечка, – ответил Гамаш. – Кто-то внутри полиции намеренно выложил видео в Интернет.

Еще не закончив говорить, он понял, что не сказал ей ничего такого, чего бы она сама не знала или не подозревала.

– Но зачем? – спросила Тереза.

Этот вопрос она явно задавала и себе самой.

– Я думаю, «зачем» определяется другим вопросом – «кто», – сказал Гамаш. Он внимательно посмотрел на нее. – Вас это не удивляет, верно?

Тереза Брюнель отрицательно покачала головой:

– Я тоже читала отчет. Как и все остальные суперинтенданты. Не знаю, что было у них на уме, но я пришла к тому же выводу, что и вы. Необязательно, что это сделал кто-то из полиции, – она посмотрела на него с предостережением, – но по какой-то странной причине расследование не было доведено до конца. Поскольку это затрагивало гибель четырех полицейских и по существу было предательством по отношению к их семьям и самой полиции, я предполагала, что расследование будет более тщательным. Я думала, что они бросят на него все силы. Так и заявлялось вначале. Но вывод, какой бы риторикой он ни прикрывался, оказался крайне неубедителен. Файл якобы был похищен неизвестным хакером.

Она покачала головой и глубоко вздохнула, прежде чем заговорить снова:

– У нас проблема, Арман.

Он кивнул:

– У нас большая проблема.

Суперинтендант Брюнель села и показала мужчинам на стулья. Они присоединились к ней. Она помолчала, прежде чем перейти Рубикон.

– И кто, по-вашему, сделал это?

Гамаш выдержал взгляд ее умных, проницательных глаз:

– Вы знаете, о ком я думаю.

– Знаю, но мне нужно, чтобы вы назвали имя.

– Старший суперинтендант Сильвен Франкёр.

С улицы доносились крики детей, которые гонялись друг за другом,

бегали, смеялись.

– Это будет занятно, – заметил Жером Брюнель, потирая руки при мысли о трудной загадке.

– Жером! – сказала ему жена. – Ты что, не слушал? Глава Квебекской полиции, возможно, совершил нечто не только противозаконное, но и в высшей степени преступное. Против живых и мертвых полицейских. И их семей. В своих корыстных целях. – Тереза снова обратилась к Гамашу: – Если Франкёр, то почему он это сделал?

– Не знаю. Но мне известно, что он много лет пытается избавиться от меня. Видимо, рассчитывал нанести мне этим решающий удар.

– Но это видео показывает вас вовсе не с плохой стороны, – сказал Жером. – Напротив. Там вы выглядите героически.

– А что бы повредило вам, Жером? – Гамаш дружески посмотрел на сидящего напротив человека. – Если бы вас ложно обвинили или ложно восхвалили? В особенности когда вокруг столько боли и так мало похвал.

– Это была не ваша вина, – сказал Жером, глядя в глаза своему другу.

– Merci. – Гамаш наклонил голову. – Но это был и не мой звездный час.

Жером кивнул. Луч прожектора – это такая коварная штука. Он может вынудить человека искать место потемнее, чтобы спрятаться. Подальше от этого калечащего луча человеческого одобрения.

Гамаш никуда не убежал, но Жером и Тереза знали, что искушение такое у него было. Он был в шаге от того, чтобы подать рапорт и выйти в отставку. И никто не стал бы его винить. Как никто не винил его в гибели молодых агентов. Никто, кроме самого Гамаша.

Но старший инспектор не ушел в отставку, не спрятался в тени – он остался.

И теперь Жером спрашивал себя: почему Гамаш поступил именно так? Не потому ли, что старший инспектор должен был сделать еще одно? Исполнить свой долг перед живыми и мертвыми.

Найти истину.

Агент Изабель Лакост потерла лицо руками и посмотрела на часы.

Половина восьмого вечера.

Некоторое время назад позвонил шеф со странной, как ей показалось, просьбой. Даже не просьбой – предложением. Это означало дополнительную работу, но она поручила провести расследование другому агенту. Теперь уже пять человек просматривали архив «Пресс», где были похоронены выпуски этой ежедневной монреальской газеты.

Сейчас работа там шла гораздо быстрее, но ее затрудняло то, что они не знали ни года публикации рецензии, ни даже десятилетия. А старший инспектор еще больше усложнил им задачу.

– Вот, смотрите, – сказал один из младших агентов, поворачиваясь к Лакост. – Кажется, я нашел.

– Слава богу, – простонал другой.

Трое остальных столпились вокруг аппарата для чтения микрофишей.

– Увеличить можешь? – спросила Лакост, и агент кликнул по масштабной линейке.

Изображение на экране стало больше, четче.

Они прочли набранные жирным шрифтом слова: «Глубоко трогательный экспонат». А за этим следовала не столько рецензия, сколько издевательский монолог автора, обыгрывалось значение слова «движение» как применительно к движению общественному, так и применительно к движению фекальных масс при «естественных отправлениях».

Даже уставшие агенты читали и похохатывали.

Рецензия была какая-то подростковая, незрелая, но все же забавная. Это было все равно что видеть, как поскользнулся человек на кожуре банана. И упал. Никаких тонкостей. Но по какой-то причине смешно.

Изабель Лакост не смеялась.

В отличие от остальных она знала печальные последствия этой рецензии, которая закончилась не точкой в конце предложения, а трупом, лежащим в саду в начале лета.

Началось с шутки, а кончилось убийством.

Агент Лакост сняла копии с рецензии, чтобы четко была видна дата. Потом поблагодарила и отпустила агентов, села в машину и отправилась в Три Сосны. Убежденная, что везет с собой приговор.

Глава двадцать третья

Питер сидел в мастерской Клары.

Сразу же после ужина, прошедшего почти в полном молчании, она ушла поговорить с Мирной. Оказалось, что разговора с ним недостаточно. Он знал, что Клара его испытывала. И что в результате этих испытаний обнаружились его недостатки.

Ему всегда чего-то недоставало. Но до этого дня он толком не знал чего, а потому брал все, что мог.

Теперь он хотя бы знал.

Он сидел в мастерской Клары и ждал. Он знал, что здесь обитает и Господь. Не только в Святом Томасе на холме, но и здесь, в тесном пространстве с засушенными сердцевинами яблок, с жестянками, с засунутыми в них затвердевшими от краски кистями. С картинами.

Со здоровенной ногой из стеклопластика и «Воинственными матками».

По другую сторону коридора, в его идеальной чистой студии, было оставлено пространство для вдохновения. Все аккуратно, все прибрано. Но вдохновение ошиблось адресом и обосновалось здесь, а не у него.

Нет, подумал Питер, дело не только во вдохновении, которого он искал. Дело было в чем-то большем.

В этом-то и состояла проблема. Всю свою жизнь он принимал одно за другое. Он считал, что вдохновения достаточно. Он принимал творение за творца.

Он взял с собой в студию Клары Библию – не поможет ли. Возможно, Богу нужно доказательство его искренности. Он пролистал страницы, нашел апостолов.

Фома – то же имя, что у их церкви Святого Томаса. Фома неверующий.

Почему в Трех Соснах церковь назвали в честь неверующего?

А его собственное имя? Питер. Петр. Он был камень.

Чтобы провести время, пока Господь ищет его, Питер стал листать Библию – где еще встречается его имя.

Упоминаний, и хороших упоминаний, было немало.

Петр – камень, Петр – апостол, Петр – святой. Даже мученик.

Но Петр был чем-то еще. Что-то Иисус сказал Петру, когда апостол стал свидетелем чуда. Увидел, что человек идет по воде. И Петр, хотя и он сам тоже шел по воде, не поверил в это.

Не поверил всем свидетельствам, не поверил доказательству.

«Что вы так боязливы, маловерные?»[73]

Это было сказано о Петре.

Питер закрыл книгу.

Когда агент Изабель Лакост припарковала машину перед оперативным штабом, уже смеркалось. Она предупредила о своем приезде, и старший инспектор Гамаш с инспектором Бовуаром ждали ее.

Она прочла им рецензию по телефону, но они оба хотели увидеть ее своими глазами.

Она дала по копии каждому и теперь ждала реакции.

– Черт побери, – сказал Бовуар, пробежав текст.

Они оба посмотрели на Гамаша, который, надев очки, читал рецензию без спешки. Наконец он опустил руку с бумагой и снял очки.

– Хорошая работа. – Он с мрачным видом кивнул агенту Лакост.

Сказать, что ее находка была удивительна, значило ничего не сказать.

– Ну что, практически дело закрыто, да? – спросил Бовуар. – «Он естествен во всех своих проявлениях – творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности», – процитировал он, не глядя в рецензию. – Но почему так много людей помнили это неправильно?

– Время искажает человеческое восприятие, – сказал Гамаш. – Мы все знаем это по допросам свидетелей. Люди по-разному запоминают вещи. Заполняют какие-то пустоты.

– И что дальше? – спросил Бовуар.

Ему казалось ясным, что должно последовать.

Гамаш подумал секунду, потом обратился к агенту Лакост:

– Ну что, пригласишь гостя? Инспектор, сходи с нею.

Агент Лакост рассмеялась:

– Вы явно не ждете никаких неприятностей.

Она тут же пожалела о сказанном.

Но шеф улыбнулся:

– Я всегда жду неприятностей.

– Как и я, – сказал Бовуар и проверил пистолет.

То же самое сделала и Лакост. Они вдвоем отправились в темноту, а старший инспектор Гамаш сел и принялся ждать.

Вечер понедельника всегда был спокойным в бистро – половина столиков пустовала.

Лакост вошла и оглядела зал – она знала, что всегда лучше подстраховаться. Это помещение было ей хорошо знакомо и уютно, но это еще не означало, что оно безопасно. Большинство происшествий случаются рядом с домом, большинство убийств происходят дома.

Нет, время и место заставляли ее быть начеку.

Мирна, Доминик и Клара сидели за травяным чаем с десертом. Они тихо разговаривали за столиком у сводчатого окна. В дальнем углу у камина расположились художники Норман и Полетт. За столиком напротив них сидела Сюзанна и составившие ей компанию главный судья Тьерри Пино и Брайан в драных джинсах и поношенной кожаной куртке.

Дени Фортен и Франсуа Маруа сидели за одним столиком, Фортен рассказывал какой-то анекдот, казавшийся ему смешным. Вид у Маруа был вежливый и чуть скучающий. Андре Кастонге нигде не было видно.

– Après toi[74], – пробормотал Бовуар агенту Лакост при входе в бистро.

Почти все обратили внимание на двух полицейских. Поначалу посетители посмотрели на них, улыбнулись и вернулись к своим разговорам. Но мгновение спустя некоторые снова подняли голову, почувствовав что-то необычное.

Мирна, Клара и Доминик замолчали, глядя на полицейских, – те шли между столиков, за которыми сразу же воцарялось молчание.

Они прошли мимо трех женщин.

Мимо торговцев картинами.

Остановились у столика, за которым сидели Норман и Полетт. Повернулись.

– Нужно поговорить, – сказала агент Лакост.

– Здесь? Сейчас?

– Нет, я думаю, мы найдем более приватное место. Как вы считаете? – С этими словами агент Лакост тихо положила фотокопию рецензии на круглый деревянный стол.

За столиком воцарилась мертвая тишина.

Если не считать стона Сюзанны:

– Ах, нет.

Старший инспектор Гамаш поднялся, когда они вошли, и приветствовал их так, будто это был его дом, а они – его почетные гости.

Но никого это не обмануло. Впрочем, он и не собирался их обманывать. Это была обычная вежливость – ничего более.

– Присядьте, пожалуйста. – Он показал на стол для совещаний.

– Объясните, в чем дело, – проговорил главный судья Тьерри Пино.

– Мадам, – произнес Гамаш, игнорируя Пино и указывая Сюзанне на стул. – Месье, – обратился он наконец к Тьерри и Брайану.

Главный судья и его татуированный, запирсингованный, бритоголовый спутник сели напротив Гамаша. Бовуар и Лакост сели по бокам от шефа.

– Не могли бы вы объяснить это? – обыденным тоном спросил старший инспектор и показал на копию рецензии из старого номера «Пресс», лежащую посреди стола, – остров между их противоборствующими континентами.

– Как объяснить? – спросила Сюзанна.

– Как вам будет угодно, – ответил Гамаш.

Он сидел спокойно, обхватив одну руку другой.

– Это допрос, месье Гамаш? – спросил главный судья.

– Если бы это был допрос, ни один из вас не сидел бы здесь с нами. – Гамаш перевел взгляд с Тьерри на Брайана. – Это разговор, месье Пино. Попытка понять некоторые несообразности.

– Старший инспектор имеет в виду ложь, – объяснил Бовуар.

– Вы зашли слишком далеко. – Пино обратился к Сюзанне: – Я советую тебе не отвечать ни на какие вопросы.

– Вы ее адвокат? – спросил Бовуар.

– Я юрист, – отрезал Пино. – И неплохой юрист. Можете называть это как угодно, но успокаивающий голос и вежливые слова не могут скрыть то, что вы пытаетесь сделать.

– А как называете это вы? – воскликнул Бовуар, повышая голос, как и судья.

– Вы пытаетесь загнать ее в угол. Запутать.

– Мы могли бы дождаться, когда она останется одна, и допросить ее, – сказал Бовуар. – Вы еще должны сказать спасибо, что вас впустили сюда.

– Хватит, – сказал Гамаш, подняв руку, хотя уже один его голос звучал вполне убедительно.

Оба замолчали с открытыми ртами, готовые к атаке.

– Достаточно. Я бы хотел поговорить с вами, ваша честь. Я думаю, мой инспектор выразился достаточно ясно.

Но прежде чем начать разговор с судьей, Гамаш отвел Бовуара в сторону и прошептал:

– Контролируй себя, инспектор. Хватит этих глупостей. – Он посмотрел в глаза Бовуару.

– Слушаюсь, шеф.

Бовуар отправился в туалет и снова уселся на унитаз. Тихо. Пытаясь

начать контролировать себя. Потом он ополоснул лицо и руки, принял полтаблетки, посмотрел на себя в зеркало.

«У Анни с Дэвидом трудности, – прошептал он и почувствовал, как успокаивается. – У Анни с Дэвидом трудности». Боль в кишках стала униматься.

В оперативном штабе старший инспектор Гамаш и главный судья Пино отошли от остальных и остановились перед большой красной пожарной машиной.

– Ваш человек подходит слишком близко к красной черте, старший инспектор.

– Но он прав. Вы должны решить. Вы здесь в качестве адвоката Сюзанны Коутс или ее… – он помедлил, подбирая подходящее слово, – друга из АА.

– Я могу быть и тем и другим.

– Не можете, и вы это знаете. Вы главный судья. Решайте, сэр. Сейчас.

Арман Гамаш посмотрел в глаза судьи Пино. Главный судья был ошеломлен, он явно не ожидал, что ему будет брошен такой вызов.

– Я здесь как ее друг из АА. Как Тьерри П.

Такой ответ удивил Гамаша, и он не стал скрывать это.

– Вам эта роль кажется слабой, старший инспектор?

Гамаш ничего не ответил, но ему явно так и казалось.

Тьерри слегка улыбнулся, потом посерьезнел:

– Любой человек может защищать ее права, чтобы они не были нарушены. Я думаю, даже вы. Но вот чего вы не можете, так это не допустить ее сваливания к пьянству. Только другой алкоголик может поддержать ее в этом. Если она потеряет это, то потеряет все.

– Неужели все так хрупко? – спросил Гамаш.

– Хрупка не трезвость, коварна ее пагубная привычка. Я здесь, чтобы защитить ее от этой привычки. А вы можете защитить ее права.

– Вы доверяете мне в этом?

– Я доверяю. Но ваш инспектор? – Главный судья кивнул в сторону Бовуара, который как раз выходил из туалета. – Вы должны приглядывать за ним.

– Он один из старших офицеров отдела, – произнес Гамаш холодным тоном. – Ему не требуется никакого пригляда.

– Приглядывать необходимо за всеми.

У Гамаша от этих слов мурашки побежали по коже, он мог только удивляться этому человеку, наделенному такой властью. У него было немало талантов, но немало и недостатков. И снова Гамаш задал себе

вопрос: а кто же опекун у главного судьи Пино? И что он нашептывает в это властное ухо?

– Месье Пино согласился быть другом из Анонимных алкоголиков для мадам Коутс и будет помогать ей в этой роли, – сказал старший инспектор, когда они снова сели за стол.

Лакост и Бовуар были удивлены, но ничего не сказали. Это облегчало их работу.

– Вы солгали нам, – повторил Бовуар, поднимая листок с копией рецензии. – Все неправильно цитировали эти слова, так? Говорили, что они были написаны о каком-то художнике, которого никто не мог вспомнить. Но это было написано не о художнике, а о художнице. О вас.

– Сюзанна, – предостерегающе сказал Тьерри и посмотрел на Гамаша. – Я прошу прощения. Но я не могу перестать быть юристом.

– Придется приложить побольше усилий, месье, – сказал Гамаш.

– И потом, – сказала Сюзанна, – предупреждать уже поздновато, вы так не думаете? – Она посмотрела на полицейских. – Главный судья уже есть, а теперь, похоже, я стала главным подозреваемым.

– Опять слишком много главных? – спросил Гамаш с печальной улыбкой.

– Слишком много, чтобы я чувствовала себя спокойно, – сказала Сюзанна. Она показала на лист бумаги и фыркнула. – Чертова рецензия. Мало того что тебя так оскорбили, так потом еще и неправильно цитировали. По крайней мере, могли бы исправить оскорбление.

Казалось, это скорее забавляло ее, чем сердило.

– Это сбило нас со следа, – признал Гамаш, ставя локти на стол. – Все говорили: «Он естествен…», тогда как в рецензии было: «Она естественна…»

– Как же вы догадались? – спросила Сюзанна.

– Мне помогло чтение книги АА, – сказал Гамаш, кивая на большую книгу, лежащую на столе. – Там для обозначения алкоголика используется местоимение «он», но очевидно, что многие из них – «она». На протяжении всего расследования совершалась эта ошибка. Если речь шла о поле того или иного лица, всюду говорилось «он», а не «она». Я понял, что это делается автоматически. Когда люди не могли вспомнить, о ком была написана рецензия, они просто говорили: «Он естествен во всех своих проявлениях…», тогда как на самом деле Лилиан писала о вас. Агенту Лакост все-таки удалось найти эту рецензию, похороненную в архиве «Пресс».

Все посмотрели на фотокопию рецензии. Нечто принесенное из

мертвецкой. Похороненное вместе с другими мертвецами, но отнюдь не мертвое.

В газете была фотография Сюзанны, она узнавалась безошибочно, хотя ей на этом снимке было на двадцать пять лет меньше, чем теперь. Она с ухмылкой стояла перед одной из своих картин. Гордая. Возбужденная. Ее мечта наконец-то сбылась. Ее работы были замечены. Об этом свидетельствовала и рецензия в «Пресс».

Улыбка Сюзанны на фотографии никуда не исчезла, а с лица Сюзанны за столом – сошла, вместо нее появилось какое-то иное, чуть ли не мечтательное выражение.

– Я помню эту минуту. Фотограф попросил меня встать у одной из моих работ и улыбнуться. Но с улыбкой проблем не было. Он попросил меня остановиться, а вот это, вероятно, было нелегко. Вернисаж проходил в местном кафе. Народу собралось много. И тут подошла Лилиан и представилась. Я видела ее на выставках, но всегда избегала. Она казалась такой ядовитой. Но на сей раз она была сама благожелательность. Задала несколько вопросов и сказала, что напишет рецензию о моей выставке в «Пресс». А эта фотография, – она показала на бумагу, лежащую на столе, – была снята через полминуты после разговора с Лилиан.

Все снова посмотрели на копию фотографии.

На ней была молодая Сюзанна, чья лучистая улыбка распространялась за пределы этого старого снимка. Улыбка, даже теперь освещавшая комнату. Молодая женщина еще не поняла, что земля ушла у нее из-под ног. Не осознала, что висит в воздухе. В пустоте. И все это стараниями той милой дамы рядом с ней, которая делает какие-то пометки у себя в блокноте. И тоже улыбается.

От этого образа мурашки бежали по коже. Все равно что увидеть человека, когда грузовик въезжает в кадр. За доли секунды до катастрофы.

– «Она естественна во всех своих проявлениях, – сказала Сюзанна, не заглядывая в копию рецензии, – творит произведения искусства так же естественно, как отправляет физиологические потребности». – Она оторвала взгляд от стола и улыбнулась. – Больше ни одной персональной выставки у меня не было. Слишком унизительно. Даже если галеристы забыли об этой рецензии, то я все помнила. Мне казалось, что я не переживу еще одного подобного отзыва.

Она посмотрела на инспектора Гамаша.

– Вся королевская конница и вся королевская рать, – вполголоса сказал он.

И она кивнула:

– Меня было не собрать после этого падения.

– Вы нам лгали, – сказал старший инспектор.

– Лгала. – Она посмотрела прямо ему в глаза.

– Сюзанна. – Главный судья прикоснулся к ее руке.

– Все в порядке, – сказала она. – Ты же знаешь, я все равно собиралась сказать им правду. Жаль, что они первые ее нашли, прежде чем я сама пришла к ним по доброй воле.

– У вас было много возможностей, – сказал Бовуар.

Пино дернулся было, собираясь сказать что-то в ее защиту, но промолчал.

– Вы правы, – согласилась Сюзанна.

– Она говорит правду, – сказал Брайан.

Все посмотрели на него, удивленные не только этими словами, но еще и голосом. Он прозвучал поразительно молодо, напоминая им, что под этой рваниной и синими чернилами татуировок скрывался мальчишка.

– Сюзанна попросила меня и Тьерри пообедать с ней. Поговорить, – сказал Брайан. – Она все нам про это рассказала. – Он показал татуированной рукой на копию рецензии. – И добавила, что первым делом утром пойдет к вам и все расскажет.

Потрясало и то, что этот татуированный парень в железках пирсинга называет главного судью по имени. Гамаш посмотрел на Пино; он не мог для себя решить, то ли восхищается главным судьей, который взялся помочь этому искалеченному парню, то ли считает, что тот потерял всякий здравый смысл.

Какие еще ошибки в суждениях совершал этот знаменитый юрист?

Старший инспектор опытным взглядом посмотрел на Брайана. Молодой человек выглядел расслабленно, явно чувствовал себя в своей тарелке. Уж не накурился ли он травки? Он определенно казался непричастным к происходящему. Оно его не забавляло и не расстраивало. Он словно парил над всем этим.

– И что вы ей сказали? – спросил Бовуар, не сводя глаз с Брайана.

Он и прежде сталкивался с подобными панками, и такие встречи редко хорошо заканчивались.

– Меня разрывало на части, – признал Пино. – Юрист во мне полагал, что она должна взять адвоката, который, вероятно, посоветовал бы ей помалкивать на сей счет. Не выдавать никакой информации добровольно. Но член АА во мне говорил, что она должна немедленно явиться к вам с правдой.

– И кто победил?

– Ваши люди появились, прежде чем я успел сказать ей что-либо.

– Но вы должны были знать, что это предосудительное поведение, – сказал Гамаш.

– Главный судья, который дает советы подозреваемой? – спросил Тьерри. – Конечно, я понимал, что это предосудительно, возможно, даже неэтично. Но если бы ваша дочь или сын подозревались в убийстве и пришли бы к вам, вы бы отправили их к кому-то другому?

– Нет, конечно. Но вы же не станете мне говорить, что Сюзанна ваша кровная родня?

– Я говорю, что знаю Сюзанну лучше кого-либо другого. А она знает меня. Лучше любого родителя, сестры, ребенка. Как мы знаем Брайана, а он – нас.

– Я не сомневаюсь, что вы понимаете пристрастие друг друга к алкоголю, – сказал Гамаш. – Но вы не можете утверждать, будто знаете, что творится в сердце у другого. Вы не можете говорить, что благодаря отказу от алкоголя и принадлежности к АА Сюзанна невиновна. Вы даже не можете быть уверены в том, что она сейчас говорит правду. И вы никоим образом не можете знать, виновна ли она в убийстве.

Тьерри ощетинился, услышав это, и два этих властных человека уставились друг на друга.

– Мы обязаны друг другу жизнью, – сказал Брайан.

Гамаш подался вперед и вперился в молодого человека проницательным взглядом:

– И при этом один из ваших убит.

Не сводя глаз с Брайана, он показал на стену, на которой висели фотографии Лилиан, распростертой на земле в саду Морроу. Гамаш намеренно посадил всех троих лицом к этой стене. Так, чтобы эти фотографии были видны им. Чтобы они ни на секунду не забывали, по какой причине они здесь.

– Вы не понимаете, – сказала Сюзанна взволнованным голосом, в котором слышалась нотка отчаяния. – Когда Лилиан сделала это со мной, – она показала на рецензию, – мы были другими. Две пьяницы. Мое пьянство подходило к концу, а ее только начиналось. И да, я ее тогда возненавидела. Я и без того была на краю, а она еще подтолкнула меня. После этого я целые дни взвинчивала себя, злилась. Распутничала, чтобы купить новую бутылку. Это было отвратительно. Я была отвратительна. И наконец я оказалась на самом дне, после чего пришла в АА. И начала по черепкам собирать свою жизнь.

– А когда Лилиан вошла в дверь АА двадцать лет спустя? – спросил

Гамаш.

– Я удивилась тому, что все еще страшно ее ненавижу…

– Сюзанна, – снова остерегающим голосом проговорил главный судья.

– Послушай, Тьерри, я либо расскажу все, либо вообще для чего все это? Верно?

Вид у него был расстроенный, но он согласился.

– Но потом она попросила меня стать ее опекуном, – сказала Сюзанна, снова глядя на следователей, – и тогда случилось что-то странное.

– Что? – спросил Бовуар.

– Я ее простила.

Это сообщение было встречено тишиной, которую в конце концов нарушил Бовуар:

– Так просто взяли и простили?

– Нет, инспектор, не просто. Прежде мне нужно было согласиться. Когда ты помогаешь врагу, то тем самым освобождаешь себя от чего-то.

– Она извинилась перед вами за ту рецензию? – спросил Гамаш.

– Да. Около месяца назад.

– И вы полагаете, она делала это искренне? – спросила агент Лакост.

Сюзанна задумалась, потом кивнула:

– Я бы не приняла извинения, если бы сочла, что она неискренна. Я и вправду верю, что она раскаялась в том, что сделала со мной.

– И в том, что она делала с другими? – спросила Лакост.

– И в том, что она делала с другими, – ответила Сюзанна.

– Значит, если она извинилась перед вами за эту рецензию, – старший инспектор кивнул, показывая на лист бумаги на столе, – то, возможно, она извинялась и перед другими людьми, чьи работы рецензировала.

– Не исключено. Но мне она об этом не говорила. Я думаю, передо мной она извинилась, потому что мы были опекун и подопечная и она хотела избавить наши отношения от всяких неясностей. Но теперь, когда вы об этом спросили, мне кажется, что вы правы. Я не единственная, перед кем она извинялась.

– И вы не единственная, чью карьеру она уничтожила? – спросил Гамаш.

– Вероятно, нет. Не все рецензии были так демонстративно жестоки, как эта. Мне есть чем гордиться. Но другие рецензии не были столь убийственны.

Сюзанна улыбнулась, но от полицейских, смотревших на нее, не ускользнуло, что при словах «демонстративно жестоки» в ее словах прозвучала резкая нотка.

«Она не простила, – подумал Гамаш. – По крайней мере, не полностью».

Когда Сюзанна со своими друзьями ушла, трое полицейских снова уселись за стол.

– Достаточно ли у нас улик, чтобы ее арестовать? – спросила Лакост. – Она признает, что много лет вынашивала ненависть к убитой и что была здесь. Таким образом, у нее имелись мотив и возможность.

– Но доказательств нет, – сказал Гамаш, откидываясь на спинку стула. Досадная складывалась ситуация. Они были почти готовы предъявить обвинение Сюзанне Коутс, но подтвердить обвинение было нечем. – Все это наводит на размышления. Еще как наводит.

Он взял рецензию, пробежал ее взглядом, положил на стол и посмотрел на Лакост:

– Нам нужно вернуться в «Пресс».

Изабель Лакост помрачнела:

– Что угодно, только не это, шеф. Лучше пристрелите меня.

– Извини, – сказал он немного усталым голосом. – Я думаю, в этой мертвецкой отыщутся и другие тела.

– Что вы имеете в виду?

– Другие художники, чью карьеру разрушила Лилиан.

– Другие люди, перед которыми она извинялась, – покорно сказала Лакост, поднимаясь со стула. – Может быть, она пришла в дом к Кларе для того, чтобы повиниться не перед ней, а перед кем-то другим.

– Вы считаете, что Сюзанна Коутс не убивала Лилиан? – спросил Бовуар.

– Не знаю, – признал Гамаш. – Но я подозреваю, что если бы Сюзанна хотела ее убить, то сделала бы это раньше. И все же… – Гамаш помолчал. – Вы обратили внимание на ее реакцию, когда она говорила про рецензию?

– Она все еще злится, – сказала Лакост.

Гамаш кивнул:

– Она двадцать три года состоит в АА, стараясь забыть свои обиды, но так их и не преодолела. А вы можете себе представить человека, который и не пытался это делать? Градус его злости?

Бовуар взял рецензию, посмотрел на светящуюся радостью молодую женщину.

Что случалось, когда бывали перечеркнуты не только надежды, но и мечты и карьера? Вся жизнь? Но он, конечно, знал ответ на этот вопрос. Как и все они.

Ответ был прикноплен к стене у них за спиной.

Жан Ги Бовуар плеснул водой в лицо, ощутил ладонями щетину. Было половина третьего ночи, и он никак не мог уснуть. Он проснулся от боли и некоторое время лежал в кровати, надеясь, что она пройдет. Но она, конечно, не прошла.

И тогда он поднялся и пошел в ванную.

Он стоял, крутя головой так и эдак. Рассматривал свое отражение. На него смотрело изможденное лицо. С морщинами. Откровенные морщины у глаз и рта, причиной которых явно была не смешливость. Морщины между бровей. На лбу. Он потер щеки, пытаясь разгладить морщины. Но они никуда не уходили.

Бовуар приблизил лицо к зеркалу. В ярком свете лампы стало видно, что щетина седовата.

Он повернул голову. Седина появилась и на висках. Он присмотрелся – повсюду на голове стали появляться седые пряди. Когда же это случилось?

«Боже мой, – подумал он. – Неужели Анни видит это? Старика? Усталого и седого? Боже мой».

«Анни и Дэвид переживают трудные времена». Но слишком поздно.

Бовуар вернулся в спальню, сел на край кровати, уставился перед собой. Потом засунул руку под подушку, вытащил пузырек, снял крышку и вытряхнул таблетку. Она замерла на его ладони. Некоторое время он смотрел на нее затуманенным взглядом, потом сжал в кулаке. Наконец неторопливо разжал кулак и бросил таблетку в рот, проглотил, запил водой из стакана на прикроватной тумбочке.

Бовуар ждал. Ждал уже знакомых ощущений. И почувствовал, как боль медленно уходит. Но другая, более глубокая боль осталась.

Жан Ги Бовуар оделся, тихо вышел из гостиницы и исчез в ночи.

Почему он не заметил этого прежде?

Бовуар приблизил лицо к монитору, потрясенный увиденным. Он смотрел этот ролик сотни раз. Снова и снова. Он знал его до последнего кадра, снятого нашлемными камерами.

Как же он мог пропустить это?

Он нажал кнопку повтора и просмотрел еще раз.

Он видел себя на экране. Вот он целится в террориста. Но внезапно его отбрасывает назад. Ноги подкашиваются. Жан Ги увидел, как он падает на колени. А потом – лицом вниз на пол. Он помнил это.

Он видел грязный бетонный пол, устремившийся ему навстречу. И

продолжал видеть грязь, уже ударившись о пол лицом.

А потом боль. Нестерпимая боль. Он схватился за живот, но боль была внутри.

Он услышал крик с экрана: «Жан Ги!» Гамаш с карабином в руке пробежал по простреливаемому участку, схватил его за спину бронежилета и потащил за стену.

Далее крупным планом Бовуар – он то приходит в сознание, то погружается в небытие. Гамаш говорит с ним, приказывает ему держаться. Перевязывает его, прижимает руку к ране, чтобы остановить кровь.

Он увидел кровь на лице шефа. Столько крови на его руках.

И тут Гамаш наклонился и сделал что-то, не предназначавшееся для посторонних глаз. Он поцеловал Жана Ги в лоб – так нежно, что это потрясало не меньше автоматного огня.

Потом Гамаш исчез.

Но Бовуара поразил не поцелуй. Его поразило то, что последовало за этим. Почему он не увидел этого раньше? Нет, он, конечно, видел, только воспринимал это иначе.

Гамаш оставил его.

Одного.

Умирать.

Бросил его одного умирать на грязном бетонном полу.

Бовуар снова и снова нажимал повтор. И каждый раз, естественно, происходило одно и то же.

Мирна была права. Его огорчало не то, что он не смог спасти Гамаша. Он был зол, потому что Гамаш не смог спасти его.

Жан Ги Бовуар был вне себя.

Арман Гамаш застонал и посмотрел на часы.

Двенадцать минут четвертого.

Его кровать в гостинице была удобной, одеяло окутывало его теплом, несмотря на прохладный воздух, задувавший через открытое окно и приносивший с собой откуда-то издалека уханье совы.

Он лежал в кровати, делая вид, что вот сейчас уснет.

Три восемнадцать.

Он теперь редко просыпался посреди ночи, но все же иногда это случалось.

Три двадцать две.

Три двадцать семь.

Он покорился ситуации. Встал, оделся и на цыпочках спустился по

лестнице, надел куртку, шапочку и вышел из гостиницы. Воздух был прохладный, свежий, и замолчала даже сова.

Все замерло. Двигался только полицейский.

Гамаш медленно шел против часовой стрелки вокруг деревенского луга. В домах еще было темно, люди за окнами спали.

Три высокие сосны еле слышно шуршали иглами на ветерке.

Старший инспектор Гамаш шел размеренным шагом, сцепив пальцы за спиной. В голове становилось все яснее. Он не думал о деле. Он вообще старался ни о чем не думать. Просто дышал свежим ночным воздухом, наслаждался тишиной и покоем.

Он остановился в нескольких шагах от дома Клары и Питера, посмотрел через мост на оперативный штаб. Там горел свет. Не ярко. Едва заметно.

За окном было не то чтобы светло, а скорее не темно.

Гамаш подумал: Лакост? Нашла что-то и вернулась? Вполне могла дождаться утра.

Он перешел через мост, направляясь к зданию старого вокзала.

Заглянув через окно, увидел, что этот свет – мерцание монитора. Кто-то в темноте сидел перед компьютером.

Он не мог разглядеть кто. Вроде бы мужчина, но сказать точно с такого расстояния и при таком освещении было трудно.

Пистолета при Гамаше не было. Он никогда не брал с собой оружия, разве что в случае крайней необходимости. Вместо пистолета он автоматически взял с прикроватной тумбочки очки. Куда бы он ни шел, обязательно засовывал в карман очки. На его взгляд, они были куда полезнее и мощнее любого оружия. Впрочем, приходилось признать, что сейчас проку от них было мало. Гамаш прикинул, не вернуться ли ему и не поднять ли Бовуара, но решил этого не делать. Кто бы здесь ни находился, к его возвращению он исчезнет.

Старший инспектор тронул ручку – дверь была не заперта, и он открыл ее. Дверь заскрипела, и Гамаш затаил дыхание, но фигура перед монитором не шелохнулась. Человек, казалось, был прикован к месту.

Наконец Гамаш открыл дверь достаточно, чтобы войти. Оказавшись внутри, он огляделся. Пришел ли незваный гость один или их несколько?

Он оглядел темные углы, но не заметил там никакого движения.

Старший инспектор сделал еще несколько шагов, готовясь к противостоянию с человеком, сидящим перед монитором.

Потом он увидел картинку на мониторе. Мелькающие в темноте образы. Агенты полиции с автоматическим оружием бегут по заброшенной

фабрике. На глазах Гамаша ранили Бовуара. Бовуар упал. И потом Гамаш увидел себя – как он бежит по гулкому помещению к раненому.

Тот, кто сидел перед экраном, смотрел украденное видео. Со спины Гамаш видел, что у незнакомца за столом короткая стрижка, худощавое сложение. Только это и мог увидеть Гамаш.

Мелькают фигуры на экране. Гамаш увидел, как склоняется над Бовуаром. Перевязывает его.

Гамашу было не по силам смотреть это, но человек перед монитором был просто загипнотизирован. Он не шевелился. До этого момента. В тот момент, когда Гамаш на видео оставил Бовуара, правая рука незнакомца шевельнулась, и образы на экране замелькали.

В обратном направлении – к началу.

И операция началась снова.

Гамаш подошел ближе, и с каждым шагом его уверенность росла, как и неприятное ощущение тошноты.

– Жан Ги?

Бовуар чуть не упал со стула. Он схватил мышку, попытался кликнуть. Остановить, прервать, закрыть файл. Но было поздно. Слишком поздно.

– Что ты делаешь? – спросил Гамаш, подходя к столу.

– Ничего.

– Ты смотришь это видео, – сказал Гамаш.

– Нет.

– Конечно смотришь.

Он подошел к своему столу и включил лампу. Жан Ги Бовуар сидел за своим компьютером и смотрел на шефа покрасневшими, осоловелыми глазами.

– Ты почему здесь? – спросил Гамаш.

Бовуар поднялся:

– Мне нужно было увидеть это еще раз. Вчера мы говорили о внутреннем расследовании, и на меня все это снова нахлынуло. Мне нужно было посмотреть опять.

Бовуар с удовлетворением увидел выражение боли и тревоги в глазах Гамаша.

Но теперь Жан Ги знал, что это обман. Действо. Стоящий перед ним человек смотрит на него встревоженным взглядом, но на самом деле никакой тревоги-то и нет. Он просто притворяется. Если бы ему было не все равно, он никогда бы не оставил его. Умирать. В одиночестве.

Ролик, на который ни Гамаш, ни Бовуар больше не обращали внимания, шел дальше. Дальше того места, где Бовуар нажимал повтор.

Старший инспектор Гамаш в бронежилете с карабином в руках бежал по лестнице за террористом.

– Жан Ги, ты должен оставить это в прошлом, – сказал Гамаш.

– И забыть? – резко спросил Бовуар. – Вы бы хотели, чтобы я забыл, да?

– Ты о чем?

– Вы хотите, чтобы я забыл, вы хотите, чтобы все мы забыли о том, что случилось.

– Ты не болен? – Гамаш подошел к нему, и Бовуар отпрянул. – Что случилось?

– Вам даже безразлично, кто слил это видео. Может быть, вы были в этом заинтересованы. Может быть, вы хотели, чтобы все видели, как героически вы себя вели. Мы оба знаем правду.

На экране у них за спиной нечеткие фигуры сражались, сходились в схватке.

– Вы всех нас приняли в отдел, – сказал Бовуар звенящим голосом. – Вы для всех были наставником, а потом взяли нас на фабрику. Мы последовали за вами, мы вам доверяли. И что случилось? Они погибли. А вы даже не озаботились найти того, по чьей вине произошла утечка этого файла с кадрами их гибели. – Бовуар кричал, чуть не срывая голос. – Вы не больше меня верите, что это был какой-то хитрожопый хакер. Вы ничуть не лучше этого хакера. Мы вам безразличны. Все мы вам безразличны.

Гамаш смотрел на него, челюсти его были сжаты так плотно, что Бовуар видел, как ходят желваки. Глаза Гамаша сощурились, дыхание стало резким. На экране старший инспектор, весь в крови, тащил потерявшего сознание, закованного в наручники террориста, потом бросил его себе под ноги. С оружием в руках он оглядел помещение, а вокруг него грохотали автоматные очереди.

– Больше никогда не смей говорить мне это, – прошипел Гамаш, почти не раскрывая рта.

– Вы ничуть не лучше этого хакера, – повторил Бовуар, наклоняясь к Гамашу и артикулируя каждое слово.

Он чувствовал себя бесшабашным, всесильным и неуязвимым. Он хотел причинить боль Гамашу. Оттолкнуть его, оттолкнуть подальше. Хотел сцепить руки наподобие пушечного ядра и ударить Гамаша в грудь. Сразить его. Искалечить. Наказать.

– Ты зашел слишком далеко. – В тихом голосе Гамаша слышалась угроза, он сжал пальцы в кулаки, чтобы не была заметна гневная дрожь.

– А вы? Разве вы не зашли слишком далеко?

На экране старший инспектор быстро повернулся, но все равно не успел. Его голова откинулась назад, руки распахнулись, оружие упало на пол. Спина выгнулась – Гамаша подбросило в воздух.

Потом он упал на пол. Серьезно, тяжело раненный.

Арман Гамаш опустился на стул. Ноги у него ослабели, рука дрожала.

Бовуар ушел, хлопнув дверью, и этот звук все еще стоял в ушах Бовуара.

С компьютера Бовуара доносились звуки, хотя картинки Гамаш не видел. Он слышал, как его люди окликают друг друга. Слышал, как Лакост зовет санитаров. Слышал крики и звуки выстрелов.

Ему не нужно было это видеть. Он знал всех и каждого из своих молодых агентов. Знал, когда и как они погибли в ходе этой операции, которой командовал он.

Старший инспектор по-прежнему смотрел перед собой. Глубоко дышал. Слышал стрельбу у себя за спиной. Слышал крики о помощи.

Слышал, как они умирают.

Последние полгода он пытался забыть об этом. Знал, что должен это сделать. И пытался. И это происходило. Постепенно. Но до этого дня он не понимал, сколько времени нужно, чтобы похоронить четырех молодых, здоровых мужчин и женщин.

За его спиной крики и выстрелы то становились громче, то смолкали. Он узнавал голоса, которые больше не прозвучат.

Он был в одном шаге – таком коротком, что это потрясло его, – от того, чтобы ударить Жана Ги.

Гамаш и прежде бывал сердит. Его нередко пытались уязвить, испытать на прочность. Это делали журналисты «желтой» прессы, адвокаты защиты и даже коллеги. Но никогда он не был так близок к тому, чтобы дать ответ физически.

Он заставил себя сдержаться. Правда, для этого потребовалось такое напряжение сил, что теперь он чувствовал себя измотанным и обессиленным. И уязвленным.

Он знал это. Знал, что подозреваемые и даже коллеги, как бы они ни расстраивали или не выбивали его из колеи, никогда не смогли бы подвести его так близко к ответу насилием, потому что не сумели бы уязвить его так больно.

Это мог сделать только человек, близкий ему. И такой человек нашелся.

«Вы не лучше того хакера».

Неужели так оно и было?

«Конечно нет, – нетерпеливо подумал Гамаш. – Это Бовуар вдруг взбрыкнул».

Но он от этого не становился виноватым.

Старший инспектор снова вздохнул. Ему не хватало воздуха.

Может быть, следовало сказать Бовуару, что он как раз и занят расследованием утечки. Довериться ему. Но дело тут было не в доверии. Дело было в ответственности. Он не хотел втягивать в это Бовуара. Если прежде у него и было такое искушение, то последние пятнадцать минут начисто его перечеркнули. Бовуар был слишком уязвим, он еще не оправился от ранения. Тот, кто допустил утечку этого видео, был очень влиятелен и мстителен. А для Бовуара в том ослабленном состоянии, в каком он находился, подобная психологическая нагрузка была не по плечу.

Нет, это могли выдержать лишь те, кто мог позволить себе не думать о будущем. Не заботящиеся ни о своей карьере и вообще ни о чем.

Гамаш поднялся и пошел к компьютеру Бовуара, чтобы выключить его. Видеоролик запустился сначала, и старший инспектор приблизился к экрану в тот момент, когда пуля скосила Бовуара. Когда он упал на бетонный пол.

Только сейчас старший инспектор Гамаш понял, что Жан Ги Бовуар с тех пор так и не сумел подняться.

Глава двадцать четвертая

Старший инспектор Гамаш заварил себе кофе и устроился поудобнее.

Пытаться уснуть было бесполезно. Он посмотрел на часы на столе. Четыре сорок три. Все равно скоро вставать. Нет, в самом деле.

Он поставил кружку на стопку бумаг и застучал по клавиатуре. Замер в ожидании информации. Потом его пальцы снова застучали по клавиатуре. Он кликнул мышкой, раскрыл. Прочел. Прочел еще раз.

В конечном счете очки оказались полезными. Что бы он делал, возьми он с собой пистолет? Но думать об этом не стоило.

Гамаш стучал по клавиатуре и читал. Потом читал еще.

Собрать в общих чертах биографию главного судьи Тьерри Пино оказалось нетрудно. Канадцы жили в открытом обществе. Вкушали все его преимущества. Наслаждались тем, что они являются эталоном прозрачности, обществом, где решения принимаются на виду. Где публичные и влиятельные фигуры подотчетны перед обществом, а их жизнь открыта для всех.

Таково было всеобщее заблуждение.

И как в большинстве открытых обществ, лишь немногие брали на себя труд испытать эти общества, проверить, где и когда открытое становится закрытым. А такое непременно происходит. Старший инспектор Гамаш обнаружил это несколькими минутами ранее.

Гамаш прочитал общедоступные сведения о профессиональной жизни главного судьи Квебека Пино. Его карьера пошла на взлет, когда он был назначен прокурором, затем профессорствовал в Университете Лаваля. Позже занял судейскую должность, а потом и должность главного судьи Квебека. Он вдовствовал, имел троих детей и четверых внуков. Из которых остались в живых трое.

Гамаш знал эту историю. Ее рассказала ему суперинтендант Брюнель. Ребенок погиб из-за того, что водитель был пьян. Гамаш хотел найти, кто же был этот пьяный водитель и был ли он, как подозревал Гамаш, самим Тьерри Пино.

Что еще могло настолько потрясти человека, что он упал на самое дно? А потом бросил пить? Начал жизнь заново? Неужели мертвый внук дал Тьерри Пино второй шанс в жизни?

Это могло объяснить и странную связь между главным судьей и молодым Брайаном. Они оба знали, что такое почувствовать удар железа по

мягкому. Неуверенность машины.

Знать, что произошло.

Гамаш сидел за своим столом, пытаясь представить, что может чувствовать при этом человек. Вообразить себя за рулем своего «вольво» сразу после такого несчастья. Вот он выходит из машины.

Но его разум отказывался представлять эту картинку дальше. Некоторые вещи трудно представить.

Гамаш попытался прогнать эти мысли и вернулся к компьютеру – возобновил поиски подробностей того несчастного случая. Но ничего не нашел.

Дверь открытого общества медленно закрылась. Щелкнул замок.

Но в тихом помещении оперативного штаба, в осторожном свете забрезжившего утра старший инспектор Гамаш проник за выставленное напоказ широкой публике лицо Квебека. За выставленное напоказ лицо главного судьи. Туда, где хранились тайны. Или хотя бы конфиденциальная информация. Файлы, рассказывающие о частной жизни публичных людей.

Там он нашел сведения о пьянстве Тьерри Пино, о его неадекватном временами поведении, о его распрях с другими судьями. А потом пробел. Трехмесячный отпуск.

И возвращение.

В этих файлах было также зафиксировано, что в течение последних двух лет Тьерри Пино систематически пересматривал все вынесенные им приговоры. И по меньшей мере один из приговоров был официально пересмотрен и отменен.

Было и еще одно дело. Не Верховного суда, а дело, в котором он участвовал прежде не в качестве судьи. Дело, к которому главный судья возвращался снова, и снова, и снова. Совершенно ясное дело о ребенке, сбитом машиной, за рулем которой сидел пьяный водитель.

Но никаких подробностей Гамаш не нашел. Файл был заблокирован, и даже Гамаш не мог его раскрыть.

Он откинулся на спинку стула и снял очки. Принялся ритмически постукивать ими по колену.

Агент Изабель Лакост спрашивала себя, умирал ли кто-нибудь от скуки, или же она будет первой.

Она теперь знала о жизни мира искусства Квебека больше, чем ей когда-либо хотелось узнать. Художники, кураторы, выставки. Критические статьи. Темы, теории, история.

Знаменитые квебекские художники вроде Риопелля, Лемье и

Молинари. И еще целая куча имен, о которых она никогда не слышала и никогда больше не услышит. Художники, которых Лилиан Дайсон закритиковала до безвестности.

Лакост протерла глаза. С каждой новой рецензией ей приходилось напоминать себе, зачем она здесь находится. Ей приходилось восстанавливать перед мысленным взором тело Лилиан Дайсон, лежащее на мягкой зеленой траве в саду Питера и Клары. Тело женщины, которая теперь не состарится. Женщины, чья жизнь пресеклась там. В этом милом, мирном саду. Потому что кто-то эту жизнь забрал.

Впрочем, прочтя все эти убийственные рецензии, Лакост думала, что и сама готова взять в руки дубинку и назначить встречу с этой женщиной. Возникало ощущение грязи, словно кто-то вылил на нее бочку дерьма.

Но какой бы отвратительной ни была эта женщина, это не оправдывало ее убийства, и Лакост была полна решимости выяснить, кто это сделал. Чем больше она читала, тем сильнее проникалась убеждением, что кто-то прячется в этих рецензиях. В этом архивном морге. В микрофишах. Начало этого убийства было таким старым, что существовало только в этих пленках, которые она разглядывала через пыльный окуляр. Вышедшая из употребления технология, зафиксировавшая убийство. Или по меньшей мере его зарождение. Начало конца. Старое событие, которое до сих пор в чьем-то мозгу оставалось свежим и живым.

Нет, не свежим. Оно разложилось. Старая, разложившаяся, сгнившая плоть опадала с него.

И агент Лакост знала, что, если она будет смотреть достаточно долго и внимательно, убийца проявится.

В течение следующего часа, когда поднималось солнце и поднимались люди, старший инспектор Гамаш работал. Когда он устал, то снял очки, потер лицо руками, откинулся на спинку стула и принялся разглядывать листы бумаги, прикнопленные к стенам старого железнодорожного вокзала.

Листы бумаги с ответами на их вопросы, написанные жирным красным фломастером, подобно следам крови, ведущим к убийце.

Он смотрел и на фотографии. В особенности на две из них. На ту, что дали ему мистер и миссис Дайсон, – фотографию живой Лилиан. Улыбающейся.

И на фотографию, снятую на месте преступления. Фотографию мертвой Лилиан.

Он думал о двух Лилиан. Живой и мертвой. Но не только. О

счастливой, непьющей Лилиан. Той, которую знала Сюзанна, если верить ее словам. Такой непохожей на ту ожесточенную женщину, какую знала Клара.

Меняются ли люди?

Старший инспектор Гамаш отодвинулся от компьютера. Время сбора информации прошло. Пора было соединять найденное.

Агент Изабель Лакост смотрела на экран. Читала и перечитывала. К этой рецензии даже фотография прилагалась. А это, как уже стала понимать Лакост, Лилиан Дайсон делала, если рецензии были особенно злобные. На фотографии она увидела очень молодого художника и Лилиан, которые стояли по сторонам картины. Художник улыбался. Сиял. Показывал на свою работу, как рыбак, хвастающийся уловом. Показывал как на нечто выдающееся.

А Лилиан?

Лакост повернула рукоятку, и изображение приблизилось.

Лилиан тоже улыбалась. Самодовольно. Приглашая читателя к шутке.

А рецензия?

Лакост прочла ее и почувствовала, как мурашки побежали у нее по коже. Она словно смотрела фильм с настоящим убийством. Словно видела чью-то смерть. Потому что в этом-то и состояла цель рецензии. Убить карьеру. Убить в человеке художника.

Агент Лакост ударила по клавише и услышала, как заурчал принтер, словно почувствовал неприятный вкус во рту и решил выплюнуть копии.

Глава двадцать пятая

– Жан Ги? – постучал в дверь Гамаш.

Ответа не последовало.

Немного подождав, он повернул ручку. Дверь была незаперта, и он вошел.

Бовуар лежал на медной кровати, закутавшись в одеяло. Он спал без задних ног. Даже слегка похрапывал.

Какое-то время Гамаш смотрел на него, потом заглянул в открытую дверь ванной. Не сводя глаз с Бовуара, прошел в ванную, быстро осмотрел столик под раковиной. На нем рядом с дезодорантом и зубной пастой лежал аптекарский пузырек.

Гамаш бросил взгляд в зеркало на спящего Бовуара и взял пузырек. Увидел на нем фамилию Бовуара и рецепт на пятнадцать таблеток оксикодона.

По предписанию Бовуар должен был принимать таблетку на ночь. Гамаш свинтил крышечку, высыпал таблетки на ладонь. Оставалось семь штук.

Но когда был выписан этот рецепт? Старший инспектор высыпал таблетки назад в пузырек, перевел взгляд на нижнюю часть предписания. Дата была написана очень мелкими цифрами. Гамаш вытащил из кармана очки, надел их, поднес к глазам пузырек.

Бовуар застонал.

Гамаш замер, уставившись в зеркало. Очень медленно опустил пузырек и снял очки.

Отражение Бовуара шевельнулось на кровати.

Гамаш вышел из ванной. Сделал один шаг, второй. Остановился в ногах кровати.

– Жан Ги?

Снова стоны, на сей раз четче, громче.

В комнату Бовуара задувал прохладный влажный ветерок, шевелил белые льняные занавески. Начался дождик, и старший инспектор услышал приглушенный стук капель по листьям и ощутил знакомый запах горящих поленьев из деревни.

Он закрыл окно и повернулся к кровати. Бовуар лежал, зарывшись в подушку.

Шел восьмой час, и только что позвонила агент Лакост. Она

возвращалась в Три Сосны, уже съезжала с шоссе. Сообщила, что нашла кое-что в архиве.

Гамаш хотел, чтобы его инспектор принял участие в обсуждении, когда приедет Лакост.

Сам он вернулся в гостиницу, принял душ, помылся, переоделся.

– Жан Ги, – снова прошептал он, наклонив голову, чтобы лицо в лицо смотреть на Бовуара, у которого изо рта сочилась ниточка слюны.

Бовуар с трудом разомкнул тяжелые веки и посмотрел сквозь узкие щелочки на Гамаша, глуповато улыбаясь. Потом глаза открылись полностью, и улыбка сменилась изумлением. Бовуар отдернул голову подальше от головы шефа.

– Не беспокойся, – сказал Гамаш, выпрямляясь. – Ты был идеальным джентльменом.

Бовуару спросонья понадобилось несколько секунд, чтобы понять, о чем говорит шеф, после чего он прыснул со смеху.

– Шампанское я, по крайней мере, вам купил? – спросил он, протирая глаза.

– Ты сварил хороший кофе.

– Вчера? – спросил Бовуар, садясь в кровати. – Здесь?

– Нет, в оперативном штабе. – Гамаш посмотрел на него внимательным взглядом. – Помнишь?

Бовуар недоуменно покачал головой:

– Извините. Я еще не проснулся.

Он потер лицо, пытаясь вспомнить. Бовуар подтащил стул к кровати и сел.

– Который час? – спросил Бовуар, оглядываясь.

– Начало восьмого.

– Я встаю. – Жан Ги ухватился за одеяло.

– Нет, подожди.

Голос Гамаша звучал мягко, но непреклонно, и рука Бовуара замерла, а затем упала на одеяло.

– Мы должны поговорить о прошедшей ночи, – сказал старший инспектор.

Бовуар все еще выглядел как выжатый лимон. Он явно не понимал, о чем речь.

– Ты и вправду имел в виду то, что говорил? – спросил Гамаш. – Ты так чувствуешь? Потому что, если так оно и есть, ты должен сказать мне об этом сейчас, при свете дня. Мы должны поговорить об этом.

– Что я имел в виду?

– То, что говорил ночью. Что я был заинтересован в утечке видео и что я, на твой взгляд, ничуть не лучше хакера.

Глаза Бовуара широко раскрылись.

– Я говорил такое ночью?

– Ты не помнишь?

– Я помню, что смотрел видео, что расстроился. Но не помню почему. Неужели я так говорил?

– Говорил.

Старший инспектор сверлил взглядом Бовуара. Тот был искренне потрясен.

Вот и непонятно, что лучше. Это означало, что Бовуар, возможно, не имел в виду то, что говорил, но еще это означало, что у его инспектора отшибло память. Что у него что-то вроде помутнения рассудка.

Старший инспектор Гамаш продолжал изучать лицо Бовуара, и тот под взглядом шефа покраснел.

– Простите, – пробормотал он. – Я, конечно, ничего этого не думаю. Даже поверить не могу, что сказал такое. Простите.

У него и в самом деле был виноватый вид.

– Я тебе верю, – сказал Гамаш, подняв руку. – Я пришел не для того, чтобы наказать тебя. Я здесь, потому что тебе нужна помощь.

– Нет, не нужна. Я в порядке. В полном.

– Нет. Ты похудел, ты в стрессовом состоянии. Ты раздражителен. Вчера во время допроса мадам Коутс ты позволил своему раздражению прорваться наружу. А то, как ты набрасывался на главного судью, выходит за всякие рамки.

– Он сам начал.

– Здесь тебе не школьный двор. Подозреваемые все время нас провоцируют. Но мы должны оставаться спокойными. Ты утратил контроль над собой, что нам непозволительно.

– К счастью, вы вовремя меня поправили.

Гамаш снова посмотрел на него – мимо него не прошла некоторая язвительность этих слов.

– Что происходит, Жан Ги? Ты должен мне сказать.

– Я просто устал. – Бовуар потер лицо. – Но мне становится лучше. Я набираю силы.

– Нет. Какое-то время ты шел на улучшение, но теперь тебе становится хуже. Тебе нужна помощь. Ты должен еще раз обратиться к полицейским психологам.

– Я подумаю об этом.

– Тебе нужно не просто подумать, – сказал Гамаш. – Сколько таблеток оксикодона ты принимаешь?

Бовуар хотел было возразить, но остановил себя.

– Столько, сколько сказано в рецепте.

– И сколько там сказано?

– По одной таблетке на ночь.

– А больше ты не принимаешь?

– Нет.

Они уставились друг на друга, умные карие глаза Гамаша смотрели, не моргая.

– Или принимаешь?

– Нет, – твердо сказал Бовуар. – Слушайте, мы так часто сталкиваемся с наркоманами – я вовсе не хочу становиться таким, как они.

– А ты думаешь, что наркоманы хотели становиться такими, какие они есть? – спросил Гамаш. – Ты думаешь, Сюзанна, Брайан и Пино стремились к этому? Никто не ставит перед собой такой цели.

– Я просто устал, да еще перенапряжение. Ничего больше. Таблетки мне нужны, чтобы снять боль и спать по ночам, ни для чего иного. Клянусь вам.

– Ты должен снова обратиться к психотерапевту, и я буду контролировать это. Ты меня понял? – Гамаш встал, отнес стул в угол комнаты. – Если с тобой и в самом деле все в порядке, психотерапевт мне сообщит. Но если нет, тебе понадобится больше помощи.

– Какой помощи? – спросил потрясенный Бовуар.

– Такой, о которой скажет психотерапевт, а решать буду я. Это никакое не наказание, Жан Ги. – Голос Гамаша смягчился. – Я сам еще их посещаю. И до сих пор у меня случаются трудные дни. Я знаю, как нелегко тебе приходится. Но не бывало еще такого, чтобы психологические травмы были одинаковы и чтобы люди выздоравливали одинаково.

Гамаш пристально посмотрел на Бовуара.

– Я знаю, как это ужасно для тебя. У тебя своя жизнь, ты добропорядочный человек. Сильный человек. Иначе я бы не выбрал тебя из сотен других агентов. Ты мой заместитель, потому что я тебе доверяю. Я знаю, какой ты умный и мужественный. И тебе сейчас нужно твое мужество, Жан Ги. Ради меня. Ради нашего отдела. Ради себя самого, наконец. Чтобы поправиться, тебе нужна помощь. Прошу тебя.

Бовуар закрыл глаза. И тут он вспомнил. Вспомнил прошлую ночь. Как он снова и снова смотрел это видео, словно в первый раз. Как видел миг своего ранения.

Видел, как Гамаш оставляет его. Поворачивается к нему спиной. Чтобы он умер в одиночестве.

Он открыл глаза – шеф смотрел на него с тем же выражением, как тогда на фабрике.

– Я сделаю это, – сказал Бовуар.

Гамаш кивнул:

– Bon.

И ушел. Как ушел в тот страшный день. Как будет уходить всегда – Бовуар понял это.

Гамаш будет всегда бросать его.

Жан Ги Бовуар засунул руку под подушку, вытащил оттуда маленький пузырек, вытряхнул таблетку на ладонь. К тому времени, когда он побрился, оделся и спустился вниз, чувствовал он себя прекрасно.

– Что ты нашла? – спросил старший инспектор Гамаш.

Они завтракали в бистро, потому что им нужно было поговорить, а они не хотели делить маленькую комнату гостиницы с другими постояльцами, как не хотели делить с ними и информацию.

Официант принес чашки с пенистым кофе с молоком.

– Вот что я обнаружила. – Агент Лакост положила копии статьи на деревянный стол и уставилась в окно.

Гамаш и Бовуар погрузились в чтение.

Дождичек перешел в густой туман, который повис на холмах, окружающих деревню, отчего уединение Трех Сосен стало чувствоваться особенно остро. Остального мира словно и не существовало. Только тот, что здесь. Тихий и мирный.

В камине потрескивало полено. Его вполне хватало, чтобы не впускать внутрь прохладу.

Агент Лакост устала. Ей хотелось бы выпить кружечку кофе с молоком, съесть круассан и свернуться калачиком на большом диване у камина. И почитать какую-нибудь потрепанную дешевую книгу из магазина Мирны. Что-нибудь про старика Мегре. Читать и дремать. Читать и дремать. Перед камином. И пусть внешний мир с его заботами потихоньку тает в тумане.

Но она знала, что заботы никуда не уходят. Они остаются здесь с ними, в деревне.

Инспектор Бовуар первым закончил читать и поймал ее взгляд.

– Отличная работа, – сказал он, постучав пальцем по копии. – Наверно, всю ночь сидела.

– Почти, – призналась она.

Они посмотрели на шефа, который слишком уж долго читал эту короткую, резкую рецензию.

Наконец он положил бумагу на стол и снял очки. В этот момент подошел официант. Тосты и конфитюр домашнего приготовления для Бовуара. Груша и блинчики с черникой для Лакост. Она старалась не уснуть по дороге сюда, представляя себе, что будет есть на завтрак. И победила сон. Перед шефом поставили тарелку с овсянкой и изюмом, сметану и коричневый сахар.

Он налил сметану, насыпал коричневый сахар на кашу, потом снова взял копию.

Лакост, увидев это, тоже положила нож и вилку.

– Как вы думаете, это оно? Поэтому убили Лилиан Дайсон?

Он глубоко вздохнул:

– Да, скорее всего. Нам нужно подтверждение, заполнить некоторые даты, дособрать недостающую информацию, но мотив у нас есть. И мы знаем, что возможность тоже была.

Когда они закончили завтракать, Бовуар и Лакост отправились в оперативный штаб. Но у Гамаша были еще дела в бистро.

Он распахнул дверь в кухню, нашел там Оливье, который стоял у кухонного стола, нарезая землянику и муксусную дыню.

– Оливье?

Оливье вздрогнул и уронил нож.

– Господи боже, неужели вы еще не знаете, что нельзя пугать человека с острым ножом в руке?

– Я пришел поговорить с вами. – Старший инспектор закрыл за собой дверь.

– Я занят.

– И я тоже, Оливье. Но нам все равно нужно поговорить.

Нож рассек земляничины, оставив тонкий ломтик ягоды и маленькую капельку фруктового сока на доске.

– Я знаю, вы сердитесь на меня, и понимаю, что имеете на это право. То, что случилось, непростительно, и я могу сказать в свое оправдание одно: это было сделано без умысла, я не имел целью навредить вам…

– Однако навредили. – Оливье бросил нож. – Вы думаете, тюрьма становится менее ужасной, если вы сделали это без умысла? Вы полагаете, когда эти люди окружили меня во дворе, я подумал: «Ну ничего страшного, потому что милый старший инспектор Гамаш не желал мне зла»?

Руки Оливье так дрожали, что ему пришлось ухватиться за край стола.

– Вы понятия не имеете, что это такое – знать, что правда все равно победит. Доверять адвокатам, судьям. Вам. Быть уверенным, что меня отпустят. А потом услышать вердикт: виновен.

На мгновение гнев Оливье спал, вместо него появились недоумение, потрясение. Одно-единственное слово, вердикт.

– Конечно, я во многом был виновен. Я это знаю. Я пытался искупить свою вину перед людьми. Но…

– Дайте им время, – тихо сказал Гамаш. Он стоял по другую сторону кухонного стола от Оливье, расправив плечи. Но он тоже держался за стол, так что костяшки пальцев побелели. – Они вас любят. Стыдно, если вы этого не видите.

– Только не говорите мне про стыд, старший инспектор, – прорычал Оливье.

Гамаш смерил Оливье взглядом, потом кивнул:

– Прошу прощения. Я только хотел, чтобы вы знали это.

– Чтобы я мог вас простить? Снял вас с крючка? Что ж, может, это ваша тюрьма, старший инспектор. Ваше наказание.

Гамаш задумался:

– Может быть.

– Все? – спросил Оливье. – Вы закончили?

Гамаш набрал полную грудь воздуха и выдохнул.

– Не совсем. У меня есть еще вопрос. О вечеринке Клары.

Оливье взял нож, но его рука все еще слишком сильно дрожала, и работать он не мог.

– Когда вы с Габри наняли ресторатора на выезд?

– Когда решили устроить эту вечеринку, месяца три назад, кажется.

– Эта вечеринка была вашей идеей?

– Питера.

– Кто составлял список гостей?

– Мы все.

– Включая и Клару? – спросил Гамаш.

Оливье коротко кивнул.

– Значит, много людей знали о вечеринке задолго до того, как она состоялась, – сказал старший инспектор.

Оливье снова кивнул, не глядя на Гамаша.

– Merci, Оливье, – сказал тот, помедлил еще немного, глядя на светловолосую голову, склоненную над шинковальной доской. – Вы не думаете, что мы в конечном счете оказались в одной камере? – спросил Гамаш.

Оливье ничего не ответил, и Гамаш направился к двери, но опять остановился:

– Вот только я не знаю, кто там надзиратели. И у кого ключ.

Он посмотрел на Оливье и вышел.

Все утро и весь день Арман Гамаш и его команда собирали информацию.

В час дня раздался звонок телефона – звонила Клара Морроу.

– Вы с вашими людьми свободны сегодня вечером? – спросила она. – Настроение такое ужасное, вот мы и надумали сварить лосося и посмотреть, кто к нам придет на обед.

– Разве воровать не противозаконно? – спросил Гамаш, не понимая, почему она говорит ему об этом.

– Я сказала не «своровать», а «сварить», – рассмеялась Клара.

– Откровенно говоря, меня бы устроило и то и другое.

– Отлично. Все будет очень спокойно. En famille[75].

Гамаш улыбнулся, услышав это французское выражение. Его часто использовала Рейн-Мари. Это означало «приходите в чем есть», но и кое-что еще. Она использовала это выражение не для каждой тихой вечеринки и не для каждого гостя. Только для специальных гостей, которые считались семьей. Это был особый статус, комплимент. Предлагаемое дружеское общение.

– Принято, – сказал он. – И я уверен, двое других тоже примут его с радостью. Merci, Клара.

Арман Гамаш позвонил Рейн-Мари, потом принял душ и с грустью посмотрел на кровать.

Этот номер, как и все остальные номера в гостинице Габри, был на удивление прост. Но при этом без всякой спартанской строгости. Напротив, обстановка была не лишена изящества и роскоши. Крахмальное постельное белье, одеяла гусиного пуха. Восточные ковры ручной работы на полах из широких сосновых досок, которые не менялись с тех времен, когда гостиница была еще почтовой станцией. Сколько путешественников останавливались в этом самом номере, спрашивал себя Гамаш. Делали передышку на своем трудном и опасном пути. Откуда они приехали и куда направлялись?

Гостиница Габри не отличалась тем великолепием, которым сияла гостиница со спа-салоном на холме. Гамаш подумал, что мог бы останавливаться и там. Но с годами он чувствовал, как уменьшаются его

потребности. Семья, друзья, книги. Прогулки с Рейн-Мари и Анри, их псом.

И полноценный сон в простой спальне.

Сидя на краю кровати, он надевал носки и думал: хорошо бы упасть на кровать, укрыться мягким одеялом и забыться сном. Закрыть тяжелые веки, забыть обо всем.

Уснуть.

Но он еще не до конца прошел свой путь.

Полицейские пробрались сквозь туман и дождь по деревенскому лугу к дому Клары и Питера.

– Входите, – с улыбкой пригласил Питер. – Нет-нет, туфли не снимайте. Рут уже пришла, и такое впечатление, что по пути она не пропустила ни одной лужи.

Они посмотрели на пол – и да, повсюду виднелись следы грязных подошв.

Бовуар покачал головой:

– Я ожидал увидеть следы раздвоенных копыт.

– Наверное, поэтому она и не снимает туфли, – сказал Питер.

Полицейские как могли отерли туфли о коврик.

В доме пахло лососем и свежим хлебом с привкусом лимона и укропа.

– Обед уже совсем скоро, – сказал хозяин, ведя их через кухню в гостиную.

Еще минута – и Бовуар и Лакост держали в руках бокалы вина. Гамаш, невыспавшийся и усталый, предпочел воду. Лакост подошла к двум художникам – Норману и Полетт. Бовуар болтал с Мирной и Габри. Гамаш подозревал, что Бовуар делал это в первую очередь для того, чтобы быть как можно дальше от Рут.

Гамаш обвел взглядом комнату. Это вошло у него в привычку. Он отмечал, где кто находится и что делает.

Оливье стоял у книжного шкафа спиной к комнате, явно очарованный книгами, хотя Гамаш подозревал, что тот видел эти книги много раз.

Франсуа Маруа и Дени Фортен стояли вместе, но не разговаривали. Где же еще один – Андре Кастонге?

Потом Гамаш увидел и его. Кастонге в углу комнаты разговаривал с главным судьей Пино, а на них смотрел стоящий в двух шагах Брайан.

Глядя на Брайана, Гамаш не мог понять, что означает выражение его лица. Требовалось некоторое усилие, чтобы проникнуть за татуировки, свастику, выставленный палец, надпись «Fuck you» и увидеть другое.

Брайан определенно был насторожен, внимателен. Это был не тот раскованный молодой человек, какого Гамаш видел предыдущим вечером.

– Вы, наверно, шутите, – сказал Кастонге, повысив голос. – Только не говорите мне, что вам это нравится.

Гамаш подошел чуть ближе, тогда как все остальные посмотрели в ту сторону и отошли чуть подальше. Кроме Брайана. Он остался на месте.

– Не то чтобы мне это нравилось, просто я считаю, что это удивительно, – проговорил Пино.

– Бесполезная трата времени, – хрипло произнес галерист, сжимая почти пустой стакан с остатками красного вина.

Гамаш подобрался еще ближе и обратил внимание, что эти двое стоят перед одной из картин Клары. На самом деле это была даже не картина – этюд с изображением рук. Некоторые сжаты в кулаки, некоторые сцеплены, некоторые раскрываются или закрываются, в зависимости от зрительского восприятия.

– Ерунда все это, – сказал Кастонге, и Пино сделал едва заметное движение, призывая галериста говорить тише. – Все говорят, что это великолепно, но знаете, что я думаю?

Кастонге подался к Пино, и Гамаш уставился на его губы, надеясь по ним прочесть, что тот прошепчет.

– Люди, которые так считают, идиоты. Недоумки. Имбецилы.

Гамашу не нужно было читать по губам. Все всё слышали. Кастонге буквально выкрикнул свое мнение.

И опять свободное пространство вокруг галериста увеличилось. Пино оглядел комнату. Гамаш решил, что тот ищет Клару, и понадеялся, что она не слышит мнения одного из гостей о ее работах.

Потом взгляд главного судьи остановился на Кастонге, в глазах появилось жесткое выражение. Гамаш часто видел такой его взгляд в суде. На себе он чувствовал его редко, в основном судья смотрел так на какого-нибудь несчастного адвоката, участвующего в процессе и не знающего закон.

Если бы Кастонге был «Звездой Смерти»[76], его голова наверняка бы взорвалась.

– Мне жаль, что вы так думаете, Андре, – сказал Пино ледяным голосом. – Может быть, в один прекрасный день вы будете чувствовать так же, как я.

Главный судья отвернулся и пошел прочь.

– Чувствовать? – крикнул Кастонге вслед уходящему Пино. – Чувствовать? Господи боже, да попытайтесь вы включить мозги.

Пино остановился спиной к Кастонге. Все присутствующие замерли, наблюдая. Наконец главный судья двинулся дальше.

Андре Кастонге остался в одиночестве.

– Этой заднице нужны радикальные меры, – заметила Сюзанна.

– Я применял радикальные меры ко многим задницам, – сказал Габри. – И надо сказать, помогало.

Гамаш оглядел комнату в поисках Клары, но ее, к счастью, здесь не было. Она почти наверняка готовила обед в кухне. Через открытую дверь в гостиную проникали замечательные ароматы, почти заглушавшие зловоние слов Кастонге.

– Так-так, – сказала Рут, поворачиваясь спиной к покачивающемуся на нетвердых ногах галеристу и лицом к Сюзанне. – Говорят, вы алкоголик.

– Верно, – сказала Сюзанна. – У меня вся родословная пьяницы. Они пьют что ни попадя. Разжигу, сточные воды, а один из моих дядюшек клялся и божился, что может превращать мочу в вино.

– Правда? – оживилась Рут. – А я вот превращаю вино в мочу. Ему удалось довести процесс до конца?

– Неудивительно, что он умер еще до моего рождения, но у моей матушки есть аппарат, который ферментирует что угодно. Горох, розы. Лампы.

Рут смотрела широко раскрытыми глазами:

– Да ладно вам. Горох?

Но, судя по ее выражению, она была готова попробовать. Рут отхлебнула из своего стакана и наклонила его к Сюзанне:

– Но ваша матушка никогда не пробовала этого.

– А это что? – спросила Сюзанна. – Если это дистиллированный восточный ковер, то она его делала. Вкус, как у моего дедушки, но не в этом суть.

На Рут это произвело впечатление, но она покачала головой:

– Это моя фирменная смесь. Джин, горечь и детские слезки.

Сюзанну это ничуть не удивило.

Арман Гамаш решил не присоединяться к этому разговору.

Тут раздался громкий голос Питера:

– Обед!

Гости потянулись в кухню.

Клара зажгла свечи по всей большой комнате; в центре длинного соснового стола стояли вазы с цветами.

Гамаш сел, отметив для себя, что три торговца предметами искусства держатся вместе, но и три члена общества АА – Сюзанна, Тьерри и Брайан

– не отходят друг от друга.

– О чем задумались? – спросила Мирна, садясь справа от него и протягивая корзиночку с теплым французским батоном.

– Группы троек.

– Правда? Когда мы с вами беседовали в прошлый раз, в голове у вас был Шалтай-Болтай.

– Господи Исусе, – пробормотала Рут, сидевшая от него по другую сторону, – это убийство никогда не будет раскрыто.

Гамаш посмотрел на старую поэтессу:

– Догадайтесь, о чем я теперь думаю.

Она уставилась на него, сощурив холодные голубые глаза, лицо ее окаменело. Потом она рассмеялась.

– Что ж, справедливо, – сказала она, хватая ломоть хлеба. – Я именно то, что вы думаете, и даже хуже.

Блюда с цельным вареным лососем передавали в одну сторону, а весенние овощи и салат – в другую. Все накладывали себе на тарелки рыбу и зелень.

– Значит, группы троек. – Рут кивнула на трех дилеров. – Они как Керли, Ларри и Моу?[77]

Франсуа Маруа рассмеялся, но Андре Кастонге выглядел пьяноватым и раздраженным.

– Существует старинная традиция групп троек, – сказала Мирна. – Все обычно мыслят парами, но тройки очень распространены. Это даже мистическое число. Святая троица.

– Три грации, – сказал Габри, отправляя в рот овощи. – Как на твоей картине, Клара.

– Три парки, – сказала Полетт.

– Есть еще и «трое от одной спички»[78], – добавил Дени Фортен. – Готовсь. Целься. – Он посмотрел на Маруа. – Пли. Но не только мы перемещаемся тройками.

Гамаш вопросительно посмотрел на него.

– К вам это тоже относится, – пояснил Фортен, переведя взгляд с Гамаша на Бовуара и Лакост.

Гамаш рассмеялся:

– Я об этом не думал. Но вы правы.

– Три слепых мышонка, – сказала Рут.

– Три сосны, – добавила Клара. – Может быть, вы – три сосны. Обеспечиваете нашу безопасность.

– Как всегда, все перепутала, – сказала Рут.

– Глупый разговор, – пробормотал Кастонге и уронил вилку на пол. Посмотрел на нее с глупым выражением.

В комнате воцарилась тишина.

– Не расстраивайтесь, – сказала Клара. – Вилок у нас хватает.

Она встала и, когда проходила мимо, Кастонге попытался схватить ее за руку.

– Я не голоден, – заявил он громким ворчливым голосом.

Он промахнулся – ухватил не Клару, а агента Лакост, сидевшую рядом с ним.

– Извините, – пробормотал он.

Питер, Габри и Полетт начали говорить одновременно. Громко, весело.

– Не хочу, – отрезал Кастонге, когда Брайан предложил ему лосося. Затем галерист обратил внимание на молодого человека, словно впервые его увидел. – Господи боже, вас-то кто пригласил?

– Тот же человек, что и вас, – ответил Брайан.

Питер, Габри и Полетт заговорили еще громче. Еще более веселыми голосами.

– Вы кто? – прошепелявил Кастонге, пытаясь сосредоточиться на Брайане. – Только бога ради не говорите мне, что и вы художник. Вид у вас такой затраханный – на художника вы не похожи.

– Я художник, – ответил Брайан. – Делаю татуировки.

– Что? – спросил Кастонге.

– Все в порядке, Андре, – произнес Франсуа Маруа успокаивающим голосом, и, похоже, это сработало.

Кастонге чуть качнулся на стуле и как зачарованный уставился в свою тарелку.

– Кому еще? – весело спросил Питер.

Никто не поднял рук.

Глава двадцать шестая

– Ну, так вы уже успели поговорить? – спросил Дени Фортен, когда, взяв кофе с коньяком, они вышли на крыльцо с навесом.

– О чем? – спросил Питер, переведя взгляд с мокрой деревни на галериста.

Мелкий дождь продолжал идти.

Фортен посмотрел на Клару:

– Вы еще не обсуждали это с мужем?

– Нет пока, – ответила Клара, чувствуя себя виноватой. – Но я еще поговорю.

– О чем? – снова спросил Питер.

– Я приходил к вам сегодня – узнать, хотите ли вы, чтобы я представлял вас с Кларой. Я знаю, что в первую попытку я сам все испортил, и приношу за это извинения. Я хотел бы… – Он помедлил, собираясь с мыслями, посмотрел на Питера, потом на Клару. – Я прошу вас дать мне еще один шанс. Позвольте мне доказать, что я говорю это искренне. Я уверен, что мы втроем будем прекрасной командой.

– И что вы думаете? – Старший инспектор кивнул в сторону окна, за которым на крыльце стояли Питер, Клара и Фортен.

– О них? – спросила Мирна.

Они не слышали, о чем говорили эти трое, но и без того догадаться было нетрудно.

– Убедит ли Фортен Клару дать ему еще один шанс? – спросил старший инспектор, пригубливая двойной эспрессо.

– Еще один шанс нужен вовсе не Фортену, – ответила Мирна.

Гамаш посмотрел на нее:

– Питеру?

Но Мирна не ответила, и Гамаш подумал, не сказал ли Питер Кларе о своем вкладе в одну язвительную рецензию много лет назад.

– Я думаю, нам нужно какое-то время, чтобы все взвесить, – сказала Клара.

– Понимаю, – очаровательно улыбнулся Фортен. – Никакого давления с моей стороны. Я только хочу заметить, что вам следует заключить договор с более молодым, растущим галеристом. С человеком, который не

уйдет с рынка через год-другой. Вы учитывайте и это.

– Хорошее соображение, – сказал Питер.

Еще недавно этого энтузиазма Питера было бы достаточно, чтобы Клара пошла за Фортеном куда угодно. Она полностью доверяла мужу: он, мол, знает, что лучше для них. Для них обоих. Верила, что в своем сердце он блюдет ее интересы.

Теперь, глядя на этого человека, с которым она прожила последние двадцать пять лет, она понимала, что ничего не знает о его сердце. Но она была абсолютно уверена, что в его сердце нет места для ее интересов.

Клара не знала, что ей делать. Он изо всех сил пытался измениться. Может быть, и для нее настало время попытаться сделать это.

– Понимаете, он страдает, – сказала Мирна.

– Питер? – спросил Гамаш и проследил за ее взглядом.

Она больше не смотрела на троих стоящих на крыльце. Ее взгляд был устремлен на Жана Ги Бовуара, который пребывал в компании Рут и Сюзанны.

Рут почти влюбилась в эту бывшую пьяницу, у которой рецептов дистиллирования мебели было не перечесть.

– Я знаю, – тихо сказал Гамаш. – Сегодня утром я говорил об этом с Жаном Ги.

– И что он вам сказал?

– Что он здоров. И что ему становится лучше. Но это, конечно, не так.

Мирна помолчала секунду-другую.

– Да, конечно не так. Он сказал вам, отчего страдает?

Гамаш внимательно посмотрел на нее:

– Я задал ему этот вопрос, но он не ответил. Я решил, что дело в его ранах в сочетании с потерей его коллег.

– Так оно и есть, но мне кажется, что тут есть нечто более конкретное. Да что говорить, я знаю, что это. Он мне сам сказал.

Гамаш слушал ее в оба уха. На заднем фоне слышался громкий голос Кастонге. Раздраженный, визжащий, нетерпеливый. Но теперь ничто не могло заставить Гамаша отвернуться от Мирны.

– Что вам сказал Жан Ги?

Мирна посмотрела на Гамаша:

– Вам это не понравится.

– Мне не нравится все, что произошло на фабрике. Но я должен это знать.

– Хорошо, – сказала Мирна, приняв решение. – Он чувствует себя

виноватым.

– В связи с чем? – удивленно спросил Гамаш, вовсе не ожидавший такого ответа.

– В связи с тем, что не мог вам помочь. Ему невыносимо видеть, как вы падаете, а он ничего не в силах сделать. Не может помочь вам, как вы помогли ему.

– Но это же смешно. Он был не в состоянии мне помочь.

– Вы это знаете, и я это знаю. Даже он это знает. Но наше знание и наше чувство нередко две разные вещи.

У Гамаша упало сердце. Он вспомнил своего осунувшегося инспектора сегодня ночью в оперативном штабе. Лицо Бовуара было бледнее обычного в резком свете компьютерного монитора, он раз за разом снова и снова смотрел это треклятое видео.

Но только не сцену, в которой ранят Гамаша. Жан Ги смотрел на себя перед собственным ранением. Гамаш рассказал Мирне о том, что видел этой ночью.

Мирна вздохнула:

– Он наказывает себя. Это что-то типа самокалечения. Он режет себя ножом. Только вместо ножа у него видео.

Это видео. Гамаш почувствовал, как закипает в нем ярость. Проклятое видео. Оно уже принесло столько зла, а теперь убивает близкого ему человека.

– Я приказал ему снова обратиться к полицейскому психотерапевту…

– Приказали?

– Началось это как предложение, а кончилось приказанием, – признался старший инспектор.

– Он противился?

– Очень.

– Он вас любит, – сказала Мирна. – Это его дорога домой.

Гамаш посмотрел на Жана Ги, стоявшего в другом конце комнаты, и помахал ему. И опять старший инспектор увидел, как Бовуар падает. На цементный пол.

Жан Ги в другом углу комнаты улыбнулся и помахал ему.

Он увидел Гамаша, который смотрит на него озабоченным взглядом.

А потом уходит.

– Боже мой, – с отвращением произнес Кастонге, обводя рукой комнату. – Вот он, конец света. Конец цивилизации. – Он повел бокалом в сторону Брайана. – Он делает байкерам татуировки – пишет им на лбу

«твою мать» и называет себя художником. Maudit tabernac[79].

– Идем, – сказал Тьерри Пино. – Подышим немного свежим воздухом.

Он взял Кастонге под локоток и попытался увести его к двери, но тот вырвался.

– Я тысячу лет не видел хорошего художника. И к ней это тоже относится. – Он показал на Клару, которая как раз входила в дом с крыльца. – Она столько лет ходила кругами вокруг этой сточной канавы. Сплошные банальности. Сентиментальщина. Портреты. – Он почти выплюнул это слово.

Люди отходили от него подальше, вокруг Кастонге образовывалась пустота.

– А он, – начал Кастонге, выбрав следующую жертву, которой стал Питер. – Ну, он-то хоть что-то пишет. Пусть и в традиционном стиле, но я могу продавать его картины «Келли фудс». А они хоронят их в своем гватемальском офисе. Все зависит от того, насколько мне удается напоить других покупателей. Хотя этот долбаный «Келли» не допускает никаких выпивок. Это, видите ли, плохо влияет на их корпоративный образ. Так что, боюсь, я больше не смогу продавать вас, Морроу. Как и он.

Кастонге устремил воинственный взгляд на Дени Фортена.

– Он вам что наобещал? Персональные выставки? Совместную выставку? Или просто накуриться? Он ни черта не понимает в искусстве – ему бы мебелью садовой торговать. Сначала сам занимался мазней, а теперь чужую мазню выставляет в своей галерее. Единственное, что он умеет, так это в мозги насрать.

Гамаш поймал взгляд Бовуара, который незаметно подал сигнал Лакост. Трое полицейских расположились вокруг Кастонге, но не пресекли его словесный поток.

К Гамашу подошел Франсуа Маруа.

– Скажите ему, чтобы замолчал, – прошептал он.

– Он не сделал ничего противозаконного, – ответил старший инспектор.

– Ведь это унизительно для него самого, – взволнованно сказал Маруа. – Он не заслуживает этого. Он болен.

– А вы двое… – Кастонге развернулся и потерял равновесие, споткнувшись о диван.

– Господи Исусе, – сказала Рут. – Неужели вы так ненавидите алкоголь?

Кастонге выровнялся и, повернувшись к Полетт и Норману, напустился на них:

– Только не думайте, что мы не знаем, почему вы здесь.

– Мы приехали на вечеринку Клары.

– Ш-ш-ш, – зашипел Норман. – Не провоцируй его.

Но было слишком поздно. Взгляд Кастонге зацепился за Полетт.

– Но почему вы остались? Ведь не для того же, чтобы поддержать Клару. – Он рассмеялся, брызжа слюной. – Сильнее, чем поэты, друг друга ненавидят только художники. – Он повернулся к Рут и экстравагантно поклонился. – Мадам.

– Идиот долбаный, – сказала Рут и обратилась к Габри: – Впрочем, не могу сказать, что он не прав.

– Вы ненавидите Клару, вы ненавидите ее искусство, вы ненавидите всех художников, – надвигался Кастонге на Нормана и Полетт. – Вы, вероятно, даже друг друга ненавидите. И самих себя. И уж точно вы ненавидели убитую, впрочем, у вас были для этого основания.

– Ну все, – сказал Маруа, входя в пустое пространство вокруг Кастонге и приближаясь к нему. – Пора попрощаться с этими милыми людьми и отправляться на боковую.

– Я никуда не пойду! – закричал Кастонге, отступая от Маруа.

Гамаш, Бовуар и Лакост подошли к нему поближе, тогда как остальные отступили подальше.

– Вам бы этого хотелось. Вам бы хотелось, чтобы я исчез. Но я первый ее нашел. Она собиралась подписать со мной договор. А потом вы украли ее.

Голос Кастонге звучал все громче. Замахнувшись, он швырнул стакан в Маруа. Стакан пролетел рядом и разбился, ударившись о стену.

И тут Кастонге накинулся на старого дилера, вцепился сильными руками в его горло; Маруа отлетел на несколько футов, увлекая за собой Кастонге.

Полицейские бросились к ним. Гамаш и Бовуар схватили Кастонге, а Лакост попыталась втиснуться между дерущимися. Наконец они оторвали Кастонге от Маруа.

Франсуа Маруа держался за горло и, потрясенный, смотрел на своего коллегу. И он был не один. Все в комнате смотрели на Кастонге, которого задержали и увели.

Час спустя Арман Гамаш и Жан Ги Бовуар вернулись в дом Питера и Клары. На сей раз Гамаш взял выпивку и опустился в большое кресло, предложенное ему Габри.

Как Гамаш и надеялся, еще никто не ушел. Все были слишком

возбуждены, у них оставалось слишком много вопросов, чтобы отправляться в кровать. Они не смогли бы уснуть.

Как и Гамаш.

– Прекрасный напиток, – сказал он, пригубив коньяк.

– Ну и денек, – проговорил Питер.

– Он еще не кончился. Агент Лакост приглядывает за месье Кастонге и делает кое-какую бумажную работу.

– Одна? – спросила Мирна, переводя взгляд с Гамаша на Бовуара.

– Она свое дело знает, – сказал старший инспектор.

Взгляд Мирны выражал надежду на то, что свое дело знает и Гамаш.

– Так что случилось? – спросила Клара. – У меня в голове все перепуталось.

Гамаш подался вперед в кресле. Все расселись по местам или пристроились на подлокотниках кресел. Стоять остались только Бовуар и Питер. Питер как хороший хозяин, а Бовуар как хороший полицейский.

Дождь на улице усилился, и было слышно, как он стучит по карнизам. Дверь на крыльцо все еще была открыта, чтобы внутрь проникал свежий воздух, и капли молотили по листьям деревьев.

– Это убийство на тему о контрастах, – начал Гамаш тихим, низким голосом. – О пьянстве и трезвости. О реальности и кажущемся. Об изменении к лучшему или к худшему. Об игре света и тени.

Он обвел взглядом внимательные лица.

– На вернисаже было сказано одно слово, характеризующее ваши работы, – обратился Гамаш к Кларе.

– Я почти боюсь спрашивать, что это за слово, – устало улыбнулась Клара.

– Кьяроскуро. Оно означает контраст между светом и тенью. Их противостояние. Вы делаете это на ваших портретах, Клара. В используемых цветах, в оттенках, но еще и в эмоциях, пробуждаемых вашими картинами. В особенности в портрете Рут…

– Там есть мой портрет?

– …этот контраст очевиден. Темные тона, деревья на заднем плане. Ее лицо частично в тени. Выражение ее лица предвещает грозу. Кроме двух крохотных точек. Тончайшего намека на свет в ее глазах.

– Надежда, – сказала Мирна.

– Надежда. А может быть, и нет. – Гамаш посмотрел на Франсуа Маруа. – Когда мы стояли перед этим портретом, вы сказали кое-что любопытное. Вы помните?

Маруа встревоженно посмотрел на него:

– Я сказал что-то полезное?

– Вы не помните?

Маруа немного помолчал; он принадлежал к тем редким людям, которые, заставляя других ждать, не вызывают у них раздражения. Наконец он улыбнулся.

– Я спросил, кажется ли вам это реальным, – сказал Маруа.

– Верно, – кивнул старший инспектор. – Так ли оно есть на самом деле, или это игра света. Предложенная надежда, в которой потом было отказано. Особенная жестокость.

Он оглядел собравшихся.

– Вот с чем связано это преступление. Вопрос в том, насколько в действительности реален этот свет. В самом ли деле счастлив человек или только притворяется?

– «Не рукой махал, а тонул», – сказала Клара.

Она снова посмотрела в добрые глаза Гамаша и процитировала:

Никто его слов не слышал, увы,
Но мертвец все свое гнул:
«Я заплыл гораздо дальше, чем думали вы,
И не рукой махал, а тонул».

Теперь, цитируя стихотворение, Клара думала не о Питере. Теперь она думала о ком-то другом.

О себе. О себе, которая притворялась всю жизнь. Смотрела на вещи с оптимизмом, хотя не всегда его чувствовала. Но с этим покончено. Все должно измениться.

В комнате воцарилась тишина, слышен был только стук дождя.

– C’est ça, – сказал Гамаш. – Как часто принимали мы одно за другое, потому что слишком боялись этого или у нас не было времени увидеть, что происходит на самом деле? Увидеть, что кто-то тонет?

– Но тонущих иногда спасают.

Все перевели взгляд с Гамаша на человека, который это сказал. На молодого человека. На Брайана.

В тишине Гамаш несколько секунд смотрел на него, разглядывал татуировки, пирсинг, заклепки на одежде – он видел его насквозь. Старший инспектор задумчиво кивнул и обвел взглядом собравшихся.

– Вопрос, который дался нам с трудом, состоял вот в чем: спасли ли Лилиан Дайсон. Изменилась ли она, или это была ложная надежда. Она

была алкоголичкой. Бессердечной, ожесточенной, эгоистичной женщиной. Она причиняла боль всем, кого знала.

– Но она не всегда была такой, – пробормотала Клара. – Когда-то она была замечательной. Хорошей подругой.

– Поначалу все люди такие, – сказала Сюзанна. – Большинство людей рождаются не в тюрьме, не под мостом, не в курильне опия. Они становятся такими со временем.

– Люди могут меняться к худшему, – заметил Гамаш. – Но как часто люди и в самом деле меняются к лучшему?

– Я уверена, что мы можем меняться к лучшему, – сказала Сюзанна.

– Изменилась ли Лилиан? – спросил ее Гамаш.

– Я думаю, да. По крайней мере, она пыталась.

– А вы? – спросил Гамаш.

– Что – я? – ответила вопросом на вопрос Сюзанна, хотя наверняка понимала, что он имеет в виду.

– Изменились?

– Надеюсь, – ответила Сюзанна после долгой паузы.

Гамаш заговорил так тихо, что им приходилось напрягаться, чтобы услышать:

– Вот только есть ли настоящая надежда? Или это просто игра света?

Глава двадцать седьмая

– Вы лгали нам на каждом шагу, а потом говорили, что это просто привычка. – Гамаш не сводил глаз с Сюзанны. – Мне не кажется, что это реальная перемена. Скорее, ситуативное поведение. Изменяться, когда это удобно. Многое из того, что произошло в последние дни, было крайне неудобно. А что-то очень даже удобно. Например, приезд вашей подопечной на прием к Кларе.

– Я даже не подозревала, что Лилиан здесь, – возразила Сюзанна. – Я вам это говорила.

– Верно. Но помимо этого, вы наговорили нам еще много чего. Например, что вам неизвестно, о ком были сказаны знаменитые слова: «Он естествен во всех своих проявлениях – творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности». А эти слова были сказаны о вас.

– О вас? – удивилась Клара, поворачиваясь к этой бойкой женщине.

– Рецензия стала последней каплей, – сказал Гамаш. – После этого началось свободное падение. Приземлились вы в АА, где могли измениться, а могли и не измениться. Но вы не единственная из ваших друзей солгали.

Гамаш перевел взгляд на человека, сидящего рядом с Сюзанной на диване:

– Вы тоже лгали, сэр.

Главный судья удивленно посмотрел на него:

– Я лгал? Это когда?

– Чтобы уж быть справедливым, должен сказать, что это была ложь по недоразумению. Но тем не менее она все равно остается ложью. Вы ведь знаете Андре Кастонге, верно?

– Не могу сказать.

– Позвольте, я вам помогу. Месье Кастонге должен был бросить пить, если хотел сохранить хоть малейшую надежду на продление контракта с «Келли фудс». Как он сам сказал, они известны своей исключительной трезвостью. А он все больше и больше превращался в алкоголика. Поэтому и попытался получить помощь в АА.

– Ну, если вы так говорите, – пробормотал Тьерри.

– Когда вы вчера приехали в Три Сосны, то целый час провели в магазине Мирны. Магазин у нее неплохой, но целый час – это слишком. А

потом, когда мы сидели на террасе бистро, вы настояли на том, чтобы мы заняли столик у стены, а сами сели спиной к деревне.

– Из уважения к остальным, старший инспектор. Я занял худшее место именно из этих соображений.

– А еще это было вам удобно, потому что вы не хотели, чтобы кое-кто вас увидел. Но когда наш разговор закончился, вы встали и беззаботно направились в гостиницу Габри вместе с Сюзанной.

Тьерри Пино и Сюзанна переглянулись.

– Вы больше не прятались. Я огляделся, пытаясь понять, что же изменилось. А изменилось только одно. Ушел Андре Кастонге. Он на неверных ногах двигался в гостиницу на холме.

По лицу главного судьи Пино невозможно было понять, что он чувствует. Он с бесстрастным выражением смотрел на Гамаша.

– Сегодня вечером я сделал маленькую ошибку, – признал Гамаш. – Когда мы приехали, вы и Кастонге разговаривали в уголке. Судя по вашему виду, вы спорили, и я решил, что спор идет о работах Клары.

Он посмотрел в угол, где висел этюд с руками, и все проследили за его взглядом.

– Désolé, – сказал он Кларе, и та улыбнулась ему в ответ:

– Люди все время спорят о моем искусстве. Никто от этого не страдает.

Но Гамаш этому не поверил. Кто-то пострадал. И очень пострадал.

– Но я ошибался, – продолжил старший инспектор. – Вы спорили не о том, хороши или плохи работы Клары, вы спорили об АА.

– Мы не спорили, – сказал Пино. Он глубоко вздохнул. – Мы разговаривали. Нет смысла спорить с пьяным человеком. И бесполезно уговаривать кого-то вступить в АА.

– К тому же он уже пытался это сделать, – добавил Гамаш.

Некоторое время они сверлили друг друга взглядом, и наконец Пино кивнул:

– Он пришел около года назад – отчаянно хотел избавиться от алкоголизма. Ничего из этого не получилось.

– Вы с ним познакомились там, – сказал Гамаш. – И я думаю, ваше знакомство нельзя назвать шапочным.

Пино опять кивнул:

– Он был моим подопечным. Я пытался ему помочь, но он не мог бросить пить.

– Когда он перестал ходить в АА? – спросил Гамаш.

Пино задумался.

– Месяца три назад, – ответил он. – Я пытался связаться с ним, но он не отвечал на мои звонки. И я перестал ему звонить, решив, что он вернется, когда ударится о дно.

– Вчера, увидев его пьяным, вы сразу же оценили серьезность проблемы, – сказал Гамаш.

– Какой проблемы? – спросила Сюзанна.

– Поступив в нашу группу, Андре познакомился со многими людьми, – сказал Пино. – Включая и Лилиан. А она, конечно, познакомилась с ним. Она сразу же узнала, кто он такой. Рассказала о своих картинах, даже приносила ему свой портфолио. Он говорил мне об этом, и я ему посоветовал не вмешиваться. Мужчины должны держаться мужчин. И потом, АА – не место для завязывания знакомств.

– Разговор о ее искусстве был против правил АА? – спросил Гамаш.

– Нет никаких правил, – ответил Тьерри. – Просто это не очень хорошая идея. Лечиться от алкоголизма и без того трудно, а разговоры о делах лишь затрудняют выздоровление.

– Но Лилиан разговаривала на эти темы, – сказал Гамаш.

– Я об этом не знала, – вмешалась Сюзанна. – Если бы она начала говорить со мной, я бы пресекла этот разговор. Наверно, поэтому она ничего такого мне и не говорила.

– Потом Андре оставил АА, – сказал Гамаш, и Пино кивнул. – Но тут была одна проблема.

– Вы уже говорили, что у Андре есть один крупный клиент, – сказал Тьерри. – «Келли фудс». Андре до смерти боялся, что в один прекрасный день кто-нибудь скажет им о его пьянстве.

– Но долго держать это в тайне он все равно не смог бы, – заметила Мирна. – Если судить по его пребыванию здесь, то он чаще бывает пьян, чем трезв.

– Верно, – сказал Тьерри. – И он так или иначе потеряет все – это только вопрос времени.

– Стоило вам здесь его увидеть, как вы поняли, что произошло, – сказал Гамаш. – Вы все время ведете судебные процессы, нередко процессы об убийствах. Вы быстро во всем разобрались.

Пино, казалось, взвешивал, что ему сказать на это. Все, естественно, повернулись к главному судье и замолчали в ожидании рассказа.

– Я опасался, что Лилиан приехала на вечеринку, чтобы разобраться с ним. Что она встретилась с ним в саду Клары и угрожала рассказать владельцам «Келли» о его пьянстве, если он не будет продвигать ее картины, – сказал Пино. – Вы видели его сегодня. Он уже не может

контролировать ни свое пьянство, ни свою ярость.

Пино замолчал, и Гамаш ненавязчиво помог ему:

– Продолжайте, пожалуйста.

Но продолжалось лишь молчание. Все смотрели широко раскрытыми глазами, едва дыша.

– Боюсь, что именно Лилиан подтолкнула его к этому. Угрожала шантажом.

Пино снова замолчал, и Гамаш после новой мучительной паузы подбодрил его:

– Продолжайте, пожалуйста.

– Я боялся, что он ее убил. Что у него разум помутился и он даже не помнит, что сделал.

Старший инспектор ждал.

– Но разве месье Кастонге не обвинил вас в том, что вы увели Лилиан у него из-под носа? – в полном недоумении спросила Клара, глядя на Франсуа Маруа.

Пожилой торговец хранил молчание. Клара наморщила лоб, задумалась. Попыталась собрать все воедино. Перевела взгляд на Гамаша:

– Вы видели работы Лилиан?

Он кивнул.

– Они стоят того? Стоят того, чтобы за них бороться?

Он снова кивнул.

Клара удивленно посмотрела на Гамаша, но приняла его суждение.

– Тогда зачем ей было шантажировать Кастонге? Напротив, Кастонге отчаянно нужно было подписать договор с Лилиан. Какая ей нужда ссориться с ним? Его запасы кончились, ему требовались ее картины. Если только он по этой причине и не перешел через край, – сказала Клара, связывая сказанное логической цепочкой.

Она взглянула на Гамаша, но его лицо было непроницаемым. Он внимательно ее слушал, и ничего больше.

– Кастонге знал, что потеряет «Келли», – сказала Клара, осторожно пробираясь через частокол фактов. – После того как он ушел из АА, это стало неизбежно. Единственная его надежда была на то, что он найдет кого-то, кто заменит ему «Келли фудс». Художника. Но не какого попало. Художник ему был нужен гениальный. Чтобы спасти его галерею. Его карьеру. Но ему нужен был художник, которого никто больше не знает. Художник, которого он нашел сам.

Воцарилось молчание. Даже дождь прекратился, наверное, чтобы лучше слышать.

– Лилиан и ее картины спасли бы его, – продолжала Клара. – Но у Лилиан было нечто такое, чего Кастонге никак не ожидал. Она делала то же самое, что всегда делал и он. Она сама заботилась о себе. Она поговорила с Кастонге, но еще встретилась и с месье Маруа, более влиятельным дилером в мире искусства. – Клара посмотрела на Маруа. – И вы приняли ее предложение.

На лице Франсуа Маруа вместо доброжелательной, милой улыбки появилась ухмылка.

– Лилиан Дайсон была взрослой женщиной. У нее не было никаких обязательств перед Андре, – сказал Маруа. – Она была вольна выбирать кого захочет.

– Кастонге видел ее здесь на вечеринке, – продолжила Клара, стараясь не поддаваться страху, который нагнал на нее взгляд Маруа. – Он, вероятно, хотел поговорить с ней наедине. Возможно, вывел ее в наш сад, где никого не было.

Они все представили себе эту картинку. Скрипачи, танцы и смех.

Кастонге видит приехавшую Лилиан, она спускается по Дю-Мулен, где припарковала машину. Он уже выпил несколько порций и спешит ей наперехват. Он торопится скрепить их отношения контрактом, прежде чем она успеет поговорить с кем-то еще из присутствующих. С дилерами, галеристами, кураторами.

Он уводит ее в ближайший сад.

– Возможно, он даже не отдавал себе отчета в том, что это наш сад, – сказала Клара, по-прежнему не сводя взгляда с Гамаша.

И Гамаш по-прежнему сидел с непроницаемым лицом. Только слушал.

Они дышали молчанием. Ощущение было такое, будто мир замер, съежился. В это мгновение, в этом месте. От этих слов.

– И тут Лилиан сказала ему, что подписала договор с Франсуа Маруа.

Клара замолчала, представляя себе ошеломленного галериста. Которому далеко за шестьдесят и который уничтожен. Сломленный пьяница. И вот ему наносят окончательный удар. И что же он делает?

– Она была его последней надеждой, – тихо говорит Клара. – И этой надежды не стало.

– В суде он будет защищаться, ссылаясь на свою ограниченную дееспособность, будет утверждать, что это было причинение смерти по неосторожности, – сказал главный судья Пино. – К тому времени он, вероятно, был уже пьян.

– К какому времени? – спросил Гамаш.

– К тому времени, когда он ее убил, – ответил Тьерри.

– Нет-нет, Андре Кастонге ее не убивал. Это сделал один из присутствующих здесь.

Глава двадцать восьмая

Теперь даже Рут слушала внимательно. Дождь начался снова, капли падали с темного неба, лупили по окнам, вода стекала по старому стеклу. Питер подошел к двери на крыльцо и закрыл ее.

Они оказались в замкнутом пространстве.

Питер вернулся к остальным, и все расположились неровным кругом, поглядывая друг на друга.

– Так, значит, не Кастонге убил Лилиан? – спросила Клара. – Тогда кто же?

Все переглядывались, стараясь надолго не задерживаться друг на друге. Наконец все посмотрели на Гамаша. Который сидел в центре круга.

Подрагивало пламя свечей, и даже сквозь закрытые окна проникали раскаты грома. И вспышки, на короткое мгновение освещавшие темный лес. Потом все снова погружалось в темноту.

Гамаш заговорил тихим голосом. Его едва было слышно за шумом дождя и ворчанием грома.

– Что нас поразило чуть не в первую очередь в этом деле, так это контраст между двумя Лилиан. Между злобной женщиной, которую знали вы. – Он посмотрел на Клару и тут же перевел взгляд на Сюзанну. – И той доброй, счастливой женщиной, которую знали вы.

– Кьяроскуро, – произнес Дени Фортен.

Гамаш кивнул:

– Именно. Темное и светлое. Кем она была на самом деле? Какой была настоящая Лилиан?

– Меняются ли люди? – спросила Мирна.

– Меняются ли люди? – повторил Гамаш. – И превращаются ли когда-либо в свою противоположность? Похоже, нет никаких сомнений в том, что когда-то Лилиан Дайсон была отвратительным человеком, она обижала и унижала любого, кому не повезло оказаться близ нее. Она была человеком ожесточенным и исполненным жалости к себе. Она полагала, что ее ждет манна небесная, а когда оказалось, что это не так, не смогла совладать с этим. На это ушло сорок лет, и в конечном счете она полностью утратила контроль над собой.

– Ударилась о самое дно, – сказала Сюзанна.

– И разбилась, – подхватил Гамаш. – И если мы понимали, что когда-то она дошла до точки, то в равной мере было ясно и то, что она пытается

излечиться. Подняться с помощью АА и найти… – он обратился к Сюзанне, – как вы это называете?

Она несколько секунд недоуменно смотрела на него, потом улыбнулась кончиками губ:

– Тихое место под ярким солнцем.

Гамаш задумчиво кивнул:

– Oui. C’est ça. Вот только как его найти?

Старший инспектор переводил взгляд с одного на другого, ненадолго задержался на Бовуаре, у которого был такой вид, будто он сейчас расплачется.

– Единственным способом было бросить пить. Но как я узнал за последние несколько дней, для алкоголиков бросить пить – это только первый шаг на долгом пути. Они должны измениться. Должно измениться их восприятие, их взгляд на жизнь. И они должны расчистить тот кавардак, что оставили за собой. «Алкоголик, подобно торнадо, с ревом проносится по чужим жизням», – процитировал Гамаш. – Лилиан подчеркнула эти слова в своей книге от АА. Она подчеркнула и еще один пассаж: «Разбиваются сердца. Умирает любовь».

Его взгляд остановился на Кларе. Вид у нее был ошеломленный.

– Я думаю, она искренне корила себя за то, что сделала с вами и вашей дружбой. Не только за то, что отказывала вам в помощи, но и за то, что пыталась погубить вашу карьеру. Она искренне стыдилась этого наряду с многими другими вещами. Точно я этого, конечно, не могу знать, – сказал Гамаш. И Кларе показалось, что все остальные исчезли и они остались в комнате вдвоем. – Но я думаю, что жетон новичка, найденный в вашем саду, принадлежал ей. Я думаю, она привезла его с собой и держала в руке, чтобы набраться мужества для разговора с вами. Извиниться.

Гамаш вытащил жетончик из кармана, положил на раскрытую ладонь. Это был жетон Боба – тот самый, который тот подарил Гамашу на собрании АА. Гамаш немного помедлил и передал его Кларе.

– «Так кого все эти годы ты надеялась простить?» – прошептала Рут.

Она посмотрела в противоположный угол комнаты, но взгляд Оливье был направлен в другую сторону. Как и все остальные, он смотрел на Клару и Гамаша.

Клара взяла жетончик, зажала его в руке.

– Но Лилиан так и не представилось возможности извиниться перед вами, – продолжал Гамаш. – Она совершила страшную ошибку. Она так спешила исправить причиненное ею зло, что пропустила несколько этапов, предписываемых АА. Вместо того чтобы делать все медленно, тщательно и

по порядку, Лилиан перепрыгнула сразу на девятый этап. Вы помните точные слова? – обратился он сразу к трем членам АА.

– «Принесение прямых извинений таким людям», – процитировала Сюзанна.

– Но там есть и еще слова, правда? – сказал Гамаш. – Все, кажется, помнят только извинения. Но там есть и другие слова.

– «Если только это не причинит вред им или другим», – продолжил Брайан.

– Но как могут кому-то повредить извинения? – спросила Полетт.

– Они могут открыть старые раны, – ответила Сюзанна.

– Пытаясь избавиться от собственных демонов, Лилиан неожиданно для себя разбудила демонов в ком-то другом, – сказал Гамаш. – То, что спало долгие годы, вдруг пробудилось.

– Вы думаете, она стала извиняться перед кем-то, кто вовсе не хотел слушать эти извинения? – спросил Тьерри.

– Лилиан не была торнадо, – сказал Гамаш. – Торнадо – это разрушительно явление, но природное. У него нет своей воли или целей. А Лилиан намеренно, умышленно причиняла боль людям. Она готовилась к тому, чтобы их уничтожить. Для художника это означало не только потерю работы или уничтожение карьеры. Для него творчество – сама суть жизни. Уничтожь его творчество – и ты уничтожишь его самого.

– Это своего рода убийство, – заметил Брайан.

Гамаш кивнул молодому человеку:

– Именно так. Лилиан убивала или пыталась убить многих. Не физически, но не менее жестоко. Отняв у них мечту. Их творения.

– Ее оружием были рецензии, – сказал Норман.

– И не просто рецензии, – согласился Гамаш. – Творческие люди знают, что рецензии – а нередко и отрицательные рецензии – неотъемлемая часть их бытия. Реальность, хотя и неприятная. Но слова Лилиан были исполнены яда. Она писала их, чтобы столкнуть людей чувствительных за край. Не один художник перед лицом таких высказываний и такого унижения оставил профессию.

– Да, ей нужно было принести немало извинений, – сказал Фортен.

– И она их приносила, – сказал Гамаш, глядя на владельца галереи. – Она начала это делать преждевременно. Забыла о втором пункте этого этапа. О том, что извинениями можно принести вред. А может, и не забыла.

– Что вы хотите сказать? – спросила Сюзанна.

– Я хочу сказать, что некоторые из ее извинений, хотя и преждевременные, были искренними. Но некоторые – нет. Я думаю, что

хотя она и исцелялась, но здоровой еще не стала. Старые привычки, маскирующиеся под благородные деяния, давали о себе знать. Многие из вас спрашивали, каким образом может повредить извинение. Иногда может. Одно из извинений дало убийце мотив. Другое – возможность.

Слушатели снова переглянулись. Гамаш отметил, что все это время Бовуар понемногу перемещался по комнате, погруженной в сумерки, пока не оказался перед кухонной дверью. Единственным выходом из комнаты.

Дело шло к развязке. Гамаш знал это. И Бовуар это знал. И еще кто-то в полутемной комнате знал это. Убийца, вероятно, чувствовал их горячее дыхание.

– Лилиан приехала сюда, чтобы извиниться перед вами, – сказал Гамаш Кларе. – И я убежден, что по большей части ее извинения были искренними. Но в какой-то части – нет. Ей не было нужды приезжать сюда в вечер вашего большого праздника. Не было нужды надевать платье, которое так привлекает внимание. Лилиан знала, что вы, вероятно, меньше всего хотели бы видеть ее на вашем торжестве.

– Почему же она приехала? – спросила Клара.

– Потому что та ее часть, которая еще не выздоровела, хотела причинить вам боль. Хотела разрушить ваш большой праздник.

Клара сильнее сжала жетончик в руке, чувствуя, как его ребра впиваются в кожу.

– Но как она могла узнать об этой вечеринке? – спросила Мирна. – Это было частное торжество. И как она нашла это место? Три Сосны – это вам не Нью-Йорк.

– Кто-то ей сказал, – ответил Гамаш. – Убийца. Сказал ей и про вечеринку, и как найти Три Сосны.

– Зачем? – спросил Питер.

– Потому что убийца хотел причинить боль Лилиан. Убить ее. Но еще причинить боль Кларе.

– Мне? – недоуменно спросила Клара. – Зачем? Кто?

Она оглядела комнату – кто из присутствующих мог так сильно ее ненавидеть? И глаза ее остановились на одном человеке.

Глава двадцать девятая

Все глаза обратились в ту же сторону.

Убийца неопределенно улыбнулся, оглядел комнату и остановил взгляд на Жане Ги Бовуаре, который стоял в дверях в кухню. Единственном выходе. Заблокированном.

– Вы? – почти шепотом проговорила Клара. – Вы убили Лилиан?

Дени Фортен посмотрел на Клару:

– Лилиан Дайсон заслужила то, что получила. Единственное, что меня удивляет, – это почему кто-нибудь не свернул ей шею раньше.

Оливье, Габри и Сюзанна отодвинулись от него, перешли в другую часть комнаты. Галерист поднялся и посмотрел на них через огромное пространство, разделившее их.

Только Гамаш оставался спокоен. В отличие от остальных он не перебрался в безопасное место – остался сидеть напротив Фортена.

– Лилиан приезжала извиниться и перед вами, верно? – спросил старший инспектор, словно ведя дружескую беседу с неуравновешенным гостем.

Фортен посмотрел на него, кивнул и снова сел:

– Она без всякого предупреждения заявилась в галерею. Сказала, что извиняется за свою ужасную рецензию. – Ему пришлось сделать паузу, чтобы взять себя в руки. – «Я приношу извинения, – сказал он, с каждым словом загибая палец, – за мою жестокую рецензию на ваши работы». – Он посмотрел на свои загнутые пальцы. – Она решила, что, сказав десяток слов, может искупить свою вину. Вы видели эту рецензию?

Гамаш кивнул:

– Она у меня с собой, но читать ее я не буду.

Фортен встретился с ним взглядом.

– Что ж, по крайней мере, я могу поблагодарить вас за это. Да я даже не помню точно, что там было написано, знаю другое: она словно приложила гранату к моей груди и взорвала ее. И все это было тем хуже, что на моей выставке она говорила восторженные слова. Вела себя так по-дружески, что и представить трудно. Говорила, что ей нравятся мои работы. Убедила меня, что в субботнем номере «Пресс» будет самый благоприятный отзыв. Я ждал целую неделю. Не мог спать. Рассказал семье и всем друзьям.

Фортен замолчал, чтобы снова овладеть собой. Свет погас и долго не

включался. Питер и Клара достали свечи из шкафа и расставили их по комнате на тот случай, если электричество выключится совсем.

Сверкнула молния и раздвоилась за горами. Гроза приближалась к Трем Соснам.

Дождь молотил по оконным карнизам.

– А потом появилась эта рецензия. Она была не то что плохой – она была катастрофой. Злобная. Издевательская. Лилиан высмеивала мои картины. Наверно, они были не блестящими, но я только делал первые шаги, старался как мог. А она меня растоптала. Это было хуже чем унизительно. Возможно, я бы и оправился после такого удара, но она убедила меня, что я лишен таланта. Убила мою лучшую часть.

Дени Фортен перестал дрожать. Перестал двигаться. Он даже дышать, кажется, перестал. Замер, глядя перед собой.

Гигантская вспышка осветила деревенский луг, а сразу за этим последовал удар грома такой силы, что маленький дом сотрясся. Все вскочили, включая и Гамаша. Дождь замолотил по окнам с такой силой, будто просился внутрь. Было слышно, как снаружи ветер беснуется в кронах деревьев. Гнет их, пытается сломать. Мелькнула еще одна вспышка, и все увидели, как ветер срывает молодые кленовые и тополиные листья, несет их по лугу. Они слышали, как трещат ясени.

А в центре деревни вершины трех высоченных сосен раскачивались под порывами ветра.

Гости смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами. Они замерли. Прислушивались. Ждали грохота, треска, удара.

– Я оставил кисть, – сказал Фортен, возвышая голос над ревом стихии. Казалось, он единственный не обращал внимания на разгулявшуюся бурю.

– Но вы сделали карьеру галериста, – сказала Клара, стараясь не обращать внимания на то, что творится за окнами. – Вы добились огромных успехов.

– И вы их уничтожили, – заявил Фортен.

Гроза бушевала прямо над домом. Питер зажег все свечи и масляные лампы, потому что электричество то выключалось, то включалось.

А Клара замерла на своем стуле, глядя на Дени Фортена.

– Я всем говорил, что прекратил отношения с вами, потому что ваши работы – дерьмо. И люди мне верили. Но потом музей решил устроить для вас персональную выставку. Персональную выставку – вы только подумайте. В этой ситуации я выглядел последним идиотом. Мне перестали доверять. У меня нет ничего, кроме моей репутации, и вы ее

отняли.

– Поэтому вы убили Лилиан здесь? – спросила Клара. – В нашем саду?

– Я хочу, чтобы люди, вспоминая вашу выставку, вспоминали и труп в вашем саду, – сказал он, глядя на нее. – Я хочу, чтобы вы не забывали об этом. Чтобы вы думали о вашей выставке, а перед вашим взором возникала мертвая Лилиан.

Он оглядел полукруг лиц. На него смотрели как на нечто зловонное, непотребное.

Молнии полыхали, потом наступала пауза. Воцарялась темнота. Все напрягались в тот момент, когда лампочки начинали мигать.

Потом электричество ввобще отключилось.

И они остались при колеблющемся пламени свечей.

Никто не говорил. Все ждали, не случится ли чего-нибудь похуже того, что уже случилось. Слышали яростный напор ветра на деревья, стук дождя по окнам и по крыше.

Но Гамаш не сводил взгляда с Дени Фортена.

– Если вы так меня ненавидели, то почему пришли на мой вернисаж в музее? – спросила Клара.

– Вы не догадываетесь? – спросил Фортен у Гамаша.

– Чтобы извиниться, – сказал Гамаш.

Фортен улыбнулся:

– Когда Лилиан ушла и вопли в моей голове смолкли, я стал думать.

– Как совершить двойное убийство, – подхватил Гамаш.

– Coup de grâce, – кивнул Фортен.

– Милосердие не имеет к этому никакого отношения, – возразил Гамаш. – Вы составили план, руководствуясь одной жестокостью.

– Если так, то виной тому была Лилиан, – сказал Фортен. – Она разбудила монстра. Нечего было удивляться, когда он набросился на нее. Но, как вы знаете, она все же удивилась.

– Откуда вы узнали, что мы с Лилиан знакомы? – спросила Клара.

– Она сама сказала. Сказала, чем занимается. Ходит к тем, кого обидела, и извиняется. Сказала, что пыталась найти вас в монреальской телефонной книге, но не нашла. Спрашивала у меня, не знаю ли я, где вас найти.

– И что вы ей ответили?

Он вяло улыбнулся:

– Сначала я ответил – нет, не знаю. Но потом стал думать. Я позвонил ей и сообщил о предстоящей выставке. Ее реакция порадовала меня. Она

вовсе не была счастлива, когда это услышала.

Его отвратительная улыбка перекочевала в глаза.

– Квебекский мир искусства не мир, а мирок, и я узнал о вечеринке после вернисажа, хотя меня, конечно, сюда не приглашали. Я сообщил об этом Лилиан и посоветовал поговорить с вами здесь. Несколько дней она думала, но потом позвонила, чтобы узнать подробности.

– Но тут есть одна нестыковка, – сказал старший инспектор. – Вы бывали в Трех Соснах, так что рассказать Лилиан, как сюда добраться, вам не составляло труда. И вы знали, что она получит удовольствие, если испакостит вечеринку. А ведь вам и самому еще нужно было оказаться здесь. А для этого получить официальное приглашение. Но нельзя сказать, что вы с Кларой были на дружеской ноге.

– Верно. Но Лилиан навела меня на одну мысль. – Фортен посмотрел на Клару. – Я знал, что если извинюсь, то вы примете мои извинения. Вот почему вам ничего не светило в мире искусства. У вас нет характера. Нет станового хребта. Я знал, что если попрошу разрешения приехать сюда на вечеринку, стану вас умолять, то вы согласитесь. Но мне не пришлось это делать. Вы сами меня пригласили.

Фортен покачал головой.

– Нет, в самом деле, я обошелся с вами так, будто вы грязь под ногами, а вы меня не только простили, но и пригласили к себе домой. Клара, где ваш здравый смысл? Если вы не будете осторожны, люди станут пользоваться вами.

Клара посмотрела на него сердитым взглядом, но промолчала.

Еще один сильнейший удар грома сотряс дом – гроза усилилась, переместившись в долину, стиснутую горами.

В гостиной возникла почти интимная обстановка. Обстановка раскрытия старого греха. Пламя свечей помаргивало, освещая мебель и людей. Превращая их в нечто гротесковое на стенах, словно здесь присутствовало еще несколько темных слушателей.

– Как вы узнали, что это я убил Лилиан? – спросил Фортен у Гамаша.

– В конечном счете все оказалось очень просто, – сказал Гамаш. – Мы не сомневались, что это сделал человек, бывавший в деревне. Человек, который знал не только как найти Три Сосны, но и где находится дом Клары. Было бы большой натяжкой предположить, что Лилиан случайно убили в саду Клары. Нет, мы знали, что это было спланировано. Но если так, то с какой целью? Убив Лилиан в саду Клары, этот человек достигал двух целей. Избавлялся от Лилиан, но еще и вредил Кларе. А вечеринка давала вам целую деревню подозреваемых. Других людей, которые знали

Лилиан. Могли желать ее смерти. Этим объясняется и время, которое вы выбрали. Так что убийцей должен был быть кто-то из мира искусства, знавший Клару и Лилиан и дорогу в Три Сосны.

Старший инспектор выдержал взгляд сверкающих глаз Фортена.

– Кроме вас, других кандидатов не было.

– Вы ждете раскаяния? Не дождетесь. Она была омерзительной, мстительной сукой.

Гамаш кивнул:

– Я знаю. Но она пыталась стать лучше. Возможно, она приносила извинения не теми словами, какие могли бы понравиться вам, но я верю, что она искренне раскаивалась в содеянном.

– Попытайтесь сначала простить человека, который погубил вашу жизнь, самоуверенный вы ублюдок, а потом приходите читать мне лекции о прощении.

– Если у вас такой критерий отбора, то позвольте, лекцию прочту я.

Все посмотрели в темный угол, где видны были лишь очертания фигуры странной женщины в несуразной одежде.

– «Она естественна во всех своих проявлениях, – сказала Сюзанна шепотом, который был слышен и за шумом разбушевавшейся стихии. – Творит произведения искусства так же легко, как отправляет физиологические потребности». Я сумела простить это. И знаете почему?

Никто не ответил.

– Пусть простит меня Господь. Не ради Лилиан, а ради меня самой. Я цеплялась за эту обиду, лелеяла ее, кормила, растила, пока она не поглотила меня целиком. Но наконец я поняла, что хочу чего-то большего, чем моя боль.

Грозе удалось выбраться из долины, и теперь она медленно двигалась прочь, к другой жертве.

– Тихое место под ярким солнцем, – сказал старший инспектор Гамаш.

Сюзанна улыбнулась и кивнула:

– Покой.

Глава тридцатая

Следующее утро было хмурым, но дышало свежестью, дождь и высокая влажность предыдущего дня ушли в прошлое. Постепенно в тучах начали появляться просветы.

– Кьяроскуро, – сказал Тьерри Пино, догоняя Гамаша, вышедшего на утреннюю прогулку.

На деревенском лугу и в садах перед домами – всюду валялись отломанные ветки и листья, но деревья гроза пощадила, не сломав ни одного.

– Pardon?

– Небо, – показал Пино. – Контраст темного и светлого.

Гамаш улыбнулся.

Они вместе пошли дальше и вскоре заметили Рут – она вышла из дома, закрыла калитку и похромала протоптанной дорожкой к скамье на лугу. Смахнув для вида влагу со скамьи, она села и уставилась в даль.

– Бедняжка Рут, – сказал Пино. – Сидит целыми днями на этой скамье, кормит птиц.

– Бедняжки птицы, – возразил Гамаш, и Пино рассмеялся.

Они увидели, как из гостиницы Габри вышел Брайан. Он помахал главному судье, поклонился Гамашу, прошел по лугу и сел рядом с Рут.

– Он одержим жаждой смерти? – поинтересовался Гамаш. – Или его влечет ко всему, что имеет душевные раны?

– Ни то ни другое. Его влечет к тому, что способно исцелять.

– Тогда здесь ему самое место, – сказал старший инспектор, оглядывая деревню.

– Вам здесь нравится? – спросил Тьерри у этого крупного человека.

– Нравится.

Они остановились, глядя на Рут и Брайана, явно погруженных в свои собственные миры.

– Вы, наверное, очень им гордитесь, – сказал Гамаш. – Просто невероятно, чтобы парень с такой предысторией стал чистым и бросил пить.

– Я рад за него, – сказала Тьерри. – Но гордиться им не могу. Не мне им гордиться.

– Вы скромничаете, сэр. Я думаю, не каждый опекун добивается такого успеха.

– Его опекун? – переспросил Тьерри. – Я не являюсь его опекуном.

– Тогда кто же вы? – спросил Гамаш, стараясь не показать удивления.

Он перевел взгляд с главного судьи на запирсингованного молодого человека, сидящего на скамье.

– Не я его опекун. Это он мой опекун.

– Что-что? – спросил Гамаш.

– Брайан – мой опекун. Он уже восемь лет как перестал быть алкоголиком. А я пока только два.

Гамаш перевел взгляд с элегантного Тьерри Пино в сером спортивном костюме и легком кашемировом свитере на бритоголового молодого человека.

– Я знаю, что вы думаете, старший инспектор. И вы правы. Брайан очень терпимо ко мне относится. Друзья устраивают ему выволочки, когда видят его на публике вместе со мной, а я в своих костюмах, галстуках и все такое. Его это очень смущает. – Тьерри улыбнулся.

– Нет, я не совсем об этом подумал, – сказал Гамаш. – Но достаточно близко.

– Но вы на самом деле не думали, что я его опекун, правда?

– Я совершенно точно никак не думал, что он – ваш опекун, – сказал Гамаш. – Разве нет никого…

– Никого другого? – спросил Тьерри П. – Сколько угодно, но у меня были основания, по которым я предпочел именно Брайана. И я очень благодарен ему за то, что он согласился меня опекать. Он спас мне жизнь.

– В таком случае я тоже ему благодарен, – сказал Гамаш. – Прошу прощения.

– Вы приносите извинения по уставу АА? – спросил Тьерри с ухмылкой.

– Да.

– Тогда я их принимаю.

Они продолжили прогулку. Дело оказалось хуже, чем опасался Гамаш. Он спрашивал себя прежде, кто может быть опекуном главного судьи. Явно кто-то из АА. Еще один алкоголик, имеющий немалое влияние на весьма влиятельного Тьерри. Но Гамашу и в голову не приходило, что Тьерри может выбрать себе в опекуны бритоголового парня.

Вероятно, он был пьян.

– Я понимаю, что перехожу за рамки дозволенного…

– Бога ради, старший инспектор.

– …но это далеко не ординарная ситуация. Вы человек важный.

– А Брайан – нет?

– Конечно, он важный. Но он еще и преступник, отсидевший срок. Молодой человек, который злоупотреблял наркотиками и алкоголем, сел за руль в пьяном виде и убил маленькую девочку.

– Что вам известно о том случае?

– Я знаю, что он признал свою вину. Я слышал об этом деле. И я знаю, что он получил срок и отсидел его.

Они молча шли вокруг деревенского луга. Дождь предыдущего дня поднимался туманом, по мере того как утро разогревало землю. Было еще рано. Бóльшая часть жителей продолжала спать. Двигались только туман и двое мужчин, гуляющих вокруг луга, трех сосен в центре и скамейки, на которой сидели Брайан и Рут.

– Маленькая девочка, которую он убил, была моей внучкой.

Гамаш остановился:

– Вашей внучкой?

Тьерри тоже остановился и кивнул:

– Ее звали Эме. Ей было четыре года. А теперь, если бы этого не случилось, исполнилось бы двенадцать. Брайан отправился в тюрьму на пять лет. Освободившись, он первым делом пришел к нашему дому и стал просить прощения. Мы, конечно, не приняли его извинений. Сказали, чтобы он убирался. Но он возвращался и возвращался. Косил газон у моей дочери, мыл их машину. Боюсь, семья избавилась от немалой части рутинной работы. Я сильно пил, и проку от меня было мало. И тут Брайан стал делать все это. Он приходил раз в неделю, делал работу по дому для моей дочери и для меня. Он все время молчал. Делал работу и уходил.

Тьерри снова двинулся вперед, и Гамаш поспешил за ним.

– В один прекрасный день, приблизительно год спустя, он начал говорить мне о своем пьянстве. О том, как он пил и что чувствовал. Я чувствовал то же самое. Но я, конечно, не признавал этого. Не хотел признавать, что у меня есть что-то общее с этим ужасным существом. Но Брайан знал. Потом как-то раз он пригласил меня прокатиться, и мы приехали в АА. Это было мое первое собрание в обществе.

Они снова оказались у скамьи.

– Он спас мне жизнь. Я бы с удовольствием променял мою жизнь на жизнь Эме. Я знаю, что и Брайан чувствовал то же самое. Когда я прожил несколько месяцев без алкоголя, он снова приехал ко мне и попросил прощения.

Тьерри остановился.

– И тогда я простил его.

– Клара, нет. Прошу тебя.

Питер стоял в их спальне в одних трусах.

Клара посмотрела на него. На красивом теле Питера не было ни одного места, к которому она не прикасалась бы. Которое не ласкала бы. Не любила бы.

И продолжала любить до сих пор. Но дело было не в его теле. И не в его разуме. А в его сердце.

– Ты должен уехать, – сказала она.

– Но почему? Я стараюсь изо всех сил. Правда.

– Я это знаю, Питер. Но нам нужно какое-то время пожить раздельно. Мы должны оба понять, что для нас важно. Я знаю, я должна понять это для себя. Может быть, тогда мы станем больше ценить то, что имеем.

– Но я и без того ценю, – взмолился Питер.

Он в панике огляделся. Мысль об отъезде приводила его в ужас. Оставить эту комнату. Этот дом. Друзей. Деревню. Клару.

Поехать по этой дороге на холм. Из Трех Сосен.

И куда? Разве есть места лучше этого?

– «Ах, нет, нет, нет», – простонал он.

Но он знал, что если Клара хочет этого, то он должен это сделать. Должен уехать.

– Всего на год, – сказала Клара.

– Ты обещаешь? – спросил он, вперившись в нее сверкающими глазами.

Он и моргнуть-то боялся, потому что это могло нарушить контакт между ними.

– На следующий год ровно в этот день, – сказала Клара.

– Я вернусь домой, – сказал Питер.

– И я буду ждать тебя. Мы сделаем барбекю. Для нас двоих. Стейки. С молодой спаржей. И с французскими батонами из пекарни Сары.

– Я куплю бутылку красного вина, – сказал он. – И Рут мы не будем приглашать.

– Мы никого не станем приглашать, – согласилась Клара.

– Только мы вдвоем.

– Только мы вдвоем, – сказала она.

После этого Питер оделся; все его вещи уместились в одном-единственном чемодане.

Из окна своего номера Жан Ги Бовуар видел шефа, который медленно шел к машине. Он знал, что ему нужно поспешить, чтобы не заставлять

Гамаша ждать, но сначала он должен был сделать одно дело.

Он знал, что пришло время это сделать.

Он встал, принял таблетку, позавтракал и понял, что настал его день.

Питер сунул чемодан в машину. Клара стояла рядом.

Питер чувствовал, что, как это ни мучительно, он готов поведать ей правду.

– Я должен сказать тебе кое-что.

– Разве мы сказали друг другу недостаточно? – спросила она в изнеможении.

Она всю ночь не спала. Электричество неожиданно включили в половине третьего, а она до этого времени так и не смыкала глаз. Она выключила свет, сходила в ванную и забралась в постель.

Увидела, что Питер спит. Увидела, как он дышит, вдавив щеку в подушку. Его длинные ресницы были сомкнуты. Руки расслаблены.

Она разглядывала его лицо. Красивое тело, которое и в его возрасте – за пятьдесят – не утратило привлекательности.

И вот настал момент расставания.

– Нет, я должен сказать тебе кое-что, – проговорил он.

Она смотрела на него, ждала.

– Я сожалею о той рецензии, что Лилиан написала тогда в колледже.

– Зачем говорить об этом сейчас? – недоуменно спросила Клара.

– Дело в том, что я стоял рядом с ней, когда мы разглядывали твои работы, и я думаю, я…

– Да? – настороженно спросила Клара.

– Я должен был сказать, что это прекрасные картины. Ну, то есть я сказал ей, что ты мне нравишься как художник, но я думаю, что мог бы выразиться яснее.

Клара улыбнулась:

– Лилиан – это Лилиан. Ты не мог ее изменить. Можешь об этом не беспокоиться.

Она взяла Питера за руки, легонько потерла их, потом поцеловала его в губы.

И оставила его. Прошла через калитку, по тропинке, к двери.

Перед тем как дверь закрылась, Питер вспомнил что-то еще.

– «Воскрешение! – прокричал он. – Надежда поселяется среди современных мастеров!»

Он посмотрел на закрытую дверь. Наверняка он успел прокричать это вовремя, и она услышала.

– Я запомнил эти рецензии, Клара. Все хорошие рецензии. Я помню их наизусть.

Но Клара уже была в доме. Стояла, прислонившись спиной к двери.

Она закрыла глаза, нащупала в кармане монетку, вытащила ее. Жетон новичка.

Она сжала его так сильно, что он отпечатался на ее коже.

Жан Ги снял трубку и начал набирать номер. Две, три, четыре цифры. Больше, чем набирал когда-либо прежде, до того как повесить трубку. Шесть, семь цифр.

Ладони у него вспотели, голова закружилась.

В окно он видел, как старший инспектор Гамаш укладывает чемодан в багажник.

Старший инспектор Гамаш закрыл заднюю дверь машины, повернулся, увидел Рут и Брайана.

Потом в его поле зрения появился кто-то еще.

Оливье шел медленно, словно приближался к минному полю. Он остановился, потом пошел дальше и остановился во второй раз, только когда подошел к скамейке и Рут.

Она не шелохнулась, продолжая смотреть в небо.

– Она будет сидеть там целую вечность, – сказал Питер, подходя к Гамашу. – Ждать того, что не может произойти.

Гамаш повернулся к нему:

– Вы думаете, Роза не вернется?

– Да, не вернется. И вы тоже в это не верите. В ложной надежде нет доброты. – Голос его звучал жестко.

– Вы не ждете сегодня чуда? – спросил Гамаш.

– А вы ждете?

– Всегда жду. И никогда не бываю разочарован. Вот сейчас я собираюсь ехать домой. К женщине, которая любит меня и которую люблю я. Я делаю работу, в которую верю. Делаю ее с людьми, которыми восхищаюсь. Каждое утро, когда я скидываю ноги с кровати, у меня возникает такое чувство, будто я иду по воде. – Гамаш взглянул в глаза Питеру. – Брайан вчера хорошо сказал: тонущих иногда спасают.

На их глазах на скамью рядом с Рут и Брайаном, глядящими в небо, сел Оливье, снял свой синий кардиган и набросил на плечи Рут. Старая поэтесса не шелохнулась. Но через несколько секунд сказала:

– Спасибо, тупица.

Одиннадцать цифр.

Жан Ги услышал гудки и чуть не бросил трубку. Сердце его колотилось с такой силой, что он был уверен: если ему и ответят, то голоса он не услышит. А если ответят, то он потеряет сознание.

– Oui, âllo? – раздался веселый голос.

– Привет, – выдавил он. – Это Анни?

Арман Гамаш проводил взглядом Питера Морроу, который медленно выехал по Дю-Мулен из Трех Сосен.

Он повернулся назад к деревне и увидел Рут, поднявшуюся на ноги. Она смотрела куда-то вдаль. А потом он услышал далекий крик. Знакомый крик.

Рут обшаривала взглядом небо, ее худая рука в синих венах сжимала у горла синий кардиган.

Сквозь маленький разрыв в тучах проник луч солнца. Ожесточенная старая поэтесса повернула лицо на звук и на свет. Она напрягала зрение, пыталась увидеть, что там, вдали, – что-то еще не появившееся, невидимое.

И в ее старых, усталых глазах появились крохотные точки. Две искорки, мерцание.

Благодарности

Многие нашептывали мне в уши, пока я писала «Разные оттенки смерти». Некоторые из них все еще остаются в моей жизни, другие ушли, но навсегда останутся в моей памяти.

Я не хочу расписывать благодарности во всех подробностях, лишь скажу о своей глубочайшей признательности за то, что мне представилась возможность написать эту книгу. Но не только это, а гораздо больше; я глубоко благодарна за то, что после долгих лет борьбы я теперь абсолютно уверена: иногда тонущих спасают. И они, избавившись от воды в легких, могут даже обрести свою меру покоя в маленькой деревне. Под ярким солнцем.

Спасибо моему мужу, партнеру и родной душе Майклу. За то, что он тоже живет моей верой. И еще верит в меня. Как я верю в него.

Спасибо Хоуп Деллон, моему блестящему редактору в «Минотавр Букс» – родители очень точно нарекли ее[80]. Ее удивительный дар редактора сравним разве что с теми человеческими дарами, которыми она наделена. Моя благодарность Дэну Мэллори, моему блестящему редактору в «Литтл, Браун», который полон энергии и был моим гидом в головокружительном и захватывающем путешествии по одному из ярких огней в издательском деле. Я сжимаю его в удушающих объятиях.

Спасибо Терезе Крис, моему замечательному литературному агенту, которая переступила границу официальных отношений и стала моим другом. Спасибо за рекомендации по этой книге и по карьере – у нее уверенная и легкая рука.

Что меня поразило, когда я делала карьеру писателя, так это сопутствующая ей целая гора всевозможных мелочей. Разрешения, почтовые корреспонденции, счета, заказ всяких материалов и организация разных важных вещей, среди которых расписание поездок. К счастью, Лиз Дезросье столь же дисциплинированна и организованна, сколь я нерадива. Занявшись этими элементами моей жизни, Лиз освободила меня для писательского труда. Мы вместе – прекрасная команда, и я хочу от всей души поблагодарить Лиз не только за ее работу, но и за непреходящий оптимизм и добрый юмор.

Надеюсь, чтение романа доставило вам удовольствие. Чтобы написать эту книгу, мне понадобилось несколько жизней.

notes

Примечания

1

Строки из стихотворения «Тонул, а не махал рукой» («Not Waving but Drowning») английской поэтессы Стиви Смит. Оно так часто цитируется в романе, что стоит привести его полностью:

Никто его слов не слышал, увы,
Но мертвец все свое гнул:
«Я заплыл гораздо дальше, чем думали вы,
И не рукой махал, а тонул».

Бедняга, он любил пошутить всегда
И теперь здесь мертвым лежит не вдруг.
Сердце сдало: была холодна вода, —
Говорили вокруг.

«Ах, нет, нет, нет, вода всегда была холодна, —
Мертвец все свое неслышно гнул. —
Я всю жизнь плыл туда, где не видно дна,
И не рукой махал, а тонул».

2

Гёте И. В. Гец фон Берлихинген с железною рукой. Акт I.

З

Хант Л. История Римини.

4

Со временем *(фр.)*.

5

Ложный шаг *(фр.)*.

6

Здесь: уголок *(фр.)*.

7

Здесь: прошу прощения *(фр.)*.

8

Досада *(фр.)*.

9

Потрясающе *(фр.)*.

10

Безусловно *(фр.)*.

11

Совершенно верно! (*фр.*)

12

Христо Явашев (р. 1935), *Жанна-Клод де Гийебон* (1935–2009) – супружеская пара американских художников.

13

Персонаж из книги Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз».

14

Прошу прощения *(фр.)*.

15

Спасибо. Великолепно *(фр.)*.

16

Мой прекрасный *(фр.)*.

17

Слова из песни американской певицы Кэрри Андервуд.

18

Шотландская рок-группа, популярная в первой половине 1970-х годов.

19

Серия американских детских детективов, написанных под псевдонимом Франклин У. Диксон. В России эти книги были выпущены издательством «Совершенно секретно» в серии «Детский детектив».

20

Хорошо *(фр.)*.

21

Псевдоним *(фр.)*.

22

Шанди – разновидность пива с разными добавками.

23

Вими, Фландрия, Пашендейль – места ожесточенных боев Первой мировой войны.

24

Мак Сеннет (1880–1960) – американский кинорежиссер и продюсер, работал в жанре эксцентрической комедии.

25

Черный Красавец, *Флика* – клички лошадей из одноименных фильмов.

26

Приступ *(фр.)*.

27

Да нет, месье *(фр.)*.

28

«Тейт модерн» – лондонская галерея современного искусства.

29

Не правда ли? *(фр.)*

30

Мой друг *(фр.)*.

31

Рене Франсуа Гислен Магритт (1898–1967) – бельгийский художник, автор остроумных и вместе с тем поэтически загадочных картин.

32

Это не трубка? *(фр.)* Название одной из популярных картин Магритта, на которой изображена трубка с надписью «Это не трубка».

33

Уинслоу Хомер (1836–1910) – американский художник и график, один из основоположников американской реалистической живописи.

34

Верно *(фр.)*.

35

Остров Эллис в устье реки Гудзон был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США; закрыт в 1954 году.

36

Речь идет о героине популярной песни.

37

Удар милосердия *(фр.)*. Смертельный удар, наносимый поверженному противнику, чтобы прекратить его мучения.

38

Иначе: светотень.

39

Конечно *(фр.)*.

40

В этом американском фильме герой, чтобы овладеть боевыми искусствами, красит забор, полирует машину и выполняет работу, казалось бы совсем не похожую на обучение.

41

Мариачи – один из самых распространенных жанров мексиканской народной музыки.

42

Великой войной в Канаде называют Первую мировую.

43

Именно *(фр.)*.

44

Да, это интересно *(фр.)*.

45

Здесь: удар засчитан *(фр.)*.

46

Строки из стихотворения Маргарет Этвуд «Ты проснешься как в кошмаре».

47

Вероятно, имеется в виду игровой автомат с таким названием.

48

Изречение Франциска Ассизского.

49

Будь здорова *(фр.)*.

50

Я вас прошу *(фр.)*.

51

Матт и Джефф – персонажи популярных комиксов.

52

Берт и Эрни – персонажи популярной детской образовательной телепрограммы «Улица Сезам».

53

Название небольшого автомобиля, выпускавшегося в 1970-е годы.

54

Ах, нет *(фр.)*.

55

Ваше здоровье *(фр.)*.

56

Так ли? *(фр.)*

57

Юго-западный район Монреаля, до недавнего времени считавшийся бедным и депрессивным.

58

Название сетевых кофеен.

59

Спасибо, ваша честь *(фр.)*.

60

Отлично *(фр.)*.

61

Намек на фильм «Луна 2112».

62

Пожалуйста *(фр.)*.

63

Уэстмаунт – островной город, некоторое время входивший в состав Монреаля. Там проживает в основном англоязычное население.

64

Главное блюдо *(фр.)*.

65

Персонажи комиксов.

66

Черт побери (канадско-французское ругательство).

67

Правда? *(фр.)*

68

Перевод Б. Львова.

69

Английское Vespers – вечерняя молитва; так же названо стихотворение Алана Милна, рассказывающее о том, как молится перед сном Кристофер Робин, один из персонажей сказок Милна.

70

Дамьен Стивен Херст (р. 1965) – английский художник и коллекционер, один из богатейших художников Англии.

71

Аниш Капур (р. 1954) – индийский скульптор, с 1970-х годов живет и работает в Англии.

72

Эдвин Паркер Твомбли (1928–2011) – американский художник.

73

Матфей, 8: 26.

74

После тебя *(фр.)*.

75

По-семейному *(фр.)*.

76

Космическая станция из сериала «Звёздные Войны». Оснащена энергетическим оружием огромной мощности, достаточной для уничтожения планет.

77

Персонажи популярных в 1920-е годы комедий, носившие коллективное имя «Три придурка».

78

Имеется в виду военный обычай не прикуривать троим от одной спички, поскольку за это время снайпер противника успевает прицелиться и выстрелить, ориентируясь на пламя спички.

79

Одно из богохульственных ругательств в канадском французском.

80

Хоуп (hope) по-английски означает «надежда».